ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В МАРТЕ 1957 ГОДА

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

В НОМЕРЕ:

НАУКА МОСКВА

март апрель

2000 * 2

Адрес редакции:

117036, Москва В-36, ул. Дм. Ульянова, 19. Тел. 123-90-10; 123-90-41

Ответственный секретарь Ю.В. Мочалова
Тел. 123-90-10

Address:

19, Dm. Ulianova, Moscow, Russia, Tel. 123-90-10; 123-90-41

Managing Editor Yu.V. Mochalova
Tel. 123-90-10

РУКОПИСИ ПРЕДСТАВЛЯЮТСЯ В РЕДАКЦИЮ В ЧЕТЫРЕХ ЭКЗЕМПЛЯРАХ, ОБЪЕМОМ НЕ БОЛЕЕ 2-х АВТОРСКИХ ЛИСТОВ (48 СТР. МАШИНОПИСИ ЧЕРЕЗ ДВА ИНТЕРВАЛА), В СЛУЧАЕ ОТКЛОНЕНИЯ РУКОПИСИ АВТОРУ ВОЗВРАЩАЮТСЯ ТРИ ЭКЗЕМПЛЯРА: ОДИН ОСТАЕТСЯ В АРХИВЕ РЕДАКЦИИ

 А.В. ИГНАТЬЕВ*

А.М. ГОРЧАКОВ – МИНИСТР ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ (1856–1882 гг.)

На дипломатическом небосклоне второй половины XIX в. звезда Александра Михайловича Горчакова не уступала по яркости ни одному из выдающихся современников, будь то Наполеон III, Б. Дизраэли или сам О. Бисмарк. Общеизвестна его роль в упрочении позиций России в мире, подорванных крымским поражением. Но малоосвещенными остаются попытки Горчакова восстановить на новой основе стабильность международных отношений в целом. Между тем одно было тесно связано с другим.

Дореволюционная отечественная литература о Горчакове-министре характеризовала его прежде всего как добросовестного исполнителя воли Александра II[1], что естественно принижало роль дипломата. В советской историографии подход к Горчакову менялся в зависимости от идеологических установок в оценке внешней политики России. То его представляли как одного "из наиболее видных руководителей агрессивной внешней политики царизма во 2-й пол. 19 в."[2], то, напротив, характеризовали с патриотических позиций как защитника страны, униженной Парижским миром (биографические книги С.К. Бушуева и С.Н. Семанова[3]). Последняя линия продолжена и в новейшей биографической работе Г.Л. Кессельбреннера "Светлейший князь" (М., 1998).

В некоторых работах (не посвященных специально Горчакову) давался критический анализ тех или иных сторон его внешнеполитической деятельности. Чаще всего его обвиняли, не без некоторых оснований, в ошибочной линии в германском вопросе и даже в вольной или невольной "германофильской политике", противоречившей интересам России[4]. Горчакову-министру действительно приходилось считаться с пропрусскими симпатиями Александра II и его придворного окружения. Но все же, как увидим далее, нет оснований утверждать, что он пошел на сближение с Пруссией, а потом Германией вопреки собственным воззрениям, из-за недостатка гражданского мужества.

Были и другие критические стрелы в адрес Горчакова, мало убедительные, с моей точки зрения. Так, довольно странно обвинять этого весьма умеренного либерала в отсутствии симпатий к революционно-демократическому по духу гарибальдийскому движению. А с Кавуром он сумел найти общий язык. В румынском вопросе дипломатия России – единственной из государств, подписавших Парижский трактат, – выступила, хотя бы формально, против нарушения этого договора объединением Молдавского и Валашского княжеств. Отказ России от присоединения к франко-английским интригам, направленным против американского правительства, в период борьбы Севера и Юга вообще не может рассматриваться как ошибочный[5].

С научной точки зрения наиболее интересны исследования о внешней политике России второй половины XIX в., в которых роль Горчакова раскрывается в связи с теми или иными крупными событиями в международных отношениях. Здесь нужно отметить две работы Л.И. Нарочницкой, книги В.Г. Ревуненкова, Н.С. Киняпиной, О.В. Серовой и, конечно же, коллективный труд "История внешней политики России. Вторая половина XIX в." под ред. В.М. Хевролиной[6].

---

* **Игнатьев Анатолий Венедиктович**, доктор исторических наук, заместитель директора Института российской истории РАН.

200-летие со дня рождения А.М. Горчакова выявило значительный интерес к нему как современного российского общества, так и властных структур, более всего объясняемый, по-видимому, известным сходством положения страны после Крымской войны и теперешней ситуацией в России. Юбилейный сборник "Канцлер А.М. Горчаков. 200 лет со дня рождения" (М., 1998) заметно расширил спектр наших представлений о выдающемся русском дипломате, в том числе и о его взглядах на международный правопорядок. И все же роль Горчакова как архитектора новой, складывавшейся после Крымской войны системы связей, несомненно, требует более пристального внимания, тем более что в западной литературе с ее преобладающей антироссийской направленностью она нередко принижается[7].

А.М. Горчаков возглавил Министерство иностранных дел, имея за плечами почти 40-летний опыт дипломатической работы, в том числе на весьма ответственных постах представителя России при Германском союзе и при австрийском дворе. Он обладал отличной профессиональной подготовкой, которую неустанно углублял, изучая историю русской внешней политики и международных отношений. Ему приходилось контактировать с многими выдающимися дипломатами своего времени, у которых было чему поучиться. Все это позволило Горчакову-министру подняться на вершину "тогдашней европейской внешнеполитической мысли", "существенно обогатить и развить ее"[8]. Рациональный прагматизм Горчакова исключал как нигилистическое отрицание прошлого международного опыта, так и его абсолютизирование. Министр считал полезным использовать плюсы ушедшей Венской системы, но вместе с тем сознавал их недостаточность в изменившихся условиях и необходимость новых подходов.

Основой основ политики России Горчаков считал осуществление внутренних преобразований, призванных устранить корни пороков в системе управления страной, выявившихся в ходе Крымской войны, и сблизить Россию с остальной Европой. Он имел в виду широкий спектр реформ, направленных на развитие сельского хозяйства и промышленности, торговли и банковского дела, образования и путей сообщения[9]. Это, в свою очередь, требовало сплотить русское общество и оградить Россию от внешнеполитических осложнений, которые могли бы отвлечь ее силы от решения внутренних проблем. Одновременно в Европе надлежало предотвратить такие изменения границ, равновесия сил и влияния, которые нанесли бы большой ущерб интересам и положению нашей страны.

Но обстановка отнюдь не благоприятствовала осуществлению этих задач. Русское общество было деморализовано поражением, казалось, непобедимой империи. Крымская система обрекала униженную Россию на изоляцию. Международный баланс сил оказался нарушенным. Союз европейских держав фактически перестал существовать, и все это грозило новыми осложнениями. В такой ситуации Горчаков (что вообще характерно для его деятельности) предпринимает усилия сразу в нескольких направлениях: пытается найти понимание у общественности, расширяет круг политических и экономических связей России, борется за восстановление европейского порядка на правовых основах и ищет пути к новому равновесию, основанному не только на балансе сил.

* * *

После крымского поражения в русском обществе преобладали, с одной стороны, "чувство стыда и злобы, обиды, чувство побежденного народа, до сих пор привыкшего только побеждать"[10], а с другой – апатия, неверие в будущее, признание превосходства политики западных держав. На такой почве легко могли произрасти идеи реваншизма или космополитического капитулянтства. Горчаков не пошел ни по одному из этих крайних путей, а предложил в своем программном "московском" циркуляре иной рецепт: "Восстановить в Европе нормальный порядок международных отношений", основанный "на уважении прав и независимости правительств", и для этого укрепить силы и влияние России ("Россия сосредоточивается")[11].

В то же время он решительно отрицал какое-либо превосходство политики западных держав над русской. Горчаков напоминал, что Россия в союзе с некоторыми другими государствами отстаивала принципы, обеспечивавшие Европе сохранение мира на протяжении более четверти века. Она поднимала свой голос всякий раз, когда считала необходимым стать на защиту справедливости. Но это было ложно истолковано западными державами как стремление к всеобщему господству. Против России была поднята искусственная шумиха. Утверждали, будто ее действия не согласуются ни с правом, ни со справедливостью. А какой оказалась политика самих обвинителей России? Греция оккупирована иностранной державой вопреки воле ее монарха и желанию нации. На неаполитанского короля оказывают давление, вмешиваясь во внутренние дела его страны. А ведь такое давление – "это неприкрытое провозглашение права сильного над слабым".

Обращаясь к будущему, Горчаков прокламировал, что русский император "хочет жить в полном согласии со всеми правительствами", так как решил посвятить свои заботы внутренним вопросам – благосостоянию своих подданных и развитию ресурсов страны. Но Россия не отгораживается и от международных дел. Она будет поднимать свой голос всякий раз, когда он сможет оказаться полезным правому делу или когда того настоятельно потребуют интересы и достоинство страны. Стремясь ободрить впавших в уныние, Горчаков утверждал, что поражение России в минувшей войне не было окончательным и что место страны среди других европейских государств отведено ей самим Провидением и не может быть оспорено[12].

Горчаков продолжит эту линию правового и морального обоснования русской политики на протяжении всей своей дальнейшей деятельности – во время польского восстания 1863 г., при отмене "нейтрализации" Черного моря в 1870–1871 гг., в период ближневосточного кризиса 70-х гг.

Для расширения контактов с обществом была использована периодическая печать (Journal de S-t Petersbourg). Стал издаваться "Дипломатический ежегодник", где наряду с ведомственной информацией печатались материалы по истории международных отношений и русской внешней политики, публиковались важнейшие дипломатические материалы. В частности, с 1874 г. началось издание знаменитой многотомной публикации Ф.Ф. Мартенса "Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россиею с иностранными державами". Популярности русской внешней политики должны были служить меры по совершенствованию организации ведомства иностранных дел. В 1859 г. для желающих поступить на службу в МИД ввели строгие вступительные экзамены. В министерство принимали преимущественно русских. В новых зарубежных дипломатических назначениях замелькали русские фамилии: П.Д. Киселев, М.И. Хрептович, В.П. Балабин, А.П. Бутенев, Н.П. Игнатьев. Возрос удельный вес русских в консульствах и консульских агентствах, сеть которых была расширена, особенно на Ближнем Востоке. В некоторых европейских столицах были построены или приобретены новые внушительные здания для русских посольств. В 1868 г. вступила в действие разработанная Горчаковым новая структура МИДа, более соответствовавшая задачам того времени. Она просуществовала до начала XX в.

Разумеется, перелом в общественных настроениях России был достигнут далеко не сразу. Понадобились осязаемые доказательства успехов горчаковской политики как в Европе, так и на Дальнем Востоке, и в Средней Азии. Пиком его славы стала отмена в 1870 г. "нейтрализации" Черного моря, угрожавшей безопасности страны.

* * *

Горчаков, как и его предшественники на министерском посту, оставался европоцентристом. Вместе с тем сфера активных международных связей России при нем заметно расширилась. Это объясняется рядом причин – стремлением ослабить изоляцию и поднять престиж российского правительства, поисками новых рынков и источников сырья для перестраивавшейся на капиталистических началах промышленности, желанием не отстать от других великих держав в борьбе за раздел мира.

Отношения с Японией при Горчакове сначала базировались на заключенном еще в 1855 г. Симодском трактате. Министр полагал, что этим документом для политической и торговой деятельности России "открыто новое поприще, на котором дальнейшие успехи несомненны при благоразумии и постоянстве". В инструкции русскому консулу в Хакодате И.А. Гошкевичу он подчеркивал: "Мы желаем единственно упрочения и распространения нашей торговли с Японией. Всякие другие виды, всякая мысль о вмешательстве во внутренние дела чужды нашей политике"[13]. Договор 1858 г. в Иедо, подтвердив основные положения Симодского трактата, расширил возможности для взаимной торговли и разрешил вопрос об обмене постоянными дипломатическими миссиями. На значительно более долгий срок растянулось территориальное разграничение. Многоэтапные дипломатические переговоры завершились только в 1875 г. компромиссным соглашением об обмене Курильских островов на о. Сахалин, находившийся до того в совместном владении.

Подход Горчакова к отношениям с Китаем был сформулирован в инструкции посланному туда с особой миссией генерал-адъютанту Е.В. Путятину. Министр ясно сознавал различие интересов России и западных держав в Поднебесной империи, а потому очень осторожно относился к возможности совместных действий с Францией и Англией. Он допускал определенное взаимодействие с ними лишь как крайнюю меру, причем Россия могла использовать только свое нравственное влияние, но ни в коем случае не оказывать западным странам материальной поддержки. Горчаков ставил перед русской дипломатией в Китае две задачи: во-первых, отстоять права России на реку Амур, добиться проведения границы по течению этой реки и утверждения фактического обладания Россией устьем Амура; во-вторых, предусмотреть меры по дальнейшему развитию русско-китайской сухопутной и морской торговли и добиться обмена постоянными дипломатическими миссиями. При этом министр проявил готовность ради удовлетворения указанных целей пойти на ответные уступки Китаю материального и иного характера (помощь в обучении войск и защите Маньчжурии и др.)[14]. Указания Горчакова были успешно реализованы в русско-китайских договорах 1858–1860 гг., заключенных Е.В. Путятиным и Н.П. Игнатьевым.

Важное значение Горчаков придавал укреплению отношений с САСШ – единственной великой державой, занявшей в годы Крымской войны позицию благожелательного по отношению к России нейтралитета[15]. В депеше русскому посланнику в Вашингтоне Э.А. Стеклю он писал, что рассматривает Североамериканский Союз как существенный элемент мирового политического равновесия. По мнению министра, Россия и Соединенные Штаты уже в силу географического положения "как бы призваны к естественной солидарности интересов и симпатий, чему они уже давали взаимные доказательства"[16]. Осуждая гражданскую войну Севера и Юга, Горчаков считал необходимым "предохранить от какого бы то ни было урона наши добрые отношения с правительством Соединенных Штатов"[17].

Россия была заинтересована в сохранении единой и сильной североамериканской республики, которая могла бы служить определенным противовесом западноевропейским державам. Поэтому он отказался поддержать Англию и Францию, готовивших вмешательство на стороне рабовладельческого Юга. В сентябре – октябре 1963 г. две небольшие русские эскадры прибыли в Нью-Йорк и Сан-Франциско. Хотя главной целью этого похода было создание угрозы морским коммуникациям западноевропейских держав на случай их войны против России, появление русских кораблей было встречено как дружественная демонстрация в отношении правительства А. Линкольна, что способствовало упрочению международных позиций Вашингтона и улучшению русско-американских отношений. На дальнейшее развитие связей двух государств положительное влияние оказала продажа Аляски в 1867 г. Это позволило сгладить некоторые противоречия между ними, особенно по проблемам рыболовства в северной части Тихого океана. В отчете МИД за 1870 г. Горчаков дал весьма трезвую оценку отношениям с заокеанской республикой. Он писал, что симпатии Соединенных Штатов к России реальны, хотя несколько афишированы и ограничены неуклонным соблю-

дением собственных интересов. Но и такая позиция, считал министр, оказывает очень выгодное для России давление на английскую политику[18].

Расширение горизонтов русской внешней политики при Горчакове не в последнюю очередь коснулось Латинской Америки. Отказавшись от устаревшего принципа легитимизма, Россия устранила препятствия к установлению нормальных отношений со странами Западного полушария. В 1857–1880 гг. последовало признание Венесуэлы, Уругвая, Коста-Рики, Перу, Гондураса и Гватемалы. Горчаков подчеркивал важность новых связей прежде всего с точки зрения развития русской внешней торговли[19].

Наконец, именно при Горчакове в основном совершилось присоединение к России Средней Азии. Оно стимулировалось различными мотивами: стремлением воздействовать на Англию и ограничить ее экспансию в регионе, экономическими интересами русской промышленности и торговли, желанием стабилизировать положение на среднеазиатской границе, покончить с набегами и феодальными распрями. Сознавая важность этих задач, министр считал необходимым решать их постепенно и осторожно.

Началось с посылки дипломатических миссий Н.П. Игнатьева, Н.В. Ханыкова, Ч. Валиханова, носивших разведывательный характер. На правительственных совещаниях по среднеазиатским делам 1859–1861 гг. Горчаков еще выступал против наступательных действий, аргументируя необходимостью общего смягчения международной обстановки. Только в феврале 1863 г. министр согласился с мнением Особого комитета о желательности прибегнуть к военным мерам с целью соединения Оренбургской и Сибирской укрепленных линий. При этом он подчеркивал, что нужно действовать "с крайней осторожностью, избегать излишней огласки, могущей возбудить в Европе толки, неблагоприятные для общей нашей политики"[20]. Летом и осенью 1864 г. задача соединения Оренбургской и Сибирской линий была решена, а в ноябре того же года Александр II утвердил совместный доклад МИД и Военного министерства, в котором говорилось: "Дальнейшее распространение наших владений в Средней Азии не согласно с интересами России и ведет только к ослаблению и раздроблению ее сил. Нам необходимо установить на вновь приобретенном пространстве земли прочную, неподвижную границу и придать оной значение настоящего государственного рубежа"[21]. Это заключение вполне соответствовало подходу Горчакова.

Но экспансия России в Средней Азии не остановилась на достигнутом. Антирусская политика Англии в период польского восстания 1863 г. усилила позиции военного министра Д.А. Милютина, Н.П. Игнатьева и их сторонников в правительстве, видевших в активных действиях в среднеазиатском регионе средство воздействия на Лондон. Окончание Кавказской войны высвободило силы. Наконец, продолжению активной политики способствовала борьба между самими государствами Средней Азии. Действия местных русских военных властей также подчас выходили из-под контроля центра. В результате во второй половине 60–70-х гг. военные и дипломатические акции России в Средней Азии продолжались и привели к тому, что значительная часть ее территории была или присоединена к русским владениям, или попала в зависимость от Петербурга. В таких условиях Горчаков предпринял шаг, призванный смягчить противоречия с Англией. В конце 1872 – начале 1873 г. между двумя странами состоялись переговоры. Оба правительства признали своей задачей установление в странах среднеазиатского региона прочного мира под их гарантией. С этой целью они договорились "оставить между их обоюдными владениями известную промежуточную зону, которая предохраняла бы их от непосредственного соприкосновения"[22]. Речь шла прежде всего об Афганистане. Дальнейшие события внесли новые коррективы в расстановку сил в Средней Азии. Летом 1873 г. был установлен протекторат России над Хивой, а в 1875–1876 гг. Россия присоединила Кокандское ханство. Горчаков не одобрял этих шагов, которые вели к новому обострению ситуации. Характерно, что решение о присоединении Коканда было принято царем по докладу Милютина в обход Горчакова, поставленного перед фактом[23].

* * *

Вернемся к главному для России европейскому внешнеполитическому театру. Что понимал Горчаков под восстановлением нормального порядка международных отношений в Европе? Речь не могла, разумеется, идти о реставрации отжившей Венской системы, так как этого не хотели ни победители, ни побежденные. Но некоторые оправдавшие себя ее элементы русский министр стремился сохранить и развить. Прежде всего имеется в виду стабильность европейских границ. Еще в 1853 г. Горчаков, тогда посланник при Германском союзном сейме и Вюртембергском дворе, в беседе с принцем Жеромом Наполеоном в ответ на зондаж последним возможности благожелательного отношения России к экспансионистским планам Франции в Европе твердо заявил: "Никаких территориальных перемен в Европе, Ваше Высочество; для нас карта Европы уже установлена. Она утверждена потоками крови"[24].

Крымская война выявила стремление западных держав если не к расчленению России, то во всяком случае к оттеснению ее на восток и лишению важных стратегических позиций на Балтике, в Центральной Европе (Польша), на балканском направлении и на Кавказе. В результате Парижского мирного конгресса эти замыслы были реализованы лишь в небольшой мере. Но окончание войны не остановило антирусские устремления Лондона, Парижа и Вены. Англия исподволь поддерживала борьбу горских народов под руководством Шамиля, делая ставку на затягивание Кавказской войны, чтобы истощить военные и экономические ресурсы России и склонить ее к уступчивости. В 1863 г. западные державы воспользовались восстанием в Польше, конечной целью которого было восстановление Королевства Польского из российских земель, для дипломатической интервенции. Горчаков выступил сторонником быстрого силового решения северокавказской проблемы, не оставившего противникам России надежд на вмешательство[25]. В 1863 г. он сумел дипломатическими маневрами затруднить и оттянуть вмешательство западных держав, а когда наступил благоприятный момент – и вовсе отклонить дальнейшие переговоры с ними по польскому вопросу[26]. Министр способствовал, таким образом, сохранению целостности территории России, хотя болезненный польский вопрос остался неразрешенным.

В соответствии с традициями русской дипломатии Горчаков выступал за твердое соблюдение принципов международного права, основой которого он считал уважение к трактатам[27]. Показательна в этом смысле позиция России в отношении статуса Валахского и Молдавского княжеств. Парижский трактат подтвердил, как известно, их автономные права под верховной властью Порты, заменив прежний русский протекторат равным "ручательством" всех держав, подписавших мир. Движение демократических слоев общества Дунайских княжеств за их объединение побудило европейские державы, включая Россию, допустить там некоторые перемены. Международная конвенция 1858 г. провозгласила создание Соединенных княжеств, хотя реальная власть сохранялась в руках князя и правительства каждого из них. Их борьба за объединение на этом не прекратилась, на господарский престол и в Молдове, и в Валахии был избран А.Й. Куза, а вслед за этим возникло единое государство Румыния. Россия была единственной державой, протестовавшей против такого развития событий. Русская дипломатия в принципе сочувствовала объединению, но считала, что оно должно было бы явиться следствием общего соглашения между державами и Портой, основанного на началах, которые могли бы быть применены ко всему христианскому населению Турции. Исключение же, по мнению Горчакова, нарушало одну из существенных частей Парижского трактата и подрывало уважение к совместным постановлениям держав[28].

Еще одним правовым аспектом взглядов Горчакова служило признание принципа равенства и независимости правительств (правителей) и невмешательства в их внутренние дела. Министр ясно и довольно обстоятельно изложил его в уже упоминавшемся "московском" циркуляре. Он писал: "Сегодня менее чем когда-либо позволительно забывать, что правители равны между собой и что не обширность территории, а священность прав каждого из них обусловливает те отношения, которые

могут между ними существовать". И в том же документе: "Мы могли бы понять, если бы в качестве дружеского предупреждения одно правительство давало советы другому, исходя из благих побуждений, даже если советы эти имели бы характер нравоучений. Однако мы считаем, что это является крайней чертой, на которой они должны остановиться"[29].

Наконец, Горчаков выступал сторонником широкого единения, концерта великих европейских держав, не направленного против одной из них, а призванного содействовать решению вопросов, затрагивающих их общие интересы, прежде всего Восточного. В записке-отчете Горчакова о внешней политике России с 1856 по 1862 г. подчеркивалось: "Мы призвали правительства прийти к соглашению и предпринять совместные дипломатические действия в целях примирения, успокоения и гуманности"[30]. В ходе восточного кризиса второй половины 70-х гг. он утверждал: "До тех пор, пока Европа не объединится на основе умеренной программы, но с положительными гарантиями при энергичном нажиме, – от турок не удастся ничего добиться"[31].

Горчаков не скрывал ни особой заинтересованности России в урегулировании Восточного вопроса, ни ее специальной миссии на Балканах. По его мнению, только Россия "в силу своих бескорыстных национальных интересов может послужить связующим звеном между этими столь разными (балканскими. – *А.И.*) народами, либо чтобы обеспечить обретение ими права на политическую жизнь, либо для того, чтобы помочь им сохранить ее. Без этого они впадут в разброд и анархию, которые приведут их под господство турок, либо под эксплуатацию Западом"[32]. Вместе с тем он считал, что "этот жизненно важный для России вопрос не противоречит ни одному из интересов Европы, которая со своей стороны страдает от шаткого положения на Востоке"[33].

* * *

Поддерживая идею европейского концерта в вопросах, представлявших общий интерес, Горчаков вместе с тем следовал рациональной и прагматичной политике баланса сил. При этом он стремился дополнить старую схему новым существенным элементом – балансом интересов.

Крымская война и ее последствия резко нарушили равновесие сил в Европе. Россия – его важнейший компонент – была ослаблена и унижена "нейтрализацией" Черного моря, демилитаризацией Аландских островов, потерей южной Бессарабии. Она оказалась в изоляции перед блоком западных держав. Нарушение баланса сил не замедлило сказаться не только на положении ее самой, но и на состоянии европейских отношений в целом. Войны на континенте следовали одна за другой: 1859 г. – война Австрии против Сардинии и Франции против Австрии, 1864 г. – Пруссии и Австрии против Дании, 1966 г. – австро-прусская война с участием Италии, 1870–1871 гг. – франко-прусская война.

Задача сохранявшей нейтралитет России состояла в том, чтобы избежать новых неблагоприятных для нее изменений, а по возможности добиться пересмотра наиболее тяжелых статей Парижского трактата. Но для этого нужно было прорвать изоляцию и найти опору у одной из держав-победительниц.}Старый союз с Австрией и Пруссией, покоившийся на консервативно-монархических началах, не выдержал испытаний Крымской войны. Пруссия в то время еще не могла служить достаточной опорой, хотя пропрусские симпатии Александра II и его двора до некоторой степени сковывали свободу действий Горчакова. В сложившейся обстановке он избрал курс на сближение с Францией, к которому располагали русско-французские контакты в ходе парижских мирных переговоров. Это было не простым решением, если учесть, что речь шла о недавнем противнике, но Горчаков считал, что политика не может строиться на чувствах, и злопамятность была бы плохим советчиком. Гораздо важнее было то, что геостратегическое положение двух держав, находившихся на противоположных концах

Европы, и новая европейская ситуация делали их сближение "естественным". Достигаемый путем сближения баланс сил дополнялся, таким образом, балансом интересов. В самом деле, Англия, опасавшаяся европейской гегемонии Франции и традиционно враждебная России, являлась для них общим противником. Обе державы были заинтересованы в сохранении раздробленности Германии и недопущении одностороннего преобладания там Австрии или Пруссии. Выявились и определенные возможности взаимодействия на Балканах.

В то же время между Парижем и Петербургом существовали серьезные расхождения, способные торпедировать их партнерство, что в конечном счете и случилось. Наполеон III стремился к военной перекройке карты Европы, к утверждению Франции не только в северной Италии, но и на левом берегу Рейна, а в перспективе – к ее безусловной гегемонии на континенте. В задуманных им войнах России отводилась роль вспомогательного союзника, оттягивавшего на себя силы противников Франции. Но русское правительство не собиралось отказываться от мирной политики сосредоточения сил, тем более в угоду не отвечавшей его интересам французской гегемонии. Горчаков, со своей стороны, надеялся использовать союз с Францией для пересмотра Парижского трактата, причем Россия могла бы посодействовать партнеру в аннулировании антибонапартовских статей Венского урегулирования. Но стремления Петербурга не отвечали расчетам Наполеона III, желавшего держать Россию под контролем с помощью договоров Крымской системы. Наконец, камнем преткновения в отношениях двух держав с самого начала был вопрос о Польше.

Первое время русско-французское сближение при активном участии Горчакова прогрессировало. Итоги штутгартского свидания двух императоров министр оценивал не без сдержанного оптимизма: "Наши отношения с Францией остались в неопределенном состоянии, но со стремлением к движению вперед. Важно, чтобы слова перешли в дела и завершились некоторым общим действием"[34]. Если речь шла о том, чтобы проявить терпение и выдержку, то это Горчаков умел.

Результатом последовавших за этим длительных и сложных переговоров стал заключенный в преддверии франко-австрийской войны секретный договор 1859 г. о нейтралитете и сотрудничестве. Если его и можно считать шагом вперед, то лишь весьма робким и половинчатым. Россия сумела сохранить за собой свободу решения. Франции пришлось обещать, что территориальная неприкосновенность Германии не будет нарушена. В ходе последовавшей быстротечной кампании Россия не успела сосредоточить внушительные силы на австрийской границе, но ее дипломатическая позиция благожелательного в отношении Франции нейтралитета и советы Пруссии и некоторым другим германским государствам удержали их от выступления на стороне Австрии. Наполеон III не оценил этой услуги и был разочарован. Французская дипломатия, как бы в отместку, не стала содействовать пересмотру болезненных для России статей Парижского трактата. Российскому правительству пришлось отказаться от выдвижения этого вопроса, так что разочарование оказалось обоюдным.

Посол в Париже П.Д. Киселев опасался, что доверие Наполеона к России поколеблено. Горчаков отвечал ему, что французам придется принимать вещи такими, какие они есть. Россия желает оставаться в отношениях с Францией искренней и лояльной, "но не следует рассчитывать на нас как на орудие в комбинациях личного честолюбия, из которых Россия не извлечет никаких выгод, а еще меньше – в таких, которые могли бы нанести ей вред"[35].

Тяжелый удар по сближению с Францией нанесла антирусская позиция Парижа в 1863 г. Горчаков не спешил отказываться от уже намеченного блока, но вынужден был считаться с реальностью. В сентябре 1865 г. он представил царю доклад об изменении политического положения России в Европе после польского восстания. Министр с горечью констатировал, что, "несмотря на отсутствие антагонизма в интересах наших и Франции и несмотря на возможность и выгоду соглашения между двумя странами, это соглашение не имело достаточной цены в глазах императора Наполеона III, чтобы пересилить его приверженность к революционному «принципу

народностей»". Поведение других великих держав в этом кризисе было, по мнению Горчакова, продиктовано желанием разрушить внушающую им подозрение близость России с Францией. Таким образом, продолжение прежнего курса "доставило бы нам противников, не принеся верных друзей". И все же Горчаков предлагал, сохраняя предосторожность, оставить двери для русско-французского сближения открытыми[36].

Министр считал, что Россия в своей европейской политике должна и впредь придерживаться двух принципов: "Устранить все, что могло бы нарушить работу в области реформы, преобразования; это является главнейшей задачей страны. Препятствовать, поскольку это зависит от нас и не противоречит нашей основной задаче, чтобы в это время политическое равновесие не было нарушено в ущерб нам"[37].

Исходя из этих принципов, Горчаков негативно относился к перспективе русско-прусского альянса. Он писал, что отношения с Пруссией "остаются дружественными, но та цель, которую преследует берлинский кабинет (объединение Германии под своей эгидой. – *А.И.*) и характер его политики, ни перед чем не останавливающейся, чтобы достичь своего, исключает возможность тесного сближения"[38].

Горчакову приходилось искать выход из положения, когда надежды на союз с Францией рушились, а тесное сближение с Пруссией представлялось неприемлемым. На Австрию, считал он, полагаться нельзя. С Англией существует согласие в принципах (стремление к миру и равновесию в Европе, сохранение статус-кво на Востоке), но на деле английский кабинет больше опасается России, чем Франции. В такой сложной ситуации Горчаков предложил "оборонительный консервативный союз между Россией, Пруссией, Австрией и Англией, направленный против революционного духа и личных вожделений"[39]. Под последними подразумевалась честолюбивая политика Наполеона III. Еще одной основой такого союза могло стать сохранение статус-кво в Центральной Европе.

Но обострение в 1863 г. датского вопроса и последовавшая затем война Пруссии и Австрии против Дании вскрыли непрочность комбинации четырех держав. Англия в интересах сохранения европейского статус-кво предложила России совместное энергичное вмешательство с одновременным обращением к общегерманскому сейму. На это Горчаков не пошел. Он пояснял свою линию так: "В этот решительный момент мы отклонили предложения Англии о вмешательстве, потому что они имели целью морские действия, для которых английские силы являлись вполне достаточными, тогда как наше участие неизбежно повлекло бы осложнения на суше, которых мы должны были избежать"[40].

Дальнейшие усилия дипломатии Горчакова были направлены на сохранение и развитие наметившегося было соглашения между четырьмя великими европейскими державами. На первое место при этом он ставил поддержание равновесия между Пруссией и Австрией[41]. Но успеха эта политика не имела, и в 1866 г. прусская армия в быстротечной войне победила австрийскую. Горчаков предложил воспользоваться моментом и выступить с декларацией об отмене нейтрализации Черного моря. Но правительство Александра II на этот шаг тогда не решилось.

Между тем значение Пруссии на европейском континенте в результате ее побед значительно выросло. Это побуждало Горчакова к постепенному пересмотру своей позиции. В августе 1866 г. в Россию с предложением о военном союзе приезжал посланец Бисмарка генерал Мантейфель. За это Пруссия обещала России содействие в пересмотре Парижского трактата. Горчаков от союза уклонился, ограничившись обещанием нейтралитета. Тем не менее осенью 1866 г. он писал послу в Берлине: "Чем больше я изучаю политическую карту Европы, тем более я убеждаюсь, что серьезное и тесное согласие с Пруссией есть наилучшая комбинация, если не единственная"[42].

Прежде чем решиться на новое сближение Горчаков последний раз попытался использовать другие возможные комбинации. Очередной раунд переговоров с Наполеоном III не принес желаемых результатов. Горчаков писал о нем: "В настоящее время мы могли бы надеяться на союз с Францией на Востоке только ценой войны с

Германией. Мы должны были бы растратить наши ресурсы и отдалить от себя нашего единственного союзника, на которого хоть немного можно положиться, – Пруссию. Это слишком дорого". Отказывался он от своей давней идеи не без сожаления: "Если бы появилась возможность сближения с Францией, не ставя слишком много на карту, мы не пренебрегли бы ею"[43].

Содействия ослабленной поражением Австрии для пересмотра Парижского договора было явно недостаточно, тем более что она требовала за него непомерную цену – Герцеговину и Боснию. Англия, как и Франция, держалась за Крымскую систему. В конечном счете в 1868 г. между Россией и Пруссией было достигнуто устное соглашение о нейтралитете первой в случае франко-прусской войны и ее демонстрации на австрийской границе с целью удержать Вену от вмешательства в конфликт. Бисмарк, со своей стороны, обещал России поддержку в пересмотре Парижского трактата.

Нужно заметить, что правительство Александра II, да и не оно одно, переоценивало военную силу Франции и не ожидало ни столь быстрого разгрома армии Наполеона, ни такого резкого изменения соотношения сил в Европе, которое произошло к невыгоде самой России. Правда, дипломатия Горчакова сумела использовать момент для отмены нейтрализации Черного моря. Но это не снимало с повестки дня возникшей на западной границе угрозы, сразу же осознанной и общественным мнением России.

Горчаков стремился изыскать средства восстановить баланс сил в Европе и укрепить позиции России. Отношения с Англией и Австро-Венгрией за последнее время еще ухудшились. Франция была повержена и преодолевала серьезные внутренние трудности. Напротив, Германия во главе с Пруссией обрела дополнительные силы в единстве. Традиционные связи последней с Россией упрочились вследствие оказанных друг другу услуг. В такой ситуации приходилось искать гарантий европейского равновесия в соглашении с Берлином на почве прежде всего общего стремления "укрепить позиции власти в центре континента", т.е. на консервативно-монархической основе. Парижская коммуна всерьез обеспокоила русских политиков, укрепив пропрусские симпатии Александра II и его придворного окружения.

Горчаков продолжал относиться к идее русско-германского альянса как к вынужденной необходимости. Он сознавал, что гегемонистская политика Бисмарка, считавшаяся образцом "реальной политики", находится в противоречии с задачами европейского равновесия. Правда, министру казалось возможным извлечь выгоду для России в договоренности с Германией, а через нее и с Австро-Венгрией по балканским вопросам. Русская дипломатия нуждалась также в поддержке своего толкования статуса Черноморских проливов по конвенции 1871 г. в противоположность английскому. Германия надеялась получить свободу рук в своих отношениях с Францией. Австро-Венгрия рассчитывала на германскую поддержку своей экспансии на Балканах. До некоторой степени объединяло три державы отношение к польскому вопросу. Так возник непрочный блок, получивший громкое название Союза трех императоров.

Горчаков не преувеличивал его устойчивости. Министра не покидала мысль о возврате в будущем к союзу с Францией, которую он рассматривал "как главный элемент всеобщего равновесия"[44]. В инструкции новому послу России во Франции Н.А. Орлову, датированной декабрем 1871 г., он выражал убеждение, что "две страны, вовсе не имеющие неизбежно враждебных интересов и имеющие, напротив, много схожего, могли и должны были найти взаимную выгоду в согласии, которое способствовало бы их безопасности, их процветанию и поддержанию разумного равновесия в Европе". Горчаков подчеркивал, что такая система основывалась бы "на национальных и целесообразных интересах двух стран", причем имелась в виду Франция, независимо от партий, лиц и династий: "Подобные принципы имеют постоянный характер. Они выше всех превратностей"[45]. В отчете МИД за 1872 г. он писал: "Для нас важно, чтобы она (Франция. – *А.И.*) в целях равновесия вновь заняла свое законное место в Европе"[46]. Неудивительно, что Россия неизменно вставала на пути неоднократных попыток Бисмарка вторичным разгромом низвести Францию в разряд второсортных

держав. Германский канцлер как бы в отместку поддерживал на Балканах Австро-Венгрию против России.

Тяжелый удар по Союзу трех императоров нанес ближневосточный кризис 70-х гг. Горчаков тщетно пытался склонить партнеров поддержать свой план автономии для Боснии и Герцеговины. Назревавшая война с Турцией противоречила стратегическому курсу министра, который всячески старался избежать ее и в крайнем случае соглашался на небольшую войну с ограниченными целями. Стремясь заручиться нейтралитетом Австро-Венгрии, Горчаков вынужден был согласиться с ее территориальными притязаниями в западной части Балкан.

Русско-турецкая война приняла, как известно, широкий размах и затяжной характер. Это побудило русское правительство расширить свои первоначальные задачи. Против новых планов России, нашедших воплощение в Сан-Стефанском прелиминарном договоре, решительно выступила не только Англия, но и партнер по тройственному блоку – Австро-Венгрия. Горчаков некоторое время еще надеялся на Германию, но на Берлинском конгрессе Бисмарк фактически содействовал противникам России. Горчаков объяснял тяжелое положение своей страны на этом форуме объединением против нее "злой воли почти всей Европы"[47]. После Берлинского конгресса он писал царю, что "было бы иллюзией рассчитывать в дальнейшем на союз трех императоров" и делал вывод, что "придется вернуться к известной фразе 1856 г.: России предстоит сосредоточиться"[48].

Свидетельствовала ли неудача попыток Горчакова добиться стабилизации положения в Европе на новых основаниях о превосходстве реальной политики Бисмарка? Ближайшие последствия Берлинского конгресса как будто говорили в пользу этого. В 1879 г. Бисмарк заключил антирусский союз с Австро-Венгрией, в 1880 г. перестраховался новым договором с Россией и Австро-Венгрией о нейтралитете, а в 1882 г. привлек к австро-германскому союзу Италию. Но он тщетно пытался создать условия для нового разгрома Франции и подтолкнуть Россию на новую ближневосточную войну. Петербург предпочитал сосредоточивать силы, а позже осуществил еще один из заветов Горчакова – заключил союз с Францией. Тенденция к правовому регулированию международных отношений нашла свое продолжение в Гаагских конференциях мира, от которых тянется нить к принципам Лиги Наций и ООН и к современным шагам в формировании мирового сообщества, к сожалению, подорванным акциями НАТО в Ираке и в Югославии.

* * *

В международных отношениях 50–70-х гг. XIX в. Горчаков-министр играл конструктивную роль, добиваясь их перестройки на основах права, баланса сил и интересов, коллективных действий держав в вопросах общего значения. Он исходил из того, что подобная политика отвечала бы интересам не одной России, но Европы в целом.

К сожалению, призывы Горчакова не встречали должного понимания. В них видели только следствие слабости России. Западные державы стремились реализовать свои преимущества, закрепленные договорами Крымской системы, для утверждения собственного преобладания. "Реальная политика" Бисмарка сводилась на практике к обеспечению гегемонии объединяющейся под эгидой Пруссии Германии. Североамериканские Соединенные Штаты еще воздерживались от вмешательства в европейские дела. Общее же соотношение сил было не в пользу потерпевшей поражение России и менялось медленно.

К тому же Горчакову одновременно приходилось защищать национально-государственные интересы России, требовавшие длительной мирной передышки, выхода из изоляции, защиты территориальной целостности страны, отмены антирусских статей Парижского мира. В этой части его усилия оказались более успешными, но порой вступали в противоречие с общими принципами желаемой перестройки.

В конечном счете восстановить на новой основе стабилизацию международных отношений в период министерской деятельности Горчакова не удалось, но это не означает бесплодности самих его идей, опережавших время и в той или иной степени реализованных позднее.

Примечания

[1] Т а т и щ е в С.С. Император Александр II. Его жизнь и царствование. Т. I. СПб., 1903.

[2] Советская историческая энциклопедия. Т. 4. М., 1963. С. 600.

[3] Б у ш у е в С.К. А.М. Горчаков: дипломат. 1798–1883. М., 1961; е г о ж е. А.М. Горчаков. Из истории русской дипломатии. Т. I. М., 1944; С е м а н о в С.Н. А.М. Горчаков – русский дипломат XIX в. М., 1962.

[4] См.: З а й о н ч к о в с к и й П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978. С. 191.

[5] См.: История внешней политики и дипломатии США 1775–1877/Под ред. Н.Н. Болховитинова. М., 1994. С. 296–319.

[6] См.: История внешней политики России. Вторая половина XIX века/Под ред. В.М. Хевролиной М. 1997; К и н я п и н а Н.С. Внешняя политика России второй половины XIX века. М., 1974; Н а р о ч - н и ц к а я Л.И. Россия и войны Пруссии в 60-х годах XIX в. за объединение Германии "сверху". М., 1960; е е ж е. Россия и отмена нейтрализации Черного моря 1856–1871. К истории Восточного вопроса. М., 1989; Р е в у н е н к о в В.Г. Польское восстание 1863 г. и европейская дипломатия. М.; Л., 1957; С е р о - в а О.В. Горчаков, Кавур и объединение Италии. М., 1997.

[7] См.: К и с с и н д ж е р Г. Дипломатия. Пер. с англ. М., 1997.

[8] З л о б и н А.А. А.М. Горчаков: вклад во внешнеполитическую мысль и практику // Канцлер А.М. Горчаков. 200 лет со дня рождения. М., 1998 (далее – Канцлер А.М. Горчаков...). С. 189.

[9] Там же. С. 321.

[10] Ш е л г у н о в Н.В. Воспоминания. М.; ПГ., 1923. С. 67.

[11] Канцлер А.М. Горчаков... С. 209–210, 212.

[12] Там же. С. 209–212.

[13] Там же. С. 222, 223.

[14] Там же. С. 213–220.

[15] См.: П о н о м а р е в В.Н. Крымская война и русско-американские отношения. М., 1993.

[16] Канцлер А.М. Горчаков... С. 270–272.

[17] Там же. С. 274.

[18] История внешней политики и дипломатии США 1867–1918. М., 1997. С. 98.

[19] С и з о н е н к о А.И. А.М. Горчаков и Латинская Америка // Канцлер А.М. Горчаков... С. 177–183.

[20] К и н я п и н а Н.С. Дипломаты и военные. Генерал Д.А. Милютин и присоединение Средней Азии // Российская дипломатия в портретах. М., 1992. С. 227.

[21] Там же. С. 229.

[22] Сборник договоров России с другими государствами 1856–1917. М., 1952. С. 111–123.

[23] Российская дипломатия в портретах. С. 234.

[24] К е с с е л ь б р е н н е р Г.Л. Светлейший князь. М., 1998. С. 179–180.

[25] Б у ш у е в С.К. А.М. Горчаков: дипломат. 1798–1883. С. 85; История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.)/Отв. ред. А.Л. Нарочницкий. М., 1988. С. 193, 196.

[26] Р е в у н е н к о в В.Г. Указ. соч.

[27] Канцлер А.М. Горчаков... С. 336.

[28] Там же. С. 336–337.

[29] Там же. С. 211, 210.

[30] Там же. С. 330.

[31] Там же. С. 346.

[32] Там же. С. 327.

[33] Там же. С. 351.

[34] К и н я п и н а Н.С. А.М. Горчаков: личность и политика // Канцлер А.М. Горчаков... С. 57.

[35] Там же. С. 258.

[36] Там же. С. 312, 317.

[37] Красный архив. 1939. Т. 2 (93). С. 107–109.

[38] Там же. С. 109.

[39] Канцлер А.М. Горчаков... С. 307.

[40] Красный архив. 1939. Т. 2 (93). С. 108.

[41] Канцлер А.М. Горчаков... С. 313.

[42] Нарочницкая Л.И. Россия и войны Пруссии в 60-х годах XIX в. за объединение Германии "сверху". С. 80.

[43] Ее же. Россия и отмена нейтрализации Черного моря. 1856–1871. С. 149.

[44] Канцлер А.М. Горчаков... С. 340.

[45] Там же. С. 339.

[46] Рубинский Ю.И. Отношения России с Францией в политике А.М. Горчакова // Канцлер А.М. Горчаков... С. 163.

[47] Там же. С. 368.

[48] Там же. С. 369, 370.

 М.Д. ДОЛБИЛОВ*

ПРОЕКТЫ ВЫКУПНОЙ ОПЕРАЦИИ 1857–1861 гг.: К ОЦЕНКЕ ТВОРЧЕСТВА РЕФОРМАТОРСКОЙ КОМАНДЫ

Растянувшаяся почти на полвека финансовая операция по выкупу освобожденными крестьянами своих земельных наделов в собственность и вознаграждению помещиков являлась итоговым звеном социально-аграрного преобразования 1861 г. К настоящему времени глубоко исследованы во всероссийском масштабе и на региональных срезах конкретные условия перехода крестьян на выкуп (типы выкупных сделок – односторонние и двусторонние, их взаимное соотношение в разные периоды), динамика этого перехода, характер ее зависимости от типа помещичьего хозяйства, от формы дореформенной эксплуатации крестьян, от пореформенных экономических устремлений помещиков. Сделаны важные выводы о степени качественных и количественных изменений крестьянского землевладения при переходе на выкуп, о трансформации структуры крестьянских платежей, об абсолютных и относительных изменениях величины платежей, динамике их соотношения с арендными и продажными ценами на землю[1]. Предпринимаются попытки проследить с помощью математических методов влияние, которое переход на выкуп оказывал на хозяйственный прогресс, уровень материального благосостояния крестьян, демографические процессы в их среде[2].

Вместе с тем такая направленность исследований породила определенную тенденцию: изучать кредитно-финансовые аспекты выкупа не в их самостоятельном качестве и взаимосвязях с другими параметрами реформы, а как опосредованное выражение социально-экономических феноменов (например, идущая от Ю.Э. Янсона односторонняя трактовка выкупных платежей как завышенных по сравнению с хозяйственными ресурсами крестьян, т.е. как способа эксплуатации крестьянства). Свидетельство тому в историографии последствий реформы 1861 г. – явно недостаточная изученность проблемы воздействия выкупа на помещичье хозяйство, поскольку для ее разработки требуется статистический анализ использования и реализации помещиками выкупных бумаг. Проявилась эта тенденция и в исследованиях по подготовке реформы: кредитно-финансовая операция на стадии ее проектирования рассматривается как производная от долгосрочных задач реформы, а соответствующие решения реформаторов – как продиктованные уже состоявшимся выбором целей. Отсюда и наиболее распространенные в отечественной литературе характеристики выкупной операции: экономическое орудие "ограбления" крестьянства[3], средство подавления традиционных понятий крестьян о земельной собственности[4], инструмент создания двух независимых друг от друга секторов аграрного производства – помещичьего и крестьянского[5].

* **Долбилов Михаил Дмитриевич**, кандидат исторических наук, преподаватель кафедры истории России Воронежского государственного университета.

Гораздо слабее концепция выкупа изучена в непосредственном контексте интенсивного законотворчества группы реформаторов – экспертов по кредиту и финансам. Законопроект о выкупе создавался людьми, находившимися на переднем крае борьбы с глубоким финансовым и банковским кризисом и работавшими в условиях, когда резко спрямляется взаимосвязь кредитного дела с общественным сознанием, с коллективной психологией социальных групп[6].

Именно эта сторона подготовки реформы в последние годы все чаще привлекает внимание исследователей[7]. Такая переориентация отвечает не только духу времени, но и назревшей внутренней потребности обновления проблематики в историографии крестьянской реформы, включения в нее вопроса о цене преобразования. Очевидные изъяны этой или любой другой крупной реформы не могут быть объяснены лишь их исторической неизбежностью или позднейшим реакционным вмешательством. Следует принимать в расчет противоречия в мышлении самих реформаторов, долговременное влияние их наследия – субъективных убеждений, надежд, прогнозов и пр. на дальнейший ход реформы. А как раз проектирование выкупа должно было отразить в наибольшей степени эту специфику реформаторского замысла, ибо финансовая тема даже в славившихся гласностью работах Редакционных комиссий 1859–1860 гг. (далее – РК) не становилась предметом публичных дискуссий. С некоторой долей преувеличения выкупную операцию можно назвать монопольным творением очень небольшой группы влиятельных на тот момент специалистов. Выкупной законопроект, оставаясь до конца 1860 г. во многих своих пунктах фактически тайной, был тем самым огражден от критики со стороны дворянства, в отличие, например, от предложений РК по размерам наделов и повинностей, которые находились в центре ожесточенной полемики и пострадали от сделанных уступок. Следовательно, принятый в феврале 1861 г. закон о выкупе, хотя и был рассчитан на постепенную реализацию в течение длительного срока, выполнял, сверх того, особую, не терпящую отлагательства миссию. Он выражал независимый и энергичный ответ реформаторов на самые злободневные общественные ожидания и тревоги, связанные с проведением реформы.

Тесная сопряженность проектирования выкупа с реформированием финансовых и банковских структур раскрыта в ряде работ отечественных и зарубежных исследователей. Из дореволюционных трудов следует назвать фундаментальную монографию П.Л. Кованько о развитии и итогах выкупа в финансовом отношении. В отличие от многих современных ему исследователей либерально-народнического толка, Кованько не считал, что интересы фиска при проведении операции сами по себе противоречили широким социальным задачам реформы, ибо выкупные платежи крестьян в первый период операции выполняли функцию подпитки находившихся в кризисном состоянии финансов государства[8].

Из послеоктябрьских отечественных работ едва ли не единственным опытом анализа данной проблемы следует признать статью В.В. Потанина. Предмет его исследования – связь между принятием и развитием программы реформы от декабря 1858 г. и "финансовыми настроениями" в высших правительственных кругах. Обнаруживая своеобразный маятник опасений финансового краха и сменявших их надежд на выход из кризиса, автор ставит в числе других принципиальный вопрос: как повлияла перестройка структуры банковских вкладов (выпуск 5%-ных банковских билетов при ликвидации старых казенных банков) на разработку выкупной операции[9].

Именно этот сюжет получает оригинальную трактовку в статье американского историка С. Хока. Он убедительно показывает, что исследователи подготовки крестьянской реформы, как правило, замыкаются в социально-политическом контексте событий и игнорируют роль кризиса банковской системы, который разразился в 1859 г. вследствие неудачной попытки правительства содействовать оживлению предпринимательства и образованию акционерных компаний. Хок оценивает крах государственных кредитных учреждений как одно из наиболее мощных объективных ограничений законотворчества реформаторов, воспрепятствовавшее – независимо от столк-

новения политических страстей – казенному субсидированию выкупа крестьянских земель по образцу аналогичных мероприятий 1840–1850-х гг. в Пруссии и Австрии[10].

Тем не менее ни один из авторов почти не затрагивает поистине интригующего вопроса: случайно ли само решение подключить государственный кредит к выкупу крестьянских наделов вызрело в умах реформаторов именно в тот период, когда положение государственных банков оценивалось ими же как предельно близкое к банкротству? В настоящей статье делается попытка разъяснить причины данного феномена, привлекая к анализу малоизвестные проекты поддержки реформы за счет денежных резервов обширного государственного хозяйства.

Двуединая программа Банковской и Финансовой комиссий

Проектирование выкупной операции и борьба с банковским кризисом были тесно связаны между собой. Предысторию подготовки выкупной операции следует отнести к июлю 1857 г., когда правительство приступило к так называемому изгнанию вкладов из государственных кредитных учреждений.

В литературе общепринята точка зрения, согласно которой правительство решило понизить в 1857 г. процентную ставку по вкладам с 4 до 3% из стремления сократить бюджетные расходы на оплату процентов по вкладам и направить частные капиталы в промышленность, железнодорожное и пароходное строительство[11]. Следует, однако, подчеркнуть, что такой расчет особо подкреплялся убеждением экспертов в том, что усиленное кредитование сельскохозяйственного производства, в том числе помещичьих нужд, отнюдь не являлось на тот момент актуальной задачей.

Надежды финансового ведомства на плавное перемещение капиталов не оправдались. Понижение процентов вызвало стремительный отлив вкладов, наплыв из-за границы и распродажу облигаций русских займов, предъявление значительных денежных сумм к обмену на золото[12]. Отлив как бы наложился на поднявшуюся ранее, еще в 1855 г., и подхлестнутую инфляцией волну промышленно-торгового бума, потребительской лихорадки, акционерного учредительства и биржевого ажиотажа. В итоге экономика уже очень скоро не выдержала такого перегрева: 1858 годом открывается затяжной период краха многих акционерных обществ и роста апатии и разочарования в предпринимательских кругах. Нельзя сказать, что правительственные эксперты не пытались осмыслить все перечисленные явления. Однако первоначально тревоги специалистов сосредоточивались именно на опустошении кассовой наличности банков как наиболее зримом и калькулируемом параметре кризиса. С конца 1858 г. в высших правительственных кругах как финансовые советники, так и деятели, занятые разработкой крестьянской реформы, вовсю били тревогу и ставили вопрос о банкротстве казенных кредитных учреждений. Так, будущий председатель РК Я.И. Ростовцев с полным знанием дела отклонил в феврале 1859 г. предложение своего финансового консультанта М.П. Позена "открыть исток излишним капиталам, накопляющимся в кредитных заведениях наших", смело помещая их в ссуды под выкуп у помещиков крестьянской земли: "Этого уже нет"[13]. Действительно, наличность банков весной 1859 г. упала до суммы в 20 млн руб., об "излишках" не было и речи.

В марте 1859 г. в особый Кредитный комитет поступила записка министра финансов А.М. Княжевича с предложением приостановить ссуды из кредитных учреждений под залог незаселенных земель и населенных имений и прекратить рассрочку погашения существующих закладных долгов. Соглашаясь с предложением, МВД настоятельно рекомендовало придать этому шагу финансовой администрации характер общей правительственной меры: "...Было бы сообразнее и с достоинством Правительства, и с пользою самих заемщиков объявить о временном приостановлении новых ссуд... В случае гласного прекращения как выдачи ссуд, так и перезалогов, заемщики не стали бы рассчитывать на пособие от Кредитного установления и могли бы заблаговременно

изыскивать иные для своих надобностей способы"[14]. 16 апреля после рассмотрения в Кредитном комитете и Комитете финансов предложение о прекращении ссуд и перезалогов было утверждено царем.

Данное решение в силу тесного сотрудничества между профессиональными финансистами и творцами крестьянского законодательства (поправка МВД исходила от Н.А. Милютина, в то время директора Хозяйственного департамента[15]) преследовало изначально двоякую цель: ужесточить условия возвращения в банк предоставленных ссуд и присвоить крестьянским землям в заложенных имениях статус выкупаемых у казны. Не случайно исследователь государственного кредита в России П.П. Мигулин предполагал, что полное прекращение выдачи банковских ссуд помещикам под залог имений было спроектировано "не без задней мысли" принудить помещиков (они лишались привычного источника дешевого кредита) к скорейшей продаже крестьянам наделов[16]. В самом деле, теперь погашение помещичьих долгов получало значение общегосударственной задачи, что вскоре существенно облегчило процедуру перевода долгов, ставших обременительными для помещиков, на крестьянские земли. Однако перспектива перечисления помещичьей задолженности на крестьянские наделы сразу же резко обостряла и без того сложную проблему предотвращения бегства вкладов: их держателей еще надо было убедить в том, что правительство будет заинтересовано и сможет исправно собирать с новоиспеченных заемщиков – крестьян – долговые взносы[17]. Таким образом, дав толчок проектированию выкупной операции, банковская реформа останавливалась в ожидании обратного положительного воздействия.

Поиском комплексного подхода к согласованию социально-аграрной реформы с перестройкой казенного кредита занималось несколько экспертных комиссий, образованных в 1859 г. Первой приступила к работе комиссия по "устройству банковой и денежной системы" под председательством директора Кредитной канцелярии Министерства финансов Ю.А. Гагемейстера. Ее костяк составили Милютин, знаток европейских кредитных учреждений, чиновник по особым поручениям Министерства государственных имуществ (МГИ) Е.И. Ламанский, профессор-экономист Н.Х. Бунге[18]. Представление членов комиссии о ее задаче хорошо передают строки частного письма Ламанского академику П.И. Кеппену от апреля 1859 г.: "Теперь крестьянский вопрос поглощает собою все интересы и господствует над всеми остальными. Как ни велик и ни свят он сам по себе, но я никак не могу смотреть на него как на вопрос отдельный, и, поднимая его, мне кажется, нельзя оставлять в стороне неразрывно с ним связанные вопросы: административный, или полицейского преобразования, судебный и наконец финансовый, или вопрос о денежных средствах исполнения намерений дать крестьянам землю и о кредитной и податной системе..."[19] Еще до открытия комиссии этой группировке финансистов удалось при негласной поддержке вел. кн. Константина Николаевича начать реализацию идеи о перестройке структуры банковских вкладов через их консолидацию в долгосрочных ценных бумагах. В марте 1859 г. правительство объявило о выпуске 4%-ных "непрерывно-доходных билетов" – бессрочных облигаций. В отличие от держателей прежних вкладов владельцы облигаций не имели права востребовать вложенную в банк сумму и должны были довольствоваться получением ежегодного рентного дохода[20]. Следует отметить, что решение о выпуске 4%-ных облигаций, продиктованное осознанием остроты банковского кризиса, не только не ослабило стремления реформаторов кредитовать выкуп наделов, но и способствовало конкретизации их представления о возможной форме кредита. Как писал в апреле 1859 г. Ламанский, при условии консолидации вкладов с помощью облигаций "самые операции банка могли бы значительно распространиться и между прочим служить ... к облегчению крестьянам покупки земли в полную собственность"[21].

Хотя ежегодный доход с бессрочных облигаций был выше, чем по прежним вкладам, всего через несколько недель стало ясно, что облигации не завоевали доверия у вкладчиков – их отпугивало отсутствие гарантий возвращения полной суммы, затраченной на приобретение ценных бумаг. Отлив вкладов из банков продолжался, и

Банковская комиссия поспешила подготовить новые предложения, внесенные в июне в Комитет финансов. Комиссия ратовала за немедленный вывод из обращения излишней массы бумажных денег и вторую попытку консолидации вкладов – выпуск облигаций, которые должны были давать высокий ежегодный доход – 5% – и погашаться в течение 37 лет[22].

Проект этих весьма дорогостоящих мероприятий едва ли бы мог появиться на свет, если бы те же самые деятели не были тогда заняты в особой Финансовой комиссии (ФК), куда их в апреле 1859 г. пригласил председатель РК Я.И. Ростовцев. Прислушиваясь к соображениям финансистов, Ростовцев – инициативный реформатор и сановник с большим политическим влиянием – активно изыскивал и со своей стороны средства для постановки выкупа на широкую государственную основу. На первом же заседании ФК 20 мая 1859 г. председатель эмоционально заверил своих сотрудников в наличии у них карт-бланша на реализацию преобразовательных замыслов[23]. В дальнейшем ФК пользовалась привилегиями секретности и неподотчетности даже внутри самих Редкомиссий: материалы ее деятельности ни разу не выносились на обсуждение в Общем присутствии РК. А некоторые из ключевых положений законопроекта, например о помещичьем праве переводить крестьян на выкуп без их на то согласия, были приняты даже вразрез с волеизъявлением самого Александра II[24] (факт, который ставит под сомнение объяснение отказа реформаторов от общегосударственного и обязательного выкупа тем, что Александр II неоднократно выражал неприятие такого исхода[25], – ведь получившие карт-бланш реформаторы могли оказывать обратное воздействие на "высочайшую волю" или даже заявлять ее своими устами).

Вскоре после совещания 20 мая была подготовлена записка "О предметах занятий Финансовой комиссии". В этом программном документе, не вошедшем затем в напечатанные и преданные гласности материалы РК, кроется завязка многих коллизий выкупной операции[26]. В литературе записка лишь бегло упоминается в статье В.В. Потанина[27]. В записке намечались главные ориентиры законотворческих работ по выкупу, с акцентом на отношениях взаимозависимости между ним и выходом из банковского кризиса: "Суждения ее [комиссии] не должны ограничиваться известной рамкой, а напротив того, направлены к тому, чтобы Комиссия сама определила, на основании существующих обстоятельств финансового состояния, какие именно из финансовых мер возможны в настоящее время для достижения цели правительства по крестьянскому делу"[28]. Отличительная черта этого документа – исключительно оптимистическая оценка возможностей правительства прямо воздействовать на ход выкупа.

Выпуск облигаций под ежегодные крестьянские платежи признавался не только единственно доступным (за исключением перевода закладных долгов) для крестьянской массы способом покупки надельной земли, но и вероятным фактором укрепления денежных рынков: "При облигациях ... возможность реализации своего капитала гораздо обширнее и исполнимее, нежели при продаже земли. Рынок процентных бумаг, без всякого сомнения, обширнее, нежели рынок поземельной собственности, который ограничен всегда более или менее местными покупателями... Если земля и сохраняет за собою, по-видимому, некоторое преимущество, а именно способность дорожать с течением времени, то это же качество в той же степени принадлежит и процентным бумагам и облигациям. По мере погашения их остающаяся на рынке часть необходимо должна возвышаться в цене..." Авторы записки рассматривали выброс на рынки выкупных облигаций, обеспеченных крестьянскими платежами и подлежащих срочному погашению, как своего рода инструмент давления на банковскую систему, мощный стимул к ее реорганизации: "Для продолжения своих операций, при допущении кредитной формы выкупа земель с помощью облигаций, вряд ли найдут наши банки возможным продолжать прежнюю систему вкладов, оказавшуюся невыгодною... Преимущества срочных процентных бумаг перед бессрочными билетами на вклады банков указывают на способы, как обеспечить настоящее положение кредитных установлений и воспользоваться их средствами для успеха выкупной операции"[29].

Составители должны были задуматься над оптимальным использованием в банковских оборотах той изрядной части взносов, что должна была пойти не на выплаты по облигациям, а на погашение старых помещичьих закладных долгов. Вот какое им было найдено применение: "Весьма естественно, допустив крестьянские платежи в основание выкупных облигаций, применить остальную часть тех же платежей и в той же форме в основание кредитной системы, и взамен вкладов, обеспеченных платежами с заемщиков, принять срочный выпуск процентных бумаг". Итак, именно на бумаги этой категории предлагалось обменивать доставлявшие столько беспокойства непредсказуемые вклады до востребования, а для успеха обмена рекомендовалось сделать их максимально похожими на выкупные облигации[30].

Это означает, что выпуск кредитных бумаг под выкуп крестьянских наделов был не паллиативом, на который власть пошла из-за скудости финансовых средств и инфляции, но вполне самостоятельной акцией в системе мер по формированию нового рынка государственных кредитных обязательств. В записке давался самый оптимистический прогноз относительно результатов перестройки структуры банковских вкладов: "Возвращение вкладов из банков с известною постепенностию не представляет существенных затруднений. ...Упрочение вкладов посредством замены их срочными облигациями могло бы произойти без всяких затруднений и без особенной продолжительности. Непременное же ежегодное погашение облигаций и возврат вкладов их владельцам обогащал бы рынок свободными капиталами и поддерживал бы курс выкупным облигациям"[31]. В сущности, это был один из первых набросков плана выпуска 5%-ных билетов для размещения долгосрочных вкладов, который вскоре был представлен в Комитет финансов и начал выполняться с сентября 1859 г.

По мнению С. Хока, именно эта мера по консолидации вкладов на сумму 275 млн руб., потребовав экстренных расходов казны, негативнее всего сказалась на законе о выкупе – правительство было вынуждено настаивать на принципе самоокупаемости выкупной операции и резко ограничить рыночное обращение выкупных ценных бумаг в пользу уже выпущенных 5%-ных билетов[32]. На наш взгляд, дело обстояло сложнее: сколь велики ни были предвидимые издержки, решение о выпуске 5%-ных билетов принималось членами Банковской и Финансовой комиссий в надежде на положительные последствия для выкупа. Двуединый характер данного плана четко обозначен в заключительной части записки: "...При постепенном выпуске облигаций, при соответствующих изменениях в устройстве кредитных установлений и при усилении погашения облигаций посредством продажи государственных имуществ выкупная операция не только может быть предпринята с полным ручательством за успех, но исполнение ее откроет новые средства к дальнейшим улучшениям финансового устройства и податной системы..."[33] В том же духе высказался Е.И. Ламанский в статье, написанной сразу после объявления обмена вкладов на облигации: "...Реформа сама по себе сделана, и кредитным учреждениям предстоит новая эра, без всякой возможности возвратиться к старому порядку. Теперь уже не будет причины опасаться: ни развития промышленных предприятий, ни выпуска облигаций для важного общественного преобразования в быту крестьян..."[34] Однако этот оптимизм ускользает от внимания многих историков. Между тем он действительно имел место и основывался на планах использования резервов государственного хозяйства.

Планы продажи государственных имуществ

В литературе вопрос о проектировании в конце 1850 – начале 1860-х гг. финансовых мероприятий на базе государственных имуществ – свободных земель, оброчных статей, промышленных предприятий – затрагивался только попутно, в связи с анализом других сюжетов[35].

Сама мысль о вовлечении казенных имуществ в свободный рыночный оборот с целью оздоровления экономики восходит к учению А. Смита. Влияние авторитетной теории обнаружило себя во внутренней политике самодержавия еще за полвека до

отмены крепостного права – в разработанной по инициативе М.М. Сперанского концепции укрепления финансовой системы государства. Продажа казенных земельных владений в частную собственность намечалась как эффективная дефляционная мера; за счет предполагавшейся в размере 100 млн руб. серебром выручки следовало изымать из обращения и погашать ассигнации. Хотя осуществление этой акции в 1810–1816 гг. не принесло ожидаемых плодов[36], спустя десятилетия, в условиях общественно-политического подъема начала нового царствования идея с новой силой возродилась к жизни и стала популярной в различных общественных кругах. Правда, они далеко не всегда были осведомлены о ходе обсуждения аналогичного замысла в высшей правительственной среде.

Между тем едва ли не первым задачу согласования реформы казенного хозяйства с отменой крепостного права выдвинул сам глава МГИ М.Н. Муравьев. В представленных в ноябре 1857 г. (незадолго до издания рескрипта Александра II Назимову) в Секретный комитет по крестьянскому делу "Замечаниях о порядке освобождения крестьян" министр советовал открыть распродажу свободных казенных земель в восточных губерниях Европейской России. После принятия в декабре 1858 г. новой правительственной программы отмены крепостничества, где операция по выкупу крестьянских наделов фигурировала в качестве важнейшего пункта, Муравьев, в свою очередь, приступил к формулированию программы распродажи. В докладе царю в январе 1859 г. он предложил "вырученные при отчуждении казенных имений суммы обратить частью на приобретение государственных фондов на сумму ежегодного дохода, равную [прежнему] доходу..., частью же на составление особого капитала, предназначенного для воспособления общему крестьянскому делу"[37].

Почти одновременно с идеей отчуждения свободного казенного фонда получили распространение в правительственных "верхах" и планы превращения государственных крестьян в полных собственников надельной земли. Инициатива опять-таки исходила от главы МГИ, подготавливавшего в тот период замену взимавшейся с крестьян оброчной подати арендной платой. Установленный новый порядок кадастровой оценки крестьянского землепользования (первоначально опробованный летом 1859 г. в Петербургской и Самарской губ.) поощрял крестьян и прежде всего зажиточных домохозяев к переходу на выкуп наделов в полную собственность из 5%-ной капитализации ренты. Во всеподданнейших докладах Муравьева подчеркивалась заинтересованность казны в продаже крестьянской земли "отдельными особняками", т.е. отрубами, и погашении выкупного долга в "кратчайшие сроки" (после чего крестьяне освобождались бы от поземельных платежей и получали право свободного распоряжения своим участком)[38]. У историка российского крестьянства В.И. Семевского были веские основания охарактеризовать инструкцию 1859 г. о выкупе земли в государственной деревне как "зародыш относительно разрушения общинного землевладения аграрной политики Столыпина"[39]. В откликах современников на муравьевские начинания в области государственного хозяйства преобладало резкое осуждение фискальных приоритетов министра, из которых наиболее одиозно выглядело его стремление усилить в преддверии выкупа налоговые поступления с казенных крестьян; у сторонников общины особое возмущение вызывала ставка главы МГИ на внедрение участкового землевладения.

Однако критиковать планы Муравьева было тем труднее, чем больше критик был вовлечен в реальный поиск способов преодоления острейшего финансового и банковского кризиса. Именно на примере лидеров РК эта закономерность прослеживается особенно четко. Все они, включая Ростовцева, не питали никаких политических симпатий к Муравьеву. Тем не менее в практической разработке реформы малопривлекательные планы МГИ служили подчас единственным гарантом для предложений и решений, от которых прямо зависел конечный результат законотворчества. Я.И. Ростовцев еще до открытия РК отметил в секретной мемории: "Условиться с г. министром государственных имуществ о всех тех средствах, которые Министерство государственных имуществ может предоставить для выкупа, как от увеличения доходов государственных имуществ, так и от продажи крестьянам казенных земель; ибо в

деле выкупа на Министерство финансов нет ни малейшей надежды, и выкуп может совершиться только при участии Министерства государственных имуществ". Того же мнения был и сам Муравьев, который в июне 1859 г. в письме из-за границы поручал своему товарищу А.А. Зеленому "разъяснять, что вопрос об устройстве быта помещичьих крестьян не может быть окончательно решен без соображения об устройстве государственных и удельных крестьян. Притом все средства и помощь в сем важном деле в настоящее время могут только проистекать от государственных имуществ..." "...Доложите об этом государю, – внушал министр, – ежели будут спешить какими-либо отдельными скорыми распоряжениями"[40].

Вошедшие в состав ФК эксперты-финансисты сразу же попытались, пользуясь поддержкой Ростовцева, перехватить инициативу у Муравьева. В упомянутой записке "О предметах занятий..." мысль об отчуждении государственных имуществ как способе финансирования преобразований была развернута много шире первоначальной муравьевской версии. Показателен перечень предлагавшихся к продаже объектов – "фабрики, заводы, рудники, соляные источники и копи, [Николаевская] железная дорога, телеграфы и проч. ..., поземельная собственность: оброчные статьи, леса и земли, ненаселенные и населенные крестьянами на правах пользования ими за оброк". Продажа предусматривалась преимущественно за выкупные облигации по их номинальной цене. Сосредоточение в руках казначейства этих бумаг должно было обеспечить правительству каналы воздействия на кредитные рынки, что объявлялось в записке "главной заботой правительства": "Выгоды Казначейства заключались бы в процентах с облигаций, которые доставляли бы превышение в доходе казны, а в случае погашения приобретенных казною облигаций капитал их с такою же выгодою мог бы употреблен быть или на покупку вновь облигаций или же на погашение других долгов и получение чрез то в бюджет свободных средств, назначавшихся на платеж погашенной части долга". Через "сколь возможно скорейшее погашение облигаций", начиная с первых же лет выкупной операции, "без ограничения суммы" тиража, надлежало добиться устойчивого биржевого курса их остающейся в обращении массы. Для этого намечался сбыт госимуществ и за наличные деньги. Финансисты наполнили новым смыслом муравьевскую идею о продаже наделов государственным крестьянам: такая продажа обусловливала бы "успех выкупа не только в денежном, но и в нравственном смысле. Она показала бы помещичьим крестьянам, что поземельная собственность должна быть приобретена ими капитализациею денежного оброка и что этим же способом покупают себе землю у казны свободные государственные крестьяне"[41].

Планы такой продажи летом – осенью 1859 г. оказали воздействие на важные пункты проектов РК, вошедшие затем в крестьянское законодательство. Во-первых, это принципиальное дополнение к журналу Общего присутствия РК № 39 от 13 августа 1859 г. Согласно ему помещик мог потребовать от казны немедленной выдачи капитализированного крестьянского оброка при условии, чтобы: 1) процент на погашение не увеличивал ежегодных долговых выплат сравнительно с прежним оброчным платежом; 2) крестьяне получали весь отошедший в их пользование надел[42]. Не все лидеры РК были уверены в целесообразности подобного принуждения крестьян к выкупу, получившего впоследствии очень широкое распространение. Например, Ю.Ф. Самарин отмечал: "Здесь уже предполагается обязательный для крестьян выкуп, т.е. вместо 9 лет обязательного пользования это пользование растянется до погашения, 37 или 50"[43]. Тем не менее соответствующее решение было принято фактически единогласно. Очевидно, согласие на обязательный перевод крестьян на выкуп облегчалось ожиданием ускоренного погашения за счет казенных средств.

Во-вторых, планы поддержки выкупной операции существенно повлияли на правила установления и вычисления крестьянских повинностей. До лета 1859 г. реформаторы из Министерства внутренних дел (Н.А. Милютин, руководитель Земского отдела Я.А. Соловьев) рассматривали установление денежной повинности за надел как важнейшую задачу, выполнение которой не должно было подгоняться требованиями выкупа: "...Не прежде определения надела и соразмерных с оным повинностей можно

перейти к определению способов оценки земель для выкупа, а затем и к самой оценке". При этом за основание узаконенного крестьянского оброка намечалось принять действительную стоимость земли в данной местности, вычисленную по продажным и арендным ценам[44]. Однако теперь было введено несколько обширных территориальных полос, в каждой из которых устанавливался единый оброк за высший душевой надел[45]. Декретирование размера оброка из Петербурга "валовым" порядком заведомо завышало его над реальной ценностью земли (критерием был официально объявлен средний дореформенный оброк с души), зато создавало административно-правовую базу для перехода на выкуп путем капитализации заранее известной суммы.

Наконец, оптимизм реформаторов в отношении форсирования выкупа отразился и на системе градации повинностей за надел, о которой РК впервые заявили также в августе 1859 г. и которую затем упорно отстаивали, несмотря на ее резкую критику самими помещиками, казалось бы, только выигрывавшими от нее[46]. Историки обычно обращают внимание только на экономическую цель градации – уменьшить потерю в вознаграждении помещиков, предоставивших крестьянам надел ниже высшего для данной местности, и ослабить заинтересованность крестьян в сокращении значительных наделов при их выкупе[47]. Но система градации была определенным образом вписана и в кредитный механизм выкупа. Непропорциональное завышение оброка за первую десятину надела, а в нечерноземной оброчной полосе – и за вторую позволяло повсеместно установить более или менее унифицированное соответствие между количеством ревизских душ и суммой выкупного вознаграждения. Иными словами, градация максимально сокращала разницу между вознаграждением за данное число душ с малым наделом и вознаграждением того же помещика в том случае, если бы надел его крестьян достигал высшего размера. Это было очень важно, так как при увеличении такой разницы было бы логично ожидать от массы немногоземельных владельцев требований и ходатайств о выдаче им всей суммы вознаграждения наличными деньгами (а не пугавшими многих ценными бумагами), чего реформаторы всячески старались избежать. Видимо, именно эти соображения обусловили решение, которое руководство РК приняло в начале 1860 г. вопреки своим тревогам за платежеспособность барщинных крестьян: повысить норму денежной повинности за высший надел во всех местностях черноземной полосы с 8 до 9 рубл. серебром, т.е. до уровня нечерноземной оброчной полосы[48].

Возвратимся теперь к самим планам продажи. Оставив весьма значительный след в проектах крестьянского законодательства, они в дальнейшем быстро подверглись ревизии. Продажа госимуществ обсуждалась в 1859 г. на высшем правительственном уровне. В июле император утвердил журнал Комитета финансов, в котором, в соответствии с рекомендациями экспертов-финансистов, ставилась задача собрать необходимую информацию по каждому из ведомств и образовать комиссию для назначения объектов продажи. По докладу министра финансов Александр II в октябре поручил рассмотрение вопроса Департаменту экономии Государственного Совета. Но Департамент экономии не мог обсуждать конкретные меры без участия и содействия МГИ, в чьем ведении состояла "значительная и важнейшая часть казенной собственности". Министерство же отказывалось сообщить Департаменту данные о подлежащих продаже объектах, объясняя это тем, что отчуждение их должно производиться по отличным от других ведомств правилам, уже одобренным царем[49].

Конфликт получил продолжение на заседаниях Совета министров и Комитета финансов в декабре 1859 г., о чем свидетельствуют выразительные дневниковые записи главного антагониста Муравьева – вел. кн. Константина Николаевича[50]. Уклоняясь от представления требуемых сведений, Муравьев, вопреки своим же более ранним докладам, не обещал больших непосредственных прибылей от продажи и доказывал ее бесполезность для крупных финансовых операций правительства. Министром, вероятно, овладели сомнения, не приведет ли распродажа в условиях бурного общественного увлечения либеральной экономической доктриной к разбазариванию резервов государственного хозяйства. Аргументы Муравьева склонили царя на его сторону. Согласно

заключению Департамента экономии, вынесенному в декабре 1860 г., Александр II пожелал оставить в силе прежний порядок постепенной продажи государственных имуществ, "признавая неудобным приступать к этой мере для финансовой цели..." Дело было официально закрыто[51].

Было бы упрощением присоединиться к высказанному вел. кн. Константином мнению о том, что Муравьев защищал ведомственные фискальные интересы МГИ в ущерб финансовому благополучию государства. В конце 1859 г. планы продажи подверглись критической переоценке в среде самих реформаторов. Наиболее скептическую позицию занял в поданной вел. кн. Константину в конце 1859 г. записке о текущем состоянии финансов М.Х. Рейтерн – пожалуй, наиболее влиятельный из тогдашних специалистов по этой части (статс-секретарь, заведующий делами Комитета финансов, а в скором будущем министр финансов). Рейтерн с различных точек зрения доказывал иллюзорность надежд на источники чрезвычайного казенного субсидирования: "Высочайше утвержденное положение Комитета финансов об отчуждении государственных имуществ осталось и, по-видимому, останется без исполнения... Если бы даже, против чаяния, значительная масса государственных имуществ была продана, то все-таки употребленные на покупку капиталы должно вычесть из массы тех капиталов, которые будут искать на бирже помещения в процентных бумагах".

Из этой посылки формулировалась первоочередная после консолидации части банковских вкладов задача: не нарушать равновесия между "суммой ежегодно образующихся новых капиталов, ищущих себе помещения на бирже", и "массой являющихся на бирже процентных бумаг, ищущих капиталов". Относительно поступления капиталов автор давал малоутешительный прогноз: "значительно меньше 100 м[лн] в год". А вот в ценных бумагах недостатка отнюдь не предвиделось: главными их поставщиками должны были стать выкупная операция и система частного поземельного кредита. В отличие от составителей записки "О предметах занятий...", Рейтерн делал акцент не на государственных гарантиях банковской ренты и погашения, а на скорейшем биржевом сбыте облигаций и закладных листов земских банков за наличные деньги: "...Невозможно даже приблизительно сказать, сколько на земский кредит и на выкупную операцию потребуется капиталов. Но если взять в соображение, что эти операции... должны будут удовлетворить не только существующим потребностям землевладельцев в кредите, но доставлять им оборотный капитал для заведения хозяйства на началах вольного труда...; если вспомнить при этом, что в случае недостаточности капиталов на заведение нового хозяйства России грозит совершенное экономическое расстройство..., нельзя не прийти к заключению, что масса новых капиталов в течение нескольких лет должна будет обращаться на эти две операции". Этим и обусловливался недвусмысленный упрек Рейтерна в адрес ФК: понимая, что "выкупная крестьянская операция бросит на рынок огромную массу процентных бумаг", она не сообщила в своих материалах "никаких данных об объеме этой операции".

Из схемы Рейтерна ясно, что отказ от поддержания курса облигаций за счет казенных средств (через централизованное планомерное погашение) порождал необходимость облегчить стихийный биржевой сбыт ценных бумаг. Чтобы сохранить равновесие, следовало строго ограничивать ежегодный выпуск ценных бумаг и одновременно обеспечивать свободные капиталы в объеме, гарантирующем покупку бумаг даже на случай максимальной потребности в сбыте. Таким образом, ставка на высвобождение капиталов и развитие частного предпринимательства, в том числе в сельском хозяйстве, не мешала Рейтерну ратовать за весьма жесткое регулирование самого хода выкупа. По воспоминаниям Ламанского, именно предотвращение массового приступа к выкупным соглашениям было узловым пунктом программы Рейтерна в ФК[52].

Почти одновременно с докладом Рейтерна в кругу реформаторов появилась аналитическая записка А.П. Заблоцкого-Десятовского – члена ФК и статс-секретаря Департамента экономии Госсовета. Заблоцкий обоснованно предостерегал коллег от переоценки положительного влияния продажи земельных имуществ на экономическое

развитие. Сам по себе переход земель в частные руки, писал он, "не сделает сильного переворота в хозяйстве; степи не заселятся, урожаи не увеличатся и даже запашка едва ли усилится. Для этого нужны рабочие руки и капиталы, а их недостает, и продажа земель не создаст этих необходимых двигателей всякой производительности". Более того, массовая продажа земель могла резко уронить их рыночную цену или привести к опасной концентрации в руках немногих собственников огромного земельного фонда, т.е. "монополии, особенно вредной там, где земли нанимаются для обработки мелкими промышленниками и крестьянами". Решительно осуждалась сама идея выкупа государственными крестьянами своих наделов, на которые правительство "имеет только неполное право собственности" и продажа которых "в прямом смысле этого слова – едва ли возможна". Примечательное уточнение внес в последний тезис Н.А. Милютин: "Они могут и должны быть продаваемы, но только государственным крестьянам"[53]. Этот обмен мнениями предвосхитил напряженные дебаты о природе права государственных крестьян на их надельную землю, которым было суждено развернуться в Главном комитете об устройстве сельского состояния три года спустя[54].

Углубление дискуссий о продаже земель в частные руки неизбежно и со всей определенностью поставило бы лидеров РК и перед другой сложной проблемой – выбором между общинной и частной формой землевладения как в государственной, так и в бывшей помещичьей деревне. По этому вопросу внутри РК имелись очень серьезные расхождения между группировкой бюрократов с опытом службы в МГИ при П.Д. Киселеве (Соловьев, Заблоцкий-Десятовский) и славянофильским крылом[55]. Поэтому падение в реформаторской среде интереса к планам продажи может быть объяснено и желанием не обострять разногласий по аграрно-экономической программе реформы, отложить их разрешение на будущее.

Как свидетельствует ряд источников, записка Заблоцкого оказала своего рода отрезвляющее воздействие на реформаторов, значительно умерила их эйфорию в связи с проектированием продажи. Так, в конфиденциальном письме, направленном императору в декабре 1859 г. накануне заседания Совета министров по этой проблеме, Ростовцев (уже тяжело больной) предостерегал от распродажи земельного фонда с искренним пафосом: земли "пойдут за бесценок; сумма от них выручится маловажная, гораздо менее, чем от Московской железной дороги", и "не только выкуп крестьянами земли, но и самое обнародование личных их прав сделаются невозможными, и, сверх того, потеряется совершенно нравственный кредит правительства, которое уже заявило, что капиталы и доходы государственных имуществ будут употреблены для крестьянского вопроса..." "Оставаясь же в руках правительства", заключал он, земельное достояние послужит "огромною гарантиею, которая спасет все крестьянское дело"[56].

Тем не менее, повторим, эти планы успели оставить долгую память о себе во многих ключевых нормах параллельно разрабатывавшихся законопроектов, прежде всего о хозяйственном устройстве временнообязанных крестьян и об организации выкупа наделов.

Поворот в проектировании выкупной операции

Не удивительно, что подготовленный к осени 1860 г. окончательный законопроект о выкупе отразил причудливое сочетание ранних реформаторских инициатив и их последующей корректировки. Еще раз отметим, что разработка кредитно-финансовых вопросов реформы проходила в ФК при закрытых дверях. В первой половине 1860 г. информация о планах выкупа из Комиссий была такой скудной, что даже у осведомленных современников (например, А.В. Головнина) возникало впечатление, будто проекты реформы составляются лишь для временнообязанных отношений, а проектирование выкупа откладывается на неопределенное время[57]. Изготовление печатных экземпляров окончательного выкупного проекта для сановников Главного комитета Н.А. Милютин сумел оттянуть до самого закрытия РК[58].

В аналитическом докладе к этому проекту члены ФК, как справедливо подчеркивает С. Хок, четко сформулировали принцип самофинансирования выкупной операции: она должна была "питать сама себя, не обременяя Государственного казначейства новыми постоянными расходами"[59]. В то же время проблеме возможного казенного субсидирования операции в докладе отводился специальный раздел – "Чрезвычайные средства для вспособления выкупу". Важнейшим из них признавалась опять-таки распродажа госимуществ. Реформаторы, однако, старались представить дело так, будто вопрос о субсидировании поднимается ими впервые. Убеждая публику в том, что при "постепенной" и "добровольной" системе выкупа немедленная продажа госимуществ для "подкрепления выкупа" совершенно не требуется[60], члены ФК упорно не раскрывали того факта, что такие планы играли важную роль на первом этапе их работы.

Это умолчание, выявляемое лишь с привлечением архивных источников, объясняется именно тем, что ревизия планов продажи вынудила реформаторов перестроить и механизм выкупной операции. Ближайшей причиной принятия "постепенной" и "добровольной" системы выкупа как раз и было то, что планы продажи окончательно зависли в воздухе, потеряли актуальность, а не наоборот. (Иной вопрос, которого мы коснемся позже, – почему это произошло так быстро.) При этом "постепенность" и "добровольность" получали новый и неожиданный смысл. Декларирование этих принципов в итоговом, предназначенном к распубликованию докладе, по замыслу членов ФК должно было даже придать заключению выкупных сделок ускоренный темп. Это ясно из сравнения доклада с составленными годом ранее, летом 1859 г., "Предварительными соображениями о выкупе". В отличие от подготовленной почти тогда же записки "О предметах занятий...", "Предварительные соображения..." не были секретным документом, они раздавались для ознакомления и отзывов дворянским депутатам (впрочем, и речь в них шла в основном об административной, но не кредитно-финансовой стороне выкупа). Документ предлагал ввести определенную планомерность в развертывание выкупной операции: очередность утверждения выкупных сделок в рамках уездов или целых местностей регулировалась бы по строгим правилам, основанным на таких критериях, как уровень хозяйства в имении, степень задолженности имений, выгодность перевода на выкуп для самих крестьян[61]. Проектируя эти меры, члены ФК довольно близко подошли к выкупу общегосударственному, обязательному – ведь аналитики, высказывавшиеся по выкупной проблеме, чаще всего истолковывали обязательный выкуп не как повсеместно безотлагательный и единовременный, а как размеренный, поэтапный, заранее просчитанный. Добровольный же выкуп возбуждал у них опасения стихийного, внезапного наплыва выкупных сделок. Именно очередность в утверждении выкупных соглашений позволила бы рационально спланировать расходование вырученных от продажи госимуществ средств на поддержку выкупной операции.

В окончательном же докладе эта точка зрения отвергалась, любая попытка регулировать перевод крестьян на выкуп объявлялась бесполезным и мелочным "регламентаторством", и предстоящая операция изображалась как результат спонтанного проявления долгожданной частной инициативы: "При системе добровольных соглашений... очередь между имениями установится сама собою, безо всяких насильственных или произвольных мер и без сложных, часто неисполнимых регламентаций"[62]. Подобные заявления звучали многообещающе и должны были повысить в глазах помещиков привлекательность предоставленного им права требовать от крестьян немедленного перехода на выкуп. "Добровольность" означала расширение свободы помещика в принуждении крестьян к выкупу. Не случайно уже перед публикацией выдержек из доклада реформаторы приняли решение уменьшить долю капитализированного оброка, получаемую помещиком из казны, с 85 и 80% (при выкупе всего надела и части его соответственно) до 80 и 75%[63]. Известно, что оставшуюся часть капитализации уплачивали без всякого кредита сами крестьяне (так называемый дополнительный платеж),

но при выкупе по одностороннему требованию она безвозвратно списывалась с них. Увеличение вычета из капитализации было сделано в последний момент в предвидении того, что помещики быстро и в массовом порядке откликнутся на поощрение к одностороннему требованию выкупа: крестьяне получали хотя бы некоторую компенсацию за игнорирование их инициативы в этом деле[64].

Термин же "постепенность" прилагался теперь не к темпам перехода крестьян на выкуп и, следовательно, выдачи помещикам выкупных бумаг, а к средствам реализации этих самых бумаг, т.е. не к механизму "запуска" выкупной операции, а скорее к механизму ее завершения – способу окончательного вознаграждения помещиков и погашения долга крестьян. Члены ФК в итоговом докладе, вопреки своим же надеждам годичной давности, заявляли, что, кроме регулярности получения процентов и "правильности погашения по тиражу", "цена всяких процентных бумаг зависит также и от количества свободных капиталов, как вообще, так и в особенности ищущих помещения". Это суждение было почти цитатой из уже разобранной записки Рейтерна. Соответствующие нормы были введены в законопроект (прежде всего выпуск свободно обращавшихся облигаций в размере гораздо меньшем, чем так называемые свидетельства, не подлежащие продаже на бирже, крупное денежное достоинство свидетельств, постепенность их обмена на облигации и т.д.). По "валовому примерному" расчету ФК, сумма, подлежащая выдаче в облигациях (без учета последующего размена свидетельств), должна была составить лишь $^1/_9$ общей капитальной суммы выкупа (104 млн к 948 млн руб.). В ближайшие 5 лет после обнародования Положения ФК ожидала распространения выкупа на 2,5 млн ревизских душ, прежде всего в заложенных имениях, и приравнивала общую выкупную ссуду к 50 млн руб.: 35 млн – свидетельствами и 15 млн – облигациями. Последняя цифра действительно не выглядела угрожающе на фоне только что выпущенных для консолидации банковских вкладов 275 млн руб. свободно обращающихся 5%-ных билетов[65].

Среди факторов, облегчивших отступление реформаторов от замысла централизованного "обналичивания" владельцев выкупных бумаг за счет продажи госимуществ, первое место принадлежало, однако же, не "гадательному" (Рейтерн) предположению, будто "количество ищущих помещения" свободных капиталов обеспечит удовлетворение помещичьего спроса на наличные деньги. Не достаточность свободных капиталов, а слабость спроса – вот на что, как это ни парадоксально, полагались реформаторы[66]. Поэтому все большее значение получала их подспудная убежденность в преобладании рантьерских черт над предпринимательскими в экономическом мышлении и поведении типичного среднепоместного дворянина. Курс на внушение помещичьей массе и впредь недоверия к рискованным и требующим больших денежных затрат хозяйственным предприятиям был обозначен уже в записке "О предметах занятий...": "Куда, спрашивается, могли бы употребить помещики значительную массу денег, если бы и представилась возможность удовлетворять их наличными деньгами за их облигации? Если эти последние дают достаточные выгоды, то нет и побуждения искать капиталу другое, менее верное помещение. Улучшения сельского хозяйства не могут потребовать зараз и для всех владельцев облигаций чрезмерных сумм"[67]. "Благоразумие" подобного воображаемого помещика и должно было заменить в программе выкупной операции предложенный Рейтерном предельно жесткий вариант лимитирования ежегодного выпуска в обращение ценных бумаг.

В итоговом докладе под это воззрение подводится развернутое социальное обоснование. Самые благоприятные условия биржевого сбыта ценных бумаг и получения денежного капитала создавались для владельцев мелких и обремененных долгами имений, шансы которых на производительные вложения в пореформенное сельское хозяйство были очень низки. Напротив, ускоренная продажа крестьянам их наделов могла стимулировать таких помещиков к отчуждению и остающейся земли. Более состоятельный слой помещиков, к которому принадлежали самые удачливые владельцы собственных хозяйств, рассматривался реформаторами как масса потенциальных рантье, чье доверие к государственным процентным бумагам должно было удержать

эти последние от прилива к биржевым рынкам. Шансы данной категории землевладельцев на сохранение и развитие аграрного производства заботили реформаторов существенно меньше, чем стабильность размещения в их среде ценных бумаг. Выгоды рентного держания выкупных облигаций и свидетельств доказывались пространными соображениями: "...Последнее преобразование банковых установлений, изменив условия нашего внутреннего денежного рынка, *приучит без сомнения наше общество к новым процентным бумагам*, и вновь скопляющиеся капиталы, лишенные прежнего легкого обращения в банках, станут искать прочного помещения в государственных фондах, в том числе – и в выкупных облигациях, гарантированных правительством"[68].

Таким образом, осенью 1860 г. предстоящая выкупная операция могла рассматриваться как важнейшая составная часть начатой годом ранее экстренной кампании по выпуску долгосрочных бумаг государственного займа. Весьма показательно, что когда на совместных заседаниях Главного комитета и Комитета финансов в ноябре 1860 г. некоторые сановники завели речь об опасностях, сопряженных с "появлением на бирже новых, доселе не бывших в обращении процентных бумаг" – выкупных облигаций, это противодействие проекту ФК было без особого труда преодолено простым переименованием (!) облигаций в "новую серию государственных пятипроцентных банковых билетов"[69]. Новое название не затрагивало сути предложенной меры, но должно было, по всей видимости, вызывать у держателей успокоительную ассоциацию с 4%-ными вкладными банковыми билетами, до реформы пользовавшимися среди помещиков большой популярностью именно как надежный источник рантьерско-ростовщических прибылей[70].

Закрепление за новыми государственными ценными бумагами такой функции сразу же разгадали те из помещиков, кто связывал свое будущее с реализацией идей экономического либерализма. Так, А.С. Хомяков, критикуя упразднение казенного закладного кредита и последовавшую за ним перестройку структуры банковских вкладов, писал в 1860 г.: "Выпуск казенных облигаций остановил это движение [к предпринимательству. – *М.Д.*]. Миллионы опочили на новой пятипроцентной ренте, как прежде на ломбардных билетах. Остальные сделались ростовщиками, пользуясь стесненным положением, в которое поставлены владельцы недвижимых имуществ, а ростовые проценты убивают всякую предприимчивость"[71].

Понимание экономической нечеткости концепции выкупного проекта отразилось и в попытках его корректирования, которые предприняли в конце 1860 – начале 1861 г. участники обсуждения реформы в Главном комитете и Государственном Совете. Хотя соответствующие предложения исходили от сановников, пользующихся в историографии репутацией "крепостников" (М.Н. Муравьев, князь П.П. Гагарин), их суть не сводилась к односторонней защите помещичьих интересов. Оппоненты ФК, пытаясь отыскать альтернативный способ проведения финансовой операции, выступали за ослабление в той или иной форме зависимости вознаграждения помещиков от крестьянских платежей. Муравьев предлагал значительную часть вознаграждения выдавать наличными деньгами из особых резервов МГИ с целью стимулировать помещичье сельскохозяйственное предпринимательство (помещикам, указывал он, "в настоящее время нужны не кредитные бумаги, но наличные деньги, для преобразования их хозяйств на новых началах вольнонаемного труда"). Достаточно продуманным было и предложение Гагарина[72]: он выдвинул идею привести крестьянские наделы в точное соответствие с переводимым на крестьян помещичьим закладным долгом (т.е. в случае превышения долга над выкупной ссудой допускалось бы соразмерное расширение надела и наоборот). Это открывало возможность помещикам сразу освободить остающиеся в их распоряжении земли от закладных долгов, препятствующих развитию предпринимательства, а крестьянам – увеличить предоставляемый по закону надел, если таковой покажется им скудным. Добровольное же сокращение надела в случае, когда выкупная ссуда за надел превышала долг, позволило бы правительству избежать выпуска выкупных бумаг на эту разницу.

В ответ на предложение этих и других поправок финансисты – творцы проекта – неизменно ссылались на преимущества финансовых поземельных операций посредством долгосрочных ценных бумаг. План Муравьева был отвергнут в соединенных комитетах – Главном и финансов – прежде всего потому, что он угрожал замедлить процесс заключения выкупных сделок: "...Начиная выкуп *наличными деньгами*, Правительство может быть поставлено в крайне затруднительное положение в том случае, если бы выкупная операция приняла более значительные размеры, чем теперь полагать можно. Тогда ему пришлось бы: или отказаться от принятой системы платежа наличными деньгами, или же стеснять выкуп, к ущербу общих государственных интересов". Предложение Гагарина не нашло поддержки у министерств внутренних дел и финансов, под фирмой которых выступали, по всей вероятности, все те же лица – творцы выкупного законодательства. В отзывах обоих министров, представленных в Госсовет, возможное увеличение крестьянского надела одновременно с перечислением на него всей суммы долга рассматривалось исключительно с фискальной стороны – как мера, способная привести лишь к росту недоимок в крестьянских платежах и подорвать выполнение старых и новых обязательств банка перед вкладчиками. Характерно, что гагаринская идея ограничить долговые платежи крестьян 33-летним сроком (который назначался по закону для погашения помещичьих закладных долгов) как будто осталась вовсе не замеченной[73]. В отношении же хозяйственных потребностей помещиков Государственный Совет отреагировал на предложение Гагарина образованием особой комиссии для выработки программы содействия переустройству помещичьих хозяйств. Она, в свою очередь, переадресовала порученное ей дело еще одному экспертному совещанию – Комиссии по устройству земских банков (1859–1862 гг.)[74].

Знаменитая в то время, но пока не слишком изученная, Комиссия по земским банкам, начав работать одновременно с Финансовой комиссией РК, "пережила" ее на два года и в какой-то степени явилась ее преемницей в проведении определенной программы. Хотя создание комиссии было вызвано прежде всего тревогой помещиков по поводу отсутствия у них необходимых наличных капиталов для коренной перестройки хозяйств, в проектах и аналитических материалах комиссии проблеме производительных капиталовложений в земельное хозяйство, т.е. целевого, мелиоративного кредита было уделено немного внимания. Вместо этого финансисты развернули настоящую пропаганду новых кредитных ценностей – закладных листов, которыми и должны были выдаваться ссуды из частных взаимных товариществ помещикам под залог имений. Закладные листы, утверждали члены Комиссии, призваны удовлетворить "потребности в благонадежном и нехлопотливом помещении капиталов", они "не могут и не должны... служить *орудием мены*, денежным знаком", а "имеют прямым своим назначением долгосрочные затраты капиталов, ищущих вполне обеспеченного помещения и умеренного, но постоянного дохода". Очень характерен взгляд Комиссии и на способы реализации закладных листов: "Листы лучше могут держаться в курсах при постепенном их сбыте из рук заемщиков, чем при продаже их земскими банками большими массами... Заемщик может продавать закладные листы по мере надобности, пользуясь для себя всеми колебаниями курсов..."[75] Отсюда ясно, почему в трудах Комиссии, несмотря на апологию частной инициативы в деле основания новой системы поземельного кредита, отводилось такое значительное место соображениям о формах деятельного правительственного участия в поддержании биржевого курса закладных листов[76]. В данном случае ипотека рассматривалась скорее как предпосылка мобилизации помещичьей земельной собственности, чем стимул к повышению производительности крупного сельского хозяйства. Помещик в этих планах выступал как бы рычагом связи между рынком земельной собственности и рынком ценных бумаг, своеобразным инструментом введения этих последних в обращение.

Выкуп в общей концепции реформы 1861 г.

История разработки выкупной операции показывает, что реформаторам не был близок принцип дефицитных бюджетных затрат на достижение прогресса в аграрной сфере. Даже самый значительный проект финансовой поддержки операции, рассмотренный нами, – продажа государственных имуществ – не предполагал прямого субсидирования сельского хозяйства; речь шла о централизованном регулировании обращения кредитных бумаг, выпущенных под мобилизацию части помещичьей собственности. Очевидно, что данный замысел имел немало прожектерских черт: в нем слабо учитывались покупательная способность населения, рыночная конъюнктура, недооценивались объективные трудности перехода к частному предпринимательству. Более того, создается впечатление, что реформаторы в пылу законотворчества не очень задавались вопросом – кто же будет покупать объявленные к продаже свободные казенные земли, оброчные статьи и другие имущества. Подразумевалось, что самым заинтересованным и активным покупателем будет помещик, но никаких конкретных соображений о том, как же осуществить такую продажу при нехватке капиталов и самими же реформаторами приветствуемой привычке к рантьерскому держанию ценных бумаг, в проекте не отыскивается. До известной степени проект продажи был продуктом предоставленного узкой группировке экспертов карт-бланша на борьбу с банковским кризисом и овладевшей ими преобразовательной эйфории. Даже осторожный скептик Гагемейстер ожидал в 1860 г. от реализации госимуществ "в самом непродолжительном уже времени" выручку в 100 млн руб. серебром – это та же "магическая" цифра, о которой мечтали составители аналогичного проекта в 1810 г.[77].

Тем не менее, если отвлечься от специфического преломления этой идеи в сложнейших обстоятельствах 1859–1861 гг., нельзя не признать, что она заключала в себе ценные прозрения о последующем развитии выкупной операции и – в самом общем виде – обнадеживающий подход к совмещению социально-экономических и финансовых задач реформы. С экономической точки зрения увязка продажи госимуществ с выкупной операцией была в 1859 г. пусть только гипотетической, но все же перспективной постановкой проблемы. Обещание продажи госимуществ выступало в этой модели не просто как одно из средств "для воспособления выкупу", но и как гарантия того, что при проведении земельно-правовой реформы власть не будет откладывать преобразования внутренних основ аграрного строя. Начавшись, продажи свободных земель могла и не быть доведена до намеченных широких размеров, зато могла бы дать импульс мерам по формированию помещичьего предпринимательского и (сначала в государственной деревне) частновладельческого крестьянского хозяйства в русле единого преобразования.

Что же касается кредитно-финансового аспекта выкупной операции, то планы продажи госимуществ не были напрасной перестраховкой. В ходе работы над ними в 1859 г. члены ФК высказали прозорливую мысль о том, что немедленный приступ к досрочному погашению за счет экстренных средств устранил бы "навсегда, даже и в последние годы выкупной операции, затруднения в погашении облигаций по номинальной цене"[78]. Именно резкое возрастание затрат на погашение выкупных билетов в 1880-х гг. заставило правительство в лице И.А. Вышнеградского и С.Ю. Витте перевести операцию на новые рельсы. Вследствие рассрочек долга и недоимок выкупным платежам крестьян все больше придавалось значение постоянного налога[79], а срочные выкупные обязательства правительства конвертировались (окончательно в 1894 г.) в бессрочную 4%-ную государственную ренту, т.е. погашение полностью прекращалось, тогда как выплата процентов по рентным обязательствам возобновлялась из года в год в неизменной сумме[80].

Впрочем, вполне возможно, что ускоренное досрочное погашение билетов было связано в замыслах реформаторов тоже с коренной перестройкой условий выкупной операции, но не "под занавес", в 1890-х гг., когда это оказалось совершенно неприемлемо с социально-политической точки зрения, а на гораздо более раннем этапе. Бла-

годаря такому изъятию массы билетов из обращения правительство могло бы снабдить наиболее предприимчивых помещиков денежной наличностью или новыми земельными владениями, соответственно понизить ежегодные платежи крестьян и разорвать прямую связь между ними и доходами владельцев ценных бумаг, оставшихся в обращении. Недаром П.А. Валуев вспоминал в 1868 г., что "заветною мыслью" создателей законодательства 19 февраля, "однажды высказанною Николаем Милютиным, было уничтожить со временем последствия своего собственного выкупного закона, признать и выкупные помещичьи земли крестьянскою собственностью и разверстать выкупные платежи на всех вообще сельских обывателей под видом поземельного налога"[81].

Нетрудно заметить, что степень реалистичности подобных планов не поддается точной оценке. Однако на проблему можно взглянуть и под иным углом: почему же сами реформаторы сравнительно легко и быстро отказались от более глубокого анализа их осуществимости, потеряли к ним всякий практический интерес?

Напрашивается версия, что ускоренный прогресс сельского хозяйства не входил как таковой в число приоритетов творцов экономической политики 1860-х гг., озабоченных в первую очередь поощрением частного промышленного предпринимательства и строительством железных дорог[82]. С этой точки зрения финансирование выкупа представляется случайным пунктом повестки дня, который был снят с обсуждения, как только по нему обнаружились серьезные разногласия. Но это объяснение сохраняет свою убедительность лишь в самом первом приближении к проблеме. Неизбежно возникает сомнение в том, играли ли подобные "макроэкономические", структурные соображения роль непосредственного руководства к действию при проектировании крестьянской реформы вообще и выкупной операции в частности. Так, отмеченный взгляд Рейтерна на процесс заключения выкупных сделок (жесткое регулирование) явно не предполагал скорейшей отмены ограничений на свободное передвижение крестьян. А ведь именно их отмена могла бы быть полезна и для расширения внутренних рынков, и для промышленного развития. В свою очередь, цитируемое ниже суждение Гагемейстера о натуральной форме крестьянской оброчной повинности выдает колебания финансистов в таком важном вопросе, как внедрение товарно-денежных отношений в крестьянское хозяйство (фактор, теоретически находившийся в структурной связи с формированием того же рынка рабочей силы для промышленности). "Если... поселяне не переходят на оброк, потому что барщина им кажется легче, если даже оброчные требуют перевода на барщину..., то правительство должно вступиться... – писал Гагемейстер В.А. Черкасскому в сентябре 1861 г. – По моему мнению, вы сделали большую ошибку тем, что не допустили определения оброка хлебом. При несуществовании у нас монетной единицы это единственный был бы способ для обеспечения доходов землевладельцев. Чрезмерное покровительство выкупу не годится, потому что все бумаги у нас обесценены и что до исправления денежной системы и образования свободных капиталов они цены иметь не могут"[83]. При этом следует заметить, что "чрезмерное покровительство выкупу", в котором Гагемейстер упрекал Милютина, Ламанского и Черкасского, означало по законодательству 1861 г. лишь ускорение перевода крестьян (с 1862 г. и барщинных) на выкупные платежи, но не ускорение *завершения* операции и, соответственно, отмены фискальных обязательств, сковывавших социальную и географическую мобильность крестьян. Пожалуй, именно финансирование выкупной операции с целью поскорее уничтожить или хотя бы смягчить долговые ограничения, лежащие на земле и личности крестьянина, больше бы отвечало интересам промышленного развития.

Изложенные наблюдения созвучны выводу Л.Е. Шепелева о том, что попытки выработки экономической стратегии правительства накануне 1861 г. не простирались далее тех краткосрочных задач, решение которых могло "способствовать улучшению состояния государственных финансов". Иначе говоря, это была "не экономическая (в целом) и не торгово-промышленная, а финансовая программа, даже у́же – ...программа урегулирования критического состояния государственных финансов..."[84]

Отсюда рождается другая версия – коль скоро широкое видение экономических процессов не было первостепенным фактором разработки выкупной операции, то, может быть, именно узкофискальные интересы сыграли в ней решающую роль? Не потому ли реформаторы отказались от финансирования выкупа, что утвердилось воззрение на саму выкупную операцию как источник субсидирования казны, пополнения ее в перспективе обильными доходами?

Это наблюдение, впрочем, тоже сомнительно. Во-первых, даже порядковая величина этих доходов в литературе часто преувеличивается. Нельзя считать прибылью казны все превышение общей суммы крестьянских ежегодных платежей над суммой капитального долга – ведь огромную долю этого превышения казна выплатила помещикам в виде процентов по выкупным бумагам[85]. Реальная чистая прибыль казны от выкупной операции, выведенная с учетом правил долгосрочного кредита, действовавших в ходе ее, составила в первый период операции (1862–1880 гг.) около 84 млн руб. – главным образом благодаря искусственному затягиванию погасительных тиражей выкупных бумаг. Ко времени прекращения операции общая (за 1862–1907 гг.) сумма прибыли сократилась примерно до 41,5 млн руб.[86]. Во-вторых, следует и здесь учесть особенности мышления реформаторов. В 1860 г. доходы казны от выкупной операции, хотя и предвиделись ими, но вырисовывались в довольно смутной дали. В самом ближайшем будущем ожидались как раз определенные текущие расходы, например доплаты помещикам в тех случаях, когда последние изъявляли желание продать свои 5%-ные билеты на бирже через Государственный банк, который обязывался выдать наличные деньги в размере нарицательной стоимости билетов даже при продаже их по курсу ниже ее[87]. В тогдашних условиях финансового и банковского кризиса подобные ситуационные факторы "затеняли" долгосрочную перспективу и должны были бы иметь приоритетное влияние на принятие реформаторских решений, если бы последние преследовали исключительную цель выхода из этого кризиса.

Прослеженная нами эволюция, которую претерпели проекты выкупной операции за время деятельности РК, свидетельствует о том, что центр тяжести реформаторских целей смещался с экономических и финансовых задач на более амбициозные притязания скорее политического свойства, причем не сформулированные открыто в каком-либо конкретном документе. (Потому-то многие рекомендации финансистов "узкого профиля" – Гагемейстера и Рейтерна – остались невостребованными). В 1859 – начале 1860 г. разработчики проектов придерживались следующей общей схемы: постепенность, поэтапная размеренность перехода на выкуп, но затем ускорение собственно операции выкупа (т.е. расчета правительства с помещиками, а крестьян – с правительством). Окончательная схема 1860 г. предполагает обратную динамику: ускорение, причем спонтанное, повсеместного перехода на выкуп и замедление самой операции. Отсюда выбранные в конце концов механизм выкупа и форма расчета – "принудительно-добровольные" сделки в каждом отдельном имении и выдача помещику вознаграждения долгосрочными ценными бумагами, обеспеченными крестьянскими платежами.

Каждый элемент данной схемы имел глубокий политический смысл, связанный с общими представлениями реформатора-законодателя о способах воздействия на социальную идентификацию подданных. Кредит в этих представлениях выходил далеко за рамки своего утилитарного значения. Форсирование выкупных соглашений было призвано прочертить наново резкую разграничительную линию между двумя традиционными сословиями (теперь уже по принципу различия между двумя типами поземельной собственности) и тем самым воспроизвести прежний четкий контур сословной дихотомии в деревне. Это было одним из проявлений авторитарно-бюрократической составляющей процесса реформирования. Придать же переходу на выкуп характер номинально частной сделки в каждом отдельном имении диктовала переживавшая тогда свой первый взлет в России идеология государственного невмешательства в социально-экономическую сферу. Законодатели пытались сочетать жесткую заданность, целенаправленность процесса реформирования с видимостью его

спонтанного, нерегламентированного, питаемого частной свободной инициативой протекания. Наконец, идеал органичного вживания двух сословий в новые социально-правовые условия утверждался и провозглашением длительного срока, который отводился для окончательного расчета правительства с помещиками, а крестьянства – с правительством. Эта перспектива должна была символизировать постепенное превращение прежних сословий в классы нового общества, уже не нуждающиеся в прямом правительственном посредничестве для устройства своих экономических отношений.

Таким образом, осуществление законодательства мыслилось не только инструментом модернизации экономики или смягчения полярности социальной структуры, но и манифестацией уникальных способностей интеллектуально-бюрократической элиты к историческому предвидению и прогнозированию[88]. На примере разработки выкупной операции можно убедиться в серьезном риске, который представляет собой концентрация реформаторского замысла, творчества, политической воли в узких, профессионально замкнутых группах или кружках, подобных Финансовой комиссии 1859–1860 гг. Желая смоделировать в едином законодательстве сложнейший исторический феномен – перерождение сословий в самосознающие себя классы[89] – реформаторы поневоле прибегли к навязыванию, "внушению" помещикам и крестьянам "переходных" социальных ролей. По внутренней логике выкупной операции крестьянин (в составе общины) становился на много лет вперед должником казны, заемщиком, плательщиком процентов по государственным кредитным обязательствам, а помещик – держателем долгосрочных ценных бумаг и получателем рантьерского дохода. Парадокс заключался в том, что потенциальные ролевые функции крестьянина и помещика в экономической концепции реформы 1861 г. (а именно она нашла отражение в отклоненных планах распродажи госимуществ) были принципиально иными. В первом усматривался собственник обрабатываемой земли, владелец мелкого, но самостоятельного хозяйства, во втором – аграрий-предприниматель с денежным капиталом в руках. Такая широта реформаторского взгляда, которая на стадии проектирования отождествлялась с "комплексностью" реформы, со смелым синтезом идей, оборачивалась затем смешением разнородных и противоречивых программ. Привести же их в соответствие между собой на практике у власти просто не было возможностей.

Примечания

[1]Зайончковский П.А. Проведение в жизнь крестьянской реформы 1861 года. М., 1958; Литвак Б.Г. Русская деревня в реформе 1861 года. Черноземный центр. 1861–1895 гг. М., 1972; Дружинин Н.М. Русская деревня на переломе. 1861–1880. М., 1978; Кащенко С.Г. Реформа 19 февраля 1861 г. на Северо-Западе России (Количественный анализ массовых источников). М., 1995 и др.

[2]Хок С. Мальтус: рост населения и уровень жизни в России. 1861–1914 гг. // Отечественная история. 1996. № 2. С. 28–54.

[3] Помимо обширной литературы, созданной в русле концепции "революционной ситуации" 1859–1861 гг., подобное воззрение развито, например, и в специальном исследовании С.Я. Борового "Кредит и банки России (середина XVII в. – 1861 г.)" (М., 1958).

[4] См., напр.: Лященко П.И. Очерки аграрной эволюции России. Т. II. Ч. I. СПб., 1913. С. 11–18, 83–85, 718–720 и др.

[5]Захарова Л.Г. Самодержавие и отмена крепостного права в России. 1856–1861 гг. М., 1984. С. 127–128, 172–175, 233–234.

[6] См. по этому вопросу: Kindleberger Ch.P. Manias, Panics, and Crashes: A History of Financial Crises. N.Y., 1978.

[7] Власть и реформы. От самодержавной к советской России / Под ред. Б.В. Ананьича. СПб., 1996. С. 319–320, 323–324; Степанов В.Л. Крестьянская реформа 1861 г. в историографии ФРГ // Россия XIX–XX вв. Взгляд зарубежных историков. М., 1996. С. 161. Применительно к эпохе конца XIX – начала XX в. значимость кредитно-финансовых проблем аграрного развития глубоко раскрыта в работе: Дякин В.С. Деньги для сельского хозяйства. 1892–1914 гг.: Аграрный кредит в экономической политике царизма. СПб., 1997.

[9]Кованько П.Л. Реформа 19 февраля 1861 года и ее последствия с финансовой точки зрения (Выкупная операция: 1861–1907). Киев, 1914. С. 133–155, 288–307, 426–460 и др.

[9] П о т а н и н В.В. Финансовое положение России после Крымской войны и подготовка выкупной операции (1857–1859 гг.) // Ученые записки Горьковского гос. ун-та. Серия ист.-фил. ф-та. 1964. Вып. 72. Т. 2. С. 851–864.

[10] Х о к С. Банковский кризис, крестьянская реформа и выкупная операция в России. 1857–1861 // Великие реформы в России. 1856–1874. М., 1992. С. 90–105. Полный вариант статьи см.: H o c h S. The Banking Crisis, Peasant Reform, and Economic Development in Russia. 1857–1861 // The American Historical Review. Vol. 96 (1991). № 3. P. 795–820.

[11] М и г у л и н П.П. Русский государственный кредит (1769–1899). Опыт историко-критического обзора. Харьков, 1899. Т. 1. С. 205–210; Х о к С. Банковский кризис... С. 91–94.

[12] Русский рубль. Два века истории. М., 1994. С. 65–68; РГИА, ф. 869, оп. 1, д. 68, л. 7–9 (записка Н.А. Милютина "Заметки о наших банках", июль 1857 г.).

[13] РГИА, ф. 1180, оп. т. XV, д. 112, л. 39. Финансовый проект Позена от октября 1858 г. опубликован: Бумаги по крестьянскому делу М.П. Позена. Дрезден, 1864. С. 104–126.

[14] РГИА, ф. 563, оп. 2, д. 106, л. 9 об. – 11 об., 29–30.

[15] О ключевой роли Н.А. Милютина в увязывании выкупа с проблемой возвращения помещичьих долгов дает представление отзыв МВД в конце 1858 г. на проект гр. А.П. Бобринского: РГИА, ф. 869, оп. 1, д. 457, л. 12–14.

[16] М и г у л и н П.П. Указ. соч. С. 230–232, 247–249.

[17] См. чуть более позднюю характеристику этой ситуации в докладе Финансовой комиссии: Первое издание материалов Редакционных комиссий для составления Положений о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости (далее – Первое издание материалов). Ч. XI. СПб., 1860. С. 199–200.

[18] Рукописный отдел Российской национальной библиотеки (РО РНБ), ф. 208, ед. хр. 69.

[19] СПб. филиал архива РАН, ф. 30, оп. 3, д. 144, л. 8.

[20] М и г у л и н П.П. Указ. соч. С. 208. Письмо вел. кн. Константина министру финансов А.М. Княжевичу от 25 февраля 1859 г. с напоминанием о необходимости скорейшей консолидации вкладов см.: ГА РФ, ф. 722, оп. 1, д. 862, л. 193 об. – 194 об.

[21] Л а м а н с к и й Е.И. Государственные четырехпроцентные, непрерывно-доходные билеты // Указатель политико-экономический. 1859. № 118 (4 апреля). С. 324.

[22] Е г о ж е. Воспоминания. 1840–1890. Пенза, 1995. С. 50–52; РО РНБ, ф. 208, ед. хр. 69, л. 25–25 об.

[23] Первое издание материалов. Ч. I. Журналы Общих присутствий. С. 51; Освобождение крестьян в царствование императора Александра II. Хроника деятельности Комиссий по крестьянскому делу Н.П. Семенова. Т. 1. СПб., 1889. С. 141, 146, 168 (далее – Хроника...); РГИА, ф. 1180, оп. т. XV, д. 96, л. 199–199 об. (письмо Ростовцева М.Н. Муравьеву накануне первого заседания ФК).

[24] См. об этом: Д о л б и л о в М.Д. Александр II и отмена крепостного права // Вопросы истории. 1998. № 10. С. 42–43.

[25] З а х а р о в а Л.Г. Самодержавие и реформы в России. 1861–1874 (К вопросу о выборе пути развития) // Великие реформы в России. 1856–1874. С. 35–36.

[26] РГИА, ф. 940, оп. 1, д. 18, л. 1–62. Писарская копия без подписей и даты в личном архивном фонде А.П. Заблоцкого-Десятовского. Датируется маем–июнем 1859 г. на основании содержания, прежде всего соображений о продаже государственных имуществ, близких тем, которые были представлены этими же деятелями в Комитет финансов в начале июля 1859 г.

[27] П о т а н и н В.В. Указ. ст. С. 863. Автор приводит неточное название записки.

[28] РГИА, ф. 940, оп. 1, д. 18, л. 2 об. – 3 об.

[29] Там же, л. 14–15, 37 об. – 38 об.

[30] Там же, л. 40–40 об., 41.

[31] Там же, л. 42–43.

[32] Х о к С. Банковский кризис... С. 96–98; H o c h S. Op. cit. P. 806–807; М и г у л и н П.П. Указ. соч. С. 216–217.

[33] РГИА, ф. 940, оп. 1, д. 18, л. 61–61 об.

[34] Л а м а н с к и й Е.И. Несколько объяснений по поводу пятипроцентных банковых билетов // Указатель политико-экономический. 1859. № 143. (26 сентября). С. 876.

[35] Д р у ж и н и н Н.М. Русская деревня на переломе. С. 103–105; Ч е р н у х а В.Г. Деятельность Политико-экономического комитета Русского Географического Общества (28 февраля 1859 – 26 ноября 1862 г.) // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. XXI. Л., 1990. С. 80.

[36] Д р у ж и н и н Н.М. Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева. Т. 1. М.; Л., 1946. С. 147–152; Власть и реформы... С. 228–230.

[37] РГИА, ф. 1180, оп. т. XV, д. 98, л. 19–19 об.; ф. 1152, оп. 5, 1860, д. 418, л. 1070 об. – 1071.

[38] Там же, ф. 381, оп. 46, д. 49, л. 109–111, 117 об. – 118; ГА РФ, ф. 811, оп. 1, д. 24, л. 41 об. – 42 об.

[39] Голос минувшего. 1914. № 11. С. 215–216 (предисловие В.И. Семевского к публикации писем Муравьева).

[40] ГА РФ, ф. 1155, оп. 1, д. 3499, л. 1–1 об.; Голос минувшего. 1914. № 11. С. 222.

[41] РГИА, ф. 940, оп. 1, д. 18, л. 43 об. – 52, 59 об. – 60, 57–57 об.

[42] Хроника... Т. 1. С. 562; Второе издание материалов Редакционных комиссий. Т. III. Кн. 2. СПб., 1860. С. 71; РГИА, ф. 1180, оп. т. XV, д. 137, л. 20 об.

[43] Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ), ф. 265, к. 82, ед. хр. 1, л. 2 об. (37 лет – срок возвращения кредитного долга при выплате 5% ежегодной ренты и 1% погашения; 50 (точнее 49) лет – при 5% ренты и 0,5% погашения).

[44] РГИА, ф. 1180, оп. XV, д. 37, л. 159 (отношение министра ВД гос. секретарю от 4 февраля 1859 г.). См. об этом также документальные сведения в записках Я.А. Соловьева: Русская старина. 1883. № 3. С. 595–596.

[45] Второе издание материалов. Т. III. Кн. 2. С. 432–449.

[46] Первое издание материалов. Ч. XIII. Доклад о повинностях крестьян. С. 37–43.

[47] См., напр.: З а х а р о в а Л.Г. Самодержавие и отмена крепостного права. С. 169–170.

[48] Первое издание материалов. Ч. VI. Доклад Хозяйственного отделения № 17. С. 125, 135; ОР РГБ, ф. 265, к. 61 – Отдельный том "Мемории Хозяйственного Отделения Редакционных Комиссий во втором периоде занятий", л. 72 об.

[49] РО РНБ, ф. 208, ед. хр. 69, л. 26 об. – 27; РГИА, ф. 563, оп. 1, д. 9, л. 20; ф. 1152, оп. 5, 1860, д. 418, л. 1, 36–44.

[50] Переписка Императора Александра II с Великим Князем Константином Николаевичем. Дневник Великого Князя Константина Николаевича: 1857–1861. М., 1994. С. 212, 214.

[51] РГИА, ф. 381, оп. 46, д. 252, л. 46–46 об.; ф. 1152, оп. 5, 1860 г., д. 418, л. 1227–1228 об.

[52] Р е й т е р н М.Х. Докладные записки о финансовом положении России, представленные Великому Князю Константину Николаевичу / Публ. В.Л. Степанова // Река Времен. Книга истории и культуры. Кн. 5. М., 1996. С. 193–195; Л а м а н с к и й Е.И. Воспоминания. С. 43–44.

[53] РГИА, ф. 869, оп. 1, д. 1718, л. 7–10 об., 2. Дата и автор указаны рукой Милютина.

[54] З а й о н ч к о в с к и й П.А. Подготовка и принятие закона 24 ноября 1866 г. о государственных крестьянах // История СССР. 1958. № 4. С. 104–105, 109–111; С е л и в е р с т о в С.В. Собственность на землю как историко-юридическая проблема и крестьянская реформа 1866 г. // Россия и реформы: 1861–1881: Сб. ст. М., 1991. [Вып. 1]. С. 28–31.

[55] См., напр.: Хроника... Т. III. Ч. 2. СПб., 1892. С. 288–299 (изложение дебатов в Общем присутствии РК).

[56] РГИА, ф. 1042, оп. 1, д. 5, л. 1–1 об. (копия письма).

[57] См. замечания Головнина на "Первоначальный свод заключений" РК: РО РНБ, ф. 287, ед. хр. 92 (писарская копия замечаний в фонде С.М. Жуковского).

[58] РГИА, ф. 869, оп. 1, д. 508, л. 1 об. (письмо В.Н. Панина Милютину от 5 сентября 1860 г.); РО РНБ, ф. 1000, оп. 2, ед. хр. 1151, л. 13 (копия "Мемории Кодификационного отделения Редакционных комиссий", протокол от 2 октября 1860 г.).

[59] Первое издание материалов. Ч. XI. С. 217.

[60] Там же. С. 218–223.

[61] Там же. Ч. III. Предварительные соображения о выкупе. С. 22–27.

[62] Там же. Ч. XI. С. 146–148, 177–179.

[63] РГИА, ф. 869, оп. 1, д. 470, л. 3 об. – 4 (пометы рукой Милютина на экземпляре "Извлечений из доклада о выкупе" от 25 августа 1860 г.).

[64] Соотношение выкупных сделок по одностороннему требованию помещика и по добровольному соглашению уже к 1870 г. прочно установилось в пользу первых; к 1883 г. их удельный вес по стране составил 73%. См.: З а й о н ч к о в с к и й П.А. Проведение в жизнь крестьянской реформы 1861 года. С. 316, 363.

[65] Первое издание материалов. Ч. XI. С. 165, 167–170, 172–175.

[66] Иного мнения придерживается В.В. Потанин. По его интересному наблюдению (явно не учтенному С. Хоком), после консолидации банковских вкладов в 5%-ных билетах в 1860 г. "финансовая комиссия почувствовала себя увереннее", а "отдельные голоса сторонников ускоренного выкупа зазвучали сильней". Потанин объясняет это тем, что благодаря ожидавшемуся свободному оттоку вкладов, чьи владельцы не пожелали приобрести 5%-ные билеты, "отчасти решалась проблема нехватки денег на рынке, необходимых для выкупных облигаций" (П о т а н и н В.В. Указ. ст. С. 864).

[67] РГИА, ф. 940, оп. 1, д. 18, л. 57 об. – 59.

[68] Первое издание материалов. Ч. XI. С. 168–169, 175–176, 209–210 (цитата – с. 175–176, курсив наш).

[69] Журналы Секретного и Главного комитетов по крестьянскому делу. Пг., 1915. Т. 1. С. 506; РГИА, ф. 1180, оп. т. XV, д. 55, л. 134, 180 об. – 181.

[70] Г и н д и н И.Ф. Докапиталистические банки России и их влияние на помещичье землевладение // Возникновение капитализма в промышленности и сельском хозяйстве стран Европы, Азии и Америки: Сб. статей. М., 1968. С. 331–334.

[71] Х о м я к о в А.С. Полн. собр. соч. Т. III. М., 1914. С. 476 (заметка 1860 г.).

[72] Репутация крайнего реакционера, издавна закрепившаяся в научной литературе за Гагариным, аргументированно оспорена в работе О.Н. Бурдиной: Крестьяне-дарственники в России. М., 1996. С. 8–24.

[73] Аргументы и предложение Муравьева: РГИА, ф. 1180, оп. т. XV, д. 55, л. 44–47, 66–70, 106–110 об.; контрдоводы А.М. Княжевича и бывших членов ФК Заблоцкого и К.И. Домонтовича, прикомандированных к Главному комитету: там же, л. 128 об. – 129, 142 об. – 143, 182 об.; частная поправка к закону о выкупе, принятая в форме особого отношения государственного секретаря министру финансов от 9 марта 1861 г. (обязательство Государственного банка обменивать по желанию помещиков 5%-ные билеты на наличные деньги по нарицательной цене): там же, л. 143–143 об., 347–348; К о в а н ь к о П.Л. Указ. соч. С. 161–168, 333–334, 290–295.

[74] Журналы Главного комитета об устройстве сельского состояния. Т. 1. Пг., 1918. С. 343–355; Труды Комиссии, высочайше учрежденной 10 июля 1859 г. для устройства земских банков. СПб., 1862. Т. IV. Отчет о действиях Комиссии, представленный г. Министру Финансов 28 ноября 1861 г. С. 98–100 (раздельная пагинация).

[75] Труды Комиссии... для устройства земских банков. Т. IV. Отчет... 28 ноября 1861 г. С. 44; Т. I. Проект Положения. С. 89, 81.

[76] См., напр.: Там же. Т. I. С. LV–LXVI; Т. IV. Отчет... 28 ноября 1861 г. С. 125–127, 147–151.

[77] ГА РФ, ф. 722, оп. 1, д. 589, л. 21–21 об., 23–24. (Записка "Хозяйственное и финансовое положение России").

[78] РГИА, ф. 940, оп. 1, д. 18, л. 51 об. – 52.

[79] По расчетуКованько, сделанному на январь 1902 г., выкупная операция "при нормальном ходе" должна была завершиться не ранее 1956 г. (К о в а н ь к о П.Л. Указ. соч. С. 427).

[80] Там же. С. 459.

[81] В а л у е в П.А. Дневник П.А. Валуева, министра внутренних дел. Т. 1. 1861–1864. М., 1961. С. 333–334.

[82] H o c h S. Op. cit. P. 803.

[83] ОР РГБ, ф. 327/II, к. 7, ед. хр. 5, л. 7–7 об.

[84] Ш е п е л е в Л.Е. Царизм и буржуазия во второй половине XIX века. Проблемы торгово-промышленной политики. Л., 1981. С. 59–61.

[85] См., например, новейший университетский учебник, где рядом с выводом о выгодности выкупной операции для казны значится ни много ни мало как общая сумма крестьянских платежей по операции за сорок с лишним лет – 1 540,6 млн руб.: История России XIX – начала XX в. / Под ред. В.А. Федорова. М., 1998. С. 253. Подобное же преувеличение находим в работах Литвака: Л и т в а к Б.Г. Русская деревня в реформе 1861 г. С. 403; е г о ж е. Переворот 1861 года в России: почему не реализовалась реформаторская альтернатива. М., 1991. С. 178 ("чистая прибыль" казны от операции в черноземных губерниях определяется арифметическим действием – как разность, получаемая при вычитании величины выкупного долга 180 млн руб. из общей суммы выкупных платежей 295 млн руб.).

[86] К о в а н ь к о П.Л. Указ. соч. С. 434–435, 459–460. Этот подсчет не опровергнут в позднейшей отечественной историографии.

[87] К о в а н ь к о П.Л. Указ. соч. С. 333–334; Л а м а н с к и й Е.И. Воспоминания. С. 69.

[88] Обоснование закономерности подобных корпоративно-своекорыстных мотиваций бюрократии в ее преобразовательной деятельности см.: Р о у н и Д о н К. Управление промышленностью в России. Автономное государство и экономическое развитие // Отечественная история. 1995. № 1. С. 119–134.

[89] О внутренних противоречиях этого процесса см. ценные суждения: Ф и л д Д. Социальные представления в дореволюционной России // Реформы или революция? Россия 1861–1917. СПб., 1992. С. 67–79.

© 2000 г. Т.М. СМИРНОВА *

"БЫВШИЕ". ШТРИХИ К СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

"Бывшие" – по-своему уникальное социальное образование, никогда не существовавшее в рамках официальной социальной структуры Советской России, но которое всегда сохранялось в сознании представителей большевистской власти и в их политической практике. Понять социальную природу данного явления возможно лишь в общеисторическом контексте послереволюционной эпохи. Социальное пространство "бывших" не имело четких границ. Эти границы находились в постоянной динамике в зависимости от политической конъюнктуры, удаленности от центра и ряда других причин.

"Бывшие" – это крайне пестрый конгломерат различных классов, слоев, групп населения, существенно отличающихся по своему отношению к власти, по уровню доходов и способу их получения, по своей психологии, особенностям культуры и уровню образования, политическим убеждениям. Это и высшие государственные чиновники, и предприниматели всех уровней от крупных капиталистов до владельцев мелких торговых лавок, и профессора, и учителя провинциальных гимназий и т.п. Условно всех, кто когда-либо оказывался включенным в рамки изучаемой категории, с точки зрения большевистских властей можно разделить на три группы.

1) "эксплуататоры";
2) "приспешники эксплуататоров", "тянущие руку буржуазии";
3) "лакеи" буржуазии и ее "прислужники".

Конкретное содержание каждой из названных групп можно определить лишь с некоторой долей вероятности.

В соответствии с марксистско-ленинской трактовкой, эксплуататорскими считались "общественные классы, присваивающие чужой труд, труд эксплуатируемых классов, на основе владения частной собственностью на средства производства". На практике же ясного понимания социальных рамок категории "эксплуататоров" у большевиков никогда не было, и тем более не было его у широких слоев населения. Типичную для них путаницу в этом вопросе отражают материалы местных органов большевистской власти[1].

Проблема политики советской власти по отношению к "бывшим" осложняется не только неопределенностью самого объекта политики, но и особенностью исторического периода – разгулом революционной стихии. В первые послереволюционные месяцы основной карательной силой была именно революционная стихия, что подтверждается источниками самого различного происхождения. Соотношение значимости государственной политики и революционной стихии очень точно охарактеризовал М.Я. Лацис, вспоминавший, что в конце 1917 г. "революционное правосудие не было еще введено в рамки советского аппарата, каждый революционно настроенный гражданин считал своей высшей обязанностью расправляться с врагами народа"[2]. Буйство революционной стихии продолжалось не один год и оказало огромное влияние на всю репрессивную систему советской власти. Особенно сильно это проявилось в деятельности местных государственных и партийных органов власти.

Поэтому, говоря о любой сфере деятельности большевистского правительства в первые годы советской власти, условно можно выделить три ее уровня: 1 – провозглашаемые этой властью принципы; 2 – документы той же высшей власти, но не сугубо декларативного характера, а являющиеся непосредственным руководством к действию и зачастую полностью противоречащие провозглашенным принципам;

---

* **Смирнова Татьяна Михайловна**, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института российской истории РАН.

3 – практическая деятельность местных органов советской власти и местных партийных комитетов, в большинстве случаев не соответствующая ни провозглашаемым принципам, ни конкретным инструкциям. Это явное противоречие стало проявляться уже в первые месяцы после октябрьских событий. Впрочем, надо отметить, что разрыв между обещаниями и делом поначалу не был столь разительным. Он углублялся по мере укрепления и расширения власти большевиков, сопровождаясь в то же время резким сужением круга сторонников новой власти и расширением социального пространства "эксплуататорских классов".

В судебно-следственной практике в первые несколько месяцев после революции широко практиковались такие методы как освобождение на поруки, под подписку об отказе от вооруженного сопротивления советской власти и просто по личной просьбе и по поручительству какого-либо известного и авторитетного среди большевистских лидеров лица (подтверждение тому можно найти в фондах Следственной комиссии Верховного революционного трибунала при ВЦИК[3] или Следственной комиссии революционного трибунала при Петроградском совете РСиКД[4]. Например, в переписке Управления делами СНК с различными организациями в связи с получаемыми СНК жалобами, заявлениями и прошениями частных лиц, обращает на себя внимание тщательное изучение обстоятельств дела почти по каждому полученному письму[5]).

Политика большевистской власти по отношению к "бывшим" в конце 1917 – начале 1918 г. сводилась к стремлению подорвать их экономическое господство и финансовую мощь и лишить основных политических прав. Пока еще не шла речь о физической расправе. Даже известная своей жестокостью ВЧК в первые месяцы работы по постановлению должна была использовать такие методы, как конфискация имущества, выдворение за пределы Советской республики, лишение продуктовых карточек, включение в списки "врагов народа", тюремное заключение. В реальной же практике ВЧК и особенно ее местные комиссии нередко игнорировали правительственные постановления и инструкции. Это относится и вообще ко всем местным органам власти. В 1921 г. М. Владимирский писал: "В первое время после Октябрьской революции Советская Россия представляла из себя ряд самостоятельных, не связанных с единым центром советов. Эти городские и сельские советы, объединенные лишь общей ненавистью к эксплуататорам и общностью борьбы с ними, устанавливали формы организации власти в зависимости от местных условий, не признавая никакого вмешательства со стороны "центра". "Вся власть на местах" – таков был их лозунг[6]. "Не мало пришлось затратить советскому центру усилий, чтобы путем разъяснения, посылок специальных инструкторов, а подчас и репрессий, подчинить общесоветской воле и направить в русло единой советской работы работу всех этих разбросанных по безграничной русской равнине разрозненных рабочих и крестьянских советов[7], – вспоминал в 1921 г. Владимирский слова работника НКВД Тихомирова. Самодурство, почти полная бесконтрольность действий местных властей, их жестокость объясняются также тем, что разгул революционной стихии нередко выбрасывал наверх людей морально нечистоплотных, бывших уголовников[8].

Некоторые центральные органы власти, в частности, Наркомюст и отдельные работники ВЦИК, СНК и Московского Совета, какое-то время пытались противостоять произволу местных властей. С одной стороны, было утопическое стремление на практике руководствоваться идеалами справедливости, принципами свободы, равенства и братства. С другой – откровенная месть "бывшим", оправдываемая "интересами революции".

К весне 1918 г. значительно возросла роль ВЧК и ее местных органов. Это вызвало беспокойство в той среде, которая еще надеялась на возможность демократического развития страны. По свидетельству М.Я. Лациса, против беззаконных действий ВЧК неоднократно протестовал Наркомюст[9]. 20 мая 1918 г. управляющий делами СНК Бонч-Бруевич переслал Дзержинскому записку инженера Кирпичникова "О чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией", излагающую недостатки в деятельности

ВЧК, и предложил ему создать комиссию из представителей ВЧК, НКВД и Наркомюста "для выработки некоторых изменений в деятельности комиссии" в целях устранения "неправильностей"[10]. Судя по всему, предложение было оставлено без внимания. Во всяком случае, "неправильности" не только не были "исправлены", но продолжали усиливаться.

Обращает на себя внимание и декрет Совета комиссаров Петроградской трудовой коммуны от 1 мая 1918 г. "О смягчении участи лиц, совершивших преступные деяния". Пункт 3 этого декрета освобождал от наказания всех "осужденных за политические деяния"[11]. Следует подчеркнуть, что этот декрет активно использовался в реальной судебной практике. Весной–летом 1918 г. на его основании Следственной комиссией революционного трибунала при Петроградском совете было прекращено значительное количество дел по таким обвинениям как саботаж, контрреволюционная пропаганда, контрреволюционные действия, агитация против советской власти, распространение прокламаций, направленных к подрыву власти большевиков и т.д.[12]

Помимо Наркомюста с протестом против расстрелов без суда и следствия в первое время выступал и Московский совет. Как писал в 1926 г. М.Я. Лацис, "в те дни было немало товарищей, которые принцип неприкосновенности личности ставили выше интересов революции, конечно, находясь все еще в идейном плену у обывателя"[13]. По свидетельству меньшевика Г. Аронсона, "на заседаниях ВЦИК весной 1918 г. представители РСДРП Мартов, Дан, Абрамович выступали систематически с протестами, разоблачениями и острой критикой диктатуры, в буквальном смысле слова отравляли существование Ленину и его народным комиссарам"[14].

Торжество интересов революции над принципом неприкосновенности личности особенно сильно проявилось в действиях местных властей. Попытки Наркомюста и ВЦИК ввести их в рамки закона не дали результатов. В этом отношении показателен проведенный Московским областным бюро РКП(б) письменный опрос местных партийных организаций о проведении в жизнь на местах декретов советского правительства. Наиболее распространенными были следующие ответы: проводятся "по силе возможности"[15], "стараются проводить, но не очень успешно прививаются"[16], проводятся "по мере сил, так как все ответственные работники принуждены, можно сказать, разрываться на части"[17]; "проводятся непоследовательно, а если и проводятся, то нерешительно"[18]; проводятся, "как позволяют условия местной жизни"[19]; "проводятся слабо"[20] и т.п.

Постоянные конфликты местных исполкомов, парткомов и ЧК друг с другом и с "центром" отражались на положении населения и в первую очередь – на "бывших". Недостающие средства и помещения пытались восполнить за счет огромных контрибуций, конфискаций и реквизиций, незаконных выселений. В связи с этим в июне 1918 г. СНК разработал проект декрета "О правах и обязанностях совдепов по взиманию налогов с местного населения". Этот проект в какой-то мере защищал права "бывших". В нем были предложены, например, такие меры, как запрет облагать налогом "отдельных определенных лиц", чем-то не угодивших местным властям; запрещение производить национализацию, социализацию и муниципализацию любого недвижимого имущества без разрешения центральных властей и т.п.[21] Проект не был утвержден, а принятый вскоре (27 июня 1918 г.) СНК декрет "Об учреждении Центральной жилищной комиссии для Москвы и ее окрестностей", напротив, предусматривал создание специальной комиссии "для организации выселения из города паразитических элементов и для контроля над распределением и уплотнением помещений" в первую очередь за счет этих же "паразитических элементов"[22]. Декрет "О взяточничестве" от 8 мая 1918 г. предусматривал более тяжелую ответственность за дачу и получение взяток для лиц, принадлежащих к "имущим классам". Они приговаривались к "наиболее тяжелым и неприятным принудительным работам", а все их имущество подлежало конфискации[23]. Уголовная ответственность для тех, кто занимал до революции "видное общественное положение", для бывших чиновников, офицеров также была выше. Как сообщал Я.Х. Петерс корреспонденту газеты "Вечерние известия

Московского Совета" в августе 1918 г.: "По отношению к таким лицам нами применяются самые репрессивные меры"[24].

На заседании Малого СНК 17 апреля 1918 г. было принято решение о "нежелательности назначать в качестве командного состава в Красную армию генералов"[25]. По решению V Всероссийского съезда советов представителям буржуазии запрещалось служить в строевых частях Красной армии, так как "вооружать буржуазию, значило бы вооружать врага". А бюллетень бюро печати при ВЦИК от 10 августа 1918 г. сообщает, что на всякий случай "для обеспечения тыла от попыток восстания в Петрограде арестованы все офицеры"[26].

Принятая V съездом советов 10 июня Конституция РСФСР установила просуществовавшее до 1936 г. дискриминационное избирательное право, лишив "отдельных лиц" и "отдельные группы" права избирать и быть избранными. В это же время окончательно расправились с оппозиционной ("буржуазной", "контрреволюционной") прессой. В течение марта–апреля 1918 г. Революционный трибунал печати непрерывно рассматривал дела о закрытии то одной, то другой не угодной новой власти газеты. По признанию большевика А. Аросева, окончательное решение о закрытии оппозиционных газет было принято еще в марте, но стоял вопрос о том, как это сделать: изданием декрета, принятием постановления или "как-то еще". Выход был найден Лениным: сначала все закрыть с помощью военной силы, затем санкционировать декретом. Таким образом можно было избежать "ненужной дискуссии". Причем операцию планировали провести за одну ночь: направить войска в типографии и, только закрыв их, идти в редакции, во избежание каких-либо протестов, разговоров и обвинений в произволе[27]. Декрет СНК о закрытии всех буржуазных газет был издан 4 августа 1918 г.

Вокруг "бывших" все более создавалась атмосфера нетерпимости, ненависти. Если в первые месяцы физическая расправа над ними являлась в значительной степени проявлением стихии, то с середины 1918 г. сама большевистская власть начала проводить политику, направленную на уничтожение, а не подавление "эксплуататорских классов".

1 сентября 1918 г. на совещании уездных ЧК Московской губернии было предложено ввести во всех уездах "пролетарский режим" и "изолировать бывших царских слуг, как то: жандармов, полицейских, земских начальников, а также явно контрреволюционного офицерства"[28]. Это уже была политика не экономического, а политического подавления. Фактически был взят курс на физическую ликвидацию. Окончательное оформление этот курс получил в постановлении СНК о красном терроре от 5 сентября 1918 г.

Фактически "красный террор" начался еще до его официального объявления. На состоявшихся 1 сентября похоронах М.С. Урицкого ЦК РКП(б) выдвинул следующие лозунги: "Они убивали личности, мы убьем классы", "За каждого нашего вождя – тысячи ваших голов"[29]. Газеты и журналы конца сентября этого года были переполнены письмами населения в редакции, разнообразными материалами ЧК (объявлениями, экстренными бюллетенями, обращениями к населению), призывавшими "снести сотни голов буржуазии и ее приспешников" "за голову и жизнь одного из наших вождей"[30]. Вскоре из местных ЧК в "Еженедельник Чрезвычайных комиссий" были присланы списки взятых в заложники, арестованных или расстрелянных "господ". Среди них – директора заводов, священники, учителя, инженеры, купцы, бывшие офицеры, земские деятели и др.[31]

Выступая 17 сентября на 7-й общегородской партийной конференции, Зиновьев откровенно заявил: "Мы должны увлечь за собой 30 миллионов из ста, населяющих Советскую Россию. С остальными нельзя говорить – их надо уничтожить"[32]. На первый план окончательно выдвинулась задача непосредственной ликвидации (или, по крайней мере, изоляции в концентрационных лагерях) представителей "эксплуататорских классов", причем в максимально расширенном толковании этой категории, с включением сюда и мелкой буржуазии, и почти всей интеллигенции (за последними прочно закре-

пились такие определения как "прислужники", "приспешники", "пособники" буржуазии или "тянущие руку буржуазии").

В прессе развернулась широкая пропаганда ненависти ко всем "бывшим" без разбора. Особенно отличился в этом отношении "Еженедельник Чрезвычайных комиссий", видевший свою задачу в том, чтобы дать возможность "всем комиссиям на местах однообразнее, планомернее, методичнее проводить борьбу, уничтожение идеологов, организаторов и руководителей враждебных непримиримых классовых врагов пролетариата и его диктатуры"[33]. Страницы этого еженедельника наполнены угрозами. "Дрожите, палачи рабоче-крестьянской Руси! Не дрогнет рука. Ждите. За вами очередь"[34], – обращается некий "Я" к "бывшим великим мира сего и их прислужникам – чиновникам и интеллигентам-саботажникам". Журнал "Всходы" (издание Московского уездного совета рабочих и крестьянских депутатов) вслед за заведующим районными чрезвычайными комиссиями г. Москвы Я.М. Юровским[35] разделил в октябре все население страны на противоборствующие вооруженные группировки по классовому признаку[36], а уже в ноябре в разряд врагов советской власти были отнесены "граждане с обывательской складкой"[37], без какой-либо конкретизации данного определения. Основанием для ареста нередко становится занимаемое до революции социальное и имущественное положение[38]. Подобными критериями нередко руководствовались и центральные суды, революционные трибуналы. Достаточно вспомнить комментарии к оправдательному приговору Миронова председателя чрезвычайного трибунала по его делу, сказавшего в декабре 1919 г.: "Кто такой Миронов? Представитель враждебного Советской власти класса? Отнюдь нет, иначе мы не судили бы его, а просто расстреляли"[39].

Характерным явлением этого периода становится практически не ограниченная власть ВЧК и ее местных комиссий. 29 сентября 1918 г. "Еженедельник Чрезвычайных комиссий" опубликовал в связи с участившимися "за последнее время во многих местах "большими трениями" между отделами управления советов и ЧК циркуляр № 47 всем губернским чрезвычайным комиссиям, в котором подчеркивалось, что "в своей деятельности ВЧК совершенно самостоятельна, производя обыски, аресты, расстрелы, давая после отчет Совнаркому и ВЦИК"[40]. Принципиально изменился тон переписки управляющего делами СНК с руководящими работниками ВЧК: от указаний и рекомендаций к просьбам, донесениям и отчетам. Во второй половине 1918 г. резко увеличился поступающий в СНК поток прошений и заявлений о незаконных действиях ВЧК. Характерно, что все эти жалобы переправлялись в контрольно-ревизионную коллегию той же ВЧК. Обыски, аресты, расстрелы стали обычным явлением. По уровню организованности проведения подобной "работы" особенно отличался Петроград. В июле 1919 г. на заседании петроградского совета рабочих и красноармейских депутатов с гордостью сообщили: "Мы несколько раз проводили энергичную чистку Петербурга"[41]. Тем не менее уже через два месяца, в сентябре, вопрос о необходимости очередной "очистки Питера от внутренних врагов" был вновь поставлен на заседании Петроградского комитета РКП(б)[42]. "Петроградская правда" периодически в течение 1919 г. помещала сообщения о результатах "облав на паразитов", повальных обысков, о создании концентрационных лагерей для "буржуа, уклонившихся от трудовой повинности, и подозрительных элементов из прифронтовой полосы"[43]. 17 мая в "Известиях" было опубликовано постановление ВЦИК "Организация лагерей принудительных работ", пункт 3 которого гласил: "Во всех губернских городах в указанные особой инструкцией сроки должны быть открыты лагери, рассчитанные не менее чем на 300 человек каждый. Ответственность за неисполнение настоящего положения возлагается на губернские чрезвычайные комиссии.

Примечание: в уездном городе лагери могут быть открываемы с особого разрешения отделов принудительных работ"[44].

В соответствии с этим коллегия управления Петроградского губернского совета на своем заседании 4 июня 1919 г. вынесла решение: "На основании постановления ВЦИК 〈...〉 предложить т. Зотову оборудовать в губернии от 2 до 3 лагерей из расчета

на 200–300 человек каждый, для чего запросить Петергофский, Детскосельский и Шлиссельбургский уезды о подыскании подходящих для этой цели помещений"[45]. Первый петроградский лагерь был открыт 23 мая 1919 г. на территории бывшей Чесменской богадельни[46].

Политика "экономического подавления" бывших имущих классов в этот период также получила свое дальнейшее развитие. 30 октября 1918 г. ВЦИК принял декрет "О единовременном чрезвычайном революционном налоге", а на следующий день СНК утвердил "Положение о единовременном чрезвычайном революционном налоге, устанавливаемом местными советами депутатов", по которому местным советам предоставлялось право самостоятельно устанавливать единовременные чрезвычайные революционные налоги для "лиц, принадлежащих к буржуазному классу"[47].

В ноябре 1918 г. совместным решением Петроградской Трудовой коммуны и коллегии продовольственного отдела Моссовета было утверждено общее для обеих столиц положение о распределении продовольствия по трем категориям населения[48]. Вскоре "классовый паек" был введен практически на всей территории Советской республики. (Исключение было сделано лишь для детей: вводимое в середине 1919 г. бесплатное питание для детей до 12, а затем и до 16 лет, не предусматривало классовых различий.)

В июне 1919 г. декретом ВЦИК в Москве и Петрограде вводились трудовые книжки, по всей стране буржуазию привлекали к трудовой повинности. В январе 1920 г. декретом СНК была введена всеобщая трудовая повинность. Эта мера применялась по отношению ко всем слоям населения и юридически не должна была иметь классовую направленность. Однако методы ее проведения в жизнь предусматривали различный подход к различным социальным слоям[49].

Данный период характеризуется также беспорядочными конфискациями и реквизициями. Необоснованные выселения приобрели гигантский размах. Даже современники окрестили этот процесс "вакханилией выселения"[50]. 1 ноября 1918 г. Моссовет принял постановление об отмене права частной собственности на домовладения, доход которых на 1 января 1917 г. составлял более 750 руб. На практике же муниципализировали даже мелкие владения, доход от которых был значительно меньше. Причем мера эта часто имела чисто карательные цели. В результате муниципализация привела, по признанию самих же представителей советской власти, к "печальным результатам": 1) коснулась широких слоев мелких собственников; 2) привела к "катастрофическому разрушению хозяйства"; 3) в итоге неизбежной частичной демуниципализации бывшие собственники получили полуразрушенные дома[51].

Безнаказанный произвол местных властей объясняется рядом причин – стремлением местных властей к повышению своей самостоятельности вплоть до полной автономии, недостаточным еще уровнем организации административного аппарата, особенностями военного времени, отсутствием качественной и быстрой связи и недостатком квалифицированных (и даже просто грамотных) работников.

Типичную ситуацию обрисовал в докладной записке уполномоченному ВЦИК Д.В. Рязанову бывший член Иваново-Вознесенского горисполкома Н.М. Корнилов, сообщивший, что в 1919 г. в городе существовало несколько местных реквизиционных отделов (горсовдепа, ЧК и милиции), "которые часто в одно и то же время производили реквизиции у одного и того же лица". Причем, так как "вопрос учета вызывался спешностью", а "специального штата служащих" не было, то и "работу приходилось вести при крайне неблагоприятных условиях", "не приходилось соблюдать формальности". Т.е. "при выемке серебра и других вещей" (в том числе и личного пользования) расписки не выдавались, исполнители руководствовались "тактическими соображениями членов исполкома или президиума его". Точный учет реквизированного имущества также не производился, и его последующее местонахождение не всегда известно. Реквизиции частично производились "даже у трудовой интеллигенции, которая часто была покровителями буржуазии"[52].

Ярким примером произвола и безнаказанности местных властей является дело о

злоупотреблениях представителей советской власти Новосильского уезда Тульской губ. Председатель исполкома Хвостов, председатель чрезвыкома Быковский и заведующий отделом социального обеспечения Сахаров обвинялись в незаконных конфискациях, присвоении чужого имущества, участии в "неправильных" обысках и "поднятии травли членов исполкома – интеллигентов"[53]. Объяснения Сахарова следственной комиссии по проведенной им незаконной конфискации поражают своей наивностью и наглостью: "Почему я взял свиту? Потому что мог бы замерзнуть. Дальше не следует разъясняться по этому поводу. Пояс взял, потому что в свите не было пуговиц. Шапка, валенки, рукавицы, шарф, чулки взяты, потому что находился в летней фуражке, сандалиях и без перчаток. Седла нам были необходимы для разъезда по уезду во время осенней распутицы... Яиц взял штук до 30. Помню, что 2 раза ел: вечером и утром. Вечером с маслом коровьим, а на утро на воде, потому что масла взял очень мало, хватило только на один раз". Заведующий отделом управления Тульского губисполкома, член трибунала, член президиума А.И. Мотягин не увидел ничего предосудительного в действиях Сахарова, Хвостова и Быковского. Он охарактеризовал Хвостова как "горячего революционера, настойчивого в работе, а так как Новосильский уезд в общем кулацкий, который при ослаблении власти готов поднять голову, то вполне понятно, что Хвостов прибегал к таким мерам, как припугивание выстрелами. То же самое относится к Быковскому I, который выстрелом ранил в лицо гражданина Илью Наумова ⟨...⟩. К этим поступкам Хвостова и Быковских [так в документе. – *Т.С.*] нужно отнестись со снисхождением, так как, отдавая их под суд, рискуем остаться совершенно без людей. В таких ситуациях губисполком прибегает к перетасовке работников из одного уезда в другой". С этим мнением согласился и ответственный председатель губисполкома и губкома Куманев, командированный в Новосильский уезд специально для расследования этого дела. Он решил, что "не следует разгонять советских работников в угоду кулацких элементов Новосильского уезда"[54].

Характерным примером игнорирования местными властями распоряжений центра может служить дело о конфискации имущества у семей красноармейцев Яковлева (сына бывшего купца 1-й гильдии) и Смирновых (сыновей бывшего владельца имения). Игнорируя декрет 1918 г. об обеспечении красноармейцев и их семей (по статьям 4 и 5 которого красноармейцы и члены их семей освобождаются от всех видов прямых налогов, кроме натуральных, а по статье 6 – от квартирной платы) и декрет о порядке обеспечения семей красноармейцев 1919 г. (который в статьях 3 и 4 более детально рассматривает вопрос об освобождении семей красноармейцев от налогов и квартирной платы), Гребневский и Ильинский волостные исполкомы Богородского уезда Московской губ. произвели конфискацию имущества у семей Смирновых и Яковлева. При рассмотрении жалобы Смирновых Гребневский волисполком постановил удостоверения Трифона Смирнова (выданное 39 Мартинским резервным дивизионом) и Георгия Смирнова (выданное военным комиссариатом Сущевско-Марьинского района) считать "выданными по недоразумению"[55]. Юрисконсультская часть НКВД признала действия волисполкомов незаконными: "Если гражданин Яковлев, бывший купец первой гильдии и имел четыре дома, фабрику, лесопильный завод и мельницу, а гражданин Смирнов – 15 000 десятин земли и леса, то это уже в прошлом. В настоящее время, согласно законам Социалистической Советской республики, это все принадлежит уже не им, а Республике, и суровое к ним отношение в настоящее время было бы лишь месью за прошлое, а на такую точку зрения Социалистическая Республика становиться не может... Реквизиции и конфискации имущества в семьях красноармейцев недопустимы независимо от того, к какому классу общества они бы не относились". Однако заключение юрисконсультской части НКВД не изменило мнения Московского губернского совета, считавшего, что "приказ Революционного Военного Совета паразитов от реквизиции не спасает" и что Смирнов "является одним из тех паразитов, для которых место не в советской Красной армии, не в советских учреждениях, не в рядах борющегося пролетариата, а за бортом революции"[56].

Таким образом, вопреки утверждению I съезда председателей губисполкомов и заведующих отделами управления, проходившего в июне 1918 г., о том, что "раздробленность Советов, неподчинение их центру окончательно изжиты", реально даже в 1920 г. провинция продолжала жить по законам, устанавливаемым местными властями. В СНК в течение 1920 г. по-прежнему продолжали в большом количестве поступать жалобы на неправильные действия местных властей, различные прошения об освобождении из-под ареста, об изменении меры наказания, о помощи и т.д.[57]

Несколько особое положение занимали в советской республике старые специалисты, представители "буржуазной", как ее называли большевики, интеллигенции. С одной стороны, их причисляли к "приспешникам" и "пособникам" буржуазии и, следовательно, политика "красного террора" распространялась и на них. С другой, экономическая разруха, острая нехватка квалифицированных кадров, а порой и просто образованных людей, делали очевидной необходимость привлекать специалистов всех отраслей.

Действительно, попытки привлечь на свою сторону специалистов, творческую интеллигенцию мирным путем, создать видимость примирения новой власти с ними не раз предпринимались правительством[58]. Однако, говоря о необходимости использовать "буржуазную интеллигенцию", большевистские лидеры имели в виду именно использование ее, ее знаний, опыта. Как признался Л.Д. Троцкий на 1-й Московской городской партийной конференции (март 1918 г.): "Сейчас, когда власть Советов обеспечена, борьба с саботажем должна выражаться в том, чтобы вчерашних саботажников превратить в слуг, в исполнителей, в технических руководителей там, где это нужно новому режиму"[59]. В процессе этого превращения основная роль отводилась именно насилию. В 1920 г. Троцкий откровенно насмехался над Каутским, который "всерьез воображает, что можно буржуазную интеллигенцию привлечь к строительству социализма путем одного лишь убеждения"[60]. Представители интеллигенции, в том числе и технические специалисты, наравне с буржуазией подвергались необоснованным арестам, выселениям[61]. Правительству не раз приходилось принимать постановления, защищающие специалистов от произвола местных властей. Но, как признался Троцкий, крайне сложно было победить "глубочайшее классовое недоверие к специалистам"[62]. Забота правительства о специалистах не была заботой о людях (за редким исключением), а лишь заботой о кадрах. Использование, а следовательно, поощрение буржуазных специалистов рассматривались лишь как вынужденные и временные меры.

К концу 1920 г. боевые действия происходили в основном на окраинах Советской республики и прямой угрозы вооруженного свержения власти большевиков не представляли. По мере удаления боевых действий от центра налаживалась связь между различными районами, усиливался контроль центральной власти над ее местными органами, постепенно укреплялся административный аппарат. В течение 1920 г. центр постепенно начал преодолевать стремление местных властей к автономии.

В качестве непосредственной задачи момента возникла необходимость так называемого перехода к "мирной жизни". Пути решения этой задачи трудно назвать мирными. Гражданская война внутри Советской республики длилась дольше, чем на ее пограничных территориях с "внешним" врагом, а переход к мирному строительству оказался залитым кровью тысяч бывших солдат и офицеров белой армии, крестьян, представителей средних слоев.

Точной даты перехода от политики почти поголовного истребления "контрреволюционных" и "антисоветских элементов" без суда и следствия к видимости мирного сосуществования представителей различных социальных слоев не существует. Первые "уступки" властей оппозиционным группам были сделаны еще в конце 1918 г., когда 30 ноября ВЦИК отменил свой декрет от 14 июня 1918 г. об исключении меньшевиков из советов, а 26 февраля 1919 г. сделал то же самое в отношении правых эсеров. Впрочем, на практике это почти ничего не изменило.

"Изменение внутреннего положения и международной обстановки Советской власти, – отмечалось в опубликованном 8 февраля 1919 г. обращении ЦК РКП(б) ко

всем коммунистам-работникам ЧК, – достигнутые успехи в деле подавления белогвардейского заговора внутри и военные успехи в борьбе с контрреволюцией вовне должны будут сказаться и на работе и функциях ЧК"[63]. В соответствии с этим обращением и принятым 17 февраля того же года постановлением ВЦИК "О Всероссийской чрезвычайной комиссии" право вынесения приговора по всем делам, возникающим в ЧК, передавалось реорганизованным трибуналам. Выступавший на заседании ВЦИК Дзержинский указал, что "контрреволюционеры" теперь предпочитают действовать изнутри, "пролезая" в советские учреждения, а сплоченных контрреволюционных сил уже нет, поэтому теперь нужно выявлять и судить отдельных преступников[64]. Однако на деле по-прежнему продолжалось массовое истребление всех не угодных большевистской власти лиц, особенно усилившееся в середине и в конце 1919 г., когда войска генерала Юденича приближались к окрестностям Петрограда.

17 января 1920 г. ВЦИК и СНК по представлению Дзержинского отменили смертную казнь как по приговору ВЧК и ее местных органов, так и по постановлениям революционных трибуналов (за исключением военных трибуналов)[65]. Это постановление было утверждено 2 февраля на сессии ВЦИК. Выступавший на этой сессии Ленин сказал: "Террор был нам навязан терроризмом Антанты, когда всемирно-могущественные державы обрушились на нас своими полчищами, не останавливаясь ни перед чем... И как только мы одержали решительную победу, еще до окончания войны, тотчас же после взятия Ростова, мы отказались от применения смертной казни... Само собой понятно, что всякая попытка Антанты возобновить приемы войны заставит нас возобновить прежний террор"[66]. Фактически это заявление означало официальный отказ от политики "красного террора", хотя и оставляло пути возврата к ней. На 4-й Всероссийской конференции губернских чрезвычайных комиссий (3–6 февраля 1920 г.) Дзержинский призвал "изыскать такие методы, при помощи которых нам не нужно было бы производить массовых обысков, не пользоваться террором, однако все время вести наблюдение и пресекать корни козней и злонамеренностей врагов"[67].

Однако уже в марте того же года было принято новое Положение о революционных трибуналах, в котором последним предоставлялось "не ограниченное ничем право в определении мер репрессии"[68]. Признавая революционные трибуналы единственными органами, имеющими право вынесения приговоров, Положение делало одно исключение: "В целях борьбы с нарушителями трудовой дисциплины, охранения революционного порядка и борьбы с паразитическими элементами населения, в случае, если дознанием не установлено достаточных данных для направления дел о них в порядке уголовного преследования, за ВЧК и губЧК с утверждения ВЧК сохраняется право заключения таких лиц в лагерь принудительных работ на срок не свыше 5 лет"[69]. Приказ ВЧК № 48 от 17 апреля 1920 г. дал местным ЧК некоторые разъяснения по поводу этого пункта. В частности, отмечалось, что на его основании заключению могли подвергаться бывшие помещики, капиталисты, князья, царские чиновники, члены враждебных советской власти партий, лица, уличенные в связях с явными контрреволюционерами, хранившие их переписку или деньги, а также лица, подозреваемые в спекуляции, нарушающие трудовую дисциплину или саботирующие хозяйственную жизнь республики[70].

Фактически жестокие репрессии по отношению к "бывшим" продолжались (и с санкции центральной власти, и вследствие произвола местных властей) и в 1921 г. Правда, в течение 1920 г. были приняты некоторые меры, призванные несколько облегчить их положение, но на практике они не имели почти никакого значения. Появившиеся в 1920 г. (и особенно в 1921 г. в связи с началом нэпа) отдельные экономические уступки представителям бывших имущих классов отнюдь не свидетельствовали о переходе к политике примирения большевистской власти со своими бывшими врагами. В этом смысле нельзя не согласиться с Л. Мартовым, писавшим в своем письме С. Шупаку от 30 марта 1921 г.: "Ленин ведет, конечно, чисто зубатовскую политику: экономические

уступки при сохранении политической диктатуры"[71]. В этом отношении показателен приказ ВЧК своим местным органам от 8 января 1921 г. В приказе выдвигался лозунг "Тюрьма для буржуазии, товарищеское воздействие – для рабочих и крестьян". Предлагая широко использовать в практической работе местных ЧК освобождение по поручительству общественных организаций, приказ в то же время подчеркивал: "Освобождать на поруки лиц буржуазного класса лишь в крайних случаях, проверив незаменимость их как специалистов в работе учреждения"; "досрочное освобождение к буржуазии не применять"[72].

В конце 1920 – начале 1921 г. были ликвидированы основные фронты Гражданской войны. Перед большевистской властью встал вопрос о том, как строить свои дальнейшие отношения с многочисленной армией солдат и офицеров, воевавших на стороне противника. Победившая сторона обещала быть великодушной к побежденным соотечественникам. 3 ноября 1921 г. декретом ВЦИК, а затем 9 июля 1924 г. декретом ВЦИК и СНК была объявлена амнистия для значительной части лиц, участвовавших в белогвардейских военных организациях в качестве рядовых солдат. О том, чего в действительности стоили подобные обещания, можно судить по свидетельствам современников. Так, например, В.В. Вересаев вспоминал о событиях в Крыму в 1920 г.: "Когда после Перекопа красные овладели Крымом, было объявлено во всеобщее сведение, что пролетариат великодушен, что теперь, когда борьба кончена, предоставляется белым на выбор: кто хочет, может уехать из РСФСР, кто хочет, может остаться с Советской властью. Мне редко приходилось видеть такое чувство всеобщего облегчения, как после этого объявления: молодое белое офицерство, состоявшее преимущественно из студенчества, отнюдь не черносотенное, логикой вещей загнанное в борьбу с большевиками, за которыми они не смогли разглядеть широчайших народных трудовых масс, давно уже тяготилось своею ролью и с отчаянием чувствовало, что пошло по ложной дороге, но что выхода на другую дорогу ему нет. И вот вдруг этот выход открывался, выход к честной работе в родной стране. Вскоре после этого предложено было всем офицерам явиться на регистрацию и объявлялось, что те, кто на регистрацию не явятся, будут находиться вне закона и могут быть убиты на месте. Офицеры явились на перерегистрацию. И началась бессмысленная кровавая бойня. Всех явившихся арестовывали, по ночам выводили за город и там расстреливали из пулеметов. Так были уничтожены тысячи людей"[73].

Аналогичный случай описал в письме Ленину от 13 октября 1921 г. И. Сатиков. Автор письма упрекает председателя СНК: «В одном из недавних номеров "Известий" Вы старались доказать по вопросу о возвращении эмигрантов, что Советская власть благосклонно относится ко всем честным и дельным работникам, кои с "открытой душой пойдут к ней на службу". Бумага все терпит, но жизнь показывает другое». Сатиков рассказал о том, как весной 1920 г. после отступления белых из Черноморской губ. часть офицеров осталась на родине, «не пожелали уйти с белыми, так как были "чисты душой" пред Советской властью и питали отвращение ко всяким "военным действиям", обреченным на неудачу. Они – не кадровые, а призывные, случайные офицеры, с "открытой душой" вверили свою судьбу Советской власти. И что же: 31 июня 1920 г. за № 19 вышел приказ Особотдела IX Кубармии явиться на регистрацию в Краснодар всем бывшим военным без различия рода службы, здоровья и возраста. И вот лояльные люди, снова поверив Советской власти, являются "на регистрацию", вместо коей их ждал жестокий обман: их отправляют немедленно в легком летнем платье без багажа и денег в Холмогоры и Архангельск, с тех пор ни одной строчки, ни одной весточки о тысяче людей их родные не имеют. Ходят лишь слухи, что этих "без вины виноватых", лояльных, больных людей, стариков и инвалидов империалистической войны утопили на барже в Холмогорах... Вот что обещает и что дает Советская власть наивным, честным, лояльным»[74].

Учитывая все сказанное, вряд ли можно говорить о каком-либо примирении советской власти с "бывшими" после окончания Гражданской войны. С прекращением воен-

ных действий война продолжалась иными методами. Это не означает, что все не эмигрировавшие за границу "бывшие" были постепенно уничтожены. Однако "буржуазное происхождение" долго еще оставалось позорным (и небезопасным) пятном биографии.

Примечания

[1] РЦХИДНИ, ф. Р-1240, оп. 1, д. 98, л. 5.

[2] Л а ц и с М.Я. Товарищ Дзержинский и ВЧК // Пролетарская революция. 1926. № 9. С. 83–84.

[3] См., напр.: ГА РФ, ф. Р-543, оп. 1, д. 8; ф. Р-1240, оп. 1, д. 14, л. 9; д. 72, л. 47.

[4] См., напр.: Там же, ф. Р-1074, оп. 1, д. 52, 54, 59, 64, 65, 86, 123, 124.

[5] Там же, ф. Р-130, оп. 2, д. 66, л. 34, 40, 43, 47, 69, 71, 73, 122, 125, 128, 134, 148, 161, 190, 191, 230; д. 97, л. 3, 5, 8–10, 12, 13, 18–25, 128.

[6] В л а д и м и р с к и й М.Ф. Организация советской власти на местах. М., 1921. С. 105.

[7] Там же. С. 106.

[8] Новый луч. 1918. 21 января. С. 3; ГА РФ, ф. Р-130, оп. 2; д. 66, л. 219.

[9] Л а ц и с М.Я. Указ. соч. С. 89.

[10] ГА РФ, ф. Р-130, оп. 2, д. 97, л. 2.

[11] Сборник декретов и постановлений Союза коммун Северной области. Вып. 1. Пг., 1919, с. 99–101.

[12] ГА РФ, ф. Р-336, оп. 1, д. 35, 37, 38, 40, 41, 62, 64, 66, 73, 75, 83, 93, 94, 103, 121, 123, 130, 162, 176, 196, 197.

[13] Л а ц и с М.Я. Указ. соч. С. 86.

[14] А р о н с о н Г. К истории правого течения среди меньшевиков // Меньшевики после Октябрьской революции. Chalidze publication. 1990. С. 211.

[15] РЦХИДНИ, ф. 60, оп. 1, д. 42, л. 13, 52, 85.

[16] Там же, л. 33.

[17] Там же, л. 25.

[18] Там же, л. 28.

[19] Там же, л. 16, 59, 66.

[20] Там же, л. 21.

[21] ГА РФ, ф. Р-130, оп. 2, д. 55, л. 52–54.

[22] Собрание узаконений РСФСР. 1918. № 45. Ст. 571.

[23] Там же. № 35. Ст. 467.

[24] Вечерние известия Московского Совета рабочих и красноармейских депутатов. 1918. 24 августа.

[25] ГА РФ, ф. Р-130, оп. 2, д. 34, л. 70.

[26] Там же, д. 825, л. 15.

[27] См. А р о с е в А. Как закрывались буржуазные газеты // Красная нива. 1929. № 4. С. 8–9.

[28] Известия ВЦИК. 1918. 1 сентября.

[29] Там же. 1918. 3 сентября.

[30] См.: напр.: Петроградская правда. 1918. 1 сентября. С. 1; Красная газета. 1918. 1 сентября. С. 1; Еженедельник чрезвычайных комиссий по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией. 1918. 22 сентября. С. 24–25.

[31] Еженедельник чрезвычайных комиссий... 1918. № 1. С. 24–25, 31; там же. № 3. С. 7–8.

[32] Северная коммуна. 1918. 19 сентября.

[33] Еженедельник чрезвычайных комиссий... 1918. № 1. С. 1.

[34] Там же. С. 6.

[35] Известия ВЦИК. 1918. 21 сентября. С. 1.

[36] Всходы. 1918. № 5/6. С. 12.

[37] Там же. С. 17.

[38] ГА РФ, ф. Р-130, оп. 2, д. 1099, л. 7; д. 98 а, л. 16.

[39] Известия ВЦИК. 1919. 7 декабря. С. 1.

[40] Еженедельник чрезвычайных комиссий... 1918. № 2. С. 11–12.

[41] Известия ВЦИК. 1919. 19 июня. С. 2.

[42] РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 6, д. 230, л. 90.

[43] Петроградская правда. 1919. 5 августа. С. 2; см. также 2 авг. С. 2; 2 июля. С. 2.

[44] Известия ВЦИК. 1919. 17 мая. С. 2.

[45] ГА РФ, ф. Р-393, оп. 13, д. 314, л. 19.

[46] Там же.

[47] Экономическая политика СССР. Сб. док. Т. 1. Конец 1917 – февраль 1921 г. М., 1947.

[48] П о т е х и н М.Н. Петроградская трудовая коммуна (1918–1919 гг.). Л., 1980. С. 77.

[49] ГА РФ, ф. Р-7275, оп. 1, д. 1, л. 122, 173–175.

[50] Известия ВЦИК. 1918. 29 ноября. С. 1. Подробнее об этом см.: Г е л ь б р а с Г. Рабочие домовые коммуны в Москве. Итоги массового улучшения жилищного быта рабочих за время 1918–1919 гг. // Еженедельник чрезвычайных комиссий... 1918. № 5. С. 11–14.

[51] И з а к с о н А. Муниципализация недвижимости. Власть Советов. 1920. № 1. С. 5.

[52] ГА РФ, ф. Р-1240, оп. 1, д. 99, л. 40–41.

[53] Там же, ф. Р-393, оп. 11, д. 9, л. 35.

[54] Там же, л. 44–45; д. 11, л. 38.

[55] Там же, д. 49, л. 818.

[56] Там же, л. 804–805.

[57] Там же, ф. Р-130, оп. 4, д. 233–245, 434–468.

[58] РЦХИДНИ, ф. 19, оп. 1, д. 244, 246, 249, 275, 290, 317, 335.

[59] Цит. по: Т р о ц к и й Л.Д. Терроризм и коммунизм. Пг., 1920. С. 111.

[60] Там же. С. 109–110.

[61] См.; напр.: С м и л ь г - Б е н а р и о М. На советской службе // АРР. Т. 3. М., 1990. С. 154.

[62] Т р о ц к и й Л.Д. Указ. соч. С. 110.

[63] Правда. 1919. 8 февраля. С. 1.

[64] Цит. по: Г о л и н к о в Д.Л. Крах вражеского подполья. М., 1971. С. 166.

[65] Собрание узаконений РСФСР. 1920. № 415. Ст. 22.

[66] Ленин В.И. ПСС. Т. 40. С. 100–101.

[67] Исторический архив. 1957. № 5. С. 184.

[68] Собрание узаконений РСФСР. 1920. № 22/23. Ст. 115.

[69] Там же.

[70] Из истории Всероссийской чрезвычайной комиссии. 1917–1921 гг. М., 1958. С. 386.

[71] В о л и н С. Меньшевизм в первые годы нэпа // Меньшевизм после Октябрьской революции. Chalidze publications. 1990. С. 109.

[72] Л а ц и с М.Я. Чрезвычайные комиссии по борьбе с контрреволюцией. М., 1921. С. 19–23.

[73] Огонек. 1988. № 30. С. 30.

[74] РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 84, д. 47, л. 2.

 В.П. П О П О В*

ХЛЕБ КАК ОБЪЕКТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В СССР В 1940-е ГОДЫ

Ликвидировав кулачество и проведя сплошную коллективизацию, сталинское руководство решило ряд важнейших стратегических задач. Был положен конец идейным разногласиям внутри правящей партии; последовавшие затем во второй половине 30-х гг. кадровые "чистки" во всех звеньях советской государственной машины надолго устранили почву для возможной оппозиции правящему режиму. Завершилось складывание нового общественного строя России, поскольку и сами социальные слои советского общества, и организация первичных производственных и трудовых коллективов (заводов, фабрик, колхозов) отличались некой социалистической однородностью. Подразумевалось, что изгнание из всех сфер народного хозяйства антисоветских элементов (с последующим "добиванием остатков умирающих классов", как отмечал Сталин) делает возможным не только построение в СССР социалистического общества, но и воспроизводство основных его элементов на собственной основе. Следовательно, людские массы были ориентированы уже не на решение своих прежних частных интересов (хотя таковые имелись и продолжали сохраняться в силу неизменности человеческой природы), а на решение глобальной общегосударственной задачи – построения нового общества на базе социалистических форм хозяйства. Государство, созданное Сталиным, существовало для самого себя; оно намеренно и жестко отделило себя от народа и в своей политике руководствовалось исключительно собственными интересами.

Созданная колхозная система позволила ему глубоко вторгаться во все сферы деревенской жизни. Примерный устав сельскохозяйственной артели игнорировал личные устремления и нужды деревенских жителей. Формально земля и средства производства находились в коллективном пользовании артели и должны были, по замыслу создателей устава, "обеспечить, таким образом, лучшую жизнь колхозников". Фактически артель обязывалась вести свое коллективное хозяйство в полном соответствии с навязываемыми сверху государственными планами и сдавать по обязательным поставкам большую часть выращенной сельхозпродукции за бесценок. Это в равной степени касалось и продукции приусадебных хозяйств.

Помимо экономического бесправия колхозная система узаконивала и личное бесправие деревенских жителей, лишенных паспортов и возможности свободного выбора работы и места жительства[1]. Основывалась она на принудительном труде своих работников, за который они не получали полноценной оплаты. Это была по всем правилам оформленная, невиданная по жестокости система государственного крепостничества. Продукция, изымаемая из деревни с ее помощью, составляла дешевую сырьевую базу промышленности, позволяла властным структурам сосредоточивать в своих руках огромные средства, которые они бесконтрольно расходовали.

Уровень и условия жизни народа упали не на короткий период *в процессе* так называемых социалистических преобразований, а в *результате* этих преобразований.

40-е гг. стоят особняком в хронологическом ряду советской истории. Они прошли не только под знаком войны "горячей", но и "холодной" тоже, да и предвоенный период сопровождался усиленной милитаризацией всего народного хозяйства страны. Многие историки именно в этом видят ключ к объяснению сверхцентрализации, сверхжестокости методов государственного регулирования экономики, некую своеобразную цену победы в Отечественной войне 1941–1945 гг., являющуюся, по их мнению, главной причиной падения жизненного уровня населения СССР. Такая позиция делает необя-

* **Попов Василий Петрович**, доктор исторических наук, профессор Московского педагогического государственного университета.

зательным анализ базовых экономических отношений, присущих социалистической системе на любом этапе ее существования. Однако, как будет показано ниже, ни война, ни послевоенные трудности никак не повлияли на характер производственно-распределительных отношений между государством и населением.

Если данные о производстве, распределении и потреблении зерна в России и СССР в первой трети XX столетия публиковались в открытой печати, то за 40–50-е гг. такие сведения отсутствовали. Только в 1960 г. вышел в свет статсборник "Сельское хозяйство СССР". Но в нем приводились лишь показатели об урожаях зерновых в 1940 и 1950 гг. Аналогичные пробелы имели место в этом издании за 1971 г., а в 1988 г. в нем была обнародована статистика зернового производства за первую послевоенную пятилетку. За военные годы она увидела свет в 1990 г. в сборнике "Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг." Вышедшая тиражом в 500 экземпляров эта публикация не была доступна даже специалистам и не оказала существенного влияния на изучение проблемы. Современные исследования, включающие период 40-х гг., содержат отрывочные сведения о зерновом производстве этого времени[2].

В данной статье ставится задача проанализировать реальные экономические отношения в сельском хозяйстве СССР в 40-е гг., рассмотрев распределительный механизм, сложившийся между государством и непосредственными производителями зерна. Статья основывается на извлеченных из фондов АП РФ, РГАЭ, ГА РФ и впервые вводимых в научный оборот данных ведомственной статистики. Эти данные, направляемые в правительство, были предназначены для внутреннего пользования и в отличие от официальной статистики, оперировавшей лишь одним показателем – видовой урожайностью (урожай на корню), содержали сведения не только о производстве зерна, но и о его последующем распределении государством.

В таблице 1 отражено поступление зерна государству за 1913–1951 гг. С 1933 г. урожай зерновых культур в СССР стал определяться на корню, до сбора. Если до 1937 г. в статистике разрешалась поправка на 10% с учетом возможных последующих потерь, то с 1937–1940 гг. эти скидки были отменены. Официальные данные преувеличивали действительные цифры сборов зерновых на 25% до войны и более чем на 40% в послевоенный период[3]. Важно отметить, что 1930 г. характеризуется превышением уровня 1913 г. Известно, что год этот был высокоурожайным, но он был и решающим в создании колхозной системы. После 1930 г. весь заготовленный хлеб находился в распоряжении государства, запретившего колхозам, колхозникам и единоличникам продавать зерно собственного производства на городских колхозных рынках или в других местах до полного выполнения государственных планов заготовок. Только благодаря этому и можно было постоянно повышать уровень заготовок. Приведенные в последней графе таблицы 1 сведения о выполнении годовых планов (начиная с 1935 г.) показывают, что не всегда рост поступления зерна в абсолютных показателях по сравнению с предшествующим годом свидетельствовал о выполнении плана (см. данные за 1939, 1940, 1947 гг.), поскольку последний искусственно завышался с помощью методики расчетов, исходящей из видовой урожайности.

По мнению И.Е. Зеленина, которое разделяют многие историки, причина завышения до уровня "рекордных" показателей валового сбора зерна в 1930 г. заключалась в политических амбициях тогдашнего советского руководства. "Сталин, – пишет И.Е. Зеленин, – был крайне заинтересован в таком "рекорде" именно в канун первого года сплошной коллективизации"[4]. Не отрицая этого фактора, в значительной степени повлиявшего на искажение сведений о действительном количестве полученного государством хлеба, отметим и другой. На наш взгляд, в действительно резком увеличении количества зерна, собранного государством, свою роль сыграло такое мощное средство контроля за колхозами как видовая оценка урожая именно потому, что она давала представление о максимуме возможных сборов зерна и позволяла выжать из деревни все. Даже в случаях, когда фактический урожай сильно отличался от видового, государство взыскивало с отстающих колхозов плановые задания на следующий

Таблица 1

Поступление зерновых в распоряжение государства в 1913–1951 гг.* (все поступления, включая заготовки, гарнцевый сбор и закупки)*

Годы	Всего поступило		Годы	Всего поступило		% выполнения годового плана
	В млн пуд.	В % к 1913 г.		В млн. пуд.	В % к 1913 г.	
1913	1300,6	100,0	1935	1807,0	138,9	100,2
1914	508,1	39,1	1936	1557,8	119,8	100,6
1915	78,3	6,0	1937	1949,7	149,9	103,1
1916	508,1	39,1	1938	1775,8	136,5	93,0
1917	73,3	5,6	1939	1889,2	145,3	81,6
1918	107,9	8,3	1940	2224,9	171,1	92,9
1919	212,4	16,3	1941	1483,4	114,1	66,2
1920	366,9	28,2	1942	764,1	58,7	54,5
1921	232,8	17,9	1943	748,2	57,5	61,3
1922	422,3	32,5	1944	1315,8	101,2	87,0
1923	293,4	22,6	1945	1222,2	94,0	82,3
1924	279,1	21,5	1946	1065,4	81,9	78,7
1925	516,3	39,7	1947	1676,2	128,9	99,7
1926	710,8	54,7	1948	1842,0	141,6	100,2
1927	674,9	51,9	1949	1961,5	150,8	100,2
1928	658,6	50,6	1950	1972,7	151,7	104,3
1929	981,6	75,5	1951	2049,8	157,6	102,3
1930	1357,2	104,4				
1931	1394,1	107,2				
1932	1161,8	89,3				
1933	1444,5	111,1				
1934	1643,3	126,3				

* Составлено по данным: РГАЭ, ф. 8040, оп. 8, д. 360, л. 1а–2. Цифры взяты из так называемого справочника министра, в котором не указано, каким способом проведен расчет поступления зерновых культур в распоряжение государства в 1913–1928 гг. Часть цифр опубликована нами в кн.: Аграрный рынок в историческом развитии. Екатеринбург, 1996. С. 260.

год (такие хозяйства заносились в разряд недоимщиков) или перекладывало их в форме дополнительных заданий на передовые колхозы.

В подтверждение нашей точки зрения сошлемся на решение политбюро ЦК ВКП(б) от 6 декабря 1942 г., согласно которому ЦСУ и Наркомзему воспрещалось собирать данные о фактическом намолоте урожая в колхозах, "как искажающих действительное положение дел с урожайностью" и предписывалось "впредь пользоваться в оценке урожая *только данными видовой оценки* (курсив мой. – *В.П.*), производимой органами ЦСУ до начала уборки". Этот порядок был обязателен для всех работников партийных, советских и земельных органов, которые предупреждались, что за пользование данными о фактическом намолоте урожая виновные будут привлекаться к строгой ответственности. Поскольку, по мнению политбюро, эти сведения "занижали фактически полученный урожай и вели к укрытию хлеба от поставок государству, расхищению и разбазариванию его в колхозах". Обкомы, крайкомы и ЦК компартий союзных республик обязывались "изъять собранные местными органами ЦСУ и наркомзема данные о фактическом намолоте урожая"[5].

Сложившаяся в колхозный период практика отражала серьезные противоречия между властью и непосредственными производителями. Интересы государства прева-

Таблица 2

Заготовки зерновых культур по СССР по видам поступления (в млн пуд.)*

Годы	Всего заготовлено	В том числе по видам поступления						
		Обязательные поставки	Натуральная оплата МТС	Возврат ссуд		Хлебосдачи совхозами	Хлебный сбор Красной армии	Гарнцевый сбор
				Колхозами	Совхозами			
1939/40	1 727,1	557,2	740,9	152,1	6,6	188,5	2	81,7
1940/41	2 117,9	888,4	873,7	131,5	5,1	219,1	–	–
1941/42	1 458,0	657,5	574,5	45,7	3,5	170,0	2,5	–
1942/43	756,1	323,6	251,3	18,0	0,4	74,7	82,4	0,8
1943/44	655,0	242,9	151,1	14,7	0,3	52,1	182,3	10,4
1944/45	1 283,3	659,1	274,1	75,4	4,6	121,5	113,8	33,5
1945/46	1 188,9	582,1	298,5	71,5	4,9	113,7	88,4	29,6
1946/47	1 024,2	498,1	296,2	99,1	8,2	101,1	–	21,3
1947/48	1 640,3	668,5	589,6	186,7	20,6	138,3	–	32,3
1948/49	1 790,3	678,3	732,0	148,0	10,0	177,8	–	44,1

* Составлено по данным: РГАЭ, ф. 8040, оп. 8, д. 381, л. 1. При пересчетах пудов в тонны больших объемов зерна метрическая комиссия Наркомзема в 1925 г. предложила следующий полный переводной коэффициент: 1 тонна – 61,048211 пуда (см. РГАЭ, ф. 478, оп. 5, д. 2604, л. 180).

лировали над интересами людей, жесткий контроль за общественным производством, осуществляемый с помощью видовой оценки, являлся для правительства выгодным.

Поскольку сбор сведений об урожаях не был самоцелью, а лишь средством подстегивания колхозов для получения большего количества зерна, сама верхушка советского руководства скептически относилась к точности предварительных оценок статистических органов. Так, 29 января 1929 г. Сталин писал секретарю Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) А.А. Андрееву по поводу видов на урожай: "Лично я мало верю корреспондентским данным и "ориентировочным" выводам ЦСУ. Эти данные надо проверять данными организациями. Без этого ошибки неизбежны"[6].

Понуждаемые к выполнению постоянно завышенных плановых заданий, срыв которых грозил уголовным наказанием и рассматривался как государственное преступление, местное руководство и председатели колхозов стремились изыскать хоть какие-то способы для их снижения. Один из наиболее распространенных – искажение отчетности о посевных площадях зерновых и видовой урожайности. Районные, областные (краевые) и республиканские власти находились в двойственном положении. С одной стороны, как представители государства, они обязаны были следить за точным исполнением всех директив центра (ведь от этого зависела не только карьера, но часто и жизнь этих людей). С другой – они были заинтересованы в сохранении экономической стабильности подведомственных им сельскохозяйственных предприятий, стремились не допустить их полного разорения (последнее тоже грозило наказанием). Выходом из такой ситуации был обман государства, приписки в отчетности. Это была расплата общества за экономическую неэффективность созданной системы.

В свою очередь государство находило все новые способы изъятия хлеба. Кроме планирования госпоставок по видовой урожайности, с 1940 г. устанавливается их погектарный принцип исчисления, согласно которому объем сдаваемого зерна зависел от размера пашни, закрепленной за каждым колхозом; фактические посевы зерновых культур, наличие семян, техники, рабочих рук, погодные условия в расчет не принимались. Даже несмотря на то, что за годы войны из-за недостатка средств и рабочих рук многие колхозные земли пустовали и не засевались, хозяйства должны были сдавать с них хлебопоставки. Для каждой области, края, республики определялся средний разряд урожайности, который ежегодно утверждался правительством и получал силу закона. При этом уполномоченные Министерства заготовок, как правило, распределяли колхозы по разрядам или группам урожайности без серьезного учета природно-климатических условий и экономики хозяйства. От группы урожайности зависела натуроплата за работу МТС.

Как показывают данные таблицы 2, она имела большой удельный вес в заготовках.

Согласно постановлению СНК СССР и ЦК ВКП(б) "О порядке отнесения колхозов к разрядам урожайности для начисления натуроплаты за работы МТС" от 25 мая 1939 г., уполномоченные обязаны были немедленно привлекать к судебной ответственности всех должностных лиц (включая работников колхозов, МТС, земельных и статистических органов) "за попытки обмана государства предоставлением неверных сведений об урожайности". Методы, которыми государство изымало хлеб из колхозов, нередко вызывали осуждение даже самих уполномоченных. "Подавляющее большинство уполномоченных Министерства заготовок, – доносил в октябре 1947 г. министр Б. Двинский заместителю председателя Совмина СССР А.А. Андрееву, – провели работу по отнесению колхозов к разрядам урожайности правильно и своевременно, однако отдельные из них в борьбе за хлеб оказались не на высоте государственных задач, занимали местническую позицию, допуская занижение разрядов урожайности"[7]. В целях пресечения этой, по выражению наркома, "антигосударственной политики" Совмин СССР дважды (21 июля и 9 сентября 1947 г.) принимал соответствующие постановления. Однако и в последующие годы положение практически не изменилось.

В годы войны из-за разорения МТС, мобилизации тракторного парка на военные нужды резко снизилась механизация сельскохозяйственных работ. Естественно, что

Таблица 3

Посевная площадь, урожайность, валовый урожай и заготовки зерновых культур по СССР в 1940–1950 гг. (по всем категориям хозяйств)*

Годы	Посевная площадь тыс. га	Урожайность в ц с 1 га		Валовый урожай тыс. т		Государственные заготовки и закупки тыс. т**	Фактический урожай в % к видовому	Заготовки в % к фактическому урожаю
		Видовая оценка ЦСУ	Фактическая	Видовая оценка ЦСУ	Фактическая			
1940	110 440,3	10,7	8,6	118 839	95 500	36 445	80	38
1941	81 401,2	11,0	7,3	89 233	55 900	24 299	63	43
1942	67 288,4	8,2	4,4	54 939	29 700	12 516	54	42
1943	70 600,6	7,2	4,2	50 627	29 400	12 256	58	42
1944	81 956,6	8,4	6,0	68 687	49 100	21 554	71	44
1945	85 236,3	8,0	5,6	68 440	47 200	20 020	69	42
1946	85 765,7	7,3	4,6	62 507	39 600	17 452	63	44
1947	90 676,8	10,8	7,3	98 514	65 900	27 457	67	42
1948	100 661,6	11,7	6,7	118 308	67 200	30 173	57	45
1949	102 291,5	12,2	6,9	124 417	70 200	32 130	56	46
1950	102 900,0	12,1	7,9	124 500	81 200	32 314	65	40

* Составлено по данным: РГАЭ, ф. 292, оп. 1, д. 178, л. 1 а; Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945. Статсборник. М., 1990. С. 93, 104; Сельское хозяйство СССР. Статсборник. М., 1988. С. 10–15.

** Данные о государственных заготовках и закупках, приведенные в таблице, несколько отличаются от аналогичных сведений таблицы 10 в связи с тем, что Государственная инспекция по определению урожайности вносила свои поправки в соответствующие показатели Министерства заготовок.

и удельный вес натуроплаты за работу МТС в общем объеме заготовок зерновых культур тоже снижается (табл. 2). Но к 1949 г. с увеличением объема работ МТС он почти достигает довоенного показателя.

Обязательные поставки и натуроплата являлись двумя важнейшими каналами, по которым государство выкачивало хлеб из деревни: если недодавалось по одному каналу, недостачу восполнял другой. Поэтому, за исключением 1943–1945 гг., в 40-е гг. удельный вес заготовленного зерна по обязательным поставкам и натуроплате за работу МТС достигал в целом от 75% до 84% всех заготовок. Еще одной формой изъятия хлеба из деревни в годы войны стал хлебный фонд Красной армии.

Доля совхозного производства зерна в хлебопоставках в 40-е гг. была относительно стабильной, но составляла лишь 10–12%.

После засушливого 1946 г. Совмин СССР постановлением от 10 мая 1947 г. № 1465 ввел два дополнительных разряда урожайности, что, по мнению Двинского, должно было дать в том же году прибавку поступления хлеба по натуроплате за работы МТС не менее 14 млн пуд.

Рассмотрим теперь важнейшие показатели зернового производства – валовые сборы, урожайность, заготовки (табл. 3). Соотношение между фактическим и видовым урожаями в 40-е гг. менялось от 54 до 80%, т.е. довольно резко, что, очевидно, объясняется погодными условиями. Если бы видовая оценка зависела только от погони правительства за "рекордами", как утверждают отдельные историки, названное соотношение должно было бы оставаться стабильным. В 40-е гг. почти не изменялась доля государственных заготовок в фактических сборах зерна – и в военные, и в послевоенные годы она составляла около 40%. Из-за оккупации огромных территорий СССР в 1941–1942 г. произошло резкое снижение посевных площадей зерновых культур и урожаев.

С 1943 по 1950 гг. посевные площади зерновых культур ежегодно росли, особенно заметно в 1944 и 1948 гг. (табл. 3). Однако довоенный уровень достигнут не был, так как отсутствовали необходимые рабочие руки, а уровень механизации, хотя и вырос за годы четвертой пятилетки, оставался недостаточным. Резкие колебания наблюдались в урожайности; только начиная с 1947 г. можно говорить о некоторой ее стабилизации.

После войны бремя заготовительной политики ничуть не ослабло, в определенном смысле оно даже усилилось – исчезло оправдание в виде ссылок на "военные обстоятельства". "Пестрота урожая текущего года, – сообщал в декабре 1946 г. заместитель председателя Госплана СССР С. Демидов заместителю председателя Совмина СССР А.И. Микояну, – предопределила необходимость в таком размещении плана хлебозаготовок, в целях его выполнения, при котором колхозам с лучшей урожайностью были даны повышенные против норм (до 75%) планы сдачи хлеба"[8]. Поэтому во второй половине 40-х гг. – только половина всех колхозов страны выполняла планы заготовок зерна; массовый характер приобрели факты саботажа (по терминологии госчиновников) хлебозаготовок, хищения зерна, укрывательство хлеба в колхозах и совхозах.

Для преодоления этих явлений после войны создается еще один мощный контролирующий орган – Главная государственная инспекция по определению урожайности сельскохозяйственных культур при Госплане СССР, в обязанности которой входило предотвращение обмана государства, ведение решительной борьбы с занижением данных об урожайности, очковтирательством и приписками в отчетных данных.

О невысокой экономической эффективности колхозного производства свидетельствуют качественные характеристики ежегодно поступающего по государственным заготовкам зерна (табл. 4).

Колхозники понимали, что, сдавая государству за бесценок хлеб – в первую очередь, лучшего качества, в оптимальные агротехнические сроки, – они ежегодно рискуют оказаться без собственных запасов, а значит им предстоит жить весь год впроголодь или, как в 1946–1948 гг., ожидать голодной смерти. Поэтому, по их мнению, следовало скорее выполнить государственный план, в том числе с помощью приписок

Таблица 4

Качество хранящегося зерна на пунктах Заготзерно (в % к итогу) по СССР*

По состоянию на 1 января	Сухого и средней сухости	Влажного	Сырого	Сорного	Зараженного (1 степени)
1939	85,2	11,2	3,6	3,0	29,1
1940	81,9	11,2	6,8	4,8	33,8
1941	82,7	12,5	4,7	6,8	44,8
1942	63,8	20,0	16,2	6,9	27,3
1943	69,9	16,7	13,4	15,8	29,0
1944	73,7	18,0	8,3	23,2	29,6
1945	78,2	14,4	7,4	22,9	38,5
1946	55,8	27,3	13,7	26,5	39,9
1947	65,0	16,0	19,0	28,6	28,8
1948	72,5	20,8	6,7	23,5	38,5

* Составлено по данным: РГАЭ, ф. 8040, оп. 8, д. 360, л. 92–93.

или другого обмана. В качестве, как и в количестве сдаваемого зерна они не были заинтересованы экономически. Поэтому нет ничего удивительного в том, что размер сырого и влажного зерна составлял в общем объеме заготовок от 15–18% до войны и 30% и более в послевоенные годы (см. табл. 4), что на складах хранилось много сорного и зараженного зерна. Колхозники равнодушно относились к выращенному урожаю, допускали большие потери при уборке. Ситуация усугублялась хронической нехваткой рабочих рук в деревне и другими причинами. Так, перевозка зерна, причитающегося за работы МТС, к железнодорожным станциям, пристаням, элеваторам и заводам производилась перевозочными средствами колхозов и за их счет. Гужевой транспорт сельхозартелей не справлялся с этой задачей, поэтому значительная часть продукции оставалась до зимы на так называемых глубинных пунктах Заготзерна. Сведения Наркомата заготовок показывают, что в 40-е гг. на эти пункты поступало ежегодно от 5 до 9 млн т зерна[9]. С целью экономии сил и средств, которых едва хватало на проведение первоочередных хозяйственных работ, колхозы и районные власти находили массу действительных и мнимых причин, чтобы урожай оседал в глубинке. Это давало уверенность, что в случае крайней нужды можно будет ходатайствовать перед правительством о получении ссуд за счет таких запасов. Центральные власти неохотно шли на открытие новых глубинных пунктов. Из-за отсутствия у Заготзерна необходимой складской емкости арендовались помещения колхозов, мало или совсем не приспособленные для приемки и складирования больших партий зерна. В результате его качество резко снижалось. Не имея возможности пользоваться глубинными пунктами, колхозы вынуждены были возить зерно на магистральные на расстояния в десятки, а иногда и сотни километров. В условиях осенней распутицы это приводило к затягиванию сроков хлебозаготовительных работ, быстрому изнашиванию транспортных средств, отвлечению рабочих рук.

В колхозный период большая часть усилий всех звеньев государственных, советских и партийных органов тратилась на успешное проведение ежегодных хлебозаготовительных кампаний. По оценкам ЦСУ СССР, в отдельные годы потери зерна при уборке и хранении, не связанные с погодными условиями или чрезвычайными обстоятельствами, составляли треть его валовых сборов. При этом качество его было низким.

Эти показатели свидетельствуют о низкой эффективности колхозной системы.

Для правильной оценки политики государства коротко остановимся на вопросе о государственном резерве хлеба в СССР, тем более, что в работах отечественных и

Таблица 5

Наличие хлеба государственного и мобилизационного резервов в 1940–1944 гг. (тыс. т)*

Место хранения	1940 г.		1941 г.		1942 г.		1943 г.		1944 г.	
	На 1 января	На 1 июля	На 1 января	На 1 июля	На 1 января	На 1 июля	На 1 января	На 1 июля	На 1 января	На 1 июля
На базах ГУГРМ	3 827,8	3 359,6	5 259,4	4 753,7	2 878,5	2 247,5	2 380,6	1 075,6	1 658,7	928,8
На ответ-хранении НКЗага	494,5	615,8	617,0	476,5	3 289,7	4 399,2	4 690,3	4 292,7	3 706,7	1 738,0
На ответ-хранении НКТорга	–	–	–	–	141,6	131,4	96,6	67,3	24,7	9,9
На ответ-хранении ТОФлота	–	–	–	–	9,0	20,5	20,5	17,2	10,5	10,5
На ответ-хранении НКПищепрома	–	–	–	–	9,0**	8,7**	13,1	8,9**	63,1	23,0
Всего	4 322,3	3 975,4	5 876,4	5 230,2	6 327,9	6 807,3	7 201,1	5 461,7	5 463,7	2 710,3

* Составлено по данным: ГА РФ. Архивная коллекция.
** На ответхранении Центросоюза.

Таблица 6

Наличие хлеба государственного резерва в 1945–1951 гг. (тыс. т)*

По состоянию на	Все ресурсы	В том числе на ответхранении Минзага
1 января 1945 г.	н/св.	н/св.
1 июля 1945 г.	8 177	2 210
1 января 1946 г.	10 058	5 821,6
1 июля 1946 г.	6 000	3 141,1
1 января 1947 г.	н/св.	3 608,0
1 июля 1947 г.	4 700	1 467,2
1 января 1948 г.	н/св.	9 529,2
1 июля 1948 г.	10 500	4 847,3
1 января 1949 г.	18 773	11 207,1
1 июля 1949 г.	13 900	7 402,5
1 января 1950 г.	20 930	13 074,1
1 июля 1950 г.	16 000	10 275,0
1 января 1951 г.	21 000	14 559,0
1 июля 1951 г.	16 300	10 861,6

* Составлено по данным ГА РФ. Архивная коллекция; РГАЭ. Архивная коллекция.

зарубежных историков он специально не рассматривался. В СССР задачи образования и хранения неприкосновенного фонда хлебофуража были возложены на Комитет резервов при СТО (в последующем преобразован в Управление, затем Главное управление государственных материальных резервов при СНК СССР, далее – в Министерство государственных продовольственных и материальных резервов). Периферийные органы включали управления резервов по отдельным краям и областям, а также военным округам. Разбронирование государственных резервов и мобилизационных запасов производилось "в самых исключительных случаях, каждый раз по специальному решению СНК"[10].

Войну страна встретила, имея резерв хлеба более 5 млн т (табл. 5). В исторической литературе сведения о национальном хлебном запасе за 40-е гг. содержатся в книге Д.А. Волкогонова[11]. Однако автор приводит их только по состоянию на 1 июля каждого года, т.е. накануне нового урожая, что не дает полного представления о действительных размерах запаса, его расходовании и пополнении. Приведенные нами показатели отчасти восполняют этот пробел.

По сведениям Главного управления государственных материальных резервов, за 1941–1944 гг. для нужд Красной армии и народного хозяйства было разбронировано 15 047,8 тыс. т хлеба, а заложено в госрезерв – 10 074,0 тыс. т. После войны национальные запасы хлеба значительно выросли – показатели за январь 1951 г. (табл. 6) в 3 с лишним раза превышают аналогичную цифру за январь 1941 г. (табл. 5). Даже в 1946–1948 гг. (табл. 6), когда многие районы страны поразили засуха и голод, государственные запасы перед новым урожаем (по состоянию на 1 июля) суммарно превышали аналогичный показатель 1941–1944 гг. (табл. 5). Этот факт весьма показателен для оценки социальной политики советского государства.

Теперь рассмотрим, какую долю в ежегодных сборах зерна составляла товарная продукция. По расчетам ЦСУ СССР (октябрь 1949 г.), в целом она была равна в 40-е гг. 38–40%.

Полагаем, что действительная цифра была выше, поскольку в таблице 3 мы показали, что только государственные заготовки составляли в рассматриваемый период ежегодно 40–45% всего фактического урожая. А ведь часть зерна отчуждалась госу-

дарством через так называемый рыночный фонд колхозов. Объем колхозного зерна на городских базарах и рынках, как будет показано ниже, был весьма велик. В 1940–1945 гг. происходит резкое расширение посевов зерновых культур на приусадебных участках колхозников – с 0,9 до 1,6 млн га. В единоличных крестьянских хозяйствах этот показатель составлял в 1940 г. – 9,9, а в 1945 г. – 8,2 млн га. Если посевные площади зерновых в единоличных хозяйствах из-за уменьшения числа этих хозяйств затем резко сократились (до 0,25 млн га в 1951 г.), то у колхозников, наоборот, выросли (до 1,8 млн га в 1951 г.)[12].

Приведенные цифры отразили простой факт – посевы и урожай зерновых на приусадебных участках колхозников возмещали им то, что недодавало колхозное производство. Особенно заметно расширились эти посевы в зерновых районах страны (Поволжье, Северный Кавказ, Алтай), так как именно в них выдача зерна по трудодням сильно сократилась. Если бы причина заключалась только в войне, то в последующие годы производство зерновых на приусадебных участках колхозников должно было понизиться. Этого не произошло. Та же картина – увеличение посевов зерновых в личных хозяйствах за послевоенный период – наблюдалась не только у сельских рабочих и служащих, но и у городских.

Не представляется возможным точно определить, какая часть произведенного в личных хозяйствах хлеба шла на продажу, а какая на потребление, так как многое зависело от местных условий, состава семей, близости сел и деревень к городским поселениям. Существовали, как будет показано ниже, и факторы внеэкономического характера. По расчетам ЦСУ, индекс объема продаж на колхозных рынках крупных городов продуктов растениеводства изменялся так (1940 г. = 100%): 1945 г. – 82%, 1946 г. – 103, 1947 г. – 127, 1948 г. – 147, 1949 г. – 170, 1950 г. – 193%[13].

Сопоставляя это почти двойное увеличение с расширением зерновых посевов в хозяйствах колхозников, можно предположить, что к концу 40-х гг. немалая часть произведенной ими продукции растениеводства (включая зерновые) поступала на внедеревенский рынок. Все же, учитывая низкие выдачи зерна на трудодень в большинстве колхозов страны, полагаем, что подавляющая часть выращенного хлеба потреблялась самими сельскими жителями. Отмена карточной системы в стране в декабре 1947 г. не могла радикально изменить ситуацию. Во-первых, потому, что продуктов питания в стране хронически не хватало. Министерство торговли ежегодно отмечало в своих секретных сводках повышение спроса на хлеб за счет увеличения притока в города сельских жителей за покупкой продовольствия. Как правило, это происходило весной, когда запасы деревни подходили к концу. Так, в 1949 г. подобная картина наблюдалась не только в промышленных районах (Тула), но и в зерновых (Воронежская и Ростовская обл., Украина). Это происходило потому, что до выполнения плана хлебозаготовок в целом по области, краю или республике колхозам, колхозникам и единоличникам запрещалось продавать свой хлеб, а также зерно и муку на городских и сельских рынках, железнодорожных станциях. Чем урожайнее был год, тем больше планы поставок, которые колхозам не всегда удавалось выполнить. Государственные запреты ограничивали объемы продаж, но людская нужда преодолевала преграды. Как свидетельствует выборочное обследование в конце 40-х гг. ЦСУ колхозных рынков 251 крупного города, среднемесячная реализация продуктов после разрешения свободной продажи была больше, чем до этого. Однако и в период запретов фактическая продажа производилась в значительных размерах[14]. ЦСУ проследило динамику продаж по месяцам. Небольшое количество хлебных продуктов продавалось в августе–сентябре; в последующие месяцы размеры продаж возрастали и достигали наибольшей величины к концу весны – началу лета, т.е. накануне нового урожая. Следовательно, и в условиях жестких государственных ограничений существовали в стране колхозы и отдельные лица, которые пытались приспособиться к ситуации и придержать хлеб до весны, когда рыночные цены повышались. Позволить себе это могли только крепкие хозяйства, люди, имеющие развитое личное хозяйство, или профессиональные перекупщики. Особые выгоды приносила продажа хлеба в

Таблица 7

Распределение оприходованного колхозами зерна по СССР*

Годы	Всего оприходовано зерна колхозами	Сдано и продано государству (включая натуроплату)	Засыпано в фонды колхозов (включая рыночный фонд)	Определено к выдаче колхозникам и трактористам (включая наемных лиц)
	Млн ц	%	%	%
1936	469,6	44	33	23
1937	859,7	30	34	36
1938	655,0	36	37	27
1939	652,9	40	37	23
1940	767,4	43	37	20
1946**	291,4	52	34	14
1947**	476,4	51	33	16

* Составлено по данным: П о п о в В.П. Российская деревня после войны: Сб. документов. М., 1993. С. 37.

** С включением колхозов западных районов УССР, БССР, МССР.

войну. Так, индекс цен на городских колхозных рынках на хлебные продукты в военные годы вырос больше, чем на остальное продовольствие (1940 г. = 100%): 1941 г. – 117%, 1942 г. – 1045, 1943 г. – 2155, 1944 г. – 2360, 1945 г. – 948%[15].

Рассмотрим, в каких размерах и как распределялась зерновая продукция в колхозах между его работниками. Мы ставим перед собой ограниченную задачу – получить представление о том, в какой степени размер выдачи зерна по трудодням соответствовал потребностям колхозной семьи. В наиболее общем виде эти данные представлены в таблице 7.

Рекордный урожай 1937 г. позволил колхозам оставить у себя в запасе больше зерна, чем сдать государству (табл. 7). В последующий период выдача по трудодням не зависела от величины урожая. Более того, в самые трудные для деревни два первых послевоенных года удельный вес отчуждаемой государством зерновой продукции был наиболее высоким. Почти неизменной оставалась доля урожая, идущая на пополнение колхозных фондов. Центральные власти строго следили за тем, чтобы колхозы после выполнения государственных планов в первую очередь пополняли колхозные фонды, а лишь после этого проводили оплату трудодней.

В подтверждение приведем выдержку из секретного постановления ЦК партии и Совмина СССР от 15 июля 1952 г., которая свидетельствует о характере распределительных отношений, сложившихся между государством и колхозами: "Признать недопустимым, что во многих районах все еще имеет место неправильная практика распределения и использования доходов в колхозах, когда после выполнения обязательств перед государством почти все зерно, картофель, другие сельскохозяйственные продукты и значительная часть кормов распределяются по трудодням, в результате чего колхозы не создают в необходимых размерах семенные, фуражные, страховые фонды...Такая неправильная практика распределения почти всех доходов по трудодням препятствует дальнейшему развитию общественного хозяйства"[16]. Партийные органы обязывались устранить эту "неправильную практику".

Следовательно, только обманув государство, колхозники могли как-то надеяться на улучшение своего материального положения. Поэтому вся правительственная переписка наполнена многочисленными ссылками официальных лиц на распространение при

Таблица 8

Средняя выдача зерна колхозникам по трудодням в СССР в 1940–1950 гг.*

	1940 г.	1943 г.	1944 г.	1947 г.	1950 г.
На 1 двор (ц)	8,2	2,6	2,9	4,2	5,8
На 1 трудодень (кг)	1,6	0,7	0,8	1,0	1,4

* Составлено по данным: ГА РФ, ф. 5446, оп. 48, д. 2405, л. 178–191.

Таблица 9

Группировка колхозов СССР по выдаче зерновых и бобовых на 1 трудодень (в % к итогу) в 1939–1950 гг.*

Количество зерна и бобовых, выдаваемых на трудодень	Уд. вес хозяйств			
	1939 г.	1945 г.	1946 г.	1950 г.
До 100 г	–	8,8	14,1	1,6
Свыше 100 до 300 г	–	28,4	30,8	8,8
Свыше 300 до 500 г	–	20,6	17,7	11,8
Свыше 500 до 700 г	–	12,2	9,4	11,0
Свыше 700 до 1000 г	35,9	10,6	7,7	15,7
Свыше 1 кг до 2 кг	31,9	10,4	6,7	28,4
Свыше 2 кг до 3 кг	15,5	2,4	1,8	12,7
Свыше 3 кг до 5 кг	9,4	1,0	1,0	6,5
Свыше 5 кг	2,9	0,2	0,2	1,4
Без выдачи зерна на трудодни	4,4	5,4	10,6	2,1
	100,0	100,0	100,0	100,0

* Составлено по данным: ГА РФ, ф. 5446, оп. 52, д. 3418, л. 149–153; РГАЭ, ф. 9476, оп. 2, д. 70, л. 84–105.

уборке урожая такого приема как списание значительного количества зерна в так называемые мертвые отходы. Это помогало скрывать хищения и незаконные, с точки зрения государства, расходы на оплату трудодней.

В 40-е гг. изменились размеры выдачи зерновой продукции на двор и трудодень (табл. 8).

Выработка трудодней (в среднем на 1 трудоспособного колхозника) выросла за 1940–1950 гг. с 257 до 269, а вот выдача зерна сократилась. Еще больший разрыв между 1940 и 1950 гг. наблюдается, если сопоставить размеры натуральной оплаты в расчете на колхозный двор. В таблице 8 приведены средние данные по стране. Действительная выдача по районам значительно отличалась от этих показателей: высокая натуральная оплата трудодня в 40-е гг. сохранялась на Северном Кавказе, в Средней Азии, некоторых областях Центра, низкая – во многих районах РСФСР и Белоруссии. Более реальное представление о разнице в количестве зерна, выдаваемого на трудодень, между отдельными группами колхозов страны дают цифры таблицы 9.

Распределение государством той части урожая, которая полностью находилась в его распоряжении, отражают зерновые балансы (см. табл. 10). Основная доля зерна поступала государству за счет заготовок и закупок, импорт его не превышал в 40-е гг. 0,3–1,3% всей приходной части баланса. Поступление из госрезерва – тот объем зерна,

Таблица 10

Балансы зерновых культур по СССР (1938–1950 гг.) (тыс. т.)*

Годы	Приход							Расход	
	Наличие зерна	Поступление по заготовкам и закупкам	Импорт	Поступило из госрезерва	Поступило из Госстрах-фонда, Госсортфонда	Итого прихода	Итого прихода, включая наличие	Переработано на предприятиях Минзага и Минпище-прома	Отпущено в рыночный фонд
1938/39	6 116,3	29 100,8	115,1	2 012,3	н/св.	38 741,9	–	20 815,9	1 587,8
1939/40	4 143,7	30 802,7	114,5	1 051,7	н/св.	37 269,5	–	22 145,6	1 735,2
1940/41	3 436,3	36 204,9	46,9	776,3	777,9	42 239,1	–	22 829,5	2 575,9
1941	4 814,3	24 600,0	–	н/св.	н/св.	29 414,3	–	18 000,0	1 000,0
1942	12 335,9	13 216,0	44,7	762,2	381,4	17 141,0	29 978,3	10 082,6	2 516,9
1943	10 311,2	11 553,0	88,6	497,7	307,4	13 766,5	24 262,8	8 532,4	2 430,2
1944	7 080,2	22 061,0	132,8	745,6	464,2	25 410,7	32 661,5	8 514,9	2 306,8
1945	13 341,2	20 431,5	474,4	289,0	536,7	23 578,2	37 230,5	10 192,3	2 386,3
1946	14 485,1	17 539,0	195,1	1 731,5	1859,3	22 956,3	38 209,3	13 649,7	2 265,2
1947	6 844,9	27 920,3	258,6	н/св.	1376,9	30 512,6	37 694,4	12 181,0	934,2
1948	16 625,6	30 994,7	232,9	3322,7	н/св.	36 134,2	52 759,8	17 115,6	1 249,7
1949 1-е полуг.	8 699,1	445,0	103,3	4 945,4	н/св.	6 231,9	14 931,9	6 788,1	765,1
1949 2-е полуг.	1 731,2	33 051,4	28,6	н/св.	н/св.	33 764,3	35 495,5	9 746,3	909,6
1950	13 357,9	33 414,6	59,2	1 615,1	н/св.	36 264,8	49 622,7	18 385,2	2 087,0

Годы	Расход								Наличие
	Отпущено на фуражные цели (вкл. животноводство)	Отпущено промышленности (макаронно-кондитерской, спиртовой, пивоваренной, пр.)	Централизованные поставки	Экспорт	Сдано в госрезерв	Отпущено по семенному обмену	Отпущено в семенные ссуды	Итого расхода	
1938/39	449,8	2 733,6	1 008,6	1 907,8	2 177,5	н/св	1 436,8	34 598,2	4 143,7
1939/40	357,9	2 951,7	1 438,3	486,5	1 806,0	н/св	790,5	33 723,2	3 546,3
1940/41	429,4	3 320,9	1 344,9	1 496,8	2 327,1	н/св	458,1	37 424,8	4 814,3
1941	350,0	1 815,0	2 000,0	50,0	2 500,0	н/св	100,0	26 495,0	2 919,3
1942	н/св.	1 025,7	2 233,7	3,1	741,0	н/св	н/св	19 641,0	10 152,2
1943	337,9	798,9	2 403,5	9,8	145,7	460,8	274,9	17 019,3	7 072,9
1944	262,7	646,9	2 577,2	25,4	2 053,0	243,5	1 085,0	18 954,3	13 396,1
1945	544,1	944,2	1 174,8	231,0	1 602,6	517,4	1 361,3	21 988,9	14 473,7
1946	772,5	1 150,7	971,6	1 230,2	1 303,7	324,4	2 438,3	27 419,6	10 452,8
1947	522,5	1 150,8	520,2	609,5	9 904,5	354,7	3 056,1	31 138,3	6 556,1
1948	608,5	1 486,6	335,1	2 594,8	5 197,7	1 018,6	1 757,7	32 981,9	19 906,0
1949 1-е полуг.	н/св.	827,4	139,6	1 243,1	н/св.	н/св.	н/св.	13 403,1	1 729,1
1949 2-е полуг.	н/св.	742,3	231,6	1 158,1	7718,7	н/св.	н/св.	22 459,1	13 354,4
1950	1121,7	1 721,4	361,4	2 800,2	2207,9	1 027,3	2 229,5	34 059,8	15 813,2

* Составлено по данным: РГАЭ. Архивная коллекция; ГА РФ. Архивная коллекция. Балансы составлялись Наркоматом (Министерством) заготовок СССР и имели гриф "сов. секретно". Данные за первые три года, указанные в таблице, составлялись за период с 1 июля одного года по 1 июля следующего года, т.е. за так называемый сельскохозяйственный год. Например, 1938/39 сельхозгод, где в графе "приход" наличие зерна указывалось на 1 июля 1938 г., в графе "расход" – на 1 июля 1939 г. С 1942 по 1950 гг. зерновые балансы составлялись за календарный год, т.е. в графе "приход" наличие зерна указывалось на 1 января 1942 г., в графе "расход" – на 1 января 1943 г. За 1949 г., из-за отсутствия годового баланса, помещены полугодовые: 1-е полугодие охватывает период с 1 января по 1 июля 1949 г., 2-е полугодие за период с 1 июля 1949 г. по 1 января 1950 г. В таблице приведены только те статьи баланса, которые включались в этот документ ежегодно. Поэтому итоговая цифра расхода и прихода не соответствует сумме показателей, приведенных в таблице. Следует учесть, что данные за военные годы весьма приблизительны.

который ежегодно разбронировался правительством в связи с какими-либо чрезвычайными обстоятельствами или (в отдельных случаях) с истечением сроков хранения части зерна, возмещаемой затем из урожая текущего года.

Часть национального запаса содержалась на складах Министерства заготовок и учитывалась в отчетности этого учреждения. Зерно, хранимое Министерством продрезервов, проходило по отдельной отчетности и в данные министерства заготовок не попадало. Поэтому при сравнении показателей таблиц 5 и 6 и таблицы 10 выявляется значительная разница между наличием зерна в госрезерве на 1 января и 1 июля каждого года (табл. 5 и 6) и поступлением зерна из госрезерва, которая указана в балансах зерновых культур (табл. 10). Свидетельствует ли данный факт о повышенной степени секретности, необходимой для сохранения государственной тайны, или имела место "двойная бухгалтерия", отражающая наличие у правительства особого резервного фонда, – судить без достаточных оснований трудно. Видимо, в графе балансов "поступление из госрезерва" – учтена только часть зерна, которая находилась в непосредственном распоряжении Министерства заготовок, а не весь хлеб, ежегодно освобождаемый государством от брони. После войны доля хлебного запаса, поступившего из госрезерва, в приходной части баланса увеличивается и составляет от 3–4% до 6% и более.

Поступление зерна из особого резерва – государственного страхового и сортового фонда, как правило, было связано с недостатком посевного материала в колхозах.

Наибольший удельный вес в расходной части баланса занимала переработка зерновой продукции на муку и крупу. В годы войны она снижается, после войны несколько возрастает и в 1950 г. достигает уровня 1941 г. При планировании переработки государство исходило из необходимости обеспечения текущих потребностей армии, гражданского населения, закладки на базы Министерства продрезервов и создания так называемого коммерческого остатка в пределах месячной (или несколько большей) потребности. На фоне 40-х гг. выделяется низкая цифра 1947 г., что, безусловно, связано с плохим урожаем предыдущего года.

Сравнительно невысокими были показатели, характеризующие отпуск зерна в рыночный фонд. Попытаемся объяснить этот факт. Если хлеб по карточкам отпускался по так называемым ценам нормированной торговли, которые были низкими и за годы войны не изменялись, то государственные коммерческие цены на хлеб, муку и крупу были в десятки раз выше (еще больше были цены на колхозных рынках). Естественно, что Министерство торговли было заинтересовано в повышении количества хлеба, продаваемого через коммерческие магазины, палатки, рестораны (правительственная переписка содержит многочисленные подтверждения этим фактам). Но правительство не могло пойти на это. Во-первых, потому, что продовольственных ресурсов в предвоенные и военные годы было немного и их следовало экономно расходовать. Во-вторых, расширение коммерческой торговли только усилило бы и без того носившие сложный характер социальные конфликты внутри общества. Интересно отметить, что в 1948–1950 гг., т.е. уже после отмены карточек, абсолютные размеры хлеба, отпускаемого в рыночный фонд, были сравнительно невелики (показатель 1950 г. меньше соответствующей цифры за все военные годы). Это понятно, если учесть, что по идеологическим соображениям правительство не было заинтересовано в дальнейшем поощрении зажиточной прослойки общества, сложившейся за военные годы. Снижая после отмены карточек государственные розничные цены, власти пытались проводить политику, не закрепляющую социальное расслоение.

Невысоким был и удельный вес зерна, отпускаемого в фуражный фонд – общественное животноводство росло после войны низкими темпами, а о скотине, находящейся в личном пользовании граждан, деревенское население должно было заботиться само.

Отпуск зерна централизованным потребителям – армия, флот, НКВД (МВД), ГУЛаг, особое строительство (например, Дальстрой) – резко вырос в годы войны из-за увеличения численности Вооруженных сил СССР. К 1948 г. после завершения демо-

билизации они сократились до 2 874 тыс. человек, но в 1949 г. из-за разгоревшейся "холодной войны" вновь несколько выросли. В 1950 г. насчитывалось не менее 3 млн военнослужащих, 2,6 млн заключенных.

Экспорт зерна был высоким до войны и еще больше возрос после войны (до 8% всей расходной части баланса в 1948–1950 гг.).

Помимо того, что экспорт зерна представлял важную статью валютных поступлений в казну и способствовал развитию народного хозяйства, он использовался и как средство большой политики. В 40-е гг. этот аспект заграничной торговли зерновой продукцией выступает на первый план. Согласно кредитному соглашению между СССР и Германией (август 1939 г.), Советский Союз в обмен на кредиты, заказы и оборудование поставлял немецкому партнеру сырье, в том числе хлеб.

За 1939–1941 гг. общий объем экспорта зерна составил 1983,3 тыс. т (табл. 10). В годы войны он сократился до минимума. В 1946 г., несмотря на тяжелую обстановку внутри страны, он вновь составил более 1 млн т. В первом полугодии 1946 г. было разбронировано из госрезерва 4,6 млн т, в том числе для экспорта во Францию – 0,5 млн т. Как отмечалось в сообщении о подписании соглашения, касающегося поставок зерна во Францию, Советское правительство, "учитывая тяжелое продовольственное положение во Франции и просьбу Французского правительства, решило пойти навстречу Франции как своему союзнику"[17]. Политическая направленность помощи понятна – поддержать французских коммунистов и повысить их престиж на выборах. Непонятно только, почему эта "щедрость" должна была осуществляться за счет населения собственной страны? Помимо Франции зерно поставлялось в Болгарию, Румынию, Польшу, Чехословакию, Берлин (летом 1948 г. в связи с берлинской блокадой), другие страны.

Крестьяне голодающих районов рассматривали поставки зерна за границу как политику, враждебную по отношению к ним: "Меньше продавать хлеба за границу. Кормить досыта свой народ...", "Куда идет наш хлеб – в Берлин для наших исконных врагов, кто уничтожил богатства нашего труда? А теперь сидите (дураки вы трудитесь), а мы будем пожирать ваш труд"[18].

Весьма неравномерно по годам распределялся расход, связанный со сдачей хлеба в госрезерв. После войны, начиная с урожайного 1947 г., три года подряд в резерв зачислялось ежегодно от 5 до 9 млн т. (табл. 10). Отчасти это можно объяснить необходимостью возмещения зерна, которое в больших объемах разбронировалось в эти годы из национальных запасов.

В рассматриваемый период наблюдается рост отпуска семенных ссуд, который был связан с рядом причин, в том числе с неблагоприятными погодными условиями. Учитывая, что правительство все время неоправданно завышало урожайность и тем повышало размеры хлебозаготовок, колхозы в неурожайные годы нередко оставались без семенного зерна и вынуждены были пользоваться государственными ссудами. Рост ссуд происходил и в результате расширения площадей посева озимой пшеницы, которые сократились за 1940–1945 гг. с 11 701 до 7 353 тыс га[19].

Анализ производства и распределения зерна в СССР в 40-е гг. дает возможность сделать ряд выводов. С победой колхозного строя сложилась особая форма производственно-распределительных отношений, позволяющая государству осуществлять полный контроль почти над всем выращенным в стране хлебом. Ведь даже та его часть, которая оставалась в хозяйствах, шла на первоочередное восстановление колхозных фондов (семенного, фуражного, страхового), т.е. опять-таки для того, чтобы ежегодное производство зерна для государства не прерывалось. Война, засуха, голод – все эти чрезвычайные обстоятельства ничуть не поколебали отлаженной системы и даже в самые трудные годы позволяли правительству сосредоточивать в своих руках запасы, необходимые для успешной работы советской государственной машины. Резкое падение валовых урожаев и государственных заготовок в отдельные годы (1942–1943, 1946 гг.) компенсировалось путем жесткого контроля за распределением хлеба между его основными потребителями внутри страны. Экономия

достигалась в первую очередь за счет главного производителя продукта – деревенского населения.

Чтобы сделать возможным контроль над производством и распределением зерна, была создана колхозная система, машинно-тракторные станции, разветвленный государственный заготовительный аппарат, продумано множество способов, позволяющих изымать у производителей хлеба максимум возможного.

Ни в одной другой области социальных отношений не проявилась так отчетливо природа советского государства, как в сфере распределения. И не только в отношении к какой-либо одной части общества, а ко всему в целом – низкие выдачи на трудодни в колхозах и такие же невысокие зарплата и нормы продовольственного снабжения по карточкам для городских жителей. Не будем забывать, что в 40-е гг. заготовительная цена 1 ц зерновых возмещала колхозам лишь шестую часть их себестоимости. Остальное шло в карман государству. Как свидетельствуют цифры, с урожая 1944 г. начинается постоянный рост национальных запасов зерна, лишь засуха 1946 г. несколько понизила госрезерв. Рост запасов мало отразился на уровне жизни населения, зато возрастал экспорт зерна, особенно в страны народной демократии.

Данные о производстве и распределении хлеба характеризуют государственную политику, проводимую по отношению к народу. После завершения победоносной войны в этой политике не произошло никаких существенных изменений – интересы людей по-прежнему стояли для правительства на последнем месте. Результат действия созданной системы, безусловно, эффективен с позиций государственной власти, поскольку давал ей возможность успешно управлять огромной страной. Однако, если судить о системе хлебозаготовок с учетом приносимых ею потерь (низкая урожайность и качество зерновой продукции и гибель ее в огромном количестве при уборке и хранении), ее экономическая несостоятельность становится очевидной.

Примечания

[1] См. П о п о в В.П. Паспортная система в СССР (1932–1976 гг.) // Социологические исследования. 1995. № 8, 9.

[2] См.: Б е л о з е р ц е в А.Г. Зерновое производство России (1865–1997 гг.). Историко-экономический очерк. М., 1998.

[3] РГАЭ, ф. 1562, оп. 329, д. 4592, л. 1–22.

[4] Актуальные проблемы археографии, источниковедения и историографии. Сб. статей. Вологда, 1995. С. 334.

[5] АП РФ, ф. 3, оп. 56, д. 9, л. 113–114.

[6] Там же, ф. 45, оп. 1, д. 697, л. 12–13.

[7] ГА РФ, ф. 5446, оп. 50, д. 2436, л. 161–171.

[8] Там же, оп. 49, д. 1614, л. 80–84.

[9] РГАЭ, ф. 8040, оп. 8, д. 360, л. 119.

[10] ГА РФ, ф. 5446, оп. 29, д. 790, л. 1–36.

[11] В о л к о г о н о в Д.А. Семь вождей. Кн. 1. М., 1995. С. 382.

[12] ГА РФ, ф. 5446, оп. 60, д. 9872, л. 162–236.

[13] Там же, оп. 59, д. 8985, л. 126.

[14] П о п о в В.П. Российская деревня после войны (июнь 1945 – март 1953 г.). М., 1993. С. 117–118.

[15] Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне. 1941–1945 гг. Статсборник. М., 1990. С. 197.

[16] АП РФ, ф. 3, оп. 30, д. 172, л. 115–116.

[17] Внешняя политика Советского Союза. 1946 год. Документы и материалы. М., 1952. С. 117.

[18] См.: П о п о в В.П. Российская деревня после войны... С. 105, 137.

[19] РГАЭ, ф. 292, оп. 1, д. 2, л. 150–152.

© 2000 г. Д.Г. НАДЖАФОВ *

СССР В ПОСЛЕМЮНХЕНСКОЙ ЕВРОПЕ

Октябрь 1938 г. – март 1939 г.

Вторая мировая война – самое масштабное явление XX в. – глубоко захватила сферу взаимоотношений Советского Союза с другими странами. Но в каких причинно-следственных связях находились их взаимоотношения? Как складывались отношения Советского Союза с формировавшимися еще в предвоенные годы двумя коалициями государств – демократического Запада и блока агрессивных держав Оси, "вцепившихся друг в друга во время войны" во имя достижения мирового господства, как скажет позже И.В. Сталин, и которым он *противопоставит* образовавшийся в итоге войны социалистический лагерь во главе с СССР[1]? Какие предпосылки обусловили позицию СССР, поддержавшего в начале войны нацистскую Германию? И главное, какова роль противоречий между социализмом и капитализмом в круговороте событий, приведших к мировой войне, противоречий, восходящих к расколу мира на две системы после Октябрьской революции в России в 1917 г.? Вопросы, до сих пор вызывающие принципиальные споры в историографии войны, которая, как и Первая мировая, стала моментом истины для социально-политических систем.

Взаимные обвинения в подготовке и развязывании новой всеобщей войны посыпались задолго до фатального исхода попыток избежать еще одной катастрофы для Европы и мира в целом. По окончании войны возобладало мнение, что за Вторую мировую войну несут ответственность силы фашизма и милитаризма, ведомые гитлеровской Германией. Тем не менее споры продолжаются, концентрируясь вокруг поисков ответа на вопрос, вынесенный в заголовок книги советского посла в Англии в 1932–1943 гг. И.М. Майского "Кто помогал Гитлеру?"

Действительно, кто? Кто еще, помимо Гитлера и его сообщников в Токио и Риме, был заинтересован в сломе Версальско-Вашингтонской системы международных отношений, созданной победителями в Первой мировой войне? Заинтересован в пересмотре послевоенного государственно-территориального статус-кво, начиная с Европы, остававшейся генератором глобальных процессов? Найти ответ на эти вопросы значит выявить, кто еще, помимо нацистских лидеров, строил свою политику в расчете на кардинальные социальные перемены в мировом общественном развитии.

По историографической концепции советского времени, именно страны демократического Запада – в первую очередь Англия, а также Франция и заатлантические Соединенные Штаты – своей довоенной политикой невмешательства и нейтралитета расчистили путь агрессии держав Оси. Советскому Союзу она отводила самую активную роль в антигитлеровской войне, но только после нападения нацистской Германии на него 22 июня 1941 г. До этого, в критические предвоенные годы и месяцы, СССР, по этой концепции, несмотря на неустанную "борьбу за мир" так и не смог повлиять на судьбоносные решения, принимаемые в столицах великих капиталистических держав.

По распространенной западной историографической концепции, воспринятой в постсоветское время значительной частью отечественных историков, наступлению мировой войны во многом способствовала активная антикапиталистическая стратегия сталинского Советского Союза. Наиболее яркое воплощение эта стратегия нашла в советско-германском пакте 23 августа 1939 г., ставшего, как считает российский историк И.М. Семиряга, "решающим событием" кануна войны[2]. Схожую оценку пакту дает немецкий историк И. Фляйшхауэр, называющая его "вехой" на пути германского

---

* **Наджафов Джахангир Гусейнович**, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

вторжения в Польшу, а следовательно, и развязывания мировой войны[3]. Ряд подобных суждений легко продолжить.

Попробуем, критически используя как известные, так и новые документальные источники, включая архивные (отечественные и иностранные), разобраться, какое из концептуальных положений – о полной непричастности СССР к возникновению войны или его определенной ответственности за нее – отвечает исторической истине.

Обратимся к советским усилиям отгородиться от обвинений в развязывании войны, документированных в совместном англо-франко-американском издании "Нацистско-советские отношения в 1939–1941 гг."[4] Из этой публикации германских архивных материалов следовало, что закулисные контакты СССР с нацистской Германией, завершившиеся подписанием пакта, и последующее тесное советско-германское сотрудничество (от экономического до военно-политического) имели антизападную направленность.

Советский ответ на обвинения Запада был дан в брошюре "Фальсификаторы истории", изданной двухмиллионным тиражом от лица Советского информационного бюро. Для вящей убедительности она была названа "исторической справкой" и отредактирована самим Сталиным – чтобы придать ей "разящую силу"[5]. Этот по-своему уникальный пропагандистский документ периода "холодной войны" продолжил линию предвоенной внешней политики СССР, далекой от проявления общности интересов со странами демократического Запада.

В подкрепление советской версии периодически появлялись документальные издания, призванные доказать, что западные страны вели дело к тому, чтобы превратить Вторую мировую войну в крестовый поход против социалистического государства. Со временем все определеннее утверждалось, что нападение нацистской Германии на СССР было из разряда предсказанных Лениным "ужасных столкновений" между социализмом и капитализмом. Отсюда стремление вычленить советско-германскую войну из контекста Второй мировой войны, придать ей особый, не связанный с войнами между капиталистическими странами, характер. Советско-германский пакт оценивался в официальных изданиях как оправданная акция с целью сорвать образование антисоветского фронта капиталистических стран[6]. Так что классовый мотив оказывался с официальной советской точки зрения определяющим для характеристики предвоенной политики капиталистических государств – и фашистских, и демократических – как политики антисоветской.

В еще большей степени классовый подход был характерен для СССР, принципы внешнеполитического курса которого зиждились на антагонизме "двух систем" как преобладающей тенденции в мировой политике новейшего времени. Все межвоенные годы заполнены борьбой Советского Союза с неоднократными, как официально заявлялось, попытками организовать интервенцию против него. До прихода нацистов к власти в Германии главными инициаторами таких попыток назывались "империалистические" Англия и Франция, а из соседних стран "панская" Польша и "боярская" Румыния.

В 1930-е гг. на первый план выдвинулась общемировая угроза фашизма, что становилось очевидным для растущего числа современников, включая лидеров многих стран. Но марксистская мысль так и не нашла достойного выхода из классового лабиринта, куда она сама себя загнала, следуя ленинско-сталинским заветам. Живя в постоянном ожидании "новой империалистической войны", которая согласно сталинскому "Краткому курсу истории ВКП(б)" началась с середины 30-х гг., и, следовательно, в ожидании новых социалистических революций, Сталин и его ближайшее окружение оставались в плену укоренившихся представлений о том, что приоритетной для мира капитализма остается задача сокрушить коммунизм.

Еще одной попыткой образовать единый антисоветский фронт, по концепции "Фальсификаторов истории", и стал Мюнхен (сентябрь 1938 г.), в итоге которого, утверждалось в этой брошюре, "дело шло к полной изоляции Советского Союза"[7].

Далее эта концепция получает законченный вид. Весной и летом 1939 г., т.е. "в самые драматические месяцы предвоенного периода", с приближением человечества "к

невиданной военной катастрофе", Советский Союза оказался в полной международной изоляции. Оказался... "благодаря враждебной политике Англии и Франции". Хотя именно в "самые драматические" предвоенные месяцы эти западные демократические страны вели с СССР переговоры о военно-политическом союзе с целью противодействия агрессии нацистской Германии, на сей раз нацеленной против Польши. Но дело в том, разъясняют авторы брошюры, что западные партнеры СССР по переговорам одновременно вынашивали коварный замысел: "двойной игрой" – затяжными переговорами с СССР и секретными переговорами с Германией – "дать понять Гитлеру, что у СССР нет союзников, что СССР изолирован, что Гитлер может напасть на СССР, не рискуя встретиться с противодействием со стороны Англии и Франции". При этом последние опирались "на поддержку" в Соединенных Штатах. Только и оставалось Советскому Союзу, "при условии его полной изоляции", постараться сорвать этот "коварный замысел" любыми средствами. Так "в самый последний момент" пришлось пойти на соглашение с абсолютно чуждыми доселе немецкими фашистами лишь бы избежать войны, продлить мир для советских людей.

Раздел этого официального издания, откуда заимствованы приведенные положения, выразительно назван: "Изоляция Советского Союза. Советско-немецкий пакт о ненападении"[8]. Отметим, что эти плохо согласуемые с фактами истории положения на десятилетия вперед определили концептуальные рамки советской историографии Второй мировой войны.

Но было ли положение Советского Союза столь безнадежным, столь безвыходным, как это представляется и по сей день некоторым, правда, сравнительно немногочисленным отечественными и зарубежным последователям концепции "Фальсификаторов истории"?

Сомнения возникнут у каждого, кто обратится к свидетельству В.П. Потемкина, в 1937–1940 гг. первого заместителя народного комиссара иностранных дел СССР – непосредственного участника переговоров с представителями как Англии и Франции, так и Германии. В последующем он был народным комиссаром просвещения РСФСР и редактором первого издания третьего тома "Истории дипломатии", целиком посвященного дипломатической предыстории Второй мировой войны.

В этом томе, опубликованном за три года до появления "Фальсификаторов истории", в главе по предвоенному 1939 г. (автором его внешнеполитического раздела был Потемкин) выделен параграф "Соперничество англо-французского блока и немецко-фашистской дипломатии из-за соглашения с СССР". Соперничество! Выходит, Советский Союз не был в "полной международной изоляции", а, наоборот, находился в выигрышной позиции, когда шла конкурентная борьба за то, чтобы заручиться его поддержкой. Параграф начинался так: "Для обоих лагерей *исключительное значение* приобретал вопрос, на чьей стороне в предстоящем столкновении окажется Советский Союз"[9].

Одно это свидетельство наносит чувствительный удар по положению о том, что советско-германский пакт явился всего лишь ответной советской реакцией защиты против антисоветских замыслов капиталистических стран. Между тем через несколько дней после заключения пакта, в начале сентября, нацистская Германия напала на Польшу, в защиту которой, в соответствии со своими обязательствами, выступили Англия и Франция. Отметим странную логику авторов брошюры: раз западным странам не удалось втянуть Советский Союз в войну с нацистской Германией, воевать пришлось им самим.

В итоге получилось по "золотому правилу" дипломатии, удачно (если не учитывать долгосрочные гибельные последствия пакта) реализованному Советским Союзом: враждующие *капиталистические* группировки стран Запада и держав Оси схватились друг с другом, а *социалистический* Советский Союз оставался вне конфликта, намереваясь пожать плоды взаимного ослабления своих антагонистов. Такому эгоистичному выбору способствовали геополитически выгодное евразийское положение страны и ее громадный потенциал, благодаря которым в прошлом Россия нередко выступала в

роли "козырного туза" в конфликтах на континенте. Кроме того, обвиняя западные страны в стремлении спровоцировать конфликт СССР с Германией – "без видимых на то оснований", скажет Сталин на партийном съезде в марте 1939 г.[10], советское руководство заранее выдавало индульгенцию себе на любые антизападные акции.

Г. Солсбери, очевидец событий, ставший одним из известнейших летописцев войны, вспоминает: ничто так не потрясло мир, как подготовленное втайне подписание советско-германского пакта 23 августа 1939 г. Однако, добавляет он, "очень быстро стали вспоминаться факты, которые явно свидетельствовали, к чему шло дело"[11]. Присмотримся и мы к советско-германским отношениям в послемюнхенской Европе, к периоду между октябрем 1938 г. и мартом 1939 г. и зададимся вопросом, были ли такие факты, "которые явно свидетельствовали, к чему шло дело"?

Такие факты были. *Самым знаковым* из них стала завершившаяся за десять дней до злополучной Мюнхенской конференции Англии, Франции, Германии и Италии 29–30 сентября 1938 г. газетная публикация "Краткого курса истории ВКП(б)"[12]. Ведущий партийный орган газета "Правда" печатала ежедневно по одной главе, а последняя, подводившая изложение к текущему международному моменту, появилась 19 сентября. Книга, говорилось в постановлении ЦК ВКП(б), принятом после ее выхода в свет отдельным изданием, содержала "установки марксизма-ленинизма"[13]. Считалось, что "установки" эти исходили от самого Сталина, чей стиль мышления и слога легко угадывался во многих местах книги. В том числе в международном разделе ее последней главы, положения которой предвосхитили, вплоть до текстуальных совпадений, его доклад на XVIII съезде ВКП(б) 10 марта 1939 г.

В международном разделе книги, посвященном событиям, предшествовавшим "мюнхенскому антисоветскому сговору" (1935–1937 гг.)[14], позиция СССР по вопросам внешней политики однозначно, без оговорок, противопоставлялась как Антикоминтерновскому блоку Германии, Италии и Японии, так и странам демократического Запада – Англии, Франции и США. Перемены в мире в результате итальянского захвата Абиссинии, итало-германской интервенции против республиканской Испании и японского нападения на Китай (упоминался и "аншлюс" Австрии в марте 1938 г.) трактовались как начало "второй империалистической войны, [идущей] на громадном пространстве от Гибралтара до Шанхая [и охватившей] более полмиллиарда населения". (Это положение Сталин повторил в докладе на партийном съезде.) Разъяснялось, что война, развязываемая Германией, Италией и Японией, "собственно и направлена" против интересов Англии, Франции и США, именовавшимися "так называемыми демократическими государствами".

Говорилось и о том, что начавшаяся война "не может не быть серьезнейшей опасностью для всех народов и, в первую очередь, для СССР"; однако в качестве вывода следовало указание на меры по укреплению собственно советских международных позиций. Упор делался на "дальнейшее усиление" оборонного потенциала Советского Союза.

Сталинский анализ международного развития возрождал формулу "социал-фашизма" в применении к западной демократии, как более опасном враге, чем сам фашизм, рассматриваемый "как признак слабости буржуазии"[15]. Трудно представить, чтобы Сталин, руководствовавшийся сугубо классовым подходом к проблеме войны и мира, мог действительно стремиться к предотвращению "второй империалистической войны", которая "на деле уже началась" и сулила новый успех социализму на пепелище капитализма. Не потому ли в его анализе (еще до Мюнхена!) не нашлось места ни коллективной безопасности, ни Народному фронту против фашизма и войны?

Правда, непосредственную вину за войну "Краткий курс истории ВКП(б)" все же возлагал на силы фашизма. В то же время книга закрепила наметившуюся в советской пропаганде тенденцию распространения ответственности за "империалистическую войну" не только на фашистских агрессоров, но и на неагрессивные капиталистические страны Запада (иначе бы Сталин не назвал войну "империалистической"). Сталинская критика Запада отражала разочарование продолжающимся отступлением Англии и

Франции перед агрессорами, их пассивностью, разочарование слабыми темпами "второй империалистической войны". (Война "не стала еще всеобщей, мировой", скажет Сталин на партийном съезде в марте следующего года.)

Страны Запада обвинялись в том, что они больше боятся рабочего движения в Европе и национально-освободительного движения в Азии, чем фашизма; даже опираются на него в борьбе против мирового революционного движения. (На партийном съезде, развивая эту мысль, Сталин обвинит западные страны в прямом поощрении фашистской агрессии против СССР.)

Под особым критическим прицелом Сталина оказались находившиеся у власти в Англии консерваторы – объект его постоянной озабоченности. Их политика напомнила Сталину политику либерально-монархических буржуа в русской революции, вступивших, по его мнению, в сговор с царем из-за страха перед собственным народом. Следовало многозначительное: "Как известно, либерально-монархическая буржуазия России жестоко поплатилась за такую двойственную игру. Надо полагать, что правящие круги Англии и их друзья во Франции и США тоже получат свое *историческое возмездие*". (Угрозу в адрес стран Запада Сталин повторил на партийном съезде в марте 1939 г., предрекая их политике "серьезный провал".)

Логика "исторического возмездия", основанная на аналогии между революционным 1917 г. в России и предвоенными 30-ми гг., ясно указывает, кому Сталин отводил роль исполнителя приговора истории Англии и всему буржуазному Западу. М. Джилас из приватных бесед со Сталиным в годы войны вынес впечатление о его убежденности в том, что он, Сталин, вершит суд истории[16].

В дни, когда в Мюнхене лидеры Англии, Франции, Германии и Италии решали судьбу чешских Судетов, в Москве, при активном участии Сталина с 28 сентября по 1 октября проходило совещание пропагандистов, созванное по случаю выхода в свет "Краткого курса истории ВКП(б)". На совещании с пространной речью выступил Сталин, откровенность которого в вопросах войны и мира граничила с цинизмом.

Большевики не просто пацифисты, разъяснял он, "которые вздыхают о мире и потом начинают браться за оружие только в том случае, если на них напали. *Неверно это*. Бывают случаи, когда большевики сами будут нападать, если война справедливая, если обстановка подходящая, если условия благоприятствуют, сами начнут нападать. Они вовсе не против наступления, не против всякой войны. *То что мы сейчас кричим об обороне – это, вуаль, вуаль*. Все государства маскируются: "с волками живешь, по-волчьи приходится выть". (*Смех*.) Глупо было бы все свое нутро выворачивать и на стол выложить. Сказали бы дураки"[17].

Сталинское указание – публичное или тайное, письменное или устное – становилось руководством к действию. В начале ноября глава правительства В.М. Молотов, выступая с докладом по поводу очередной годовщины Октябрьской революции, построил его международную часть целиком на сталинских положениях из "Краткого курса истории ВКП(б)". Поскольку в них давалось, говорил он, "марксистское объяснение" переменам в мире, а значит по этим положениям только и можно "судить о внешней политике Советского Союза и о всех международных событиях последнего времени"[18]. Из доклада Молотова следовало, что сталинское руководство вовсе не опасалось международной изоляции в итоге Мюнхена, настаивая на неизменности своего подхода к внешнеполитическим проблемам под углом классовой биполярности мира.

Советская печать, откликнувшаяся на Мюнхен как на "удар по делу мира", в последующем продолжила разоблачения, используя критические материалы иностранной прессы. Пропагандистские усилия были направлены на защиту от обвинений в том, что своей позицией в вопросе помощи Чехословакии СССР вынудил западные страны уступить требованиям Гитлера. Глава советского правительства особо остановился на этих обвинениях, отвергнув "жульнические попытки" изобразить советскую позицию в чехословацком вопросе как "уклончивую и неопределенную", что, по выражению Молотова, "не удалось и очень ловким людям"[19]. Но обвинения не прекращались и

оставались некоторое время темой дипломатической переписки НКИД СССР с советскими полпредами в западных столицах[20].

Видимо, предвидя такие обвинения, ТАСС дважды в начале октября выступил с опровержениями того, что СССР имел какое-либо отношение к конференции в Мюнхене и ее решениям[21]. С передовой статьей о "непричастности" Советского Союза выступила "Правда"[22]. Подлинное значение "позорных" сентябрьских дней 1938 г. журнал "Большевик" в статье, написанной по поручению Сталина[23], видел в международном заговоре буржуазии, характеризуя проявления этого заговора определениями "воровская диверсия, прямая провокация, направленная против СССР, против рабочего класса, против демократии". Однако "заговор реакционной буржуазии был сорван": на Ассамблее Лиги наций было оглашено заявление Советского Союза, проявившего "непоколебимую решимость защищать мир и демократию против разбойников фашизма"[24]. Тем не менее на партийном съезде Сталин вернулся к теме антисоветской направленности Мюнхена, оправдывая им свою антизападную политику.

В беседах с дипломатическими представителями Франции в Москве в октябре-ноябре 1938 г., говоря о последствиях ослабления позиций западных стран в итоге Мюнхена, нарком иностранных дел М.М. Литвинов прогнозировал развитие германской агрессии скорее против них, как менее рискованной для Гитлера[25].

К мысли, что германская агрессия будет развиваться *в первую очередь* в западном направлении, в частности против Франции, давно склонялся Сталин. Об этом можно судить по сталинской правке рукописи статьи М.Н. Тухачевского "Военные планы нынешней Германии", опубликованной задолго до Мюнхена. Правя статью, Сталин оставил цитату из книги Гитлера "Моя борьба" о сознательном отказе от вечного движения германцев "на юг и запад Европы" и переходе к политике территориального завоевания на востоке. И акцент статьи на антисоветские планы Гитлера в общем сохранился. В то же время Сталин внес правки с определенной смысловой нагрузкой. В одном месте – "Гитлер усыпляет Францию...", в другом – фразу "империалистические планы Гитлера имеют не только антисоветское острие" дополнил следующим образом: "Это острие является удобной ширмой для прикрытия реваншистских планов на западе (Бельгия, Франция) и на юге (Познань, Чехословакия, аншлюс)"[26].

Из анализа идей Сталина о международном развитии, обнародованных в сентябре 1938 г. в "Кратком курсе истории ВКП(б)" и развитых им в речи на съезде партии в марте 1939 г., можно предположить, что он пришел к решению подстегнуть события в желательном для него направлении. Сталина вдохновляли социальные последствия Первой мировой войны, на фоне которой и во многом благодаря которой был низвергнут капитализм в громадной России. "Большевик" в упомянутой статье писал о таких ожиданиях: "Фронт второй империалистической войны все расширяется. В нее втягиваются один народ за другим. *Человечество идет к великим битвам, которые развяжут мировую революцию*"[27].

Гитлер, как можно уверенно предположить, также решил ускорить события. Известно о его заявлении накануне подписания советско-германского пакта в узком кругу доверенных лиц о том, что с тех пор, как осенью 1938 г. он понял, что ни Япония, ни Италия не готовы последовать за ним (что подтвердилось вскоре), он решил "договориться со Сталиным" – с лидером, равным ему, Гитлеру, в способности предвидеть будущее. Что не помешало признанию, сделанному им тогда же, что после изоляции и разгрома Польши ее судьбу в дальнейшем предстоит разделить и Советскому Союзу[28].

Но можно ли вероятность подобного хода событий на европейском континенте датировать осенью 1938 г., связав его с Мюнхеном как отправной точкой? Из многих документов, подтверждающих наличие такой тенденции в европейском и мировом развитии, рассмотрим некогда секретный документ из Национального архива США под амбициозным, на первый взгляд, названием "Подлинное толкование Мюнхена"[29].

Из сопроводительного письма, направленного советнику государственного департамента США С. Хорнбеку в начале 1939 г. главой американской фирмы Alfred

Kohlberg, Inc.[30], мы узнаем, что документ был составлен им для ориентации в коммерческих делах. Фирма А. Колберга была связана с текстильным бизнесом в Китае, включая ее оккупированную японцами часть, а также в Англии, Швейцарии и Персии. Документ основывался на конфиденциальных данных, полученных от партнеров фирмы, главным образом из китайских источников (с оговоркой, что за их достоверность глава фирмы ручаться не может).

Согласно этому документу, в 1934 или в начале 1935 г. советское правительство осознало, что оно охвачено плотным кольцом союзнического договора между Германией и Польшей с запада и Японией с востока. Ставшая русским известной информация убедила их, что представители японской, немецкой и польской армий проводят консультации с намерением осуществить совместное нападение на Россию и что дипломаты указанных стран договорились о частичном или полном разделе России в случае успеха нападения. Обладание такой информацией привело к коренному пересмотру своей политики русским правительством, результатом чего стал прежде всего союз с Францией и договоренность с ней о совместной поддержке Чехословакии. За этим последовал пересмотр советами в 1935–1936 гг. всей их мировой политики, сказавшийся на их пропагандистской поддержке некоторых западных демократий.

Тем временем эволюция Народного фронта во Франции и его полный провал в сочетании с пониманием Сталиным и новыми правителями России (как и частью германского министерства иностранных дел и многими лидерами нацистской партии), что и немецкий, и русский эксперименты с тоталитаризмом сходны почти во всех отношениях, заставили русских переоценить ситуацию, имея в виду возможность отказа от союза с Францией и поисков соглашения с Германией. Величайшим препятствием этому является сам Гитлер, который все еще считает, что немецкое национал-социалистическое движение является основным противником коммунизма, а в России главная помеха союзу с Германией коренится в умах старых большевиков, в свою очередь рассматривающих фашистское движение в качестве главного врага коммунизма. Чтобы добиться союза с Россией потребовалось убедить Гитлера в том, что это было бы в жизненных интересах Германии, а затем убедить в необходимости союза старых большевиков или избавиться от них. В России этого удалось достичь в основном процессом ликвидации, в частности, командного состава Красной армии, все планы которой строились на том, что Германия и есть враг номер один.

В начале лета 1938 г. процесс ликвидации был почти завершен, когда известие о грядущем германо-японо-русском союзе просочилось из высших кругов и достигло маршала Блюхера – главнокомандующего русской армией в Сибири. Будучи решительным противником подобного союза (как и все высшее армейское командование России), Блюхер взял на себя ответственность за то, чтобы сорвать его заключение, инициировав атаку против Японии в конце июня – начале июля в районе сопки Чангкуфенг [Заозерная] на стыке границ Кореи, Манчжурии и Сибири. За несколько дней это нападение вылилось в самую настоящую малую войну и завершилось захватом русскими Чангкуфенга после почти полного уничтожения целой японской дивизии. Но вместо того, чтобы сорвать переговоры между Германией и Японией, она привела к скорому достижению соглашения между ними и смещению Блюхера со своего поста. Такое развитие событий в июле и августе побудило Гитлера немедленно ударить по Чехословакии.

Слухи об этом союзе достигли правительств Франции и Англии, и французский министр иностранных дел Бонне в начале сентября был послан в Женеву для встречи с русским министром иностранных дел Литвиновым. В ходе беседы Литвинов отрицал существование союза с Германией и Японией, но был столь уклончив в ответ на требование Бонне принять на себя твердое обязательство на случай нападения Германии на Чехословакию, что французский министр иностранных дел пришел к убеждению, что слухи о германо-русском союзе верны. Когда эти новости дошли до британского правительства, англичане и французы были настолько расстроены потерей своего русского союзника, что решили, что Чемберлен должен немедленно навестить Гитлера

с тем, чтобы добиться максимально приемлемых условий, пока Франция и Англия либо смогут подготовиться к тому, чтобы самим без русской помощи встретить германский удар, либо выиграть время, чтобы вновь привлечь Россию к союзу с Францией.

В своей политике Франция всегда полагалась на то, что в случае войны русская армия отвлечет на Восточный фронт большую часть германской армии, а британский флот перережет пути снабжения Германии с запада. Потеря России означала, что Франции придется столкнуться со всей мощью германской армии и что блокада британским флотом Германии окажется частично неэффективной, если она сможет черпать из России нефть и зерно.

На востоке Россия с лета 1938 г. прекратила поставки в Китай продовольствия, самолетов, танков, орудий и военного снаряжения. Япония со своей стороны отказалась от продвижения в глубь Монголии и попыток зайти во фланг русской армии в Сибири захватами во Внутренней и Внешней Монголии.

Поэтому во время противостояния Чемберлена с Гитлером в Берхтесгадене все козыри оказались в руках Гитлера. Чемберлен не мог в то время пойти ни на риск войны из-за Чехословакии, которая без поддержки России была бы быстро смята, ни на риск войны на Западе; оттянув же войну на год или два, Англия и Франция смогли бы повысить свою боеготовность и, возможно, снова вовлечь в союз Россию. Гитлер знал, что Чемберлен не мог и не хотел воевать; и когда Гитлер говорил, что был удивлен собственной умеренностью, он говорил правду.

Учитывая яростную взаимную пропаганду, которую вели Россия и Германия друг против друга в последние несколько лет, немедленное объявление русско-германского союза было невозможно. Необходимо было прежде всего изменить общественное мнение и в Германии, и в России. Такой процесс изменения общественного мнения происходит с сентября 1938 г. в обеих странах посредством ограничения взаимной контрпропаганды и постепенным переключением нападок на Францию и Англию. Проявлением этой политики в самой России были ожесточенные атаки на Линдберга, Чемберлена, на так называемую Клайвлендскую клику и т.п. А в Германии то же самое наблюдалось в отношении Англии, Франции и Соединенных Штатов. Ожидается, что действие этой пропагандистской машины отвлечет внимание от бывшего заклятого врага, и ее критика будет перенесена на новых врагов, причем эта линия находит поддержку у итальянской пропаганды. Коммунисты в западноевропейских странах и Соединенных Штатах также получили от русских указания ослабить критику Германии и Италии, перенеся свои атаки на нынешних глав правительств Франции и Англии.

Следующими ходами на международной шахматной доске могут стать нападения Германии, Японии и Италии на британскую и французскую империи, хотя перед этим объектом германской политики могут стать Балканы, чтобы открыть путь в Россию через Румынию.

Польша, которая предполагала заполучить часть России как плату за соглашение с Германией, может получить компенсацию за счет британских и французских колоний в Африке. К Японии, вместо ожидавшихся захватов в Сибири, должны отойти Гонконг, Индокитай и Британская Малайзия, тогда как раздел британских и французских колоний в Африке в результате германо-итальянских побед в Европе еще ждет своего решения. Планы Германии предусматривают сдачу ей целиком британского флота по окончании ожидаемой войны в Европе. Такая же судьба уготована французскому флоту, который в конце войны должен быть сдан Италии как единое целое, что будет означать переход морской мощи от британской и французской империй к германской и итальянской империям, нуждающимся в этих флотах, если они хотят сохранить завоеванные в результате войны колонии. Конечно, все эти планы тоталитарных государств построены на ожидаемой германской победе. В случае победы как Германия, так и Италия надеются продолжить экспансию в Южной Америке, что станет возможным в случае их контроля над британским и французским флотами и сотрудничества с японским флотом. [Конец документа.]

Аналитическая канва документа в общем и целом адекватно отражает ход и последствия международных событий в предвоенные годы. Тем интереснее провести тестирование некоторых его ключевых пунктов с привлечением дополнительных материалов, включая архивные.

Вначале общие соображения.

В документе отчетливо прослеживается линия размежевания между Германией, Японией и Италией, с одной стороны, и противостоящими им Англией и Францией как ближайшими объектами агрессии, с другой. Речь в нем идет об *общемировой* угрозе, которая исходила от фактически сформировавшегося блока держав Оси, и с которой, по логике вещей, не могли не считаться все страны, и не в последнюю очередь Советский Союз.

Вопреки концепции "Фальсификаторов истории", СССР уж никак не был обойден вниманием ни со стороны агрессоров, ни их потенциальных жертв, занимая в анализе *центральное* место. В документе нет и намека на его международную изоляцию ни до, ни после Мюнхена; наоборот, каждая из враждующих группировок проявляла особую заинтересованность в позиции СССР в назревающем всеобщем конфликте.

Чрезвычайно важен тот факт, что интерес агрессоров к советской позиции определялся их захватническими планами, т.е. изначально нес в себе угрозу для Советского Союза, тогда как западные страны, находясь в положении обороняющихся, хотели бы видеть в нем союзника. Подходы совершенно различные, и они существенно не менялись в дальнейшем.

О некоторых конкретных пунктах документа (из числа наиболее существенных).

Советский Союз, констатируется в нем, в отличие от капиталистических коалиций, рано определивших свои принципиальные позиции, "маневрировал между Гитлером и Западом" (что не осталось незамеченным наблюдательными дипломатами[31]). На рубеже 1936–1937 гг., разуверившись в выгодах партнерства с демократиями Запада (что отчетливо сказалось в вопросе помощи Испанской республике), он стал явно склоняться к тому, чтобы найти "модус вивенди" с агрессорами. Примени автор документа критерий классовости к политике СССР, ему не составило бы труда понять, что верно подмеченное стремление оставаться вне обоих блоков было выражением советской антикапиталистической стратегии. Что не исключало, а предполагало в рамках этой стратегии тактические маневры между двумя блоками капиталистических государств.

Другое важное положение документа, связанное с рассмотренным, – о том, что в Мюнхене английскому премьеру Н. Чемберлену уже пришлось считаться с признаками наметившегося сдвига СССР в сторону Германии. По официальной же советской версии Советский Союз стоял за самый решительный отпор домогательствам Гитлера в отношении Чехословакии вплоть до вооруженного. Даже в случае, если Франция откажется от своих военных обязательств перед Чехословакией и СССР[32].

Давно опубликован текст телеграммы, направленной от имени правительства СССР президенту Чехословакии Э. Бенешу в ответ на его запрос о советской позиции. Она содержала, как теперь известно из так называемой Особой папки, принятые на заседании политбюро ЦК ВКП(б) 20 сентября 1938 г. пункты с подтверждением советской готовности оказать "немедленную и действенную помощь" Чехословакии как по условиям советско-французского договора, так и по обязательствам СССР как члена Лиги наций на основании статей 16 и 17 ее Устава. Но – при одном из двух условий: "Если Франция останется ей [Чехословакии] верной и также окажет помощь" или если Чехословакия обратится за помощью в Совет Лиги наций[33].

"Принципиальность" политбюро в вопросе оказания помощи Чехословакии может быть оценена по достоинству при сопоставлении его решения с появившейся за день до этого в "Правде" сталинской оценкой международного положения в последней главе "Краткого курса истории ВКП(б)". Напомним, что оно характеризовалось как фактическое начало *второй империалистической войны*, развязанной фашистскими агрессорами при пособничестве *так называемых демократических стран* Запада, которые,

как подчеркивалось, *больше боятся* революционного движения, чем фашизма. Ни о каком внешнеполитическом выборе в пользу той или иной группы государств, фашистских или нефашистских, и речи не было.

Решение политбюро лишь подтверждало советские обязательства по советско-французскому и советско-чехословацкому договорам от 1935 г., которые формально оставались в силе. Именно формально. Ибо риск войны был крайне невелик, поскольку Сталин (как он только что показал своим анализом международного положения в "Правде") не верил, что Франция, а вслед за ней и Англия покончат с "однобоким" характером войны и решатся на вооруженное столкновение с Германией.

Для Сталина ситуация в Европе вполне прояснилась. С его точки зрения проблема сводилась к тому, чтобы вынудить западные страны занять наконец твердую антигерманскую позицию. Это отчетливо прослеживается по "Документам внешней политики СССР" за 1938 г. В самом начале сентября М.М. Литвинов дал недвусмысленный ответ на запрос французского поверенного в делах в СССР Ж. Пайяра, на какую помощь со стороны СССР может рассчитывать Чехословакия. Ответ был таков: Франция обязана помогать Чехословакии независимо от советской позиции, "в то время как наша помощь обусловлена французской..." 8 сентября заместитель наркома иностранных дел В.П. Потемкин, принимая английского посла в Москве виконта Чилстона, вновь заявил, что Советский Союз не обязан вмешаться, пока Франция не выступит активно в поддержку Чехословакии. У Чилстона сложилось впечатление, что Потемкин не верил в наличие у Франции политической воли на "быстрый и решительный шаг"[34].

Ничего не дала и упоминаемая в документе "Подлинное толкование Мюнхена" встреча в Женеве Литвинова с французским министром иностранных дел Бонне. Сообщив об отказе англичан принять советское предложение о созыве совещания Англии, Франции и СССР и их совместном заявлении[35], Бонне "разводил руками, что, мол, ничего сделать нельзя. Никаких предложений он не делал, *и я также был сдержан*", телеграфировал в Москву Литвинов[36].

Сомнений в том, что западные страны скорее уступят требованию Германии передать ей Судетскую область (с преобладающим немецким населением), чем согласятся на сотрудничество со Сталиным, не оставалось. Недоверие Запада к сталинскому режиму усилилось в связи с "большим террором", пик которого пришелся на 1937–1938 гг. За эти годы, докладывал нарком обороны К.Е. Ворошилов на Военном Совете в ноябре 1938 г., из армии "вычистили" более четырех десятков тысяч человек[37]. Красная армия лишилась почти половины своего командного состава. "Сталин и его подручные буквально утонули в репрессивных делах", пишет В. Некрасов, комментируя факт принятия только за один 1938 г. шести постановлений ЦК ВКП(б) по репрессивным делам[38]. Это была одна из веских причин, по которой советские заверения о готовности оказать вооруженную помощь Чехословакии воспринимались на Западе более чем скептически.

Заслуживают внимания и такие факты. 21 сентября, выступая на Ассамблее Лиги наций, Литвинов, имея в виду решение политбюро, заявил, что советское правительство "дало совершенно ясный и положительный ответ" на запрос Чехословакии. Однако 23 сентября Литвинов в срочной ("вне очереди") телеграмме из Женевы предупреждал, что "нужны более убедительные доказательства", чтобы остановить далеко зашедшего Гитлера. Для предотвращения войны он считал необходимым "сделать все", предлагая объявить хотя бы частичную мобилизацию и провести в прессе "такую кампанию, что заставило бы Гитлера и Бека (министра иностранных дел Польши, которая присоединилась к Германии и Венгрии в территориальных требованиях к Чехословакии. – *Д.Н.*) поверить в возможность большой войны с нашим участием... Необходимо действовать быстро"[39]. В тот же день от Литвинова поступила еще одна телеграмма, начинавшаяся словами: "Немедленно вручить и послать в Кремль". Она информировала о его беседе в присутствии И.М. Майского с английскими делегатами в Лиге наций, действовавшими по поручению своего правительства. Англичан, гово-

ривших о том, что "можно ожидать срыва переговоров" с Гитлером, интересовала советская позиция в случае, если Англия и Франция будут поставлены перед необходимостью "принять солидные меры". Не получив от собеседников никакой информации о ходе переговоров Чемберлена с Гитлером, Литвинов ограничился заявлением, что "мы, во всяком случае, раньше Франции выступать не будем, в особенности после того, что произошло за последние дни"[40]. Когда поступило сообщение о мероприятиях французского военного командования, советская сторона также объявила о принятии предупредительных военных мер[41]. Однако стоит отметить, что в начале октября германское посольство в Москве дважды сообщало в Берлин о том, что "в критические дни" в Советском Союзе, в отличие от некоторых других стран, не было замечено каких-либо мобилизационных приготовлений[42].

30 сентября Э. Бенеш вновь обратился к СССР, прося "как можно скорее" сообщить об отношении к выбору, перед которым стояла его страна: бороться или капитулировать. И хотя вскоре из Праги поступила вторая телеграмма о том, что Бенеш больше не настаивает на советском ответе, так как его правительство приняло решение согласиться с мюнхенским приговором, в Москве забеспокоились. Полпреда в Праге С.С. Александровского инструктировали телеграммой выяснить, "не мог ли Бенеш при обсуждении вопроса о мюнхенском предложении в правительстве сослаться на то, что он не получил от Советского правительства ответа на свой вопрос, изложенный в Вашей первой телеграмме". Был получен успокоительный ответ: "Никаких сомнений в том, что Бенеш не ссылался на неполучение ответа от СССР"[43].

Из этих документов видно, что нерешительность проявляли как западные страны, так и Советский Союз. Пролить дополнительный свет на события тех дней могли бы документы советско-германских отношений, но таковых нет как в томе за 1938 г. "Документов внешней политики СССР", так и в материалах, переданных в Российский Государственный архив социальной и политической истории (РГАСПИ) из Президентского (Кремлевского) архива.

Проще понять советскую позицию, с предельной ясностью выраженную в "Кратком курсе истории ВКП(б)" – позицию вне- и надблоковую. Проводя линию определенного водораздела между агрессивными и неагрессивными странами, намного более глубокую борозду Сталин прочертил между Советским Союзом и всеми остальными странами.

Разве не показательно, что в политбюро не было ни одного сторонника партнерства с западными странами? Тогда как со времени Рапалло (1922 г.) советские руководители, прежде всего Сталин и Молотов, ориентировались на сотрудничество с Германией. Интересы сторон совпадали в общем неприятии Версальской системы, слома которой они добивались совместными усилиями (хотя каждая рассчитывала воспользоваться этим по-своему). Теперь доказано, что общность интересов сторон простиралась столь далеко, что было налажено, в обход Версальских запретов, тайное военное сотрудничество между Красной армией и германским Рейхсвером[44]. Положение изменилось после прихода к власти Гитлера, объявившего поход против большевизма. Но советские руководители не уставали повторять, что готовы восстановить прежние отношения к Германией, как только она откажется от антисоветской политики.

С точки зрения определения долгосрочных целей советской внешней политики и средств их достижения большой интерес представляют материалы дискуссии в верхах, инициированной Литвиновым в связи с признанием СССР в октябре 1924 г. Францией, что поставило, по его убеждению, в порядок дня вопрос об "общей политической линии" новой России[45].

В пространной записке членам коллегии НКИД и членам политбюро Литвинов предлагал пойти навстречу Франции, признав условия Версальского мира в обмен на "вплоть до непредусмотренного договорами пересмотра наших отношений с лимитрофами, Польшей и Румынией". Литвинов полагал, что Франция могла побудить Польшу "к пересмотру Рижского договора [1921 г.]", т.е. к установлению польско-советской границы по "линии Керзона". О Прибалтике говорилось, что "в этом вопросе

мы от Франции могли бы получить максимальную компенсацию" за признание Версаля. Что касается Румынии, то ею "Франция охотнее пожертвует, чем Польшей". Затрагивались в записке и "восточные дела", которые, по словам Литвинова, открывали перспективу сотрудничества с Францией против Англии.

С Литвиновым не был согласен член коллеги НКИД В.Л. Копп[46], заявивший, что поддерживает высказанные им идеи в тактическом плане, но не в стратегическом. Свои возражения он подытожил следующим рассуждением: "Ничто не послужит в такой мере к ускорению перехода Германии в англо-американский лагерь, как наше сближение с Францией на базе Версаля. И ничто не состоянии будет нанести германскому и французскому рабочему движению, которое ведь также является фактором нашей внешней политики, более сокрушительного и непоправимого удара".

Литвинов ответил новой запиской "К политическим переговорам с Францией. По поводу замечаний т. Коппа"[47]. Во главу угла, писал он, "я ставлю изменение нынешнего положения в Прибалтике, и в этой области удовлетворение наших требований соответствует интересам Франции". И далее: "Хотим мы этого или нет, но мы вынуждены будем втянуться в общеевропейскую политику, и нам придется выбирать между двумя существующими тенденциями, а больше двух нет и не будет в ближайшее время. Германия еще не существует как самостоятельный активный фактор".

Аргументы Литвинова поддержал нарком иностранных дел Г.В. Чичерин, обратившийся с письмом к Сталину[48]. Мы стоим особняком и должны продолжать стоять особняком, писал он. Но есть нечто, что мы можем сделать: "Мы можем содействовать сближению Франции с Германией, разряжению электрического напряжения на континенте, содействовать, одним словом, развитию континентальной системы, которой весьма интенсивно интересуется де Монзи и еще интенсивнее интересуется Кайо. Это для нас весьма доступно, а такая работа была бы в высшей степени целесообразна".

Победили оппоненты Чичерина и Литвинова, сделавшие ставку на Германию. Материалы дискуссии показывают наличие непреходящего стремления советского руководства возвратить потерянные территории царской России. Что удалось с помощью нацистской Германии, признавшей по секретному протоколу к советско-германскому пакту 1939 г. сферой интересов СССР прилегающие к нему с запада страны, но на что упорно отказывались идти Англия и Франция на тройственных переговорах в Москве.

Литвинов не раз публично выражал свое разочарование неудачами в деле организации коллективной безопасности[49]. В декабре 1937 г. в интервью французский газете "Le Mond" он заявил, что раз никто не хочет иметь дело с СССР, последнему ничего не остается, как дожидаться иных возможностей, назвав "вполне возможным" и советско-германское сближение. Это место интервью Х. Филлипс, американской автор биографической книги о Литвинове "Между революцией и Западом", называет "настоящей бомбой"[50].

В июне 1938 г., выступая в Ленинграде[51], Литвинов выразил глубокое сожаление о том, что советский призыв к коллективным мерам в защиту мира "не был услышан". Это дало ему основание заявить, что "Советское правительство, по крайней мере, сняло с себя ответственность за дальнейшее развитие событий". И продолжил: "Надо, однако, заметить, что Советский Союз ничего для себя не просит, никому в партнеры и союзники не напрашивается, а лишь соглашается на коллективное сотрудничество (*аплодисменты*), ибо положение создалось особое не для него самого, а в первую очередь для малых стран, а во вторую – для государств, ответственных за послевоенный международный порядок". Отметив, что агрессоры искали и будет искать слабых противников, Литвинов заключил: "Однако у нас нет оснований особенно тревожиться за наши собственные интересы, за наши собственные границы". Все тот же мотив: убежденность сталинского руководства в том, что пока германская агрессия угрожает не Советскому Союзу, а другим странам.

Посольство США в СССР сообщило в Вашингтон, что выступление Литвинова практически означает, что Советский Союз не рассматривает себя в качестве нераз-

рывной части существующей системы межгосударственных отношений, считаясь с ней постольку, поскольку затрагиваются интересы его собственной национальной политики. Одновременно оно доводит до сведения стран, с которыми СССР до сих пор соглашался сотрудничать, что он откажется и от едва намечавшегося сотрудничества с ними, если политика этих стран не будет соответствовать желаниям советского правительства[52].

Об отношении руководства СССР к внешнему миру наглядное представление дает положение с советской дипломатической службой, сложившееся к началу 1939 г. В письме Сталину[53] глава НКИД Литвинов обрисовал картину резкого свертывания службы его ведомства. Советских полпредов не было в десяти столицах, включая Токио, Варшаву, Бухарест, Будапешт, в некоторых свыше года. Продолжительное отсутствие во главе посольств и миссий полномочных представителей, подчеркивалось в письме, "приобретает политическое значение и истолковывается как результат неудовлетворительных дипломатических отношений". Число вакансий работников рангом пониже (советников, секретарей полпредств, консулов и др.) было 46. Из 8 отделов в аппарате НКИД только один имел утвержденного заведующего. Делался вывод о том, что это может усилить "толки о нашей самоизоляции и т.п."

Такое положение создалось не только вследствие "изъятия некоторого количества сотрудников НКИД органами НКВД", продолжал Литвинов. "Немалое количество" дипломатов было исключено из партии "в порядке бдительности", другие устранялись от секретной работы.

Письмо Литвинова служит доказательством возраставшего недоверия Сталина и Молотова к аппарату НКИД, чистка которого началась еще до смещения его главы. Давнее недоверие к Литвинову распространялось на его заместителей, полпредов в наиболее важных столицах мира. Подчеркнем, что речь идет о периоде до марта 1939 г., когда Сталин на партийном съезде публично дал знать о свершившейся переориентации советской внешней политики. Чистка руководящих кадров НКИД – еще одно проявление этой ранней переориентации.

Это письмо свидетельствует также об усиливавшейся тенденции к сужению сферы деятельности дипломатии как таковой. Нити внешней политики все больше сосредотачивались в Кремле. По словам Молотова, "все было в кулаке сжато у Сталина" и у него, дипломатия была "очень централизованной"[54]. В послемюнхенский период Сталин, этот, по молотовской характеристике, "величайший конспиратор", максимально засекретил свои намерения. Исследователь механизма политической власти в СССР О. Хлевнюк пишет, что после "большого террора" Сталин посвящал в свои планы лишь отдельных членов политбюро, превратившегося, в лучшем случае, в совещательный орган[55]. В сборнике документов о сталинском политбюро интересующий нас послемюнхенский период представлен всего лишь двумя постановлениями по вопросам внутренней жизни[56]. Весь комплекс "особых протоколов" политбюро все еще остается в малодоступном для историков "ведомственном" Президентском архиве[57]. Сохраняется и советская традиция сокрытия документов, связанных с предысторией советско-германского пакта[58].

То тут, то там мы находим *косвенные* подтверждения тайных советско-германских контактов, о которых говорится в документе "Подлинное толкование Мюнхена". В частности, Сталин действовал через своего доверенного лица советского торгового представителя в Берлине Д. Канделаки, неоднократно передававшего Я. Шахту, Г. Герингу и другим высокопоставленным немцам сигналы о готовности правительства СССР вступить в переговоры об улучшении взаимных отношений[59].

Сведения подобного рода умножились в послемюнхенский период. В последних числах ноября 1938 г. посольство США в Варшаве и их миссия в Бухаресте одновременно сообщили в Вашингтон о тайном немецком предложении Советскому Союзу, переданном по частному каналу, заключить пакт о ненападении, а в первом сообщении речь шла также о предложении договориться о разделе сфер влияния[60]. В мемуарах государственного секретаря США К. Хэлла подтверждается, что амери-

канцы обладали этой информацией с конца 1938 г.[61] Если верить интерпретациям иностранной прессы сенсационной беседы Гитлера с советским полпредом А.Ф. Мерекаловым на приеме дипломатов в Берлине 12 января 1939 г., то в ней Гитлер, будто бы заявив об отсутствии у него агрессивных замыслов в отношении Украины, предложил обменяться мнениями со Сталиным, на что последний "еще ранее дал согласие"[62]. После заключения пакта Молотов не скрыл того, что советское правительство "и раньше" считало желательным улучшить советско-германские *политические отношения*[63]. Но Гитлер не спешил (впрочем, как и Сталин). До поры до времени ему было выгодно разыгрывать антисоветскую карту так, как он это сделал в Мюнхене.

Тайну, окружавшую советско-германские отношения, И. Фляйшхауэр объясняет тем, что Сталин лично контролировал вопросы этих отношений. Она ссылается на "псевдомемуары Литвинова" – "Notes for a Journal" ("Записки для дневника"), в которых говорится, что с января 1939 г. Литвинова лишили прямого доступа к советскому представительству в Берлине, потребовав от полпреда докладывать непосредственно Сталину[64]. Рассекреченная ныне Особая папка подкрепила это предположение. Опубликованные в Лондоне в 1955 г. "Записки для дневника" действительно принадлежат Литвинову. Из донесения тогдашнего председателя КГБ СССР И.А. Серова правительству мы узнаем, что сигнальный экземпляр книги был добыт резидентурой КГБ в английской столице еще до выхода тиража в свет. Жена Литвинова, Айва Вальтеровна, будучи допрошена в КГБ, сообщила, что при отъезде из США Литвинов (где он был полпредом в 1941–1943 гг.) оставил свои записи, "наподобие дневника (напечатанные на пишущей машинке)", которые она передала на хранение американскому журналисту Дж. Фриману. Не исключено, говорилось в донесении, что эти записи использованы в книге, содержание которой характеризовалось КГБ как "антисоветское"[65].

Из ситуации, созданной Мюнхеном, постаралось извлечь выгоды и сталинское руководство. Конечно, с одной стороны, оно не смогло скрыть своей досады тем, что Германия снова уклонилась "от испытания огнем и мечом"[66]. Но с другой стороны, неучастие Советского Союза в мюнхенской сделке дало ему преимущество, и не только моральное. Эпицентр политико-дипломатических событий в послемюнхенский период чем дальше, тем больше смещался на Восток, превратив советскую столицу в дипломатическую Мекку предвоенной Европы. Эта тенденция очевидна. Ограничив себя в известной мере договоренностями на Западе: Мюнхенским соглашением между Германией, Великобританией, Францией и Италией 29 сентября 1938 г. (об отторжении Судетской области в пользу Германии), Англо-германской декларацией 30 сентября 1938 г. (с обязательством сторон "никогда больше не воевать друг с другом") и Франко-германской декларацией 6 декабря 1938 г. (за "мирные и добрососедские отношения")[67], великие державы капиталистической части Европы тем не менее не сняли глубинных причин напряженности между ними. Дело в том, пишет Л. Гинцберг, что "конечные цели германской политики не могли быть достигнуты в рамках договоренностей с Западом"[68]. Поэтому как демократические Англия и Франция, так и нацистская Германия в поисках новых возможностей для укрепления своих позиций неизбежно должны были, рано или поздно, обратить взоры в сторону СССР – последней не ангажированной крупнейшей европейской державы, способной склонить баланс сил в ту или иную сторону.

Этого и ждало советское руководство, прогнозируя развитие событий. В октябре 1938 г. Литвинов писал советскому полпреду во Франции, что не ожидает разрыва с Англией и Францией, которым это невыгодно, "ибо они тогда лишатся козыря в переговорах с Берлином". Несколько позже он же писал полпреду в Германии: "*Мы отлично знаем*, что задержать и приостановить агрессию в Европе без нас невозможно, и чем позже к нам обратятся за нашей помощью, *тем дороже нам заплатят*"[69]. Время играло на руку Сталину, получившему долгожданный шанс выбрать момент, чтобы с шумом ворваться в европейскую политику.

Мюнхен, усилив позиции Германии за счет государств демократического Запада,

одновременно дал Гитлеру шанс попытаться дальше продвинуть свои экспансионистские планы в Европе через договоренности с Советским Союзом. В таком начинании его могли лишь ободрить постоянные советские заявления о том, что СССР стоял и стоит за улучшение отношений с Германией. К тому же Советский Союз открыто демонстрировал свое растущее недовольство Западом и проявлял явные признаки отказа от политики коллективной безопасности и Народного фронта.

Однако на какой конкретной, прагматической основе могло произойти советско-германское сближение?

Между обеими странами сохранялся, помимо дипломатического, еще один канал связи – торгово-экономические отношения, имевшие богатые традиции, но ко времени Мюнхена переживавшие резкий спад. Германия, еще недавно занимавшая первое место в торговле с СССР, откуда она получала необходимое для наращивания вооружений стратегическое сырье, сместилась на шестое место. В 1938 г., по данным торгпредства СССР в Германии, советский экспорт в эту страну упал с 10,5 млн марок в 1936 г. до 2 млн, а импорт – с 17,9 млн (1935 г.) до 2 млн марок[70]. "Заинтересованные" германские ведомства "настойчиво требовали" активизации торговли с СССР[71].

Ждать пришлось недолго. 6 декабря политбюро ЦК ВКП(б) постановило продлить на 1939 г. соглашение о торгово-платежном обороте между СССР и Германией от 1 марта 1937 г.[72] Соглашение было продлено 19 декабря, а 22-го последовало немецкое предложение возобновить прерванные в марте переговоры о предоставлении 200-миллионного кредита (в рейхсмарках) для оплаты германского экспорта в СССР в последующие два года в обмен на поставки советского сырья по составленному немцами списку[73].

Согласие на переговоры, переданное через полпреда СССР в Германии А.Ф. Мерекалова 10 января 1939 г. заведующему экономико-политическим отделом МИД Германии Э. Вилю, сопровождалось предложением возобновить их безотлагательно. При этом полпред настаивал на перенесение переговоров в Москву, сказав, что советское правительство придает этому символическое значение – как проявление подлинного стремления сторон восстановить взаимные экономические связи. По немецкой версии беседы, Мерекалов пошел дальше, заявив, что его личное участие в этом деле следует рассматривать "как выражение желания Советского Союза *открыть новую эру* в германо-советских отношениях"[74].

Отечественные документальные издания (как советского, так и постсоветского времени) никак не подтверждают эту немецкую версию. Из них мы узнаем, что визит Мерекалова к Вилю касался только возобновления переговоров о кредите[75]. Однако не исключено, что опубликована не вся советская документация по этому поводу. Неясно, например, почему миссия сообщить о советском согласии на немецкое предложение возобновить торгово-экономические переговоры, сделанное через торговое представительство СССР в Берлине, была возложена на полпреда. Естественно предположить, что Мерекалов как-то объяснял, почему он, а не торгпред, пришел с положительным ответом. Как естественно и то, что если потребовалось решение политбюро на рутинное продление соглашения о торгово-платежном обороте с Германией, то оно несомненно принимало решение и по намного более важному вопросу о немецких кредитах. Но о таком решении политбюро ничего не известно. Нет и опубликованных инструкций полпреду, которыми он должен был руководствоваться. Никаких документов, по которым можно судить о мотивах советского согласия на переговоры, в этих изданиях мы не найдем.

Однако перемены в двусторонних отношениях происходили. 12 января на дипломатическом приеме неожиданно для присутствующих Гитлер, до этого демонстративно избегавший советского полпреда, теперь столь же демонстративно завел с Мерекаловым разговор. По оценке корреспондента агентства "United Press", это была "самая продолжительная и самая сердечная беседа Гитлера" с советским полпредом. Она послужила основанием для распространения в немецкой столице слухов о пере-

говорах на предмет заключения советско-германского пакта и о намерении Москвы изменить свой курс в отношении "авторитарных государств"[76].

31 января "Правда" перепечатала (без комментариев) статью из лондонской газеты "News Chronicle" за подписью ее дипломатического обозревателя В. Бартлетта. Статья под названием "«Ньюс кроникл» о советско-германском сближении" была посвящена "опасности" для Запада сближения СССР и Германии в свете начавшихся между ними торгово-экономических переговоров. Вот места из статьи, показавшиеся центральному партийному органу наиболее важными: "Гитлер, несмотря на свои словесные нападки на большевизм, не хочет потерять такого замечательного случая, чтобы устранить возможность одновременного военного нажима с запада и востока". Но что за "замечательный случай", представившийся Гитлеру? Это не только начавшиеся торговые переговоры: "В советских кругах, – продолжает Бартлетт, – указывают, что их политика всегда была политикой дружбы по отношению к любому правительству, у кого они встречали взаимность". И самое примечательное: "Сейчас советское правительство, по-видимому, *совершенно не намерено* оказать какую-либо помощь Великобритании и Франции, если последние окажутся в конфликте с Германией и Италией... С точки зрения советского правительства *нет большой разницы* между позицией английского и французского правительств, с одной стороны и германского и итальянского – с другой, чтобы оправдать серьезную жертву в защиту западных демократий". Чрезвычайно неблагоразумно предполагать, говорилось в заключении статьи, что существующие разногласия между Москвой и Берлином обязательно останутся неизменным фактором международной политики.

В. Бартлетт был известен своими "весьма близкими" отношениями с советским полпредом в Лондоне И.М. Майским и обычно использовался полпредом для обнародования нужных ему материалов[77]. Перепечатку его статьи в строго контролируемом главном партийном органе никак нельзя считать случайной. Возможно, статья приурочивалась к ожидаемому (но отмененному в последний момент) приезду в Москву главы немецкой торговой делегации К. Шнурре; а это, отмечал "Большевик", "доверенный человек самого Гитлера", с которым ожидались "важные переговоры"[78]. Посольство США в Москве, комментируя факт публикации статьи Бартлетта, полагало, что "либо изложенные в ней мнения действительно отражают советскую политику, либо их напечатали в советской прессе, чтобы предупредить другие страны"[79].

Появление статьи о том, что в вооруженном конфликте на континенте у Советского Союза нет никакого резона помогать западным демократическим странам выглядит как позитивный советский отклик на серию январских умиротворяющих жестов Гитлера в сторону Сталина: заявление министру иностранных дел Польши Беку (на германо-польских переговорах 5–6 января) об отсутствии у Германии каких-либо поползновений в отношении советской Украины, возобновление по немецкой инициативе торгово-экономических переговоров, рассчитанная на максимальный внешний эффект беседа на дипломатическом приеме с Мерекаловым (единственный иностранный дипломат, удостоившийся внимания Гитлера), наконец, отказ от публичной критики СССР, последним примером которого стало выступление Гитлера в рейхстаге 30 января (оно транслировалось по радио). "Правда" констатировала, что за два с половиной часа речи Гитлер "не обмолвился ни словом" о Советском Союзе, в то же время предъявил колониальные претензии к Англии и Франции и допустил "очень резкие выпады" против США[80].

Из материалов периодической партийной печати о позиции СССР в послемюнхенский период выделяется уже упоминавшаяся статья заместителя народного комиссара иностранных дел СССР В.П. Потемкина (псевдоним В. Гальянов). Она появилась в февральском (за 1939 г.) номере "Большевика" под названием "Международная обстановка второй империалистической войны"[81].

Как уже отмечалось, статья была написана по сталинскому заказу. Программно-инструктивный ее характер виден из того факта, что она появилась в ведущем печатном органе партии за считанные дни до съезда, а после него была переиздана без

каких-либо изменений в серии "В помощь пропагандисту", открывая брошюру с "материалами" к изучению доклада Сталина на XVIII съезде ВКП(б)[82]. Повторно она не могла появиться без санкции свыше: еще 10 февраля политбюро приняло решение "воспретить" выпуск каких-либо изданий к съезду партии "без разрешения Секретариата ЦК ВКП(б)"[83].

Статью смело можно поставить в ряд документов и фактов, "которые явно свидетельствовали, к чему шло дело" в отношениях СССР с Германией. Она примечательна тем, что отвечала классовым критериям и "Краткого курса истории ВКП(б)", и доклада Сталина на партийном съезде, хотя появилась в промежутке между ними. "Близость взглядов" по вопросам международного положения в этих двух партийных документах была отмечена американскими дипломатами в Москве[84].

Отсюда следует важный вывод: XVIII партийный съезд *лишь подтвердил* международную стратегию сталинского руководства, заявленную в "Кратком курсе истории ВКП(б)". Поэтому нет особых оснований для распространенного в историографии мнения о том, что именно выступлением Сталина на мартовском съезде нужно датировать перелом в предвоенной советской внешней политике. Значение его выступления в ином – в том, что съезд – как высший партийный орган – одобрил принятую до этого внешнеполитическую линию, раскрыв ее антизападное существо недвусмысленным приглашением нацистской Германии к отказу от взаимной конфронтации в обмен на советский нейтралитет в ее войне против Запада.

В своей статье Потемкин отталкивался от сталинского установочного положения – "вторая империалистическая война на деле уже началась". В центре событий, писал он, "грозящая миру Германия", заключившая союз с империалистической Японией и фашистской Италией. Борьбой против Коминтерна они прикрывают свои хищнические замыслы против "главных своих соперников – Англии и Франции", в то же время готовясь к войне против "ненавистной фашизму рабоче-крестьянской страны и предъявляя ей территориальные требования".

Хотя в статье упоминались (но не более того) такие редкие для советской пропаганды того времени определения, как "ценности общечеловеческой культуры", "элементарное чувство человечности", "демократия", она строго следовала установившейся политико-пропагандистской методике четкого разграничения между Советским Союзом, с одной стороны, и "враждебным капиталистическим окружением", с другой. В том и заключался глубинный замысел статьи, чтобы доказать, что война вне советских границ не может не носить империалистического характера, поскольку идет между в равной мере чуждыми и враждебными социализму силами.

Советская информационная кампания против Запада, как и постоянная пропаганда неизбежности и даже желательности (с точки зрения интересов дела социализма) империалистической войны, была на руку нацистам. Она давала Гитлеру действенный аргумент в торге с Англией и Францией для запугивания их перспективой решающего усиления СССР в случае губительной для капитализма междоусобной войны на Западе. Во всяком случае, Сталин давал знать Гитлеру, что скорее пойдет на соглашение с ним, чем со странами Запада, коль скоро это будет отвечать его, Сталина, планам оставаться вне "империалистической" войны (и, как представлялось ему, в подходящий момент с выгодой для себя вступить в нее[85]).

Во второй части статьи Потемкина много беспощадной критики политики Англии и Франции. Откровенный рефрен этой части – давно пора Западу воспользоваться силой, обратив свое оружие против Германии и ее союзников. Но во Франции "господствует финансовая олигархия", приказчиками которой являются Даладье и Бонне; отсюда их "угодничество" перед гитлеровской Германией. Об Англии Потемкин писал в стиле сталинского "исторического возмездия": "Но рано или поздно получит по заслугам и Англия. Исконная страна ростовщиков – ныне банкиров, пиратов – ныне арматоров, рабовладельцев – ныне белых варваров, бесчеловечно угнетающих цветное население своих колоний, – Великобритания несет великую долю ответственности за вторую мировую войну". Задабривая Гитлера "кусками чужого мяса, Англия хочет

отвлечь его внимание с Запада на Восток", в чем заинтересовано и французское правительство. Так Англия оказывается "в одном лагере с участниками антисоветского блока".

Однако, напоминает автор читателям азы марксизма, в лагере буржуазии нет и не может быть единства: "Все точат нож друг против друга". Тем не менее Германия с Италией "намеревались повторить мюнхенскую игру". Поэтому стоит напомнить Западу плачевные для него итоги Мюнхена, в подведении которых Потемкин прибег к *противопоставлению* советско-французских и советско-германских отношений. "Франция сделала все, чтобы ослабить значение франко-советского договора от 2 мая 1935 года... А вот Рапалльское соглашение между СССР и Германией еще существует". Дважды упоминалось "любезное внимание" Гитлера к советскому полпреду в Берлине 12 января, ожидавшийся приезд в Москву для ведения торговых переговоров К. Шнурре. Говорилось и об острой немецкой нужде в советском сырье и продовольствии. И всему этому Потемкин нашел вполне правдоподобное объяснение: "Так подбирает Германия свои восточные карты для предстоящей на Западе игры. *Но на случай затруднений с Францией и Англией Гитлеру нужно иметь на Востоке спокойный тыл*". Заключив пакт с СССР, Германия, скажет позже Молотов, обеспечила себе "спокойную уверенность на Востоке"[86].

В рассмотренной статье хорошо прослеживается тенденция советской пропаганды, в которой критика внешней политики Англии, Франции и в меньшей степени США набирала обороты. Обвинения Запада в антисоветизме, часто оправданные, дали в руки сталинского руководства желанный аргумент для антизападного политико-дипломатического маневра. Но шанс договориться с Гитлером получил Сталин только тогда, когда нацистская агрессия повернула против "панской" Польши.

Незавидная судьба Австрии и Чехословакии показала, что самостоятельность малых стран Центральной и Восточной Европы, включая наиболее крупную из них – Польшу, могла быть сохранена лишь до тех пор, пока не нарушено равновесие в соперничестве великих держав. Всякая сделка между последними, в Мюнхене ли относительно Чехословакии или в Москве касательно восточноевропейских стран, несла верную гибель этим странам. В условиях наступления сил тоталитаризма малые европейские страны стали разменной монетой в великодержавном соперничестве.

Если Сталин задумал найти путь к взаимопониманию с Гитлером, то его взоры неизбежно должны были обратиться на Польшу, чье промежуточное географическое положение между Германией и Россией нынешний польский президент А. Квасьневский назвал "геополитическим проклятьем"[87]. У каждого из обоих могущественных соседей Польши был свой незакрытый счет к ней. У Германии – это были Данциг, "коридор" и немецкое меньшинство в польской Силезии. Советский же Союз на протяжении всех межвоенных лет рассматривал Польшу как антисоветский форпост Запада и как наиболее вероятного военного противника.

Когда Польша превратилась в ближайшую мишень для нацистов, советское руководство отнюдь не спешило определить свою позицию. Замнаркома иностранных дел Потемкин после продолжительной беседы с послом Польши в СССР В. Гжибовским 20 октября 1938 г. расценил визит посла как некий зондаж в предчувствии, "что в недалеком будущем Польше придется уже на самой себе ощутить давление дальнейшей германской экспансии". Потемкин поставил себе в заслугу то, что послу не удалось "спровоцировать" его на заявления, "которые можно было бы использовать как доказательства нашей непримиримой враждебности к Германии и нашего окончательного отказа от сотрудничества с Францией"[88]. Не изменилась эта выжидательная позиция и после обнародования 27 ноября совместного советско-польского коммюнике, подтвердившего, что основной двусторонних отношений остаются и впредь во всем объеме все существующие договоры между СССР и Польшей, включая договор о ненападении 1932 г., продленный до 1945 г.[89] Попытка члена английского парламента Д. Ллойд-Джорджа узнать мнение советского полпреда в Лондоне Майского, будет ли СССР спокойно смотреть на осуществление Гитлером его польского плана или как-то

вмешается, ни к чему не привела. Советский полпред "уклонился от каких-либо пророчеств", сославшись на наличие "целого ряда обстоятельств, которые заранее трудно учесть"[90].

На основе неоднократных разделов Польши, пишет профессор Свободного университета Берлина К. Цернак, создалась система "негативной польской политики", берущей начало с 1720 г. и опирающейся на прусско-русское "силовое согласие"[91]. Поскольку ни Германия, ни Советская Россия не примирились с восстановленными в 1918–1919 гг. границами Польши, это создавало предпосылки для еще одной германо-советской взаимосвязи антипольской направленности. Историки не раз цитировали мемуары французского посла в СССР Р. Кулондра, в которых приводится комментарий В.П. Потемкина на последствия Мюнхена, заявившего, что решение западных держав не оставляет Советскому Союзу иного выхода, как пойти на четвертый раздел Польши[92].

Можно констатировать, что советская международная стратегия – так, как она была сформулирована в "Кратком курсе истории ВКП(б)", – оставаться вне обеих коалиций – не была подвержена конъюнктурным переменам, к числу которых был отнесен и Мюнхен. За какие-то два месяца, начиная с немецкого предложения в конце декабря 1938 г. возобновить переговоры о кредитах (не считая сообщений из американских источников о немецких предложениях заключить пакт о ненападении, якобы последовавших еще в ноябре), в советско-германских отношениях произошли перемены, "которые явно свидетельствовали, к чему шло дело".

По-иному складывались отношения Советского Союза со странами Запада. В дни, когда проходил партийный съезд, рассматривая вопрос о приезде в Москву французской торговой делегации (с участием представителей военной промышленности), политбюро сочло присылку делегации "несвоевременной"[93]. Не было проявлено никакого интереса ни к расширению торговли с Францией: "нам от Франции в этом отношении ничего не нужно", ни к политическим контактам с ней – чтобы, писал Литвинов Сталину, не поддаться на французскую "уловку" (провести политической зондаж под флагом поездки в Москву торговой делегации)[94]. Вскоре прекратил свое существование издававшийся с 1934 г. на французском языке "Journal de Moscou". Не дал "никакого эффекта" ни в политическом, ни в экономическом отношениях и приезд в Москву в конце марта министра по делам заморской торговли Великобритании Р. Хадсона. Общий итог визита, по мнению Литвинова, был "отрицательным"[95]. Предпочтение, которое отдавала советская сторона торгово-кредитным переговорам с нацистской Германией (несмотря на неприятную для нее отмену визита в Москву К. Шнурре) перед такими же переговорами с Францией и Англией, едва ли можно объяснить одними экономическими выгодами.

Налицо развитие противоположных тенденций: если в отношениях нацистской Германии с демократическими Англией и Францией после кратковременной паузы с новой силой стали проявляться противоречия, то в отношениях сталинского Советского Союза с той же Германией и фашистской Италией, союзниками по агрессии, наоборот, наблюдалась определенная разрядка.

В послемюнхенский период внешнеполитический выбор был сделан сталинским руководством, исходя из его *антикапиталистической стратегии*, его долгосрочных классовых целей. Но отнюдь не по конъюнктурным соображениям в ходе начавшихся в апреле англо-франко-советских дипломатических переговоров для противодействия агрессии. Отброшенными в сторону оказались соображения, связанные с борьбой против фашизма как общемировой угрозы. Остался лишь многократно провозглашаемый сталинским руководством главный принцип его политики: СССР ориентируется прежде всего и только на свои интересы. Подход к международным отношениям исключительно с позиции самодостаточности социализма как мировой системы ставил Советский Союз де-факто и против агрессивных, и против неагрессивных стран. В отличие от противостоящих друг другу капиталистических коалиций, достаточно скоро определившихся с взаимными претензиями и контрпретензиями, советская позиция

оставалась, по выражению П. Кеннеди, "неопределенной"[96]. Эта "неопределенность" отражала советское стремление встать над обеими враждующими группировками держав, сохраняя за собою свободу выбора, а вместе с ним все преимущества игры на "межимпериалистических" противоречиях.

Именно СССР в последние предвоенные месяцы вел двойную игру, вступив одновременно в официальные переговоры с западными государствами и неофициальные, тайные – с нацистской Германией. И как продолжение этой политики с позиции "третьей силы" он оказался – уже в ходе мировой войны – единственным из основных ее участников, который совершил фактический переход из одного воюющего лагеря в другой. Скорее всего, советские руководители действительно уверовали в свою революционную миссию, ставя знак равенства между интересами социалистического Советского Союза и "коренными" (по марксистской терминологии) интересами народов других стран, намереваясь в нужный момент выступить в роли освободителя этих народов от ига капитализма. На практике так называемый "пролетарский интернационализм" СССР свелся к откровенному национализму (в его советской, национал-большевистской версии), тогда как базовой составляющей Второй мировой войны с самого начала была защита свободы и демократии против наступления сил тоталитаризма.

Примечания

[1] Сталин И.В. Экономические проблемы социализма в СССР. М., 1953. С. 71–72. Здесь и далее, включая цитаты (если это не оговорено), курсив всюду мой.

[2] Семиряга И.М. Советский Союз и предвоенный политический кризис // Вопросы истории. 1990. № 9. С. 54.

[3] Фляйшхауэр И. Пакт. Гитлер, Сталин и инициатива германской дипломатии, 1938–1939. М., 1991. С. 19.

[4] Nazi-Soviet Relations, 1939–1941: Documents from the Archives of the German Foreign Office. Washington, 1948.

[5] Печатнов В.О. Стрельба холостыми: советская пропаганда на Запад в начале холодной войны // Сталин и холодная война. М., 1998. С. 198.

[6] История внешней политики СССР, 1917–1985: В 2 т. Изд. 5. М., 1985; т. 1. С. 387; История второй мировой войны, 1939–1945: В 12 т. М., 1973–1982; т. 1. С. X.

[7] Фальсификаторы истории (Историческая справка). М., 1948. С. 35.

[8] Там же. С. 36–55.

[9] История дипломатии. Т. 3: Дипломатия в период подготовки второй мировой войны (1919–1939 гг.). М.; Л., 1945. С. 679–686.

[10] XVIII Всесоюзный съезд коммунистической партии (б). 10–21 марта 1939 г. Стенографический отчет. М., 1939. С. 13.

[11] Солсбери Г. Сквозь бури нашего времени. Воспоминания. М., 1993. С. 157.

[12] Правда. 1938. 9–19 сентября. Отдельным изданием книга вышла 1 октября 1938 г. тиражом в 1 млн экземпляров (и переиздавалась до 1955 г. включительно): История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. Под редакцией Комиссии ЦК ВКП(б). Одобрен ЦК ВКП(б). 1938 год. М., 1938.

[13] Правда. 1938. 15 ноября.

[14] История ВКП(б). Краткий курс. С. 316–320.

[15] Там же. С. 289.

[16] Джилас М. Лицо тоталитаризма. М., 1992. С. 79.

[17] Исторический архив. 1994. № 5. С. 13.

[18] Правда. 1938. 7 ноября.

[19] Там же.

[20] Документы внешней политики СССР (Далее – ДВП СССР). Т. 21. М., 1977. Док. № 408, 414, 417, 419, 440.

[21] Там же. С. 559, 560.

[22] Правда. 1938. 4 октября.

[23] Шейнис З.С. Максим Максимович Литвинов: революционер, дипломат, человек. М., 1989. С. 360. Автор пишет, что статья Потемкина была заказана Сталиным после партийного съезда в марте, тогда как номер журнала со статьей появился в феврале 1939 г.

[24] Большевик. 1939. № 4. С. 56.

[25] ДВП СССР. Т. 21. С. 590, 642.

[26] Известия ЦК КПСС. 1990. № 1. С. 168, 169.

[27] Большевик. 1939. № 4. С. 49.

[28] Documents on British Foreign Policy (DBFP), 1919–1939. 3d Ser., Vol. 1–9. London, 1949–1955; Vol. 7. P. 257–258.

[29] United States of America National Archives Microfilm Publications (USA NAMP). M 982. Role 1. January–April, 1939. The Real Explanation of Munich. File 740.00/583.

[30] Ibid., A. Kohlberg to S. Hornberg. February 2, 1939.

[31] M a d d u x Th.R. Watching Stalin Maneuver between Hitler and the West: Americans Diplomats and Soviet Diplomacy, 1934–1939 // Diplomatic History. 1977. № 1. P. 140–154.

[32] История внешней политики СССР. Т. 1. С. 338–340.

[33] Документы и материалы кануна второй мировой войны: В 2 т. М., 1948. Т. 1. С. 240; Российский Государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), ф. 17, оп. 162, д. 24, л. 5.

[34] DBFP, 1919–1939. 3d Series. Vol. 2. P. 266.

[35] ДВП СССР. Т. 21. С. 470–471.

[36] Там же. С. 487–488.

[37] В о л к о г о н о в Д.А. Триумф и трагедия. Политический портрет И.В. Сталина: В 2 кн. М., 1989. Кн. 1. Ч. 2. С. 277.

[38] Н е к р а с о в В.Ф. Тринадцать "железных" наркомов: История НКВД–МВД. От А.И. Рыкова до Н.А. Щелокова, 1917–1982. М., 1995. С. 13.

[39] ДВП СССР. Т. 21. С. 509, 520.

[40] Там же. С. 520–521. См. также: DBFP, 1919–1939. 3d Series. Vol. 2. P. 497–498.

[41] ДВП СССР. Т. 21. С. 530.

[42] Documents on German Foreign Policy, 1918–1945. From the Archives of the German Foreign Ministry (FGFP), Series D (1937–1945): Vol. 1–13. London; Washington, 1949–1964. Vol. 4. P. 602, 606.

[43] ДВП СССР. Т. 21. С. 548–549, 549, 549–550, 553.

[44] См. Д ь я к о в Ю.Л., Б у ш у е в а Т.С. Фашистский меч ковался в СССР. Красная Армия и Рейхсвер. Тайное сотрудничество. 1922–1933. Неизвестные документы. М., 1992.

[45] РГАСПИ, ф. 82, оп. 2, д. 1346, л. 16–20.

[46] Там же, л. 20–23.

[47] Там же, л. 26–27.

[48] Там же, л. 28–32.

[49] Л и т в и н о в М.М. В борьбе за мир. М., 1938. С. 127, 145.

[50] P h i l l i p s H.D. Between the Revolution and the West. A Political Biography of Maxim M. Litvinov. Boulder, etc. 1992. P. 163.

[51] Это выступление Литвинова опубликовано в "Ленинградской правде" за 24 июня 1938 г. Все цитаты в тексте даются по газете без дополнительной ссылки.

[52] Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers (FRUS). The Soviet Union, 1933–1939. Washington, 1952. P. 588–589.

[53] ДВП [СССР]. Т. 22. Кн. 1. С. 10–12.

[54] Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. М., 1991. С. 98, 99.

[55] Х л е в н ю к О.В. Политбюро. Механизмы политической власти в 1930-е годы. М., 1996. С. 266.

[56] Сталинское политбюро в 30-е годы. Сборник документов. М., 1995. С. 168–171.

[57] Там же. С. 9.

[58] См. подробнее: Н а д ж а ф о в Д.Г. Советско-германский пакт 1939 года: Переосмысление подходов к его оценке // Вопросы истории. 1999. № 1. С. 154–167.

[59] Ч е р н я е в А.С. Шесть лет с Горбачевым. По дневниковым записям. М., 1993. С. 352–354. См. также: Особая миссия Давида Канделаки // Вопросы истории. 1991. № 4–5. С. 144–156; R o b e r t s G.A. Soviet Bid for Coexistence with Nazi Germany, 1935–1937: The Kandelaki Affair // The International History Review. 1994. August.

[60] USA NAMP. T 1247. Roll 3. Эту информацию добыли американские корреспонденты в Европе Г.Л. Никербокер (Прага) и М.У. Фоудор (страны Центральной Европы).

[61] The Memoirs of Cordell Hull: Vol. 1–2. New York., 1948. Vol. 1. P. 655–656.

[62] FRUS. 1939. Vol. 1–5. Washington, 1955–1957; Vol. 1. P. 313.

[63] Год кризиса, 1938–1939. Документы и материалы: В 2 т. Т. 2. М., 1990; С. 350.

[64] Ф л я й ш х а у э р И. Указ. соч. С. 80–81.

[65] РГАСПИ, ф. 82. оп. 2, д. 1036, л. 198. Изучение опубликованной переписки Литвинова с полпредством СССР в Берлине за январь–март 1939 г., ограничивающейся четырьмя сравнительно малозначительными

документами, скорее подтверждает, чем опровергает версию об отстранении Литвинова. См. ДВП [СССР]. Т. 22. Кн. 1. Док. №№ 35, 39, 48, 174.

[66] Большевик. 1939. № 4. С. 52.

[67] Год кризиса, 1938–1939. Т. 1. С. 27–29, 136–137.

[68] Гинцберг Л.И. Советско-германский пакт: замысел и его реализация // Отечественная история. 1996. № 3. С. 29.

[69] ДВП СССР. Т. 21. С. 594; Т. 22. Кн. 1. С. 252–153.

[70] Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ), ф. 082, оп. 4, п. 27, д. 60, л. 50.

[71] DGFP. Series D (1937–1945). Vol. 4. P. 608.

[72] РГАСПИ, ф. 17, оп. 162, д. 24, л. 65.

[73] DGFP. Series D (1937–1945). Vol. 4, P. 616.

[74] Ibid. P. 620.

[75] Год кризиса, 1938–1939. Т. 1. С. 184–185; ДВП [СССР]. Т. 22. Кн. 1. С. 36–37.

[76] АВП РФ, ф. 06, оп. 1, п. 7, д. 64, л. 25.

[77] Read A., Fisher D. The Deadly Embrace. Hitler, Stalin and the Nazi–Soviet Pact 1939–1941. London, 1988. P. 57. Статья Бартлетта появилась в "News Chronicle" 27 января, а "Правдой" была перепечатана не на следующий день, как пишут авторы, а 31 января.

[78] Большевик. 1939. № 4. С. 64.

[79] FRUS. 1939. Vol. 1. P. 314.

[80] Правда. 1939. 1 февраля.

[81] Большевик. 1939. № 4. С. 49–63. В статье использованы факты и аргументы, которыми оперировал Потемкин в своей дипломатической практике в январе–феврале 1939 г. См. ДВП [СССР]. Т. 22. Кн. 1. С. 42, 78–81, 98–99, 116.

[82] Материалы к изучению доклада товарища Сталина на XVIII съезде ВКП(б). Новосибирск, 1939.

[83] РГАСПИ, ф. 477, оп. 1, д. 79, л. 28.

[84] FRUS. The Soviet Union, 1933–1939. P. 739.

[85] См., напр.: Невежин В.А. Синдром наступательной войны. Советская пропаганда в преддверие "священных боев", 1939–1941 гг. М., 1997.

[86] Правда. 1940. 2 августа.

[87] Известия. 1995. 21 ноября.

[88] ДВП СССР. Т. 21. С. 600.

[89] Там же. С. 650–651.

[90] Там же. С. 662.

[91] Цернак К. Конец эпохи великих держав в европейской политике // Вопросы истории. 1993. № 5. С. 41–50.

[92] Там же. С. 47.

[93] РГАСПИ, ф. 17, оп. 162, д. 24, л. 120.

[94] СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны. (Сентябрь 1938 г. – август 1939 г.). Документы и материалы. М., 1971. С. 237; ДВП [СССР]. Т. 22. Кн. 1. С. 208–209.

[95] ДВП [СССР]. Т. 22. Кн. 2. С. 524 (прим. 58).

[96] Kennedy P. The Rise and Fall of Great Powers. London, etc. 1988. P. 320.

"Круглый стол"

ИЗ ИСТОРИИ И МИФОЛОГИИ РЕВОЛЮЦИИ

ПОЧЕМУ ЕВРЕИ?

Выход в свет книги "Евреи и русская революция. Материалы и исследования"* – хороший повод для обсуждения сюжета, привлекающего внимание не только специалистов, но и разных кругов российского общества.

Очевидно, что тема остро актуальна и в научном, и в социально-политическом отношении, а вынесенный в центр дискуссии вопрос – "Почему евреи?" – имеет двоякий смысл и касается оценки как реальной роли евреев в российском революционном движении, так и места, нередко отводимого им массовым сознанием и теми, кто его формирует, в мифологизированном прошлом и настоящем нашей страны.

В ответ на просьбу редакции свои отзывы предоставили Д.А. Аманжолова (Московский государственный университет сервиса), В.П. Булдаков, Л.С. Гатагова, Т.Ю. Красовицкая, В.Л. Телицын, Н.В. Черникова (Институт российской истории РАН); М.Л. Гавлин (ВНИИ делопроизводства и архивной документации); член-корреспондент РАН Р.Ш. Ганелин, Б.И. Колоницкий (С.-Петербургский филиал ИРИ РАН); Г.З. Иоффе (Канада), А.Е. Локшин (Институт востоковедения РАН), И.В. Михайлов (Московский государственный институт международных отношений), В.В. Романова (Хабаровский государственный педагогический университет), Н.И. Цимбаев (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова), В.М. Шевырин (Институт научной информации по общественным наукам РАН).

Материал подготовил **С.С. Секиринский**

О ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Виктор Шевырин: "Вечный" вопрос?

В 1913 г. Шолом Алейхем одно из своих писем начал так: "Любезный друг Менахем-Мендел Бейлис! Я Вам до сих пор не писал, так как вокруг Вашего имени было слишком много шума. Что Ваша история мне, как и всем евреям, стоила много здоровья, – Вы сами хорошо понимаете. А что ее исход меня радовал, об этом писать излишне. А теперь примите мое поздравление. Дай Бог, чтобы мир больше никогда не услышал ни единого слова клеветы на наш народ, чтобы на Вашей истории все это и закончилось..."

Не закончилось, к сожалению. И книга О.В. Будницкого, и наш "круглый стол" – отражение этого факта. Перед лицом вековой "пролонгированности" "еврейского вопроса" Будницкий не склонен жаловать и "учительницу жизни": "История, – пишет он, – вряд ли кого-нибудь способна научить или предостеречь". Грустная констатация! Ужели для России всякое время столь судьбоносно, что "нормально" ей жить не судьба? Не потому ли, что Россия – дитя XX в. – все столетие – игрушка для политических младенцев? Не остается ли историкам "погасить фонарики" и лезть во тьму? Или все-таки России нужно окончательно зайти в тупик, чтобы найти единственный выход? Впрочем, редактор-составитель, публикуя материалы о былом, надеется все же, что они не останутся гласом вопиющего в пустыне: «В условиях новой "русской смуты", в которую, как водится, оказались глубоко вовлеченными российские евреи, не грех прислушаться к этим голосам из прошлого».

---

* Евреи и русская революция. Материалы и исследования / Ред.-сост. О.В. Будницкий при участии Р.А. Городницкого, В.Е. Кельнера, Д. Клиера, Л.Ю. Кричевского, С.Г. Маркедонова. М.; Иерусалим, 1999.

Тамара Красовицкая:

Балансируя на острие бритвы

Две проблемы в России крайне болезненны для общественного сознания. Это русский национальный вопрос и еврейский национальный вопрос. Наибольшей остроты они, естественно, достигли в годы революции. Ответ на эти "вопросы" требует от историка балансирования на острие бритвы в силу болезненного восприятия его как теми, кто обвиняет русских в сознательной несправедливости, которую они не замышляли, так и теми, кто обвиняет евреев в совершении преступлений, в которых они не повинны. Поэтому ответы на оба эти вопроса, важные для российского общества, чаще всего и даются сторонниками либо первой, либо второй точек зрения. Напоминает это некий суд, а не научную дискуссию.

Дело поэтому с мертвой точки не сдвигается. Опасение стать "притчей во языцех" сдерживает историков. Но и сам анализ не прост и требует тех знаний, от которых историка отлучали и отучали. Однако отдадим должное редакции журнала, не побоявшейся все-таки поставить эти вопросы на обсуждение, используя как повод книгу "Евреи и русская революция".

Людмила Гагатова:

Возвращаясь к историческому контексту

Выход в свет подготовленного О.В. Будницким сборника – факт отрадный прежде всего в связи с немеркнущей злободневностью существа проблемы. И дело тут не столько в объеме ее присутствия на страницах книг, журналов и газет и даже не в степени осведомленности или компетентности пишущих, сколько в превращении выхваченного из исторического контекста сюжета в химеру массового сознания.

Гласность и либерализация дали колоссальный толчок энергии познания прошлого. В обществе возник неприкрытый вопрос к истинной, а не мифической отечественной истории. Но вместе с потоком объективной, документально подтверждаемой информации хлынула волна искажений, подтасовок и фальшивок – зла, неизбежного в условиях свободы слова и печати. Увы, сегодня спекулятивная эксплуатация исторического материала обрела формы настоящей эпидемии, грозящей утопить в своем мутном потоке само понятие объективного исторического знания как суммарного достижения профессиональной историографии от библейских времен до нашей эпохи.

Обсуждаемая книга ценна тем, что свободна от негативных примет сегодняшнего дня. Восстанавливая исторический контекст, она выводит тему "Евреи и русская революция" на объективный, академический уровень анализа и осмысления.

Николай Цимбаев:

Горжусь ремеслом историка

Книга, составленная и отредактированная О.В. Будницким, продолжает лучшие традиции нашей исторической науки. Неожиданно и, по-видимому, вне всяких намерений ее составителей она напоминает читателям об изысканной археографической щепетильности С.Н. Валка, склонности к теоретическим обобщениям Б.П. Козьмина и высокой одержимости темой М.Г. Седова. Названные авторы суть представители советской исторической школы на разных этапах ее становления и развития, и в этом смысле рецензируемая работа есть ее естественное продолжение и, если угодно, один из вариантов ее завершения. Она принадлежит к тем редким – для каждого времени и каждой страны – удачам, которые дают основание гордиться ремеслом историка.

Рафаил Ганелин:

Поддержан историко-революционный жанр

Следует всячески приветствовать выход сборника, открыто и остро ставящего вопрос о роли евреев в российской революции на научную основу. Первая задача состояла в том, чтобы заполнить лакуны в изучении историографической традиции, предложив исследователям и читателям непубликовавшиеся или мало им известные и труднодоступные публицистические и исследовательские работы. Второй задачей было введение в научный оборот

переписки, статистических и иных источников, относящихся не только к роли евреев в революции, но и к различным сторонам еврейского вопроса в целом. И, наконец, переживающий нелегкие времена историко-революционный жанр несомненно поддержан обсуждаемым сборником.

Игорь Михайлов: От "повторения пройденного" к поискам новых интерпретаций

Составитель сборника исходит из посылки, что околонаучные споры наших дней – вольное или невольное воспроизведение не менее острых дискуссий прошлого, а потому есть смысл заняться "повторением пройденного" (с. 353), сопоставляя их с новейшими архивными изысканиями. Действительно, представители российской эмиграции давно обговорили известные сюжеты, причем подчас сделали это, – даже заблуждаясь, – с большими, нежели современные авторы, смелостью и достоинством. Сегодня к сказанному ими уместно приложить некоторые документы и обобщенные сведения, почерпнутые из академических работ более позднего времени. Новое – это хорошо забытое старое.

Материал в книге выстроен по хронологическому принципу и, хотя он весьма разнороден, нетрудно усмотреть определяющую мысль: не стоит мистифицировать проблему, всему есть резонное объяснение.

Выделены следующие разделы: "Евреи в русском освободительном движении" (включает в себя рукопись ранее не публиковавшейся статьи известного историка и общественного деятеля С.Г. Сватикова (1880–1942) об участии евреев в освободительном движении 60–80-х гг. XIX в.); «Вокруг "Сионских протоколов" (содержит не только официальную версию создания царской охранкой небезызвестных "Протоколов сионских мудрецов", составленную С.Г. Сватиковым в бытность его заграничным комиссаром Временного правительства, но и письмо Б.И. Николаевского, где приводятся возражения на этот счет); "Персоналии" (представлены только очерком Р.А. Городницкого о Г.А. Гершуни – "крестном отце" эсеровского терроризма); "Из истории Гражданской войны" (приводятся выдержки из писем В.А. Маклакова (1869–1957) лидерам белогвардейцев с предупреждениями об опасности антисемитизма для их дела); "Новый строй: у власти и под властью" (публикуется перепечатка опубликованной в 1928 г. в Париже статьи известного экономиста Б.Д. Бруцкуса (1874–1938) о положении евреев при большевиках и очерк Л.Ю. Кричевского об "инородцах" – не только евреях, – служивших в ВЧК); «"Еврейский вопрос" в русском зарубежье» (помещена статья О.В. Будницкого об эмигрантской публицистике 20–30-х гг. и переписка Маклакова с известным правым деятелем В.В. Шульгиным). Сам О.В. Будницкий выступил с вводной статьей "В чужом пиру похмелье: евреи и русская революция", а завершает сборник статья Джона Клиера (Великобритания) с не менее вызывающим названием "Великий Октябрь: хорошо для еврея, плохо для евреев».

Сразу следует отметить, что непосредственно о роли евреев в событиях 1917 г. говорится относительно мало.

Уже из структуры сборника и подборки материалов может возникнуть впечатление, что преимущество получает старая либеральная точка зрения: роль евреев и прочих "инородцев" в революционном процессе вовсе не столь значительна, как это казалось и кажется старым и новым черносотенцам. Частично такое подозрение подтверждается тем, что в книге известный националист В.В. Шульгин заметно "проигрывает" не менее известному правому кадету В.А. Маклакову. На деле позиция составителя сборника и авторов статей вовсе не столь однозначна – предложенный материал указывает, что в подходе к национальному вопросу ошибались практически все.

Александр Локшин: Стоит ли бояться статистики?

Прочитав книгу, я убедился что и составитель сборника – автор блестящей вступительной статьи – разделяет распространенную точку зрения, согласно которой активное участие евреев в освободительном движении относится лишь к началу XX столетия. Подобный взгляд восходит к известному мнению Льва Дейча, высказанному в книге, скорее мемуарного, чем исследовательского характера "Роль евреев в русском революционном движении" (Берлин, 1923). Точка зрения Дейча утвердилась и в зарубежной историографии: роль евреев в революционном движении 1860–1870-х гг. была второстепенной как в количественном, так и качественном отношении.

Но канадский историк Э. Хаберер, автор книги "Евреи и революция в России XIX века" (Cambridge University Press, 1995), используя известные специалистам источники, смог достаточно убедительно показать динамику включения евреев в русское (именно в русское, еврейского в ту пору еще не существовало) революционное движение. С начала 1870-х по конец 1880-х еврейское участие каждые четыре–пять лет возрастало примерно на 5%. Лишь в 1871–1873 гг. евреи составляли от 4 до 5% от общего числа лиц, привлеченных властями к дознанию за "политические преступления", что соответствовало их пропорции в населении Российской империи. Но уже в 1874–1876 гг. эта пропорция оказывается нарушенной, и доля евреев доходит до 6–7%, а к 1878–1879 гг. – до 9%. Крутой подъем обозначился к началу 1880-х гг. (14–15%). Вступление нового поколения в революционную деятельность привело к тому, что еврейское присутствие можно определить в 20%. Наконец, в 1886–1889 гг., в период упадка революционных организаций, евреи составляли от 35 до 40% всех участников революционного движения в России. Еврейская молодежь к этому времени по сути превратилась в критическую массу русского революционного движения, особенно на юге России. Не будет преувеличением сказать, что в условиях разгрома и кризиса 1880-х гг. приток еврейской молодежи позволил сохранить преемственность революционной традиции и тем самым проложить путь в 1890-е гг., окрашенные уже социал-демократической ориентацией.

В связи с этим интересно отметить, что подчас и некоторые демократические историки и публицисты, пытающиеся доказать, что еврейское участие в революционном движении было не столь значительным, и авторы антисемитского толка, пишущие об ином, в сущности вольно или невольно исходят из одного и того же представления, в соответствии с которым еврейское влияние, участие, присутствие в русской жизни априори плохо, негативно и разрушительно. Недавно один из ученых, много и убедительно пишущий об угрозе нацизма в России и разоблачающий различные юдофобские росказни о "еврейском заговоре", настоятельно советовал мне в рецензии на упомянутую книгу Хаберера подвергнуть критике некоторые его выводы о массовом участии евреев в русском освободительном движении, поскольку они, с точки зрения моего коллеги, дают дополнительный материал в руки наших врагов. Разумеется, этот совет не был принят.

Борис Колоницкий: И "чистосердечное признание" не является достаточным доказательством вины

На мой взгляд, следует быть осторожнее с обвинениями в юдофобии. Такие настроения приписываются в обсуждаемой книге, например, А.А. Блоку (с. 5). При этом О.В. Будницкий ссылается на одно мемуарное свидетельство – воспоминания А. Штейнберга. Однако автор воспоминаний передает слова Блока так: "...Я должен вам признаться, что я был сам некоторое время близок к юдофобству, особенно во время процесса Бейлиса". Но если многие люди, публично отрицающие свой антисемитизм, объективно являлись юдофобами, то и "чистосердечное" признание своего "юдофобства" не всегда является достаточным доказательством наличия антисемитизма. Существует и очевидная разница между публичными заявлениями и частными беседами. Известно, что понятия о "политической корректности", различные в разных субкультурах, бывают подчас весьма жесткими. Рассказанный анекдот и ныне может повлечь обвинения в "русофобии", "негрофобии" и, разумеется, в антисемитизме. Особенно часто эти обвинения адресуются нонконформистам, которые, руководствуясь различными соображениями, дерзко и демонстративно бросают вызов системе "политической корректности". Кодекс поведения радикального русского интеллигента начала века, его представления о "политической корректности" табуировали любые проявления антисемитизма. Для репутации русского "интеллигента", для "интеллигентской карьеры" соответствующие обвинения были до какого-то времени убийственными – во многих кружках, салонах, редакциях, изданиях такой человек становился лицом "нерукопожабельным". Но порой люди, публично резко осуждавшие антисемитизм, могли в своих частных бумагах высказывать иные взгляды. Примером может послужить З.Н. Гиппиус, при публикации своего "Дневника" снявшая те пассажи, которые могли бы быть оценены как антисемитские. Однако и это не всегда может быть должным основанием для обвинений в "юдофобии", которые, на мой взгляд, следует адресовать лишь людям, либо публично высказывавшим соответствующие взгляды, либо совершавшим поступки, явно мотивированные антисемитизмом. В противном случае в ряды "юдофобов" можно было бы зачислить и некоторых рафинированных представителей "русской еврейской интеллигенции", которые в своем кругу могли с негодованием говорить о "местечковой шпане", хлынувшей в столицы после революции.

ЕВРЕИ И ВЛАСТЬ

Наталья Черникова: Взгляд "сверху"

В этой книге, действительно очень богатой фактическими материалами и потому очищающей проблему участия евреев в русском революционном движении от идеологических наслоений, совершенно не затронут вопрос об отношении к еврейскому вопросу консервативных кругов. Я имею в виду не тех праворадикальных идеологов, для которых "Протоколы сионских мудрецов" были неоспоримой истиной и руководством к действию, но те гораздо более широкие круги государственных и общественных деятелей, чье видение данной проблемы на протяжении более полувека лежало в основе правительственной политики и отличалось более взвешенным отношением к делу.

Пожалуй, я не ошибусь, если скажу, что еврейский вопрос, еврейская тема в России никогда не были предметом пристального внимания русского народа в целом. Черта оседлости сыграла роль своеобразного железного занавеса, и русская общественная мысль долгое время гораздо больше внимания уделяла польскому, нежели еврейскому вопросу. Однако в правительственных кругах важность этой проблемы была осознана довольно рано. Еще в эпоху великих реформ среди множества разнообразных комитетов и комиссий не раз собирались и комитеты для пересмотра законодательства о евреях. Но сделанные тогда послабления касались в основном их торговых и промышленных прав. Предложения же об отмене черты оседлости и тогда, и позже, уже в 1880-е гг., неизменно вызывали жесткий отпор со стороны консервативного чиновничества, ощущавшего себя не столько противником еврейского народа, сколько защитником народа русского, на котором равноправие евреев могло сказаться самым негативным образом. Дело в том, что в консервативной мысли еще в конце XIX в. сложился вполне определенный образ еврейской нации, не претерпевший в последующие годы практически никаких изменений, – образ "народа-иностранца", "народа-паразита", не только не желавшего производительно трудиться, но и неспособного к такому труду.

Труд же непроизводительный (торговля, посредничество), как только им начинал заниматься еврей, неизбежно приводил, с точки зрения консерваторов, не только к эксплуатации местного, нееврейского населения, но и к его обнищанию и закабалению. И причина этого, утверждали консерваторы, заключалась отнюдь не в особой талантливости евреев, а в принципиальной невозможности какой-либо конкуренции с ними, когда отдельному ремесленнику или торговцу-нееврею противостоит целое еврейское общество. Сила еврейства всегда будет «больше силы окружающего населения, хотя бы евреев была горсточка или даже всего пять–шесть семей, ибо эти пять–шесть семей имеют родственные, общественные, торговые, денежные связи с Бердичевым, и Варшавой, да и с Венгрией, с Австрией; в сущности со всем светом (...). Они имеют "у своих" безграничный кредит под свои способности, под свою живость, под свою оборотливость. Какая же между ними конкуренция, когда в каждой точке они – "все", а всякий русский, хохол, валах – "один"...» (*В.В. Розанов*). Именно это экономическое "засилие" евреев консервативная мысль склонна была считать главной причиной антиеврейских погромов, о возможности которых Александра II предупреждали еще в 1876 г. (ГА РФ, ф. 586, оп. 1, д. 98, л. 57).

Другой важный аргумент консерваторов в пользу их требования о сохранении еврейского неравноправия относился к области политической. Сплоченность евреев и сохранение ими всюду своей "религиозной общины, которая по существу есть гражданская", общины, власть которой для еврея превыше власти правительства того государства, в котором он живет (*Лев Тихомиров*), делают их иностранцами в любой стране, уже по одному этому не имеющими права требовать равноправия с коренным населением. Это убеждение в существовании у евреев всеобъемлющего руководства было столь велико, что склонный несколько утрировать любую проблему редактор журнала "Гражданин" кн. Мещерский представлял еврейство в виде единого организма, вполне сознательно одной рукой участвующего в революционных беспорядках, а другую протягивающего для испрашивания равноправия (Речи консерватора // Гражданин. 1905. № 50. С. 2–3).

Конечно, жизнь не укладывалась в столь жесткие рамки. Лев Тихомиров, например, писал о евреях как о прекрасных работниках и производителях, паразитами которых делают лишь те ограничения, которым они постоянно подвергаются (Т и х о м и р о в Л. Религиозно-философские основы истории. М., 1997. С. 345). Да и вообще в консервативной печати можно очень часто встретить разного рода оговорки даже у, казалось бы, самых стойких "антисемитов" (П.И. Ковалевского, В.В. Розанова и др.), писавших, что и они

встречали среди евреев прекрасных людей, добрых, работящих, настоящих патриотов России, но – и дальше следовало неизбежное обобщение – таких в еврейском народе ничтожное меньшинство. Не будем вдаваться в размышления над истинностью этого вывода, однако хотелось бы отметить не всегда осознанное, но довольно явное противоречие между довольно благожелательным или по крайней мере спокойным, ровным отношением к отдельному еврею и жестким неприятием еврейского народа в целом.

Итак, подводили итог консерваторы, экономически более сильное, духовно и политически чуждое русским государственным интересам еврейство желает получить соответствующий ответ на свои требования. Но вот в способности русского народа дать такой ответ большинство консерваторов уверено как раз и не было, и причиной тому были такие качества русских, как благодушие, всепрощение, милосердие, сострадание и самопожертвование. А раз так, раз борьба с еврейским Drang nach Osten этнографически и культурно невозможна (ибо естественным направлением русской колонизации является не Запад, откуда приходят евреи, а Восток), раз русский народ не может сопротивляться экономической силе еврейства, то нельзя пренебрегать и "законодательными мероприятиями", "как бы исключительны они ни были" (ГА РФ, ф. 286, оп. 1, д. 98я, л. 159 об.). Именно этот принципиальный подход к проблеме определил категорическое несогласие консерваторов на уравнение евреев в правах с остальным населением империи: ведь дать сильным в социально-экономическом и национальном отношениях инородческим группам, в том числе евреям, одинаковые права с группами слабейшими "значит предать эти группы на общественное рабство их сильных соперников по общественной борьбе", т.е. нарушить ту общественную справедливость, которая одна только гарантирует прочность государства (Ковалевский П.И. Русский национализм и национальное воспитание в России. СПб., 1996. С. 106).

Подобными настроениями была полна вся консервативная печать. Любопытно, что как только еврейский вопрос из области чистой теории переходил в практическую плоскость, на эту же точку зрения вставали и достаточно либерально настроенные деятели. Так, например, если большинство членов партии октябристов стояло за поэтапное решение еврейского вопроса, а ее левый фланг – даже за немедленное равноправие, то западные и юго-западные отделы последовательно выступали против равноправия евреев.

Но и среди консерваторов были оптимисты, считавшие, что уравнение евреев в правах с русскими будет способствовать скорейшей мобилизации жизненных сил русского народа как в экономической и политической, так и в культурной областях (см., напр., Протоколы Особого совещания для составления нового устава о печати. СПб., 1913. С. 32). "Правовое неравенство евреев затыкает нам рот, – горько сетовал писатель Андрей Белый. – О, если бы вверху осознали, что для существования русской культуры равноправие евреев необходимо прежде всего! Мы, морально терроризированные писатели, могли бы открыто бороться за свою национальность, не боясь, что нас опозорят (обвинив в антисемитизме. – *Н.Ч.*)!" К тому же в борьбе культур (условие которой – "полное равноправие рас в их экономическом укладе жизни") "наиболее самобытные нации духовно побеждают" и, следовательно, благополучный для русских исход такого соперничества предрешен (Белый А. На перевале. XIV. Штемпелеванная культура // Весы. 1909. № 9. С. 72, 73, 76–77).

Но в целом в общественной мысли преобладал гораздо более пессимистический тон относительно возможностей русского народа. Поэтому наиболее реалистически мыслящим консерваторам представлялась разумной предложенная еще в середине 80-х гг. XIX в. высылка евреев из пределов России или по крайней мере переселение их в Польшу. Правда, было и еще одно предложение – "изыскание научным путем мер вымирания этой паразитной и вредной для мира народности" (*А.А. Столыпин*).

Михаил Гавлин:
От объекта реформ к участию в революции

Глубокий перелом в жизни еврейской общины в России наметился еще в 40–50-е гг. XIX в. Во многих документах и воспоминаниях подчеркивается значение широких преобразований, совершенно перевернувших представления ортодоксального еврейства и встряхнувших прежний старый уклад жизни и быта глухих местечек "черты еврейской оседлости". Одна из свидетельниц этих преобразований, приобщивших евреев к миру русского языка и русской культуры, Полина Венгерова (жена откупщика и мать знаменитого библиографа) пишет: "Я счастлива, что лично пережила эту великую эпоху духовного

и даже физического возрождения еврейского народа... Кто, как я, имеет возможность сравнить евреев 40-х гг. хотя бы с евреями 60–70-х гг., тот не может не оценить огромного значения этой эпохи и тех реформ, которые были заложены императором Николаем I... Началось великое просветительское движение среди русских евреев, которое дало такие огромные результаты..."

"Перевоспитание" евреев началось не только с обучения русскому языку, но и с изменения их внешнего вида. Согласно правительственному указу 1845 г., евреев обязывали отказаться от своего "одеяния" и стать похожими по внешнему виду на все остальное население страны. Тем не менее даже такая "казарменная" политика николаевских чиновников вызвала широкий отклик прежде всего среди еврейской молодежи "черты оседлости" – настолько уже назрела необходимость покончить с этой глубокой изоляцией евреев от остальной страны, настолько молодежь стремилась вырваться из душных, перенаселенных городских "гетто" в широкий мир – к знаниям и культуре.

Последствия реформ 40-х гг. сказались уже два десятилетия спустя. В начале 60-х в России появилось уже много еврейских профессоров, врачей, инженеров, писателей, музыкантов, скульпторов, известных за границей и делавших честь своей стране. Конечно, отмечались не только позитивные, но и негативные последствия этого перелома. "Сколько традиций тогда пало, сколько устоев еврейства рухнуло, – замечает та же Полина Венгерова. – Евреи, приобщаясь к новой культуре, первым делом вытравляли из себя свое, личное, самое священное... Пошло безоглядное бегство, отречение от национальных семейных традиций, старые семейные идеалы развеялись, новые не создались... Еврейский дух изгнан был из воспитания, учебных программ, обихода..."

Сходные тенденции проявлялись и в участии еврейской молодежи в революционно-демократическом движении в России в 60–70-е гг. С одной стороны, глубокое тяготение к просвещению и просветительству, с другой – отказ от национальных целей во имя общерусских, что отмечено в очерке С.Г. Сватикова.

Для тянувшейся к знанию, входящей в жизнь еврейской молодежи было не так уж много возможностей устроить свое будущее. Государственная служба практически была для нее закрыта. Предпринимательская деятельность была ограничена нехваткой свободных капиталов и отсутствием гражданских прав. Оставалась еще большая сфера творческой деятельности (литература, искусство, наука, образование, здравоохранение, правоведение, инженерное дело), но и она не могла охватить всех. К тому же правительство все время запаздывало с реформами, чем подталкивало самую, пожалуй, энергичную, деятельную и проникнутую лучшими побуждениями часть еврейской молодежи к уходу в народническое демократическое движение. Надо отметить, что и в нем культурно-просветительский аспект имел на первых порах громадное значение. Ведь начиналось все не с метания бомб. Для многих новобранцев первого призыва вхождение в революцию началось именно с просветительской деятельности. Она понималась не только как пропаганда идей социальной справедливости, но и как широкая культурная и образовательная миссия. Все это показывает, что мотивы обращения к широкой агитации в народе были самые светлые. Однако, как говорят, благими намерениями вымощена дорога в ад. Впоследствии непонимание и преследования вызвали ответные удары, и борьба за социальную справедливость и гражданские права превратилась в кровавую вакханалию, развивавшуюся по спирали, в которой обе стороны – и правительство, и революционеры – уже не могли остановиться.

Отнюдь не всегда ясно, обязано ли введение тех или иных мер, ограничивающих права еврейского населения, террору, развязанному революционерами, среди которых были и евреи, или большую роль в этом сыграла возраставшая опасность конкуренции, к примеру, со стороны еврейских предпринимателей (в области крупной торговли, банковского дела, железнодорожных перевозок и др.). Возможно, было сочетание того и другого, и власти воспользовались обстоятельствами, чтобы нанести урон слишком быстро встававшей на ноги и набиравшей силу, по мнению некоторых кругов, еврейской общине. Так, видимо, случилось тогда, когда в ответ на рост недовольства части московского купечества и требования ограничить еврейскую торговлю в Москве новый московский генерал-губернатор, вел. кн. Сергей Александрович принял наиболее жесткие меры по выселению евреев из города.

Людмила Гатагова: От упреков в самоизоляции к обвинениям в чрезмерной активности

Если до погромов 1880-х гг. доминантным фактором российского антисемитизма был социально-экономический (наряду с неизменными этнопсихологической и религиозной составляющими), то после погромов им стал сугубо политический фактор. Вовлечение евреев в революционное движение знаменовало начало политического антисемитизма в России. Все это хорошо прослеживается по отчетам жандармских и губернских управлений в Департамент полиции. Центральной темой отчетов в 60-х гг. было "экономическое засилье евреев в юго-западных губерниях", коммерческая и предпринимательская их деятельность. Местное полицейское начальство постоянно беспокоила замкнутость и самодостаточность иудейских общин. Пресловутое еврейское "экономическое преобладание" обусловливалось, по словам могилевского губернатора (отчет за 1872 г.), "сколько высшим умственным развитием евреев, столько и тем дружным, силою талмуда слиянием их, по которому они всегда действуют заодно". "Но политическое зло заключается в том, – рассуждал губернатор, – что евреи, не составляя по закону сословной единицы, в действительности представляют весьма сильное целое, весьма тесно соединенное отдельное государство, подчиненное своим особым установкам". Нечастые случаи выхода евреев из местечек и вовлечения их в антиправительственную борьбу, скажем, в польское восстание 1863 г. (его участники-евреи называли себя "поляками Моисеева закона") не особенно настораживали местные власти до тех пор, пока явление не приобрело массовый характер. Общий снисходительный тон официальных документов немедленно изменился. Политически неблагонадежные выходцы из местечек стали именоваться уже не евреями-либералами, а нигилистами. И если прежде евреев упрекали в самоизоляции, отчуждении от российского общества, то теперь в вину им вменялось уже обратное – повышенная общественная активность, слишком тесное сближение с радикально настроенными группами, вставшими на путь антиправительственной пропаганды и экстремизма.

Пик политического антисемитизма пришелся на 1900–1910-е гг. Кульминацией затяжного кризиса, поразившего страну в начале столетия, стали события 1905–1907 гг. Массовые народные волнения вылились в мощную погромную волну, сопоставимую по масштабам и последствиям с событиями четвертьвековой давности. Но, в отличие от них, накал юдофобских настроений в империи не спадал и после прекращения погромного движения (рецидивы продолжали возникать вплоть до следующей волны массовых погромов в годы Гражданской войны). Русский историк, философ и богослов Г.П. Федотов писал об этом времени: "Читая Блока, мы чувствуем, что России грозит не революция просто, а революция черносотенная".

Реакция властей на погромы, сравнительно с 80-ми гг., была куда как более сдержанной, чтобы не сказать мстительной. Один из жандармских начальников, анализируя причины кровавого гомельского погрома 1903 г., весьма цинично объяснял логику действий полицейских властей, которые, по его словам, руководились "тем соображением, что евреев, как социал-демократов, не приходится защищать от нападений и жестокости толпы". Вместе с тем он попытался объяснить и закономерность самого явления (имеется в виду еврейский радикализм): "...Погромы 80-х годов, изгнавшие многих евреев в Америку, способствовали тому, что в ничтожную в сравнении с общей численностью евреев горсть социал-демократов социалистические взгляды и способы организации были перенесены из Америки, что безысходная нужда, в которой находятся евреи, благодаря исключительным законам о месте жительства и занятиях, укрепляла в их сознании усвоенные ими взгляды". Последнее суждение не лишено здравого смысла – в нем, по крайней мере, сквозит некоторое понимание сути еврейских проблем.

Рафаил Ганелин: Разжигание национальной розни считалось опасным с точки зрения общегосударственных интересов

Говоря об антисемитских настроениях в российском обществе, В.А. Маклаков воспользовался образной формулой, упомянув о заболевшем холерой человеке, который, живя в грязи, среди холерных больных и употребляя сырые фрукты и воду, считал бы, что заразился, однажды почистив зубы некипяченой водой (с. 412–413).

И в самом деле, должна ли быть полностью отвергнута традиционная для советской

историографии теория субъективных и объективных факторов происхождения революционного процесса? Конечно, почти математическая предопределенность кардинальных исторических перемен в различных странах независимо от их национальных и государственных особенностей на основе непререкаемого закона смены социально-экономических формаций – вчерашний день науки. Но еще большую давность имеет ныне особенно распространенное мнение о рукотворном происхождении революции. В разное время эта версия исходила не только от противников, но и от сторонников революции. Напомним о "партийной критике" тезиса о стихийности февральских событий 1917 г., сопровождавшейся в 1970-х гг. требованиями отразить руководящую роль в революционных событиях большевистских организаций. В этом усматривалось действие, наряду с объективным, субъективного фактора революционного процесса. Противники же революции, число которых ныне значительно умножилось (как и в эмигрантской среде послереволюционного прошлого), в качестве главного исторического бедствия рассматривают не Октябрьскую, а Февральскую революцию и убеждены в том, что в стране не было и признаков внутреннего кризиса режима, а свергнут он был исключительно благодаря проискам врагов России. Революционная интеллигенция сама по себе считается недостаточно демонической для этого силой, и на первое место ставятся масоны и евреи. В какой-то мере происхождение этой традиции было связано со стремлением старой политической полиции оказать такое воздействие на общественные представления, которое считалось полезным для раскола общества. Отметим, что возрождение этой концепции в СССР в 1970-х гг. носило директивный характер и было произведено по прямому указанию председателя КГБ Ю.В. Андропова (см. публикацию В.В. Поликарпова и В.В. Шелохаева в "Вопросах истории", 1998 г., № 11–12).

К этому следует добавить, что те ветви власти, которым в большей мере, чем царскому Департаменту полиции или советскому КГБ, было присуще чувство государственной и политической ответственности, не одобряли насаждения в официальной идеологии жидомасонской темы. Так, Николай II не разрешил использования в черносотенной пропаганде "Протоколов сионских мудрецов" после того, как их подложность была удостоверена Столыпиным, хотя содержание их очень ему понравилось. А Андропову пришлось прибегнуть к цензурному запрету, чтобы изъять из верстки выпускавшегося Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС журнала "Вопросы истории КПСС" статью против инспирированного им воплощения масонской темы в вышедшей в свет книге.

Разжигание национальной розни (а еврейская тема оказывалась неизбежно связанной с масонской вопреки подчас нарочитым стремлениям отделить их друг от друга) считалось опасным с точки зрения общегосударственных интересов. Разумеется, это противоречило распространенным в "верхах" настроениям и многим тенденциям государственной политики. Но нельзя игнорировать того, что собранные и опубликованные известным историком революционного движения В. Кантором резолюции Александра III по еврейскому вопросу свидетельствовали о решимости царя противодействовать погромам, а в 1905 г. численность судебных дел о крестьянских волнениях и процессов по поводу антиеврейских погромов почти совпадала. Между тем считалось, что Николай II унаследовал антисемитские убеждения отца. Далеко не во всем устремления черносотенцев соответствовали официальным представлениям о государственной пользе.

Так, П.А. Столыпин, сколько он ни субсидировал Союз русского народа, подвергался со стороны "союзников" беззастенчивой травле. Многие высокопоставленные чины МВД отчетливо осознавали ту политическую опасность, которую представляли для существовавшего строя "неумеренно правые", как называл черносотенцев петроградский градоначальник времен Первой мировой войны генерал К.И. Глобачев.

Михаил Гавлин: Возможность финансовых осложнений – один из постоянных факторов колебаний властей

В 1883 г., в самом начале такой "киногеничной", с точки зрения сегодняшнего отечественного кинематографа, эпохи Александра III и "Сибирского цирюльника", была учреждена особая комиссия под председательством члена Государственного Совета графа К.И. Палена "для всесторонней разработки еврейского вопроса". Причины ее создания, как отмечают современники, заключались "в затруднениях, возникших в области финансов". В своей записке от 27 октября 1883 г. министр финансов Н.Х. Бунге писал: "Заграничному нашему кредиту вредят главным образом два обстоятельства: во-первых, постоянные слухи о враждебных для России союзах, о возможности европейской войны и, во-вторых,

неопределенное положение еврейского вопроса, которое поддерживает нерасположение к России в самой крупной и влиятельной группе заграничных капиталистов". Государственный секретарь А.А. Половцов в дневниковой записи от 17 октября конкретизирует, о чем идет речь, когда пишет: "Успех у Ротшильдов (в переговорах о займе для России. – *М.Г.*) возможен в том лишь случае, если будет что-либо сделано по еврейскому вопросу". Можно говорить о том, что "еврейский вопрос" в России, да и не только в ней, не единожды был темой большой политики, но в большей мере не потому, что это был вопрос о правах и драматических судьбах целого народа, а потому, что для многих представителей высшей власти это был в первую очередь вопрос о больших деньгах, кредитах, государственных займах. Сменялись правительства, политические режимы, но и десятилетия спустя эта финансовая сторона, или, точнее, цена решения "еврейского вопроса", оставалась одним из главных, если не решающим условием в том бесконечном закулисном торге, который происходил вокруг судеб российского еврейства. В представленной на суд читателя книге можно найти немало тому подтверждений. Пройдет почти полстолетия после дневниковой записи А.А. Половцова, и совсем в другое время, в самый разгар Гражданской войны, 3 декабря 1919 г., российский посол во Франции В.А. Маклаков в письме генералу А.И. Деникину сообщит в связи с еврейскими погромами, прокатившимися на территориях, занятых белыми: "...По вопросу еврейскому. Около него идет такая агитация, которая может оказаться нам прямо гибельною; Америка, сейчас к нам очень расположенная, может именно из-за этого прекратить всякую помощь Добровольческой армии. Агитацию против Вас меньше всего ведут сами евреи, а ведут Ваши принципиальные враги, но оружие находят в еврейском вопросе". В сущности те же цели получения помощи и кредитов преследовало и советское руководство, когда занималось различными сторонами еврейского вопроса. По мнению крупного экономиста В.Д. Бруцкуса, статья которого представлена в рассматриваемой книге, "причина исключительного интереса, неожиданно проявленного советской властью к еврейской колонизации (речь идет об устройстве еврейского населения на земле для занятия земледелием – идее, которая выдвигалась еще при Александре I и Николае I. – *М.Г.*), конечно, политическая. Советская власть в погоне за кредитами ищет постоянно симпатий в кругах иностранной буржуазии, и она очень дорожит отношением к себе еврейской заграничной буржуазии". Как видим, политические торги и игры вокруг судеб российского еврейства велись постоянно. История повторялась. Само же еврейское население, включая почти все его слои, было во все времена заложником этой большой политики.

Владимир Булдаков:
Правительство само загнало себя в угол

Полиэтничная империя немыслима без известного рода "этноспециализации". Похоже, что с самого начала Российская военно-крестьянская империя игнорировала этот момент. Так, Николай I мог искренне подумывать о том, чтобы "отпустить" поляков, но, как и отец, он пребывал в убеждении, что из евреев можно и нужно сделать крестьян – дополнительную армию хлебопашцев, но вовсе не особое ремесленно-торговое сословие. В свою очередь, и евреи в большей или меньшей степени были готовы к ассимиляции. Но вот только империю никак не устраивало наличие таких "частично русских" – казалось, что это угрожает русскости как таковой. Да и вообще, до бесконечности перестраиваемое имперское здание в России почему-то всегда мыслилось на манер каланчи – ничто не должно было заслонять вид сверху.

В истории российских имперских верхов, как водится полиэтничных, поражает, до какой степени они готовы были пестовать и лелеять крестьянскую патриархальщину. Это – обычный язык архаичного властвования. Не приходится удивляться, что за это воздалось вполне. Всякое превышение меры тотальности общественно-государственного устройства рано или поздно вызывает к жизни синдром неотреагированной агрессии.

Нельзя сказать, чтобы правительство не имело представления о возникающих в связи с этим опасностях. Формально о причинах растущей активности еврейской молодежи в верхах знали не хуже, чем о масштабах движения за польскую независимость. Но здесь приходится учитывать еще одну особенность предреволюционной России – деградацию высших сословий в служилом качестве, утрату ими способности к риску и импровизации при обострившихся слухе и зрении. Отсюда неспособность к гибкому реагированию на потенциальную угрозу. Показательно, что именно с 80-х гг. по отношению к евреям предпринимаются самые раздражающие действия дискриминационного характера. В их числе запрещение

проживания в сельских местностях черты оседлости, лимитирование приема в вузы и в адвокатуру, воспрещение ремесленникам переселяться в центр страны, особое регламентирование участия в акционерных предприятиях, запрещение покупать и арендовать крестьянские усадьбы и земли в Привислинском крае, ограничение проживания в сельских местностях 50-верстной приграничной полосы. Все делалось для того, чтобы не выпустить еврейскую массу из скученной местечковой зоны черты оседлости и не позволить "эксплуатировать" неподготовленную крестьянскую массу. С таким же успехом можно из опасения взрыва кипящего котла до предела завинтить его крышку. Исключения для выкрестов, дипломированных специалистов и первогильдейцев скорее подчеркивали творимую несправедливость, нежели меняли существо дела.

В начале XX в. последовали новые ограничительные законы, которые даже на фоне прежнего законодательства выглядели откровенно издевательскими: они варьировались от изобретения новых мелких ограничений по владению собственностью за пределами черты оседлости до воспрещения вносить имена евреев, достигших своим общеполезным трудом потомственного дворянского достоинства, в губернские родословные книги. В отличие от прочих народов именно евреям было отказано в праве на подобие аристократизма.

Понятно, что подобные "мелкие", но неуклонно проводимые запреты, охватывающие все слои еврейского населения, могли довести этнос до настоящей социальной истерии. Правительство об этом знало, но вроде бы рассчитывало на его привычное долготерпение. Лишь с большим запозданием было признано, что неудовлетворенность своим более стесненным, сравнительно с остальным населением империи, положением усилила ненависть евреев к правительству до такой степени, что часть их вынуждена была встать на путь отчаянной борьбы с существующим строем. Любопытно, что патерналистская власть до последнего своего вздоха пребывала в убеждении, что все образуется – следует лишь поменять большой кнут на маленький пряник. Даже в 1906 г. в правительственных кругах посчитали, что достаточно отменить только наиболее одиозные из ограничительных актов 1890-х гг. Вырождение российской власти всегда связано с любопытным феноменом – она начинает признавать свои тактические промахи, но никак не подвергает сомнению правильность общего курса.

Примечательно, что обычное для таких ситуаций патерналистское натравливание одной нации на другую также связано с антисемитизмом. Так, рост его среди поляков был связан с растущим убеждением, что царское правительство поощряет переселение к ним русскоговорящих евреев, рассматривающих Царство Польское только как провинцию России. Усиливаемая миграциями, этнически специфичная скученность населения на Украине автоматически вызывала к жизни воспоминания о временах Богдана Хмельницкого – теперь "пособники ляхов" превращались в приспешников помещиков.

В годы Первой мировой войны последовали новые ограничительные антиеврейские акты, которые иначе как издевательскими назвать нельзя. В ответ на выражения патриотизма, проявившиеся не только в манифестациях и публичных заявлениях, но и в записи добровольцев, в том числе и из числа студентов заграничных вузов, устройства госпиталей еврейскими общинами, начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал Н.Н. Янушкевич, когда-то выступавший в Совете объединенного дворянства с инициативой законопроекта о недопущении евреев в армию, стал инициировать представления о повальном "предательстве евреев". Отсюда расклеенные в захваченном русскими войсками в августе 1914 г. Львове объявления о мерах по борьбе с "враждебным отношением еврейского населения Польши, Галиции и Буковины к русским войскам", которое выражалось в запрете пребывания евреев в зоне боевых действий. Отсюда и последовавший 27 января 1915 г. приказ Верховного главнокомандующего, в котором российские евреи объявлялись "надежными союзниками врагов России"; тотальные депортации евреев из прифронтовой полосы (ухитрялись отправлять в тыл даже богадельни); запреты деятельности еврейских благотворительных организаций; взятие заложников; бессудные расстрелы евреев по одному лишь подозрению в шпионаже. Ужасы насилий над еврейским населением со стороны казаков превзошли все мыслимые пределы (см.: ГА РФ, ф. 523, оп. 2, д. 14, л. 2, 3, 10–12, 24–41). Справедливости ради надо сказать, что параллельно последовали ограничительные акции и против поляков, немцев, украинцев.

В известном смысле в еврейском вопросе в годы войны правительство само загнало себя в угол. Его действия были на деле вовсе не оголтело юдофобскими, а непоследовательными и даже отчасти демагогичными. Так, репрессивную политику по отношению к евреям приходилось смягчать в силу нужды в западных займах – зарубежные банкиры еврейского происхождения могли создать серьезные препятствия в их получении. В августе 1915 г. в

связи с отступлением русских армий и движением в глубь России потоков беженцев фактически пришлось отменить черту оседлости, вслед за тем положительно решить вопрос о льготном приеме в высшие учебные заведения евреев, отличившихся на войне, и их детей. Разумеется, лживость этих решений заметили. Как бы то ни было, создалась ситуация, когда евреи в определенной своей части действительно могли оказывать более заметное воздействие на приближение революции в России.

Генрих Иоффе:
Тот, кто сеял ветер, пожинал бурю

"Это может вовлечь Россию в бездну и привести ее к революции и гибели", так говорил сподвижник Столыпина, один из самых крупных государственных деятелей России А.В. Кривошеин, имея в виду миллионы беженцев, хлынувших весной и летом 1915 г. из Польши и Прибалтики во внутренние губернии России в связи с крупномасштабным отступлением русских войск под натиском германской армии. Среди беженцев было особенно много евреев, принудительно выселявшихся военными властями из родных мест по подозрению в шпионаже в пользу врага. Сколько их было, не знает точно никто. Так, премьер И.Л. Горемыкин в докладе царю от 15 мая 1915 г. упоминал о 300 тыс. евреев, подлежавших выселению из одной только Курляндской губ., добавляя, что "общее количество выселяемых, несомненно, во много раз превысит приведенную цифру" (ГА РФ, ф. 1967, кн. 1, д. 365, л. 10 об.).

Инициатором этой акции был начальник штаба Ставки генерал Янушкевич, действовавший с одобрения Верховного главнокомандующего вел. кн. Н.Н. Романова, а ее обычными в условиях России спутниками – беззаконие и произвол. Архивные хранилища до сих пор доносят до нас голоса евреев, безвинно и жестоко изгнанных тогда из родных мест. Виленская еврейская община, например, обратилась в мае 1915 г. к Горемыкину с прошением, где приводились факты поголовного выселения евреев из Прибалтики. В этом документе говорилось: "Старики и дети, роженицы и больные тянутся вереницей в темных вагонах, на подводах и пешком, голодные, полунагие, вынужденные в один день бросить все свое достояние. Они не имеют надежды найти пристанище и пропитание в неведомых им новых местах. Этой участи не избегли даже жены и дети воинов-евреев, проливающих свою кровь за честь и славу России, а равно и сами воины-евреи, отпущенные домой вследствие полученных ран..." (РГВИА, ф. 2005, оп. 1, д. 102, л. 69). И подобных прошений, авторы которых взывали о милосердии и справедливости, были десятки и сотни. Евреи-выселенцы оказывались в поистине ужасном материальном положении, их косили холера и тиф. Широко практиковалось также взятие евреев в заложники.

Характерно, что Совет министров в мае 1915 г. предупредил Николая II о возможных негативных последствиях явно антисемитского курса военных властей. "Сосредоточение многочисленной массы выселяемых евреев в 2–3 губерниях (Полтавской, Черниговской, Могилевской. – *Г.И.*) и притом в городах, т.к. в сельской местности евреям проживание воспрещено, еще больше ухудшает и без того тягостное положение еврейской бедноты... Нищета выселяемых евреев, едва ли не большая часть коих не располагает никакими средствами пропитания и даже не имеет одежды, может вызвать появление эпидемии. Погоня выселяемых за каким-нибудь заработком и предложение труда за дешевую плату понизит расценки труда на местах; обстоятельство это угрожает серьезным обострением местных экономических условий и может, вызвав озлобление трудящихся ..., привести даже к еврейским погромам". Министры обращали внимание царя на более чем вероятную негативную реакцию на преследования евреев в России со стороны союзников по Антанте и западноевропейских биржевиков (ГА РФ, ф. 1467, оп. 1, д. 635, л. 10–11). Совет министров лишь информировал обо всем этом Николая II, не внося каких-либо конкретных предложений и ходатайств, но совершенно очевидно, что министры считали подобный курс ошибочным. Ответ царя нам неизвестен.

Обсуждался данный вопрос и в Государственной Думе (об этом говорили с трибуны Таврического дворца П.Н. Милюков, Н.С. Чхеидзе и др., причем социал-демократы даже внесли запрос по поводу гонений на евреев), и на съезде Союза городов, и в Центральном военно-промышленном комитете. Давление общественности оказывало известное воздействие на гражданские власти, пытавшиеся принять меры по облегчению положения беженцев (создавались, например, комитеты помощи, собиравшие одежду и продовольствие и пытавшиеся помочь расселению людей), а также на военное командование. Издавались, в частности, распоряжения о приостановке массовых выселений евреев, но нижестоящие

воинские начальники реагировали на них слабо или заменяли выселение взятием заложников.

Понятно, что все это, с одной стороны, еще больше разжигало антисемитские настроения в определенных слоях российского общества, а с другой – порождало ответную злобу и ненависть к царским властям у евреев. В одном из перлюстрированных писем девушки-еврейки из Москвы (ноябрь 1915 г.) речь идет о том, стоит ли ее брату поступать в военное училище. «...В Москве среди жителей раздаются голоса: "Перебить бы всех жидов". Со слезами на глазах рассказывали мне солдатики-евреи, как враждебно к ним относятся в армии солдаты и начальство. А что сделали со всеми евреями, которые жили близко к позиции, ведь их всех сослали как преступников. За кого же ты идешь сражаться? Где же самолюбие у тебя..? Если только у тебя в голове мозги есть, ты подумаешь и поймешь, что идти сражаться за того, кто плюет тебе в морду – это уж значит давать плевать себе в морду и на эти плевки говорить: это – Божья роса... После войны в Москве и городах около Москвы ожидаются погромы. Подумай, что ты делаешь, Абраня... Стыдом считаю назвать тебя и евреем..." (ГА РФ, ф. ДО, 1915, д. 334, л. 260–262).

В одной повести А.П. Чехова изображены два еврея. Хозяин постоялого двора – раболепный, заискивающий перед начальством, и его брат Соломон, на лице которого написаны презрение и ненависть. Что же могли добавить к этой ненависти события 1915 г.? Не такие ли соломоны и оказались в "кожаных куртках военного коммунизма и двадцатых годов"? (Солженицын А.И. Окунаясь в Чехова // Новый мир. 1998. № 10. С. 171). Тот, кто сеял ветер, пожинал бурю.

Игорь Михайлов:
Кто кого "использовал"?

Примечательно, что Февральская революция вовсе не принесла ожидаемого социалистами и либералами решения еврейского вопроса. Зато проявило себя нечто ранее неведомое. Хорошо известно, что появление в составе Советов в "чрезмерном" количестве евреев создало дополнительные возможности для скрытой черносотенной пропаганды. Менее известно, что преимущественное приглашение в столичный университет профессоров-евреев таило в себе рост антисемитизма в интеллигентской среде (см.: Чубинский М.П. Год революции // Октябрьская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1998. С. 324). В любом случае 1917 г. оказался вовсе не "торжеством евреев", а скорее прологом новой погромной волны, которая неуклонно захватывала образованные слои общества. Если евреи и воспользовались плодами российской демократии, то лишь на собственную голову. Восторжествовал старый предрассудок: всякое несчастье так или иначе связано с деятельностью "чужих", евреи больше других подходили на их роль.

Вообще у нас явно или подспудно господствует мысль, что евреи в силу своих врожденных качеств так или иначе "использовали Россию" в своих интересах. В действительности они, напротив, на протяжении веков решали главным образом проблему этноконфессионального самосохранения. Сборник не случайно так и не смог дать конкретного ответа на вопрос об авторстве "Протоколов сионских мудрецов". Возможно, сочинили их вовсе не с подачи охранки или самодеятельных защитников самодержавия. Важнее другое: они часть общего международного антисемитского настроения, которое могло проявить себя в многочисленных вариантах плагиата или компиляций, часть той психологии, которая во многих странах породила миф о "всемирном еврейском заговоре".

Еще во времена IV Думы ходила политическая присказка: "Евреи вертят кадетами, кадеты – Прогрессивным блоком, блок – Думой, Дума – Россией". Сборник позволяет усомниться в столь однозначной постановке вопроса. Дело не только в том, что среди российских либералов было предостаточно скрытых, "цивилизованных" антисемитов. В принципе следует иметь в виду, что империя – слишком большая величина, чтобы ее можно было с легкостью "использовать" в интересах отдельной нации. Чаще империи сами используют и титульные этносы, и "инородцев" в собственных интересах. Сталинские расправы над "провинившимися народами" после их революционного "использования" – из той же великодержавной практики.

Переиздание статьи Бруцкуса в настоящем сборнике выглядит более чем уместно. Выдающийся экономист в свое время показал, что еврейское население черты оседлости, т.е. основная масса российских евреев, в силу специфики своих хозяйственных "мелкобуржуазных" занятий почти автоматически проигрывало от установления большевистской "пролетарской" власти. Коммунистические лидеры, со своей стороны, в 20-е гг. смогли

действительно использовать международный еврейский капитал в собственных интересах, выступив застрельщиками старых утопических планов превращения местечковых обитателей в аграриев (с. 313). Увы, получается, что "использовали" чаще евреев, а не наоборот.

Виктория Романова: В региональном аспекте

Безусловно, центром еврейской жизни в России являлась европейская часть страны, а точнее та ее территория, через которую проходила так называемая черта оседлости. Именно там существовал главный очаг культурной, а затем и общественно-политической жизни российского еврейства. Но евреи, как известно, жили в России и за пределами "черты", в том числе и в Сибири. Поселились они там отнюдь не добровольно, но со временем пустили корни и адаптировались к местным условиям, сохраняя при этом свое национальное и религиозное лицо, и к концу XIX – началу XX в. образовали достаточно специфическую общность. "Сибирские евреи, – писал современник, – в общем зажиточны, по образу жизни, характеру, привычкам, по типу и каким-либо специфическим внутренним качествам, наконец, по языку, который у них преимущественно чисто русский, почти не напоминают своих сородичей и соплеменников в европейской России, особенно из северо- и юго-западного края". Многие авторы отмечают меньшую набожность сибирских евреев, нередкое нарушение ими субботнего отдыха, постов и т.д. Лишенные связей с традиционными центрами российского еврейства, они были практически не знакомы с национальной культурой и тем более стояли в эти годы в стороне от политических процессов, зарождавшихся в среде их западных собратьев. Вместе с тем, несмотря на адаптированность к местным условиям, оторванность от культурного центра сибирские евреи стремились сохранить свою национальную и религиозную самоидентификацию, привить детям чувство национального самосознания. Об этом свидетельствует весьма бурный расцвет еврейской жизни на территории Сибири и Дальнего Востока после Февральской революции, длившийся, впрочем, в силу сложившихся исторических условий весьма недолго.

Для местных евреев характерным было чувство достоинства и самоуважения, свойственное сибирякам в целом. Объясняется это также и тем, что, несмотря на официальную политику и произвол местных властей, они не знали того грубого антисемитизма, от которого так страдали их соплеменники в европейской России, особенно жители "местечек". Отсутствие антисемитских стереотипов на уровне массового обыденного сознания у местного населения в рассматриваемый период обусловливалось целым рядом фактором:

1) Слабой заселенностью региона и, как следствие, отсутствием конкуренции.

2) Своеобразием социального состава местных евреев – потомков ссыльных каторжан либо рекрутов. Вплоть до начала XX в. среди сибирских евреев преобладали мелкие и средние торговцы, приказчики, ремесленники, нижние армейские чины. Обвинить еврея Сибири в "эксплуатации" либо "спаивании" русских, как это практиковалось в европейской части страны, было трудно.

3) Еврейские общины Сибири и Дальнего Востока были не столь замкнуты и обособлены, как в западных губерниях империи. По образу жизни, укладу, экономическому положению местные евреи мало отличались от других жителей региона.

4) Население Сибири, а особенно Дальнего Востока изначально было многонациональным. Русские жили здесь бок о бок с представителями разных народностей, и у каждого была своя "ниша", своя профессиональная специализация и свой социальный статус. Это формировало у местных жителей, как правило, национальную и религиозную терпимость.

Следует также отметить, что проводниками официального антисемитизма были чиновники различного ранга, которые присылались из центра, пользовались всяческими льготами и по истечении определенного срока вновь отбывали в центр России. Местные русские жители не испытывали к ним доверия и часто тоже страдали от чиновничьего произвола. Политика государственного антисемитизма ни формально, ни по существу не воспринималась сибиряками как соответствующая их интересам.

И если в отношении евреев европейской России она еще может быть объяснена своего рода правительственным протекционизмом, стремлением защитить русское население от конкуренции в условиях перенаселенности региона, то в малообжитой Сибири она теряла всякий утилитарный смысл.

В КОНТЕКСТЕ ЭТНОСОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ РОССИИ

Александр Локшин:
Консолидированное меньшинство или расколотый народ?

Несмотря на некоторые сложившиеся стереотипы о солидарности еврейства, в Восточной Европе, например, где проживало большинство еврейского народа, оно практически постоянно было расколотым. С конца XVIII в. и по меньшей мере до середины XIX в. главный водораздел проходил между двумя религиозными течениями – хасидами и раввинистами-миснагидами. Со второй половины прошлого столетия несколько смягчившийся религиозный раскол сменился борьбой еврейской ортодоксии, включавшей и хасидов, и миснагидов, со сторонниками еврейского Просвещения, нередко искавшими поддержку у властей. Участие евреев в русском революционном движении вызвало отпор в традиционном еврейском обществе, опиравшемся в своих отношениях с режимом на утвердившийся веками принцип – "хок медина-хок" – лояльности законам страны проживания. Не меньшее противодействие вызвало как у большинства религиозных лидеров, и прежде всего хасидских цадиков, так и у связанной с двором еврейской финансовой элиты возникновение палестинофильского, а затем и сионистского движений. Политизация еврейского общества достигла апогея во время Первой русской революции. "К периоду 1905–1906 гг. еврейская масса, – констатировалось в одном из обзоров Департамента полиции, – представляет собой организм вдоль и поперек испещренный партиями, фракциями, группами... Жизнь еврейского народа в России отличает необыкновенная политическая чувствительность и интенсивность политической деятельности".

Достаточно распространенным объяснением все возрастающего еврейского участия в борьбе с самодержавием (если, конечно, не касаться оккультных теорий типа "заговора") были ссылки на еврейское бесправие. Такой же ответ мы находим и во вступительной статье рассматриваемого издания, хотя подобное объяснение представляется достаточно поверхностным и, более того, рождает недоуменные вопросы. Ведь вступление еврейской молодежи на революционную стезю пришлось как раз на тот период в истории России, когда явственно обозначились признаки политики эмансипации, проводившейся правительством Александра II в 1860–1870-х гг. Великие реформы открывали для наиболее деятельных категорий еврейского общества (купечество, частично ремесленники, лица с высшим образованием) возможности относительно полноправного развития в российском пореформенном обществе.

И здесь мы должны принять во внимание, что именно в середине прошлого века в России стали распространяться идеи еврейского Просвещения (Гаскалы). Это привело к разрушению традиционно еврейского мира, развитию секулярных начал и беспрецедентной мобильности еврейской молодежи. Но российское общество оказалось совершенно не готовым к столь быстрому проникновению евреев во многие сферы жизни, еще недавно наглухо закрытые для них. Вместе с тем сами реформы, касавшиеся евреев, оказались непоследовательными и неполными. Получив образование и право повсеместного проживания, эти эмансипированные евреи тем не менее стали "лишними" людьми в своей стране: государственная служба, преподавание в высшей школе, военная карьера и многие иные сферы занятий по-прежнему оставались для них закрытыми. Чужаками оказывались эти европейски образованные люди и в традиционном еврейском обществе, как и в николаевскую эпоху запертом в границы черты оседлости. Еврейская молодежь вступала в неведомый для нее мир русского нигилизма, в котором не существовало ни расовой, ни религиозной дискриминации. Таким путем немало молодых по-новому мыслящих евреев обретало для себя новую идентификацию – не религиозно-православную и не национально-русскую. Они интегрировались в социалистический мир идей, поведения и морали, входили в новую космополитическую субкультуру. Такой путь, например, прошли выдающиеся революционеры-народники евреи Марк Натансон, Павел Аксельрод, Лев Дейч, Арон Зунделевич и др. Непростым был выбор для еврейских девушек. История еврейской женщины в революции еще не написана. Из первых поколений особенно трагичными оказались судьбы Бетти Каминской, Геси Гельфман, Виктории Гуковской.

Несмотря на устоявшийся в зарубежной, в первую очередь в израильской, историографии взгляд, еврейские погромы начала 1880-х гг. кардинально не изменили настроения значительной части еврейской общественности в России. Напротив, можно говорить о парадоксальном на первый взгляд выводе. Погромы тех лет, которые, как известно, в революционных целях попыталась использовать часть народовольцев, в целом не только не

отдалили евреев-революционеров от их русских товарищей, а напротив, усилили приток еврейской молодежи в ряды "Народной воли". Погромы воспринимались как дело рук царизма – отсюда стремление встать в ряды борцов с самодержавием.

Участие части еврейской молодежи в русском революционном движении давало прекрасную возможность политическим силам различной направленности, прежде всего правым и черносотенным, – обвинять все еврейство в подрыве основ русской национальной государственности. Кровавые еврейские погромы, которым прямо или косвенно содействовали местные, а подчас и центральные власти, представлялись как ответ простых русских людей на действия "бунтующих жидов".

Еврейские национальные организации и партии в целом достаточно настороженно или отрицательно отнеслись к тому, что "еврейской кровью смазывается колесница русской истории" (кажется, это слова одного из сионистских лидеров Усышкина). блестящий оратор и публицист, один из лидеров правых сионистов Владимир Жаботинский в статье "Еврейская крамола" (1906 г.), писал: "Я хочу начать с самого горького зерна... горькой правды... Это вопрос о еврейской роли в русских событиях... Наша еврейская затрата на дело обновления России не была соразмерна ни с нашими интересами, ни с нашим значением, ни с нашими силами... Все понимали, что нам обновление России даст меньше, непомерно меньше, – и все же мы заплатили больше, непомерно, безумно больше того, что могли заплатить, и того, что стоило заплатить... Самая сила вещей отвела евреям место во вторых рядах... Мы отклоняем от себя несбыточную претензию вести: мы присоединяемся... В этой земле мы отказываемся от всяких притязаний на творчество чужой истории". Этой обширной цитатой я хочу показать, насколько неоднозначной была реакция на участие евреев в русских оппозиционных партиях со стороны национально мыслящей еврейской интеллигенции.

В то же время многие из первых евреев-народников в духе тогдашних теорий смотрели на своих соплеменников как на паразитирующий класс, неспособный по определению на какие-либо революционные выступления. Отсюда, может быть, еще более экзальтированная, чем у их русских товарищей, вера народников-евреев в русского мужика, в крестьянский социализм. В этом же ряду стоит и знаменитое изречение, приписываемое Льву Троцкому: "Я не еврей, а интернационалист". Но тем не менее как на бессознательном, так и сознательном уровнях происхождение, воспитание, культурное влияние, самоощущение и ментальность евреев не могли не оказывать влияния на их приход и участие в революции: "Одним из главных достоинств еврейского участия в общерусском движении я считаю ту трезвость и спокойствие политической мысли, которые были внесены в это движение евреями, ту европеизацию, которая была, до известной степени, результатом их сознательной и бессознательной деятельности", – писал С.Г. Сватиков. Публикация этого обширного исследования, осуществленная В.Е. Кельнером, – один из самых весомых материалов книги.

Преданность евреев – участников освободительного движения – идеалам русской революции не мешала, а, напротив, давала уверенность в том, что они борются и за освобождение своего народа. Это чувство особенно знакомо многим евреям-революционерам 80-х годов и последующих десятилетий. Невозможно без волнения читать предсмертные слова, обращенные к раввину участником якутской трагедии 1889 г. Львом Коганом-Бернштейном перед казнью: "Я принимаю вас не как духовное лицо, так как от религии я очень далек, но вы как раввин являетесь представителем еврейской общественности и как к таковому я обращаюсь к вам и прошу передать нашим соплеменникам, чтобы они не думали, что я, работая всю жизнь в русской революционной партии, отрекся от своего народа; я работал для еврейской обездоленной массы в полном убеждении, что судьба ее тесно связана с судьбой всех народов, живущих на территории России, и что освобождение еврейского народа от политического гнета может быть осуществлено только с освобождением всей России".

Рафаил Ганелин: Воздержание или участие: дилемма для российских евреев

Публикуемые в обсуждаемом сборнике материалы о полемике в эмигрантских кругах по поводу происхождения революции и роли в ней евреев чрезвычайно выразительны. Дополним их мнениями, высказанными в начале 1920-х гг. эмигрантами – отставными министрами в связи с тем, что помощник управляющего делами Совета министров военного времени А.Н. Яхонтов подготовил к печати часть записей, которые он вел на заседаниях, и разослал их на отзыв тем, чьи выступления, высказывания и реплики он записывал.

Вспоминая горестные для себя обстоятельства, бывшие сановники видели их причины не в пороках строя, а в ошибках власти. Один из наиболее влиятельных членов всех составов правительства с 1914 г. и до Февральской революции, бессменный министр финансов П.Л. Барк находил одну из причин краха царизма в неразрешенности еврейского и крестьянского вопросов. В специальном разделе своего более позднего труда "Последний год войны", посвященном еврейскому вопросу, и А.Н. Яхонтов рассматривал дело в таком же свете.

В такой постановке проблемы был свой резон. Ведь и крестьяне, и евреи не пользовались правами человека во всей их полноте. В частности, это относилось к свободе передвижения. Для еврея она была ограничена чертой оседлости. А крестьянин, давно покинувший свою деревню, мог быть по решению сельского общества силой водворен полицией по месту приписки (об этом однажды напомнил еврейским депутатам IV Думы тот же В.А. Маклаков). Борьба за права евреев оказывалась поэтому одной из форм борьбы за права человека точно так же, как это было с движением за права женщин и другими формами протеста против проявлений бесправия. Недаром граф И.И. Толстой, один из главных поборников прав евреев, принимая в 1905 г. пост министра народного просвещения, в своих беседах с первым председателем Совета министров С.Ю. Витте, только что возведенным в графское достоинство, и с самим Николаем II поставил еврейский вопрос в связь с общим несовершенством государственного строя, причем оба собеседника в сущности с ним согласились.

Но процесс модернизации государственного строя и общественной жизни был слишком замедленным, чтобы удовлетворить требования поборников гражданских прав. Через несколько лет в беседе с И.И. Толстым и Д.Г. Гинцбургом Витте выразил свой взгляд на еврейский вопрос в обычной своей манере, заявив, что в русской политической действительности евреи должны придерживаться принципа: "если русских секут, то пусть и нас секут, если русским дают права, пусть и нам дадут их" (Дневник И.И. Толстого. СПб., 1997. С. 301). В своих воспоминаниях Витте утверждал, что такую же точку зрения, в сущности совпадающую с его ответом И.И. Толстому перед назначением последнего на министерский пост, он высказал еврейской депутации во главе с Д.Г. Гинцбургом, пришедшей к нему после его назначения главой правительства. В ее составе были М.М. Винавер, Г.Б. Слиозберг, М.И. Кулишер и др. "Они явились ходатайствовать, – писал Витте, – чтобы я просил у государя и провел еврейское равноправие в России. По этому поводу я им откровенно высказал, что, как всем известно, я не юдофоб и считаю, что в конце концов другого решения еврейского вопроса в будущем, как то, которое имело место во всех цивилизованных странах, т.е. предоставления евреям равноправия, нет, но, во-первых это может быть сделано лишь постепенно, ибо в противном случае в некоторых сельских местностях еврейское равноправие может вызвать не искусственные, а действительные погромы, а во-вторых, для того, чтобы в то время я мог поднять вопрос о предоставлении существенных льгот еврейству, или, вернее говоря, для того, чтобы я мог выставить принцип еврейского равноправия, необходимо, чтобы еврейство усвоило себе совсем иное поведение, нежели то, которому оно следовало. Оно должно во всеуслышание заявить монарху и свое заявление подкрепить соответствующим поведением, что оно ничего от его величества не просит, кроме одного – обращения с ними, как со всеми остальными подданными. Между тем в последнее время евреи являются деятелями в различных политических партиях и проповедуют самые крайние политические идеи. Я им говорил: «Это не ваше дело, предоставьте это русским по крови и по гражданскому положению, не ваше дело нас учить, заботьтесь о себе. Вот вы увидите, насколько от такого поведения вашего, которому вы теперь следуете, вы и ваши дети пострадают». Барон Гинцбург заявил, что он совершенно разделяет мое мнение, Слиозберг и Кулишер также заявили, что и они разделяют мое мнение. Остальные же присутствовавшие евреи не соглашались с моими увещеваниями. В особенности возражал Винавер, заявивший, что теперь настал момент, когда Россия добудет все свободы и полное равноправие для всех подданных, и что потому евреи и должны всеми своими силами поддерживать русских, которые этого добиваются и за это воюют с властью" (В и т т е С.Ю. Воспоминания. Т. 3. М., 1960. С. 328–329).

Этот диспут (я счел необходимым сказать о нем словами самого Витте и прошу извинить мне пространность цитаты) в одном отношении особенно поучителен. Витте требовал от евреев воздерживаться от участия не только в революционном, но и вообще в общественном движении. Винавер же и его сторонники дали понять премьеру, что это участие вызвано не особой природой еврейского характера, а в какой-то мере обстоятельствами нравственного происхождения: евреи не могут стоять в стороне от идущей в России борьбы

за гражданские свободы и национальное равноправие, дожидаясь, пока права для них будут добыты чужими руками, особенно если учесть, что участие в этой борьбе – дело нелегкое и даже опасное. Логику этого рассуждения, во всяком случае, нельзя не принимать во внимание.

Владимир Булдаков:
Отчаявшийся этномаргинал – революционер на 200%!

XX столетие поочередно объявляли то веком социализма, то веком национализма, подтаскивая к каждой из версий соответствующие "доступные" факты. Между тем со времен Ницше известно, что революция – это стихия первозданных страстей, которые реанимируют глубоко запрятанные под покровом "цивилизованности" пещерные страхи и предрассудки. Если так, то не пора ли поставить (тоже не в первый раз) вопрос о характерном для новейшего времени всеобщем – а не только в России – бунте традиционализма в социалистически-националистической оболочке?

Оглядываясь на массовые движения XX в., стоило бы сказать о непрерывном – чаще подсознательном, реже демонстративном – взаимопроникновении утопий социализма и национализма. Для времени бурного взаимодействия идеала и социального инстинкта подобное естественно – у истоков будущих догматов стоит неподдельная страсть. В.Е. Жаботинскому – социал-демократу, ставшему левым сионистом после кишиневского погрома, – приписывают характерное возражение на замечание о том, что его последователи являются наполовину националистами, наполовину социалистами: "Нет, мы на 100% социалисты и на 100% националисты!" Увы, отчаявшийся этномаргинал – это действительно революционер на 200%. Если учесть, что межпартийные перемещения в России очень часто (увы, этот вопрос далек от удовлетворительной разработки) шли по линии перебежек от "социалистов" к "националистам", то уместно предположить, что отбор людей, "профессионально" недовольных действительностью, чаще осуществлялся на этнопсихологической основе.

Что же погнало в революцию евреев? Привычная логика подсказывает: виной всему непереносимое давление власти. Но в революции особо отметились не одни лишь евреи. И это тоже не случайно.

Стремительный рост народонаселения во второй половине XIX – начале XX в. в любом случае становился взрывоопасным для этнополитического баланса в Российской империи. Общее "омоложение" подданных применительно к национальному вопросу могло приобрести два важнейших последствия: преимущественное накопление элементов юношеской деструктивности именно в наиболее "обойденных" властью этносах и концентрированную ненависть к империи как средоточию всех видов угнетения. К тому же "уплотнение" социального пространства сопровождалось перенасыщением его информацией, которая в замкнутых социумах порождала склонность либо к фундаментализму, либо к безоглядному революционаризму. Мало кто обращает внимание на тот простой факт, что крайние формы еврейского фундаментализма (в данном случае в лице хасидов) впервые масштабно обнаружили себя в России. При желании легко можно было бы доказать, что и элементы сионистской доктрины получили распространение в российской черте оседлости еще до того, как Теодор Герцль придал ей окончательную законченность. Но куда труднее разглядеть, что под покровом новейших социалистических теорий в России таились те же нравственные императивы и химеры воображения, которые давно обуревали всевозможных сектантов.

Действительно, что можно ожидать от человека, которому социальное окружение постоянно внушает чувство негативной этноидентичности, а патерналистская государственность намеренно или непроизвольно стимулирует подобные эмоции запретительными законами? Вероятно, ему остается одно: самоутверждаться, либо подчеркивая свою уникальность, либо напрочь отказываться от всякой этнической принадлежности.

Люди стремятся вовсе не к равенству, а к самореализации в рамках "своего" окружения, желательно гарантированной патронажем высшей власти. Человек настолько же индивидуалист, насколько и корпоративист. Патерналистские системы незыблемы до тех пор, пока обеспечивают взаимосбалансированность массовых иллюзий на этот счет. Всеобщность соблазна "безграничной свободы" возникает не тогда, когда просто увеличивается число "обойденных" индивидуумов, а когда каждый из них начинает ощущать не только себя, но и окружающих принадлежащими к общностям, "несчастливым по-своему". Именно с этим связано невероятное – зачастую "мгновенное" – превращение индивидуалиста в демонстративного коллективиста, прагматика – в идейного бессребреника,

грубого материалиста – в пылкого идеалиста. Разумеется, в возникающем нравственном хаосе возможны и редукции обратного порядка.

Понятно, что это касается не одних евреев. Как бы то ни было, книга напоминает о том, что пылкий выходец из законопослушной и даже обеспеченной местечковой среды, произвольно отождествив себя во времена юности "со всеми страждущими" (поначалу в лице "общинного" крестьянства), мог превратиться в оголтелого, но расчетливого и изворотливого бомбиста. Со временем подуставшие эсеровские террористы могли отыскать и новый, более удобный ориентир – скажем, в лице "социально безгрешного" класса-мессии, именуемого пролетариатом. Все это – лишь элемент рождения негативистской субкультуры, наполняющей, провоцирующей, а затем и взрывающей изнутри (причем вовсе не обязательно умышленно) одряхлевшую патерналистскую культурно-властную среду. В любом случае начало этому процессу положит крайний отщепенец – предельный идеалист и максималист, скрытый суицидал. Примеров тому русское народничество дало предостаточно.

Михаил Гавлин:

Из коммерсантов в "музыканты" революции

Обращает на себя внимание очень большое число выходцев из еврейских купеческих семей, связавших свою судьбу с демократическим движением в России. Роль их особенно заметна на ранних его этапах, в 60–70-е гг. В очерке С.Г. Сватикова прекрасно переданы альтруизм чувств, трагические судьбы, идеализм и жертвенность этих подвижников первого призыва, этих бескорыстных поборников свободы и справедливости. Невольно вспоминаешь, как кто-то в шутку или всерьез заметил однажды, что евреи делятся все на две категории, коммерсантов и музыкантов. И мы видим, как сыновья разбогатевших коммерсантов в эти годы превращаются в бескорыстных романтиков и идеалистов, готовых пожертвовать во имя высоких идей своим личным счастьем, свободой и даже жизнью. Их порыв был вполне сродни музыке. А трагический пример их судеб – еще один урок истории для нашего времени.

Дина Аманжолова:

Этнический компонент не был доминирующим

Судьба национальных организаций разных народов в российской революции была во многом схожей. Участие евреев в освободительном движении уже с 80-х гг. отнюдь не дает оснований связывать появление социалистических идей и рост революционной борьбы с этнической принадлежностью их сторонников и участников. Сами эти идеи обладали значительной привлекательной силой, и не случайно многие национальные движения в России в конечном счете так или иначе связывали себя с социализмом, что совсем не исключало их многообразия и пестроты, характерных в том числе и для еврейских национальных организаций начала XX в. Столь же закономерным было втягивание представителей "нетитульных" народов в общероссийские политические партии и организации, особенно социалистические, с их наднациональной, а может быть, даже космополитической программой всемирного братства трудящихся.

Высокий идеализм, организованность и преданность делу, практицизм, организаторский талант и прочие немаловажные для революционного дела качества не были чисто еврейским достоянием, хотя и отличали многих евреев – участников освободительного движения и членов политических партий.

И, в частности, появление евреев на руководящих постах в Советском государстве и в РСДРП(б) – РКП(б), в административных, хозяйственных и прочих структурах вполне объясняется реальными, а не мистическими факторами, в том числе немногочисленностью в 1917 г. и позже как партийной интеллигенции, так и вообще относительно подготовленных к управлению и, главное, надежных, не связанных с контрреволюцией людей, а также необходимостью использовать все имеющиеся лояльные власти силы для развития экономики и культуры. Известно, что наиболее бескомпромиссно и даже беспощадно отстаивали "революционную законность и целесообразность" в критические моменты борьбы за власть именно представители так называемых национальных меньшинств, во многом оторвавшиеся от родной этнической среды, традиций и культуры, а также маргинальные элементы. Их действия против буржуазии и других "классовых врагов" не были национально

избирательными, а потому этнический компонент не должен доминировать при анализе вклада того или иного народа в революцию.

Николай Цимбаев: В чужом ли пиру?

Быть может, самым объективным и беспристрастным свидетельством высокого научного уровня книги стал составленный В.Е. Кельнером ценнейший указатель имен евреев – участников освободительного и революционного движения в России, работа над которым требовала решения трудных исследовательских задач. Указатель служит естественным дополнением к впервые публикуемой работе С.Г. Сватикова, которой автор дал неточное и даже прямо вводящее в заблуждение название "Евреи в русском освободительном движении". Созданный накануне февраля 1917 г., неполный и оставшийся, по-видимому, неоконченным, этот историко-публицистический труд посвящен революционному народничеству 1870–1880-х гг., написан на скудной источниковой основе и едва ли даже для своего времени может быть отнесен к серьезным исследованиям. Однако его историографическое значение несомненно. Социалист и будущий активный деятель "февральской демократии" Сватиков понимал свой труд как «обширный "синодик" еврейских жертв на алтарь русского освобождения» и восторгался примерами "беззаветного самоотречения евреев во имя того, что они вместе с демократией русской считали благом русского народа" (с. 140, 142). Сухие факты, сообщаемые Кельнером, позволяют, оставаясь в очерченных Сватиковым хронологических рамках, более точно и менее предвзято взглянуть на цели и задачи освободительного движения, равно как и оценить роль, которую сыграли в нем немногие представители еврейской молодежи.

Евреи-революционеры – не правило, но редкое исключение в среде российского еврейства, исключение, далеко не всегда (вопреки Сватикову) заслуживающее сочувствия и тем более уважения. Косвенным образом это давнее и в сущности очевидное наблюдение подтверждает статья Р.А. Городницкого об идеологе и практике эсеровского терроризма Григории Гершуни, который еще при жизни, по верному замечанию исследователя, "превратился в символ партийной чистоты и мощи" (с. 259). Между тем, опираясь на свидетельства соратника Гершуни М.М. Мельникова, Городницкий рисует малосимпатичный портрет "ловкого практика-дельца", оценка которого Азефом ("этот человек гораздо выше меня") более чем двусмысленна (с. 260–264). Однако как ни судить – "символ партийной чистоты" или "ловкий делец", – но и Гершуни, и другие представители российского еврейства, большею частью бывшие выходцами из черты оседлости, прославившие себя в революционном движении и принявшие самое активное участие в победоносной революции и последовавших за ней социалистических преобразованиях – все они неразрывными нитями связаны с историей России и российского общества, но имеют отдаленное отношение к тысячелетней истории еврейского народа.

Здесь в высшей степени уместно указать на мое главное и принципиальное несогласие с позицией авторов книги и прежде всего ее составителя О.В. Будницкого. Нисколько не разделяя восходящее к началу нашего века стремление отлучать революционеров-евреев от еврейства, стремление, выраженное С.М. Дубновым в словах: "В нашем народе они корней не имеют" (эту точку зрения убедительно опровергает Будницкий – с. 6–10), подчеркнем абсолютную неприемлемость, научную несостоятельность и иного, на первый взгляд прямо противоположного, подхода, смысл которого передан составителем в названии статьи, вводящей нас в проблематику книги: "В чужом пиру похмелье: евреи и русская революция".

Внимательнейшим образом и не один раз я перечитал статью Будницкого, проанализировал весь состав книги и мне трудно отрешиться от представления о ее глубинной противоречивости. Эта противоречивость – противоречивость исследователя, нашего современника, и она могла быть (и должна бы быть) снята при подготовке издания, но вместе с тем в ней отразилась вся сложность положения еврейства в Российской империи.

Исходный тезис составителя, убеждающего в правильности своей (второй) точки зрения, звучит так: "Революция 1917-го была русской по преимуществу революцией и случилась... совсем не для того, чтобы разрешить еврейский вопрос" (с. 11). Последняя часть фразы бесспорна, но в главном – перед нами устойчивая семантическая путаница, ведущая к искажению исторической перспективы. Повторяя общеизвестное, напомним, что императорская Россия была сложным по составу государственным образованием, на рубеже XIX–XX вв. раздираемым серьезными национальными, конфессиональными, региональными и, прежде всего, социальными конфликтами. Следствием этих конфликтов и неумения власть имущих найти достойный выход из сложившейся ситуации стала революция. И сами

грандиозные события 1917–1920 гг., и причины, их породившие, не были специфически русскими (т.е. имеющими отношение к русскому народу или великорусскому племени), они были российскими.

Евреи, жившие в пределах Российской империи, со времен разделов Речи Посполитой, просветительских мер Александра I и ограничительных шагов Николая I были составной частью российского общества, и еще при Льве Неваховиче, литераторе и откупщике, чье произведение "Вопль дщери Иудейской" вышло на русском языке с посвящением александровскому министру внутренних дел В.П. Кочубею, превратились в заметную и влиятельную часть российской общественности. Имперская политика национальной и конфессиональной терпимости, основы которой были заложены Петром I и блестяще развиты Екатериной II, в полной мере коснулась евреев, чья юридическая неполноправность была очевидна при ее сопоставлении с правами российского дворянства, но выглядела иначе при сравнении с положением крепостных крестьян и большинства кочевых народов.

Распад традиционного общества и быстрый процесс урбанизации в конце XIX – начале XX в. создавали благоприятные условия для дальнейшей интеграции евреев в рамках единого российского общества. Опуская сюжеты, связанные с навыками деловой активности и более высоким образовательным уровнем части евреев, что предопределяло их действенную заинтересованность в успехе модернизации, отметим, что главным условием подобной интеграции было кардинальное преобразование России. Пути этого преобразования, как эволюционный ("либералы-постепеновцы"), так и революционный, были достаточно полно представлены в тогдашней общественной мысли. Состоялся, как известно, путь революционного преобразования.

Российские евреи не в меньшей, но отнюдь и не в большей степени несут ответственность за выбор этого пути, нежели другие составные части российского общества, будь то народы, сословия или классы. Они были не "за" и не "против" революции, не "за" и не "против" социализма или частной собственности, они были *разными*. История российского еврейства не может быть написана вне и помимо истории революции, как бы в парении над Россией, понимаемой как некое пространство; их история – составная часть истории России, драматическая, как и любая иная, страница истории российской революции.

Горькое похмелье Урицкого и Каннегисера – отнюдь не следствие пребывания на "чужом пиру". Примеров можно привести немало. О том же, на наш взгляд, свидетельствуют и помещенные в книге материалы известного экономиста Б.Д. Бруцкуса о положении евреев в Советской России, впервые напечатанные в "Современных записках" в 1928 г., и документированная статья Л.Ю. Кричевского о службе евреев в аппарате ВЧК–ОГПУ. Запоздалым пафосом борьбы с антисемитизмом и всем тем, что придает "одиозную постановку еврейскому делу в России", что делает евреев "непрошенными союзниками" белого движения, проникнуты письма В.А. Маклакова, впервые вводимые Будницким в научный оборот.

Как показал публикатор, специально осветивший еврейский вопрос в эмигрантской публицистике межвоенного периода, представление о большевизме и революционных потрясениях как следствии "еврейского заговора" противоречило фактам и не разделялось серьезными политиками и публицистами. Согласен с ними и сам исследователь, но как соотнести эту позицию с им же выраженной концепцией "похмелья в чужом пиру"? Не есть ли эта концепция лишь зеркальное отражение представлений, распространенных и в настоящее время, о "нерусском" характере революции? Может ли О.В. Будницкий хоть в малой степени принять относящиеся к 1920-м гг. суждения публикуемого им В.В. Шульгина: "Причина же катастрофы в России состояла в столкновении трех рас: заболевшей русской, не сумевшей справиться со своими задачами на одной шестой части суши, деятельной германской, желавшей непременно продвинуться на восток и вытеснить ленивую и женственную славянскую расу с плодороднейшей в мире равнины, и, наконец, еврейской, созревшей к гигантскому хищному прыжку на хребет того народа, который изнемог бы в борьбе. К великому нашему несчастью, таким народом оказался народ русский" (с. 398)? Ответ, на наш взгляд, очевиден.

В разделе "Вместо заключения", написанном лондонским профессором Джоном Клиером с позиций теории "идентичности", отмечается (несколько преждевременно) "банкротство современного антисемитизма" и несостоятельность обвинений евреев в том, будто они являются "главными носителями" русофобии, и ставится итоговый для XX в. вопрос: "Должен ли был еврейский опыт закончиться слезами?" Ответ автора верен, хотя и лишен развернутой аргументации: "Судьба советского еврейства до Второй мировой войны наводит на мысль, что это не было неизбежным. К концу 1930-х годов евреи как общность стали

настоящими советскими гражданами, возможно, наиболее лояльными из тех, которых режим имел в своем распоряжении. Они способствовали построению социализма и разделяли все его достижения и превратности" (с. 448, 450). По мнению Клиера, советские евреи платили за свое развитие утратой религиозной идентичности. Замечание справедливое, но, во-первых, имеющее отношение ко всем народам Советского Союза, будь то русские, татары или буряты. Во-вторых, начавшаяся в XIX в. модернизация ставила перед евреями (не одной Российской империи) вопросы не только религиозной идентичности, но и идентичности национальной, языковой, культурной, историко-географической и, не в последнюю очередь, социальной, классовой и партийно-политической. В самой еврейской среде возникали сомнения в необходимости такой идентичности (достаточно вспомнить противоречивый путь М.О. Гершензона от "Русского религиозного ренессанса" к "Судьбам еврейского народа").

На исходе XX в. – века Катастрофы – судьба российского еврейства кажется более предопределенной, а само еврейство более цельным в своих устремлениях, нежели то было в годы российской революции, когда оно было раздираемо жестокими противоречиями и лишено столь желанной для современников великих событий ясности понимания. Вполне соглашаясь с О.В. Будницким в том, что "рассмотренные сюжеты отнюдь не исчерпывают" заявленную проблему и что остаются "невостребованными сотни текстов десятков интересных авторов, посвященных «еврейскому вопросу» и затерянных на страницах эмигрантской печати" (с. 371), приведем высказывание полузабытого, но в свое время известного еврейско-кадетского деятеля, тонкого философа Г.А. Ландау: "Судьба еврейства находится в теснейшей зависимости от восстановления великодержавства, культуры и гражданственности России" (Л а н д а у Г.А. Сумерки Европы. Берлин, 1923. С. 284). Тогда, в годы начинавшегося признания Советской России, несостоятельность такого предсказания не была очевидной, и объективно большинство российского еврейства было заинтересовано в существовании сильного и целостного российского государста.

Судьба самого Ландау, противника большевиков и поборника великой имперской России, дает основание – вопреки тому, что было сказано выше, – говорить об историко-психологической оправданности концепции "в чужом пиру". Летом 1941 г. эмигрировавший из нацистской Германии и живший в Риге Ландау стал жертвой НКВД. Полгода спустя в той же Риге был расстрелян нацистами его оппонент, виднейший деятель российского еврейства Семен Дубнов.

И О.В. Будницкий, и его коллеги поставили в высшей степени актуальные и сложные вопросы, наметили перспективные пути их решения, но без снятия или хотя бы осознания отмеченного нами противоречия исследовательская мысль еще долго будет обречена на повторение давних публицистических клише.

Виктор Шевырин: Еще о "хмельном" выражении

О.В. Будницкий правильно объясняет активное участие евреев в русском освободительном движении "не их разрывом с еврейством, а принадлежностью к нему". Очевидные социально-экономические и политические факторы объективно толкали значительную часть еврейства в оппозиционный лагерь. Сравнительно высокая образованность, а также то, что немалое число евреев вынуждено было получать образование в заграничных университетах, вращаясь в среде революционной эмиграции, неизбежно должно было привести и к более высокому проценту евреев в оппозиционных партиях и в особенности в их руководстве. Решение еврейского вопроса, как казалось, было связано с успехом русской революции.

Все это автор называет известными истинами. Да конечно, черта оседлости, процентные нормы, религиозный гнет, погромы и другие "скорпионы" для целого народа, толкали многих в революцию. Можно даже сказать, что наряду с другими общероссийскими факторами черта оседлости как апофеоз дискриминации евреев подвела черту под царизмом. Несмотря на то, что политизированное еврейство было раздираемо теми же противоречиями, что и русское общество, все стрелы направлялись против главного и общего врага освободительного движения – самодержавия. Будницкий приводит свидетельство, вдвойне ценное тем, что оно принадлежало отнюдь не революционеру, – знаменитому адвокату О. Грузенбергу, который "видел в каждом, кто боролся с самодержавным произволом и его жестокостью, своего союзника, брата, перед которым я в долгу, которому я обязан прийти на помощь в дни его испытаний". Будницкий подчеркивает, что таковым "было настроение немалого числа евреев". И в книге есть много тому свидетельств.

Тем неожиданнее заголовок вводной статьи, в которой все это говорится. Выражение "в чужом пиру похмелье" словарь С.И. Ожегова толкует как "неприятность из-за других, из-за чужой вины". Так что же, революция – это чужой пир, чужая вина, а похмелье – это "неисчислимые бедствия" и кровь сотен тысяч жертв, как ее последствия? Эти последствия как бы ворвались на ее плечах в стан обретенного в марте 1917 г. равноправия евреев очень скоро: российское еврейство в годы Гражданской войны пережило трагедию, сопоставимую, как пишет автор, "с Хмельнитчиной и превзойденную по масштабам только в период Холокоста". "Главный" большевик на Украине Х.Г. Раковский оставил леденящие душу описания многих погромов в пору "атаманщины", стоившей евреям много крови и слез, разграбленных и разгромленных жилищ. Вселяет тихий ужас рассказ "У батьки нашего Махно" И. Бабеля. Революция "прошлась" огненным смерчем по всей России, опалила всех. Тот же Х.Г. Раковский писал, что "атаманщина" объединялась вокруг двух лозунгов: "Бей кацапов" и "Бей жидов". Махровым цветом расцвел антисемитизм в белой армии. Иногда вспыхивал он и у красных. Но здесь была своя "особенность". О.В. Будницкий ссылается на дневниковую запись С. Дубнова от 10 мая 1918 г.: "Мы гибнем от большевиков и погибаем за них". Да, не было так: "Что он Гекубе, что она ему?" Если бы революция была евреям совсем "чужой" или они были "равнодушны" к ней, то это еще вопрос: шли бы они насмерть за нее? И, может быть, в благодарно-патетической фразе Ленина: "Евреи спасли революцию" был и некий отзвук реальности? И не из-за него ли появилась на свет "покаянная" книга "Россия и евреи" (Берлин, 1923), ставшая, независимо от воли авторов – "ходоков в Каноссу" (признавших "грех" участия евреев в революции), – "козырем" для шульгиных в эмигрантском споре о "катастрофе" 1917 г.? Можно, конечно, по-разному интерпретировать "приобщенность" евреев к революции. И между "ходоками в Каноссу" и шульгиными лежит пропасть в понимании этой "приобщенности" или "вины" за случившийся в России революционный обвал.

Но факт, что никто из евреев не хотел потерять обретенного равноправия и снова оказаться в "оседлом" прошлом. Вот почему они "тряслись над революцией". И это естественно. Даже в 1920-х гг. для них была нестерпимой самая мысль о возврате "на круги своя", несмотря на все эксцессы нового пути. Как вспоминала видная эсерка Б.А. Бабина, "было реальное сравнение с прошлым... – до революции с нами, евреями, дело обстояло очень плохо... Сравнение с прошлым давало надежду". Давало надежду всем народам России. В 1925 г. Б. Пастернак ("К Октябрьской годовщине") с гордостью писал о стране: "Мы первая любовь земли". В 1917 г. это настроение было ярче. Многие бросились, очертя голову, в революционный водоворот. Эйфория накрыла страну, "свобода взметнулась неистово", бурно переливаясь через край всей раскрепощенно-вседозволенной жизнью. Карнавал начался, и мало кто знал, что он может кончиться "детьми карнавала": и повороты истории не бесповоротны. Но тогда, в начале его, летом 1917 г. "выдержанный марксист" Плеханов в приватной беседе с Н.В. Вольским ("Валентиновым") признавался: "...Должен сказать, что меня не только поразило, а даже шокировало, слишком обильное представительство русских представителями других народностей, населяющих Россию, – как бы они почтенны ни были. В этом видна незрелость русского народа". Но скажет ли кто на этом основании и о "незрелых" в революции: "В чужом пиру похмелье"? Нет, пир был общим, и общим было похмелье – кровавый пир, кровавое похмелье. И.М. Биккерман, автор статьи "Россия и русское еврейство", писал о еврейских погромах, как об одной из составляющих общероссийского погрома, в котором истреблялись целые человеческие группы – землевладельцы, царские слуги, капиталисты... Общероссийская смута не пощадила и интеллигенцию.

НА СТЫКЕ ДВУХ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ: РЕЗЕРВЫ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ПОДХОДА

Тамара Красовицкая:

Ключ – в уяснении разнокачественности менталитетов

Были ли евреи вызовом для России, если понимать вызов как мотивацию к самоидентификации по сравнению с "инаковостью" других? Русского читателя, а именно на него ориентирована книга, конечно, будет волновать ответ именно на этот вопрос: как познать себя, понять себя через то, что он знает о евреях, и через то, что он в них понимает или не понимает?

Представляется, что наиболее полезную пищу для размышлений читателю даст переписка классического либерала В.А. Маклакова и "честного (по собственной оценке) антисемита" В.В. Шульгина. Два русских человека, два заведомо русских патриота, уважающие друг друга, пишут не для других, не для публикации. Рассуждая о роли евреев в русской революции, они... не слышат друг друга ибо сами себя хотят понять, и это для читателя самое важное. Именно эта переписка и свидетельствует: да, евреи были вызовом для русских. Для того, чтобы понять себя, русским нужна была революция. Но так ли нужна была она российским евреям? Вот вопрос, на который часть российского еврейства ответила положительно, активно ринувшись в нее, а часть – резко отрицательно, эмигрировав и осудив тех, кто в ней участвовал.

В чем Маклакову никогда не убедить Шульгина? Шульгин во главу угла ставит материальную заинтересованность еврейства в русской революции, стремление попасть "во власть", утверждая, что "еврейский режим умеет потреблять, но не умеет производить" (с. 389). Маклаков ему возражает, говоря, что Шульгин путает следствие с причиной. На самом деле следовало бы сказать "спасибо" черте оседлости, которая так много сделала, чтобы русские так превратно представляли себе евреев, что "уже никакого мысленного контакта не сохраняется" (с. 405). Мысленный контакт – это ключевые слова у Маклакова. Что же делать двум русским людям, когда между ними нет этого "мысленного контакта", с фактами и аргументами, и, что важнее, с мотивами?

Откуда же русским стало бы возможным узнать евреев? Русские вынуждены были питаться разными мифами, лишь умножаемыми теми обстоятельствами, когда в черте оседлости власть вдруг приоткрыла узкую щель и через нее евреи бурно устремились кто в различные университеты, используя скудную процентную норму, кто в революционные кружки, превращая их в революционные организации. Это уже проблема той природы власти, сторонником которой был Шульгин, и соответствующего ей российского гуманитарного знания, его парадигмы общественного, в том числе и исторического, сознания, содержания российского образования. Ведь почему-то именно вокруг университетов и разрастались революционные кружки и организации. Заметим, как мало в списке революционеров, имеющемся в книге, закончивших раввинские училища и как много тех, кто окончил или учился в российских университетах.

По сути революционные кружки вблизи университетской кафедры и были первым местом встречи стремящихся к самопознанию русского и к образованию еврея. Правда, в этих кружках и организациях было уже не до обсуждения вопроса о том, кто такие евреи, хотя бы потому, что евреи были склонны обсуждать вопрос: "Что я должен сделать?", в то время как русские были склонны обсуждать вопрос: "Почему я должен это сделать?". Полезно понять, что последний вопрос является лишь инверсией вопроса "Кто виноват?", имеющего десятки ответов, но... без ответа на вопрос "Что делать?" Здесь не место учитывать ответы Чернышевского, Ленина и даже Г. Попова, ибо они частные. Ответ на него не утратил своей актуальности и в наши дни. Наша задача указать на глубину философской пропасти в самой постановке вопросов.

А ведь без точного ответа на вопрос "Что делать?" не ответить на другой: "Какова роль евреев в русской революции?" В поисках ответа на него, нужно признать, что для еврейской ментальности гораздо важнее сохранение своих идей, чем, скажем, любого иного, материального. Только идеи спасали их от различных исторических катаклизмов, помогали сохранить себя перед лицом опасности. Евреи не народ, построивший гигантские пирамиды, они – народ, создавший Талмуд. Где теперь те египтяне, возведшие пирамиды? А Талмуд – это религиозный комплекс, который и сегодня управляет течением еврейской жизни. Участие в революции евреев, равно как и в различных органах власти и управления, было стремлением найти ответ на вопрос: "Что я должен делать?" Жизнь в черте оседлости притупила остроту осознания того, что ответ на вопрос: "Что я должен делать?" неминуемо столкнется с ответом на вопрос: "Почему я должен это сделать? = кто виноват?"

Чтобы психологически точно представлять себе жизнь в черте оседлости, нужно не расставаться с Тевье-молочником, с картинами М. Шагала, понять не только ее материальное убожество, но и ее невыразимую скуку, однообразие, монотонность. Евреи штурмовали эту черту с таким же энтузиазмом, как когда-то парижане Бастилию, и с теми же надеждами. Но они ошиблись...

Ошиблись, ибо в Европе уже было другое историческое время. Там революции были уже позавчерашним способом решения проблем. Это было уже время не Дантонов и Робеспьеров, а время зануд-реформаторов. Однако и сама Европа еще этого отчетливо не понимала, "переваривая" свой, шпенглеровский "закат", меняя свои "мозги и суставы".

Рядом с О. Шпенглером уже были и Э. Дюркгейм, и М. Вебер. Индустриальное общество с его тенденциями однородности, усредненности, стандартности все больше двигалось в сторону технологически педантичных, а не экзотически радикалистских приемов и рецептов модернизации, преобразования каждой этнической идентичности в современные формы. Но русские, увы, еще должны были испить чашу вина свободы, в которой евреи, строго говоря, по определению не нуждались. Слишком разнокачественные проблемы стояли перед евреем и перед русским в революции. Разве можно без учета этой "разнокачественности" понять роль и судьбу Троцкого, мотивы его осторожности накануне революции? А Троцкий-трибун между февралем и октябрем 1917 г.? И тот же Троцкий, первым осмелившийся сказать, что "классовое без национального есть обрубок?" Здесь надо отметить, что и евреи не отдавали себе отчета в том, что трагизм истории русского народа уже вполне сопоставим с трагизмом их собственной истории.

Однако и для русской революции было бы крайне полезным более ясное понимание того, что иудаизм поделился с христианством идеей ответственности человека за свои поступки, удачи и неудачи. Кадеты, кадетская профессура, тот же П.Н. Милюков это поняли, анализируя, почему студенты с лекций по истории русской культуры сбегают на студенческие сходки. Может быть, знание этого помогло бы читателю понять и то, почему евреи с тем же энтузиазмом, как и русские, свергали Временное правительство, но именно евреи стали и апологетами восстановления уже большевиками традиционного для России централизованного государства. Те, кто хорошо знает историю 1918–1919 гг., наверняка припомнят, какое обилие различных русских республик вплоть до волостного уровня было сотворено местными русскими революционерами.

О.В. Будницкий верно отмечает, что участие евреев в русском освободительным движении объясняется не разрывом с еврейством, "а принадлежностью к нему", но почему-то отвергает "мистические причины вроде сходства иудейского мессианства с марксистским" (с. 7). Он склонен к "вещам гораздо более прозаическим", т.е. социально-экономическим и политическим факторам, а в итоге – к "глупости как явлению интернациональному". Насчет глупости – это зря. Социально-экономические и политические факторы были важны для всех, но объяснять только ими участие и евреев, и русских в революции невозможно. И почему мессианство – причина мистическая? В русской истории мессианство – очень реальный и мощный фактор. Русский народ – и мессианский, и миссионерский. Евреи же – народ мессианский, но не миссионерский.

Чем был Бог для евреев? В человеческой истории евреи первыми изобрели Бога-абстракцию. Это далеко не та куколка, которую кладет под подушку старушка-хантыйка, хотя и она далеко не повод для иронии, это – и не святая Троица, одна из ипостасей которой все-таки пребывала среди людей и уже конкретизирована ими. Это идейная конструкция, требующая каждый раз своего интеллектуального постижения, своей конкретизации в конкретных обстоятельствах времени и образа действий. Евреев не интересует физический облик своего божества, но каждый еврей лично работает над развитием его духовного содержания. Поэтому эта абстракция допускает диалог с собой, оговаривая за собой одно условие: стремление еврея всегда оставаться евреем. Именно поэтому еврейская история представляет собой последовательную смену идей, призванных обеспечить достижение этой цели.

Соблазнившись идеями Маркса, в сути своей, конечно же, мессианскими, евреи вскоре вступили с ними в привычный и необходимый для них диалог и почувствовали в идее диктатуры пролетариата чуждые им миссионерские мотивы. Ибо так трактовал им свои запреты Моисей, что еврею всегда оставалось поле для его личной позитивной реальной деятельности. В русской революции не было никакой диктатуры пролетариата. Была же попытка одной части народа "научиться государственному смыслу и сознательному отношению к власти" (с. 403). Другая же часть этой учебе активно мешала. Опыт, как пишет Маклаков, горький. Идея мировой революции российскими евреями была воспринята и как радикальный способ решения экономической стороны еврейского вопроса, покончившего в той же Европе с их статусом "людей воздуха". Это отметил Д. Клиер (с. 445). Но чрезвычайно велик оказался соблазн извлечь из этой идеи и политические дивиденды. Это объединило русских с евреями при столь разных культурно-религиозных менталитетах. Евреи довольно быстро поняли, что коммунизм – это иллюзия, красивая мечта в лучшем случае. Добыванием этой истины сопровождалось их участие в революции и во всех советских пертурбациях. И до тех пор, пока мы не рассмотрим каждый факт революции и советской истории сквозь призму двух уникальных менталитетов (еврейского и русского), мы не преодолеем замкнутого круга взаимных обвинений, о которых я говорила в начале дискуссии.

Борис Колоницкий:
От параллелизма к взаимодействию

Ценность данной книги заключается в том, что она позволяет составить впечатление о современном уровне профессионального изучения этой важной и сложной темы. Мы видим, как далеко продвинулись современные исследователи по сравнению со своими предшественниками, писавшими историю по горячим и, весьма часто, кровавым следам. Но это продвижение неравномерно, и признаемся, некоторые важные сюжеты почти не затрагиваются современными авторами.

Обратим внимание на ссылки и примечания к статьям и публикациям данного сборника. Авторы цитируют источники и исследования на русском и английском языках. Но нет ни одной ссылки на источники и исследования, написанные на идиш. Речь идет не только о том, что в литературе на идиш могут содержаться любопытные сведения. Современные историки попросту обходят своим вниманием ряд важных тем. Специалисты по истории и этнографии евреев в Российской империи и историки, изучающие участие евреев в российской революции, ведут параллельные исследования, и, к сожалению, их интересы очень часто вовсе не пересекаются.

Между тем столь "модное" ныне сочетание антропологии и политической истории, являющееся в данном случае "ничейной землей", могло бы стать необычайно выгодным "плацдармом" при изучении сюжетов, ставших уже традиционными. Что мы знаем, например, о быте евреев, вошедших в элиту революционного подполья? Что мы знаем об образе жизни евреев, составивших немалую часть первого поколения советской номенклатуры? Чем они отличались от своих "братьев по классу" – русских, латышей, грузин? Что значило для них быть евреями? Или они вовсе отрицали эту идентификацию? Как и в какой степени они готовы были пойти на ассимиляцию? Как относились к "своему" "новому классу" представители других слоев еврейства? Как это отношение отражалось в еврейском фольклоре?

На эти и многие другие вопросы может ответить лишь исследователь, хорошо чувствующий соответствующую культуру, а это невозможно без знания идиш (очевидцы говорили мне, что первоначально "жаргон" нередко звучал в коридорах и кабинетах некоторых наркоматов).

Александр Локшин:
... В том числе и за счет перевода еврейских источников

Думается, что расширение источниковой базы исследования проблемы, введение в научный оборот литературы, неизвестной русскоязычным историкам, – это тот вопрос, который не требует доказательств. Недавно были переизданы сразу три тома мемуаров и дневников выдающегося еврейского историка и общественного деятеля С.М. Дубнова "Книга жизни: Воспоминания и размышления. Материалы для истории моего времени" – подлинной энциклопедии еврейской жизни. Вместе с тем имеется довольно много мемуарной литературы на идиш и иврите, которую бы следовало перевести, дабы сделать доступной для отечественного исследователя. Назову лишь самые известные. Обратный перевод требуется для книги лидера эсеров Виктора Чернова "Идише туер ин дер партей социалистн-революционерн. Биографише эссеен" ("Еврейские деятели в партии социалистов-революционеров. Биографические очерки"), вышедшей в Нью-Йорке в 1948 г. в переводе с рукописи на идиш. Сохранился ли русский оригинал и если да, то где он находится, мне неизвестно. Интересны воспоминания о революционных событиях 1917 г. написанные на идиш русским революционером, еврейским писателем и этнографом С.Ан-ским (Раппопорт). Широкую картину русско-еврейской жизни конца XIX – начала XX в. дают написанные на иврите обширные воспоминания выпускника Московского университета, эксперта на процессе Бейлиса, московского раввина Якова Мазе, вышедшие в Тель-Авиве в 1936 г. Представляется, что было бы крайне полезно, если бы будущие издания, посвященные русско-еврейским сюжетам, опирались бы и на еврейские источники.

В ПОДВИЖНОЙ ИЕРАРХИИ ЭТНОФОБИЙ

Дина Аманжолова:
С точки зрения межэтнической конфликтологии

Выдвижение в 1917 г. на авансцену борьбы наиболее образованных, способных к публичной деятельности и имевших необходимые организаторские способности и навыки людей было закономерно. Но появление среди них множества евреев (что также неудивительно) порождало повышенное и далеко не однозначное в оценках внимание к этой части политиков, может быть, именно в силу их целеустремленности, преданности идее и умения определить свою "нишу", последовательно и неустанно добиваясь конкретных результатов в решении поставленных задач. В неприязненном отношении к евреям сказывались, видимо, не только антисемитские традиции и стереотипы, но и другие социокультурные и социопсихологические обстоятельства (почему, например, вызывают у нас зачастую глухое и труднообъяснимое раздражение рассудочные, дисциплинированные, рациональные, приземленные Штольцы, но не Обломовы с их ленью, неорганизованностью, необязательностью, идеалистической мечтательностью и абстрактными рассуждениями о всеобщем благе и необходимости найти пути его достижения?)

Характерно, что уже в конце 1928 г., когда эксцессы революционного и военного времени были исключены и на законодательном уровне гарантировалось национальное равноправие, запрещались любые формы национального угнетения и дискриминации, положение евреев во всех регионах СССР, где они компактно проживали (Украина, Россия, Белоруссия, Дагестан и Закавказье), по данным председателя Комитета по землеустройству трудящихся евреев при Совете национальностей ЦИК СССР П.Г. Смидовича, было очень плохим и самым возмутительным именно потому, что даже в пролетарской республике, "как ни странно", не исчез антисемитизм. Корни этого явления Смидович видел в острейшей конкуренции, которую представители еврейского частного капитала составляли представителям других национальностей, всегда воспринимавших их как пришельцев. Аналогичная ситуация, кстати говоря, характеризовала и суть армяно-азербайджанского конфликта, свидетелем которого в 1905 г. Смидович был в Баку. Сохранение антисемитизма в латентной форме в пролетарской среде он считал следствием глубоких причин, прежде всего экономического влияния "верхушек" этносообщества на "низы".

Разрушение традиционных ремесел и торговли, лишение возможности вступать в кооперативы, отсутствие, в отличие от других национальных меньшинств, национальных органов местной власти и представительства на общегосударственном уровне создавало у жителей еврейских местечек ощущение беспрерывного тихого погрома и в то же время не снимало проблему антисемитизма. Напротив, в докладе Смидовича президиуму Совета национальностей говорилось, что это единственная область национальных взаимоотношений, где продолжала расти ненависть и наблюдались неоднократные вспышки конфликтов. (На заседании приводились примеры: белорус убил еврея – председателя артели; на одном из заводов комсомольцы облили расплавленным стеклом двух евреев и на суде заявили, что если бы не они, то другие сделали бы то же самое. – ГА РФ, ф. 3316, оп. 21, д. 173, л. 216–217, 211.)

Корни антисемитизма, очевидно, следует искать не только в истории национальной и конфессиональной политики Российского государства начиная со второй половины XVIII в., не только в национальной специфике общественного разделения труда, практике социокультурного взаимодействия народов и влиянии на их взаимоотношения модернизационных процессов и кризисных ситуаций в развитии общества. Не менее важно учитывать особенности национальной психологии, традиции и обычаи, стереотипы поведения и сознания национальных масс и их элит, а также особенности функционирования органов власти, общекультурный и политический уровень подготовки их кадров, в том числе руководящих, и т.д. К антисемитизму, очевидно, применимы те же инструменты исследования, что и в отношении других проявлений межэтнической напряженности.

Борис Колоницкий:
Ни одна из фобий не существует сама по себе

Невозможно изучать российский антисемитизм без исследования других фобий, которыми было охвачено российское общество начала XX в. Ведь само слово "погром, вошедшее во многие языки, обозначая насильственные действия, направленные против евреев, в

условиях России могло означать и акции крестьянского протеста, и проявления вандализма, и избиения забастовщиков в 1905 г. (зафиксирован случай, когда в одном погроме такого рода участвовал и еврейский ремесленник). Но и поиск иных врагов мог приводить к антисемитским акциям. Так, и антибуржуазная, и, реже, "антиинтеллигентская" пропаганда социалистов могла восприниматься как призыв к антиеврейскому погрому (мы не говорим здесь о тех случаях, когда некоторые социалисты сознательно пытались спровоцировать выступления против евреев). И наоборот, черносотенная юдофобская агитация могла "прочитываться" как сигнал к борьбе с помещиками и "богатеями". Могла складываться своеобразная иерархия врагов, деформировавшая традиционный антисемитизм, когда этнический еврей мог восприниматься как "свой", а главный враг, несмотря на его национальность, считался "евреем". Так, в пропаганде правых к "жидовствующей интеллигенции" мог быть отнесен любой представитель этого "ордена". А осенью 1917 г. в рядах некоторых сторонников большевиков появился лозунг: "Долой еврея Керенского, да здравствует Троцкий!". Соответственно, антиправительственная пропаганда большевиков и правых экстремистов подчас смыкалась: "Большевики одержали верх, слуга англичан и банкиров еврей Керенский, нагло захвативший звание Верховного главнокомандующего и министра-председателя православного русского царства, метлой вышвырнут из Зимнего дворца, где он опоганил своим пребыванием покои царя-миротворца Александра III. Днем 25 октября большевики объединили вокруг себя все полки, отказавшиеся подчиняться правительству из жидов-банкиров, генералов-изменников, помещиков-предателей и купцов грабителей", – писала черносотенная газета.

В правых кругах рассуждали о якобы еврейском (реже – немецком) происхождении Керенского. Интересно, что некоторые его действия рассматривались как доказательство верности этих генеалогических построений. Так, Дж. Рид описывает эпизод, имевший место во время боев за Царское Село. Труп большевички В. Слуцкой, убитой вражеским снарядом, лежал около аристократического особняка. Пораженные хозяйки дома пожелали узнать, кто же был виновником смерти молодой женщины. "Керенский!" – отвечали спутники Слуцкой. Реакция одной дамы весьма показательна: "Ах, я всегда знала, что он еврей!" – воскликнула она. В окончательный вариант знаменитой книги Рида этот эпизод, разумеется, не вошел (Houghton Library, Harvard University, bMS Am 1091. № 1371).

Особый вопрос – влияние иных проявлений ксенофобии на развитие антисемитизма. Волна германофобии, охватившая Россию с началом Первой мировой войны, оказала на субкультуру антисемитизма противоречивое воздействие. Многие юдофобы соединили свой антисемитизм с германофобией, обвиняя огульно всех российских евреев в прогерманских взглядах, а то и в прямом пособничестве врагу. Отметим, однако, что иногда скрещивание антисемитизма и германофобии могло давать революционные всходы: "Наш государь глуп как теленок – его окружают только жиды да немцы, которые и являются у него офицерами-воеводами", – так "объяснялись" некоторыми простолюдинами причины поражений российской армии в 1915 г. (РГИА, ф. 1405, оп. 521, д. 476, л. 3 об.).

Однако антисемитизм получил в годы войны распространение в различных странах. И в Германии, и в Австро-Венгрии нередко утверждалось, что война-де выгодна только евреям, которые "отсиживаются в тылу". В разной ситуации различные силы, враждебные режимам, пытались использовать эти настроения. Было бы важно выявить здесь и общие черты, и российскую специфику.

Но для некоторых ветеранов российских антисемитских организаций в годы войны именно "немец" становился врагом номер один. И во имя борьбы с этим врагом они были готовы значительно смягчить свою антисемитскую риторику, а порой и приостановить соответствующую агитацию. Однако развитая традиция антисемитизма влияла на германофобию. Так, антинемецкие погромы 1915 г. организовывались толпой по образцу антиеврейских погромов.

Волны великорусского шовинизма и германофобии в 1914–1915 гг. пытались использовать и некоторые филосемиты, и некоторые деятели еврейских общественных организаций. Они утверждали, что именно "немец – исконный и истинный враг России, а антисемитизм – это идейное течение, рожденное в Германии и якобы чуждое России. Тем самым они вносили известный вклад в распространение антинемецких настроений, пытаясь таким образом бороться с юдофобией. Показательны некоторые ответы на вопросы анкеты 1915 г., составители которой пытались изучить вопрос о причинах распространения антисемитизма в России. Один интеллигентный респондент отвечал: "Несомненно, что антисемитизм в России представляет явление наносное, заимствованное у гнилого Запада и прежде всего от хищной объединенной Германии". Другие ответы гласили: "Антисемитизм

у нас явление не русского происхождения, его усиленно культивировали немцы, но не для употребления в Германии, а для вывоза в Россию, и здесь разные фоны и бароны, дабы упрочить свое положение, усиленно натравливают темную массу на евреев"; "Немалая роль принадлежит здесь в последнее время и интимным советам Вильгельма, прекрасно понимавшего, что антисемитизм задержит развитие России, а это на руку Германии"; "Теперь же, когда разыгралась кровавая драма, когда выяснились гнусные приемы германцев вызвать внутренние смуты среди народов, ...стало ясно, что антисемитизм, а за ним тяжелые последствия для евреев, это плоды их деятельности" (ОР ИРЛИ, ф. 289, оп. 6, д. 33, л. 85, 158, 165, 181).

Но и противопоставление германофобии антисемитизму способствовало формированию в российском обществе параноидальной ментальности, которая стала важнейшим фактором революционизирования России, а затем и скатывания страны к Гражданской войне. Миф о "немецком засилье" в новых условиях подпитывал антисемитизм. Так, известия о предоставлении евреям равноправия воспринималось как замена одного "ига" другим: "...Прямо ужас берет, что мы вторично попадем во второе еврейское засилье, как это было с немецким засильем", – писал читатель либеральной газеты "Современное слово" (РГАЛИ, ф. 2150, оп. 1, д. 11, л. 14).

Во время революции для одних "буржуи", а для других – "товарищи" в качестве главных врагов народа потеснили после Февраля "немца внутреннего" и "немца внешнего". Оба же этих образа (как, впрочем, и образ "немца внутреннего") в разных ситуациях могли содержать явную антисемитскую направленность. Порой рядом с евреем оказывались совершенно неожиданные "враги народа". Так, некоторые противники режима адмирала Колчака выдвигали лозунг: "Бей жида и чеха, спасай Россию". А среди люмпенов Одессы в начале 1918 г. был популярен лозунг: "Бей жидов, буржуев и матросов". В разных ситуациях чехи и матросы, евреи и буржуи рассматривались как социальный враг, захвативший власть в России неправедным путем.

Ни одна фобия не существует в чистом виде, сама по себе, и поэтому антисемитизм нельзя изучать только как отношение части неевреев и евреям.

Вадим Телицын:
Отношение к евреям зависело
и от профессионального выбора

Ксенофобские настроения были свойственны многим представителям духовной элиты России: Александр Блок, Василий Розанов, Андрей Белый, Иванов-Разумник, Лев Карсавин... (таким же обывателям, как дворник Сидоров или сапожник Петров), но антисемитизм отнюдь не был характерен для большей части политизированной русской интеллигенции. Милюков, Гучков, Керенский, например, были свободны от национальных предубеждений. Это легко объяснимо: в политике стремление завоевать как можно больше сторонников подразумевает взгляд сквозь пальцы на национальный статус потенциальных политических последователей. А в творческой сфере превалировали иные принципы, которые зачастую противоречили элементарным нормам поведения.

Виктор Шевырин:
Не все было так однозначно

В обсуждаемой книге В.В. Розанов характеризуется как один из "властителей дум интеллектуальной элиты", которым были свойственны юдофобские настроения, находившие, по мнению О.В. Будницкого, "все более широкое распространение в среде русской интеллигенции". Присмотримся к Розанову: уж так ли однозначно свойственны ему были юдофобские настроения? Наверное, едва ли уместно, сказав о его "юдофобских настроениях", поставить точку. Мыслитель и тонко чувствующий человек, он сам вдребезги разбивает эти наносно-политизированные настроения в кровью сердца написанном "Апокалипсисе нашего времени". Здесь, собственно, и евреев-то он укорял за их связь с революцией, за ее посильную поддержку. «А ведь это, – предостерегал он, – и их "гешефтам" не обещает ничего. Даже обещает плохо». Розанов верил, что такая поддержка "непременно и скоро кончится". Он сильно ошибся в сроках, но не ошибся по существу. Ко времени "Апокалипсиса" Розанов убедился в том, что "евреи уважительно, любяще и трогательно относятся к русским". Он считал, что "евреи – самый утонченный народ в Европе", только по глупости и наивности

приставшие к "плоскому дну революции", хотя их место у истинно Великого. Он писал о великих прелестях их истории: "Что бы мы были, какая дичь в Европе, если бы не евреи".

Однажды Розанов вступился в трамвае за пожилого человека, торопящегося с семьей к поезду, которого не пускали в салон солдаты. Они взяли в оборот и его. Тогда этот человек стал увещевать разнузданную солдатню, угрожавшую Розанову "потащить" его в комиссариат. «И вот, – пишет Розанов, – я не забуду этого голоса, никогда его не забуду, потому что в нем стоял нож: "Ж-Ж-ид прок-лятый...". Это было так сказано. И как музыка старческое: "Мы уже теперь все братья ("гражданство", "свобода" – март): зачем же вы говорите так" (т.е. что "и еврей, и русский – братья", нет больше евреев как "чужих и посторонних"). Я не догадался. Я не догадался.

Потом уже, назавтра, и даже сегодня еще, я понял, что мне нужно было, сняв шапку, почти до земли поклониться ему и сказать: "Вот я считаюсь врагом еврейства, но на самом деле я не враг: и прошу у вас прощения за этого грубого солдата". Но солдат так кричал, и так пытался схватить и действительно хватал за руку со своим "комиссариатом", что впопыхах я не сделал естественного».

Прекрасно, что О.В. Будницкий нашел переписку Шульгина и Маклакова и опубликовал ее, поскольку в ней до самой сокровенной прозрачности выясняются взгляды этих знаменитых деятелей предреволюционной России на "еврейский вопрос". Будницкий аттестует Шульгина как правого националиста и антисемита (хотя и не "зоологического"). С Василием Маклаковым все оказывается гораздо сложнее. Будницкий говорит о его взглядах как "классически либеральных и вполне прагматических". Но в том-то и дело, что сентенции Маклакова вряд ли укладываются в рамки такого определения. Я думаю, что "потаенный", раскрывшийся в письмах к Шульгину Маклаков будет большой неожиданностью для многих. Ведь все его знают как блестящего защитника Бейлиса и как кадетского "златоуста" в Государственной Думе, где он выступал и против черты оседлости. В мемуарах и многочисленных статьях Маклаков не высказывался публично по "еврейскому вопросу". Переписка позволяет реконструировать его взгляды на этот счет. Многое из него "вытянул" Шульгин. Различия между ними были, и существенные. Шульгин главную "вину" за революцию возлагал на евреев, а Маклаков находил, что хотя они и сыграли в российской катастрофе отрицательную роль, но она совершенно незначительна в сравнении с общими причинами революции.

А вот дальше идут откровения, сближающие его с Шульгиным. Маклаков, по его словам, не мог разговаривать с "зоологическими" антисемитами, но именно потому, – писал он Шульгину, "что отлично их понимаю и даже более того, в отличие от Вас, я пожалуй, их настроение разделяю. Лично мне еврейский облик несимпатичен... еврейский облик даже физически часто смешон, а если не смешон, то неприятен..." Право каждого быть антисемитом Маклаков отстаивал еще в Думе. В обсуждаемой книге этот факт рассматривается в русле "диалектических ухищрений" с целью убедить антисемитскую часть Думы поддержать законопроект об отмене черты оседлости. Но ведь Маклаков остался верен этому праву и спустя 20 лет, когда уже не было нужды убеждать в нем кого-либо – не Шульгина же. Но Маклаков в то же время считал, что на антисемитизме нельзя строить мировоззрение. И тем не менее и в среде либералов он оказывался "белой вороной", когда ему случалось высказываться по этому "скользкому" вопросу. Он "не переваривал" нетерпимости и требовательности еврейства, "чтобы мы, русские-христиане не смели предпочитать свою культуру и себя им". Маклаков пытался "проехать" между двух крайностей – антисемитизмом и "еврейским агрессивным национализмом". Но сам считал, что если бы его переписка с Шульгиным стала достоянием гласности, то "антисемиты нашли бы, что я куплен евреями, а евреи, что я ничем не отличаюсь от погромщика".

Поэтому Маклаков резко возражал против публикации переписки с Шульгиным. Может быть, и потому еще, что не хотел нового "возгорания" эмиграции по этому вопросу. Он хорошо помнил также дореволюционный эпизод, когда даже его коллеги по партии, либералы, не поддержали его выступление по еврейскому вопросу на встрече у Винавера. Его позиция в самом деле едва ли была "классически либеральной". Скорее ее выражали П.Н. Милюков, А.И. Шингарев, Ф.И. Родичев. Не был ли в "еврейском вопросе" Маклаков от них настолько же далек, насколько был близок к Шульгину? Не зря он стоял на правом фланге кадетской партии. Эмигрантский "тандем" Маклаков – Шульгин вызревал давно. В Февральские дни Маклаков занимался закулисными комбинациями, понуждая правительство "сорвать" революцию. Шульгин в те же дни мечтал усмирить ее пулеметным огнем. В Гражданскую войну оба они делали все, что было в их силах, чтобы поддержать белую армию. "Общее дело" их сближало. Как показала переписка, не было "китайской стены"

между ними и в "еврейском вопросе", причем до революции у них был "позитив" – отрицательное отношение к затеянному царизмом "делу Бейлиса". В целом анализ их эпистолярного наследия показывает, что и в отношении одного из видных либералов к "еврейскому вопросу" не все было однозначно.

Владимир Булдаков:
Все мы и "творцы", и "жертвы"

Из переписки Маклакова и Шульгина можно сделать "главный" вывод: независимо от роли евреев в революционном процессе, признание их "вины" было психологически всегда необходимо эмоционально неустойчивым людям для объяснения трагедии российской революции.

Любую революцию (как интернационалистскую, так и националистическую) на психосоциальном уровне можно рассматривать как состояние, когда активизируются взаимные страхи, завершающиеся всеобщим поиском "врагов", точнее "универсального" зла, которое и сокрушается. В роли беспричинно подозреваемых обычно оказываются представители "чужого" этноса, особенно, если он отделен социокультурной границей, совпадающей с имущественным (реальным или мнимым) неравенством или привилегиями.

С антисемитизмом собственно великороссов в российской истории, увы, все не так просто. Он, в отличие от европейского и украинского, очень "молод". Заметим в связи с этим, что он включал в себя по преимуществу "антисемитизм без евреев" – уверенность в том, что было бы болото, а черти всегда найдутся. Немотивированный предрассудок, конечно, соседствовал с интересом. Можно говорить и об антисемитизме этномаргиналов (включая выкрестов), которым было очень удобно утверждаться в своей русскости через юдофобию. Менее известен интеллигентский антисемитизм – он полон сочувствия к гонимым евреям, но выступает за равные права лишь до того момента, пока его персональную "дорогу к прогрессу" не перебежит чрезмерно ловкий представитель известной национальности.

Русская "прогрессивная" интеллигенция почему-то всегда считала, что евреев надо поощрять и поддерживать уже за то, что их ненавидит "реакционная" власть. Это была любовь посреди бесправия и ненависти. Нетрудно представить, что получалось из "любви по обязанности", когда исчезала ранее ненавидимая старая власть и воцарялась новая, куда более репрессивная, причем по-плебейски. Один человек интеллигентной профессии в сердцах назвал большевистскую Россию "ожидовевшей Азией".

У нас забывают о том, что в начале XX в. наступила пора "национализма низов" – самая болезненная форма групповой идентификации, продолжающаяся и до сих пор.

Разумеется, современные патриоты, которые, сами того не ведая, унижают свой народ подозрениями в том, что его могли до бесконечности водить за нос какие-то "жиды", никогда в этом не признаются.

В свое время генерал-антисемит Макашов, казалось бы, показал, чего стоит коммунистический интернационализм – в том числе и в прошлом. Но не стоит оценивать его выходки столь плоско. Для нас куда интереснее его ссылки на антисемитские "авторитеты" – Пушкина, Гоголя, Достоевского. Лично я в школьные годы был несколько озадачен, столкнувшись с неадаптированным соответственно задачам "интернационального воспитания" текстом "Тараса Бульбы". Сейчас мне ясно, что великие русские писатели XIX в. были (в том числе!) отчетливо выраженными националистами, что естественно для тогдашнего этноидентификационного этапа развития России. Как человек, создававший русский литературный язык и характер (чему соответствовал и идеальный человеческий тип), Пушкин последовательно отмечал любые недостойные идеала стороны человеческой натуры, в видах популяризаторства иллюстрируя их негативными этническим образами. Гоголь в одних случаях поступал проще ("жиды", "ляхи", "турки" выступают фоном героической русскости), в других – много сложнее. Во всяком случае Чичиков выступает у него в роли "потенциального", а не реального носителя "еврейских" черт. Достоевский, помимо известных пассажей из "Дневника писателя", в "Преступлении и наказании", сколь можно высмеяв картавость, отметился еще более "убийственной" фразой: "На лице его виднелась та вековечная брюзгливая скорбь, которая так кисло отпечаталась на всех без исключения лицах еврейского племени". Заметим, что уныние относится к числу смертных грехов. Восходящая культура такого не приемлет по определению. Нельзя, однако, забывать, что носителями таковой в России были и остаются "культурные антисемиты" Пушкин, Гоголь, Достоевский. Макашова с ними "рядом не стояло". Беда России не в том, что холуй может

объявить себя государственником, а погромщик-горлопан прикидываться хранителем "культурного своеобразия" нации. Ужас в том, что мы не умеем четко и адекватно на это прореагировать.

Будем говорить прямо: всякой традиционалистской культуре, основывающейся на той или иной разновидности крестьянской ментальности, еврейский тип межцивилизационной интеграции органически чужд. Крестьянина невозможно убедить, что нужно не только "пахать", но и взимать банковский процент. Еврей самим своим жизненным укладом и манерами ставит под сомнение его "самость". Вот от такой печки и надо танцевать при подходе к оценке роли евреев в российской революции.

Вообще "еврейский вопрос" в России – и в прошлом, и в настоящем – не столько проблема "равенства прав" народов, сколько проблема антисемитизма в его наиболее "простодушной" форме. Увы, сборник этот вопрос игнорирует. Но стоило бы найти способ прокомментировать позицию В.А. Маклакова в эпистолярном споре с "честным антисемитом" В.В. Шульгиным. Первый, отстаивая ценности либерализма, преподносит их в качестве возможности манифестации антисемитизма в более "цивилизованных" формах. Предрассудок сменить на ханжество? Вовсе не обязательно: знание, основывающееся на свободном обмене мнениями, в действительности может помочь в преодолении того и другого.

Как-то мне пришлось познакомиться в современной газете московской еврейской общины с любопытной статистикой. Оказывается, что жители российской столицы ныне относятся к евреям не столь уж плохо сравнительно с чеченцами, "лицами кавказской национальности" и всевозможными "чурками". У меня сложилось впечатление, что авторы бессознательно стараются задобрить чудище русского антисемитизма. Не стоит тешить себя иллюзиями. Каких только чужаков в России не ненавидели! Скажем, если вернуться к временам, описанным в сборнике, то окажется, что перед Первой мировой войной одни из несомненных "патриотов" ненавидели (или любили) немцев, другие, напротив, – англичан с французами, потом и те, и другие радикально меняли свои "фобии" и "филии". Между делом они забывали даже об еврейском вопросе. Но вот в Гражданскую войну, устав от ругани в адрес былых заграничных противников и союзников, они дружно находили успокоение и утешение в антисемитизме – не важно, погромном или брюзгливом. Революция в России – штука консервативная.

Вообще, если кому-то захочется что-то всерьез понять в российской революции (и российской истории), то я рекомендовал бы ему представить происходящее без всяких интеллигентских "властителей дум", партий и партийных вожаков всех национальностей. Вообразим, что мы имеем дело лишь с двумя субъектами отечественного культурогенеза – государственностью (не важно, в какой форме) и людской массой (по преимуществу традиционалистской). Поставьте себя попеременно на место властителя и подданного, заскорузлого державника и бунтующего холуя, прикиньте, каково сновать между ними человеку образованному, и станет ясно, что моменты непонимания одним языка другого, моменты поиска "выхода из тупика" одни за счет "чужого" – это и есть русская революция (она же "бунт", "смута" и иные виды хождения по кругу). Так при чем же здесь евреи? На зеркало неча пенять... Все мы и "творцы", и "жертвы". Конечно, каждый в меру своего недомыслия.

Что касается сборника, то он заслужил место в историографии тем, что обнажил необходимость именно такой постановки вопроса.

Людмила Гатагова: Эффект бумеранга

Игра (с выборочными экскурсами в историю) на национальных чувствах обывателя (а из обывателей состоит подавляющее большинство населения любой страны), который, понятно, не слишком обременен знанием о прошлом своего народа, тем более во всей его сложной причинно-следственной связи, – прием отнюдь не новый и успешно применявшийся в самые разные эпохи.

Сфера этнического самосознания и национальных чувств, как известно, чрезвычайно чувствительна и уязвима – это, если можно так выразиться, ахиллесова пята в менталитете любого народа. Опыт человечества показывает, что разжигать фобии в безднах массового сознания насаждением всякого рода этнических антипатий весьма небезопасно для устоев государства, в особенности когда речь идет о государстве многонациональном. А уж если оно находится в фазе глубочайшего кризиса...

"Творцы" этнических неврозов прекрасно осведомлены об опасностях массовых фобий. Еще лучше, однако, они просчитывают свою выгоду. Замахивающиеся на смену режима

заинтересованы в разжигании агрессивного национализма, ибо он способен не только мгновенно консолидировать нацию, но и дать ей необходимую идеологическую мотивацию. Нуждающиеся в снятии социального напряжения в обществе стремятся перевести вектор народного недовольства с одного объекта на другой, к примеру, с верховной власти на какую-либо группу людей или на целый народ. К первым относятся экстремистски настроенные политические организации, как правило, находящиеся в оппозиции к действующей власти. В роли вторых может выступать сама власть или ангажированные ею специальные ведомства охранительного типа. В обоих случаях массовые этнофобии становятся мощным фактором регуляции общественных умонастроений.

В нынешней России, вне сомнения, отсутствует государственный антисемитизм, но есть немало "частных" антисемитизмов (политический, социальный, религиозный, бытовой, исповедуемые и насаждаемые отдельными группами или даже слоями населения).

Рост антисемитизма давно уже расценивается в любом обществе как индикатор его собственного неблагополучия. Крупнейший исследователь иудаики раввин Адин Штейнзальц считает, что еврейский вопрос с неизменной последовательностью возникает при проблемах верховной власти. В странах с глубокой демократической традицией антисемитизм вытеснен на периферию индивидуального сознания. Общество надежно защищено от проникновения этого вируса соответствующими правовыми механизмами. В Российской Федерации демократические институты еще слишком слабы и несовершенны, гражданского общества попросту не существует, а градус социального накала в стране слишком высок, чтобы государство могло позволить себе не замечать опасного распространения массовых этнических антипатий. Это не только антисемитизм, но и кавказофобия, исламофобия, а если брать шире, вечно бытующая в народе ксенофобия. К тому же фобиям присущ эффект бумеранга: русофобия на обширном постсоветском пространстве – понятие отнюдь не абстрактное.

Если государство будет попустительствовать разрастанию массовых фобий в российском обществе, оно само откроет дорогу силам агрессивного национализма...



ЮБИЛЕЙ АНДРЕЯ НИКОЛАЕВИЧА САХАРОВА

> Новые идеи надо поддерживать. Немногие имеют такую смелость, но это очень драгоценное свойство людей.
>
> *К.Э. Циолковский*

2 июня 2000 г. исполняется 70 лет видному российскому историку, организатору науки, специалисту по отечественной истории, известному своими трудами по истории русского крестьянства, внешней политики Древней Руси, проблемам реформаторства в России, теории и истории исторической науки, директору Института российской истории РАН члену-корреспонденту РАН Андрею Николаевичу Сахарову.

Российские и зарубежные историки знают А.Н. Сахарова как талантливого исследователя, перу которого подвластны сюжеты из самых разных разделов исторической науки. Его творческий стиль отличает поиск непроторенных дорог, смелая постановка новых, часто полемически заостренных вопросов истории, в решении которых А.Н. Сахаров всегда стремится к научной объективности.

Андрей Николаевич Сахаров родился в небольшом городке Кулебаки Нижегородской губ. в семье, как говорили в те годы, совслужащих. Его отец, Николай Леонидович, был преподавателем политэкономии, затем по окончании экстерном Нижегородского строительного института и заочных курсов Парижского политехни-

ческого института стал инженером-строителем. Семью Сахаровых не миновали трагические события сталинских репрессий, когда был арестован Н.Л. Сахаров.

Будущая профессия – познание прошлого своей страны – манила Андрея Николаевича уже с детства: его мать, Елена Константиновна, училась в Нижегородском педагогическом институте у ученика В.О. Ключевского, профессора истории В.Н. Бочкарева. Почетное место в кругу домашнего чтения занимали книги по истории. Исторические романы И.И. Лажечникова, Вс. Соловьева, А.К. Толстого прививали любовь и уважение к истории Отечества, давая яркую и образную картину его прошлого. Несомненно, что они оказали свое влияние на творческий почерк А.Н. Сахарова-историка. В его исследованиях приоритет отдан истории в "человеческом измерении", судьбам людей, сопричастных историческим событиям, т.е. тому, что сегодня становится магистральным направлением в исторической науке.

Выбор жизненной стези был предопределен: А.Н. Сахаров становится студентом исторического факультета МГУ. Ему посчастливилось учиться и слушать лекции у профессоров Московского университета, составивших гордость российской исторической науки, – Е.В. Тарле, К.В. Базилевича, А.В. Арциховского, М.Н. Тихомирова, Л.В. Черепнина и др.

Своей специализацией А.Н. Сахаров избирает историю феодализма. Его дипломная работа была посвящена русской феодальной вотчине XIV–XVI вв. и написана на материалах митрополичьего хозяйства. Научным руководителем был замечательный специалист и педагог Л.В. Черепнин.

Молодой выпускник университета, А.Н. Сахаров начал свою профессиональную деятельность с преподавания истории в музыкальной школе при Московской консерватории. Затем ведет семинарские занятия в Московском государственном педагогическом институте и на истфаке МГУ, увлекается журналистикой. А.Н. Сахаров продолжает свое научное сотрудничество с Л.В. Черепниным. В 1965 г. Андрей Николаевич в Институте истории СССР успешно защитил кандидатскую диссертацию. Но "кабинетным ученым" он не стал. Его исследовательская деятельность проходила при колоссальной загруженности научно-организационной, организаторской и преподавательской работой. В послужном списке А.Н. Сахарова – редактор в журнале "Вопросы истории", инструктор отдела пропаганды ЦК КПСС, главный редактор издательства "Наука", член коллегии Госкомиздата СССР. В 1983 г. Андрей Николаевич защитил докторскую диссертацию по книге "Дипломатия Древней Руси. IX – первая половина X в.". Избрание А.Н. Сахарова в 1991 г. членом-корреспондентом РАН стало свидетельством его авторитета в российских научных кругах. Заслуги А.Н. Сахарова в области отечественной культуры и науки отмечены присвоением ему звания "Заслуженный деятель культуры", награждением государственными орденами и медалями.

С 1984 г. деятельность Андрея Николаевича неразрывно связана с Институтом истории СССР АН СССР (ныне Институт российской истории РАН), заместителем директора которого он стал. На этом посту он проявил себя как талантливый организатор науки, глубоко осознающий ее современные задачи и тенденции развития, как администратор, вникающий в повседневные организационно-хозяйственные проблемы Института. Практически единогласное избрание Андрея Николаевича Сахарова в 1993 г. директором Института, а в 1998 г. его переизбрание на этот пост говорит о многом. В эти переломные для отечественной исторической науки годы, когда кардинальные перемены в российской исторической науке происходят на фоне больших материальных трудностей, Андрею Николаевичу удалось сохранить Институт как плодотворно функционирующее научное учреждение, создать в нем атмосферу научной корректности и терпимости к противоположной точке зрения.

Андрей Николаевич умеет конструктивно работать со всем штатом научных сотрудников Института – от маститых ученых с мировой известностью и уже сложившихся исследователей до молодых аспирантов и кандидатов наук, делающих свои первые шаги на профессиональном поприще. Андрей Николаевич считает, что в науке не должно быть "случайных людей". Он ценит в историках в первую очередь предан-

ность избранной профессии, подлинную увлеченность ею, исследовательское трудолюбие и квалификацию. Именно эти качества определяют его отношение к коллегам. Как ученый Андрей Николаевич может не разделять ту или иную концепцию, отстаиваемую сотрудником Института, но это отнюдь не влияет на прохождение дискуссионных в научном плане тем. На заседаниях Дирекции и Ученого совета Института А.Н. Сахаров постоянно требует объективного подхода к научным проблемам, поддерживает смелые исследовательские проекты.

Результатом такой линии стал обширный список научных изданий Института, получивших признание в научных кругах страны и за рубежом, существенно превосходящий количество публикаций в, казалось бы, благополучные "доперестроечные" времена. Большое внимание А.Н. Сахаров уделяет популяризации трудов, подготовленных сотрудниками Института. Проводимые презентации новых монографий, выступления на радио и по телевидению служат одним из способов укрепления авторитета руководимого им научного подразделения академии. Еще одна немаловажная деталь: Андрей Николаевич не скупится на похвалу автору, если, по его мнению, книга того заслуживает. А.Н. Сахаров поддерживает растущие творческие кадры Института. Не случайно поэтому в Институте становится все больше молодых докторов наук.

Сфера научных интересов Андрея Николаевича Сахарова непривычно широка: она охватывает сюжеты, далеко отстоящие друг от друга как по хронологии, так и по проблематике. Причем в изучении каждого из них Андрей Николаевич проявляет себя профессионалом. Его интересует процесс движения научной мысли, "обретение нового, еще неведомого мира… прежде всего новых идей, гипотез". Такой подход высвечивает неслучайность проблематики исследований А.Н. Сахарова. Его труды по истории внешней политики и дипломатии Древней Руси, социально-экономическому развитию русской деревни XVII в., о Степане Разине и об Александре I, по проблемам истории исторической науки имеют общий стержень – стремление ответить на нерешенные вопросы или поделиться новой точкой зрения.

Тема, связанная с дипломатией Древней Руси, относится как раз к числу новых в отечественной науке. Ее раскрытию А.Н. Сахаров посвятил несколько монографий. Первой в этом ряду явилась "Дипломатия Древней Руси. IX – первая половина X в.". Своей задачей автор определил изучение "организации внешнеполитической деятельности, дипломатической службы Киевской Руси, т.е. форм, методов, средств, приемов, при помощи которых русская раннефеодальная монархия осуществляла свои внешнеполитические цели". Такой комплексной постановки проблема внешней политики Древней Руси ранее не знала. Для ее решения А.Н. Сахаров привлек обширный документальный материал, в значительной части не использовавшийся при описании отдельных сюжетов внешнеполитической истории древнерусского государства.

А.Н. Сахаров предложил выделять несколько этапов древнерусской дипломатии, показал, что дипломатическая практика древних руссов, опираясь на греко-византийский дипломатический опыт, преследовала собственные интересы.

Эта тема была продолжена и конкретизирована в книге "Дипломатия Святослава". В ней А.Н. Сахаров, как и в предыдущей, построил свое исследование на основе источников русского, греческого, латинского и арабского происхождения, дав широкую картину внешнеполитической истории 60–70-х гг. X в. Князь Святослав предстал в монографии энергичным дипломатом, правителем и военачальником. Тем самым была опровергнута кочевавшая по страницам отечественных и зарубежных изданий оценка Святослава как воина-бродяги, а порой византийского наемника, пренебрегавшего государственными интересами ради военных авантюр.

Книга "Мы от рода русского… Рождение русской дипломатии" интересна не только как продолжение исследования проблем внешней политики Древней Руси. В ней А.Н. Сахаров проявил свое умение создавать научно-популярные работы – жанр, подвластный лишь очень немногим историкам. Написанная образно и живо, эта книга содержит и большой научный потенциал. Дипломатическая деятельность первых русских князей Олега, Игоря и Святослава, внешняя политика княгини Ольги, скрупу-

лезный анализ договоров руссов с греками и Византией, характерные приемы молодой русской дипломатии – все эти вопросы раскрываются на широком фоне политических и торговых отношений в Древней Руси.

Основной вывод, сделанный Андреем Николаевичем в своей монографической трилогии, заключен в следующем тезисе – к X в. Русь уже уверенно заявила о себе на международной арене: "О Руси IX – X веков уже знали в Папском Риме, в Багдаде, в Германии и Италии, о ней упоминали корреспонденты, пишущие письма из Барселоны. Византия постоянно учитывала возросшую мощь Руси в своих внешнеполитических расчетах".

В более поздней истории России Андрея Николаевича особенно заинтересовала жизнь русской деревни XVII в. Устоявшееся в советской историографии представление об этом периоде как о времени усиления эксплуатации крестьянства и его дальнейшего закрепощения казалось А.Н. Сахарову уже недостаточным, особенно в связи с высказанными в 60-х гг. идеями о расслоении крестьянства в России.

Исследование А.Н. Сахарова было нацелено на изучение двух существовавших одновременно в русской деревне XVII в. тенденций – крепостнической и антикрепостнической, на анализ эволюции форм ренты, аренды, найма, категорий крестьянства, экономической политики вотчинника, на процесс развития товарно-денежных отношений в сельском хозяйстве.

Полемическая заостренность книги "Русская деревня XVII в.: По материалам патриаршего хозяйства" не помешала ей получить признание даже у научных оппонентов. Она не просто обстоятельно излагала избранные сюжеты, а заставляла читателя вновь размышлять над ними, соглашаясь или оспаривая предложенные автором трактовки. Такой характер исследований А.Н. Сахарова проистекает из его понимания процесса научного познания как свободного творческого развития, неприятия им догматического, авторитарного стиля исследования. Сделанные А.Н. Сахаровым обобщения прочно вошли в арсенал исследователей этой проблематики.

К числу научных приоритетов, отстаиваемых А.Н. Сахаровым, безусловно относится внимание к индивидуально-личностному подходу в изучении истории. Ряд его работ посвящен деятельности видных представителей прошлого. Среди них "Степан Разин", "Владимир Мономах" ("ЖЗЛ"), "Александр I". Впервые в советской историографии Степан Разин был показан объективно, с его положительными и отрицательными качествами, как типичный представитель казацко-мятежной вольницы. Документально и художественно воссозданный образ Владимира Мономаха многомерен. А.Н. Сахаров видит Мономаха, выдающегося политика и полководца, мудрым и проницательным человеком, исполненным честолюбия, властолюбивым и жестоким, но одновременно не чуждым поэтичности, склонным к эпическим раздумьям. Анализ деятельности Владимира Мономаха приводит А.Н. Сахарова к выводу, что его можно отнести к первым русским социальным реформаторам.

Интерес к собственно проблеме социального реформаторства побудил Андрея Николаевича к изучению эпохи Александра I и его личности. Этому способствовали и противоречивые, но в то же время достаточно односторонние оценки деятельности царя, вызывавшие потребность их осмысления и освобождения от налета идеологизированности. А.Н. Сахаров, уважительно относясь к труду предшественников, признавая за ними ряд глубоких и интересных обобщений и наблюдений, критически отозвался об идеализации образа Александра I в дореволюционных и эмигрантских изданиях, равно как и о сосредоточении внимания на негативных чертах его личности, присущем советской историографии в целом.

В книге "Александр I" А.Н. Сахаров дал свое прочтение темы, считая справедливым, чтобы самодержца судили по меркам его времени, а не по нормам морали, правилам и традициям последующих эпох, выдвигая, таким образом, требование аутентичности научного исследования.

А.Н. Сахаров заострил внимание на важной исторической проблеме, традиционно формулируемой как роль личности в истории. Насколько проведенные преобразования

зависели от психологических характеристик Александра I и как изменялась личность императора под давлением жизненных обстоятельств – вот главные вопросы, поставленные в книге Андрея Николаевича.

Российский самодержец показан не только как рано сложившаяся весьма противоречивая и двойственная личность. В нем уживались полярные качества, обостренные религиозностью Александра и особенно его комплексом отцеубийцы. А.Н. Сахаров прослеживает его духовную эволюцию, выделив несколько этапов правления Александра I. Он отмечает преобладание конституционных устремлений молодого Александра, в то же время подчеркивая отличия воззрений членов Негласного комитета и Сперанского от представлений императора о возможных уступках представительному правлению, которые не могли выходить за рамки самодержавия.

В своей книге Андрей Николаевич предложил новую трактовку вопроса об отношении Александра I к Сперанскому и Аракчееву, отказавшись от распространенного представления о постоянном балансировании самодержца между либерализмом первого и реакционностью второго. По мнению А.Н. Сахарова, противоречивая натура Александра I вполне могла воспринимать их обоих, не оказываясь перед необходимостью выбора позиций одного из них.

Исследование А.Н. Сахарова опровергает традиционную историографическую трактовку личности и деятельности Аракчеева как исключительно жестокого человека и косного чиновника. Опираясь на исторические документы, Андрей Николаевич рассмотрел в своем персонаже железную волю, недюжинный ум, твердый характер, блестящие организаторские данные, заботу о мощи государства Российского. Аракчееву была свойственна слепая преданность государю, неподкупность и презрение к почестям и материальным благам. Перечисленные качества не позволяют уже воспроизводить прежние упрощенные характеристики Аракчеева как человека и государственного деятеля. А.Н. Сахаров метко охарактеризовал его как "чернорабочего" императорской государственной машины, решительно проводившего в жизнь даже самые непопулярные меры Александра I, внес коррективы в одностороннюю оценку военных поселений, обратив внимание не только на их негативные черты, но и на некоторые положительные результаты, проявившиеся в увеличении прибыльности хозяйства, в развитии промыслов и др.

В своей книге А.Н. Сахаров подметил новые черты во внешнеполитической деятельности Александра I. По его мнению, дипломатический поединок двух императоров – Александра и Наполеона – завершился победой первого, сумевшего точнее постичь психологию соперника.

Склонность Андрея Николаевича к теории истории, к осмыслению исторического процесса определила его устойчивый интерес к историографии, желание понять, как и что думали историки разных времен о России и особенностях ее развития. За последние годы руководимый им Центр "Историческая наука России" Института российской истории РАН создал ряд фундаментальных работ, знаменующих новый этап в развитии отечественной исторической науки. Эти книги замыслены как единое целое, призваны дать современное видение кардинальных проблем отечественной историографии.

Среди них изданный в 1996 г. коллективный труд "Россия в XX веке: Судьбы исторической науки". Это издание может рассматриваться как определенный этап в истории отечественной исторической науки. Оно отразило множественность и во многих случаях эклектичность методологических подходов, пришедших на смену господствовавшему марксистско-ленинскому прочтению истории, показало существенные изменения в исследовательской проблематике, отметив появление в ней новых сюжетов и оценок ключевых событий отечественной истории и историографии XX в., связанных с изменениями в понимании сущности взаимозависимости идеологии, политики и науки, с вниманием к личностному фактору в истории.

Еще один научный проект А.Н. Сахарова был реализован в книге "Россия XIX–XX вв. Взгляд зарубежных историков", также увидевшей свет в 1996 г. Это издание

является подлинным прорывом в изучении зарубежной историографии отечественной истории: работы известных иностранных ученых предстают в ней не как объект для разоблачительной идеологической критики, а как информация об основных тенденциях и направлениях исследований по истории России XIX–XX вв. в Англии, Германии, Италии, а также в США и Канаде. Издание с полным основанием можно рассматривать как шаг на пути интеграции отечественной и мировой исторической науки. Книга дает возможность сравнительного изучения тенденций развития отечественной и зарубежной исторической науки.

Одновременно с этим изданием шла подготовка двух других обобщающих трудов – "Историки России. XVIII – начало XX века" (М., 1996) и "Историческая наука России в XX веке" (М., 1997), призванных воссоздать объективную, освобожденную от односторонности и предвзятости картину жизни и творчества крупнейших российских историков XVIII–XX вв. Книги освещают научные концепции историков России, рассказывают о спорах, не утихающих вокруг них до сегодняшнего дня. В них представлены судьбы и творчество российских историков, начиная с В.Н. Татищева и М.В. Ломоносова и заканчивая корифеями советской исторической науки. Возглавляемый А.Н. Сахаровым авторский коллектив выработал новые подходы, проявившиеся в первую очередь в отказе от господства социально-классовой детерминанты в оценке творчества российских историков, а также в широком использовании новых документальных и архивных материалов. Судьбы и научное наследие ученых предстают без привычных штампов и стереотипов, доминировавших в советской историографии.

Эти издания обобщили опыт советской историографии, отметив ее достижения и упущения, наметили новые тенденции исторического исследования на исходе XX в. Они существенно отличаются от немалого количества современных изданий, в которых с легкостью зачеркивается все позитивное, что было накоплено советской исторической наукой. Взвешенность их трактовок, подтвержденных документально, в том числе и с привлечением новых источников, многократно увеличивает степень доверия к этим книгам. Они уже стали непременной составляющей преподавания истории исторической науки в университетах России.

А.Н. Сахаров не только руководил подготовкой этих изданий, но и сам стал автором исследований о замечательных российских историках Н.М. Карамзине, И.Е. Забелине, А.В. Карташеве, проведенных с позиций научной объективности. Автор "Истории государства Российского", по мнению А.Н. Сахарова, в своих представлениях отождествлял самодержавие с просвещенной властью, и поэтому неверна его оценка как апологета самодержавия, понимаемого в качестве олицетворения насилия и угнетения. А.Н. Сахаров восстановил имя И.Е. Забелина как подлинно народного историка, каковым он был и по происхождению, и по убеждениям, а отнюдь не только историком царствующего Дома, привлек внимание отечественных историков к творчеству историка церкви А.В. Карташева, основной заслугой которого было создание "светской" истории церкви.

Под руководством А.Н. Сахарова осуществляется научное издание трудов крупнейших российских историков. Тем самым в обществе возрождается интерес к классикам отечественной науки, их блестящие идеи и прозрения находят живой отклик у широкого читателя.

А.Н. Сахаров – историк, историограф и руководитель ведущего академического института – много внимания уделяет анализу современного состояния отечественной исторической науки. Считая это состояние переходным, он видит его преимущества в отсутствии жесткой идеологической заданности, в возрождении приоритета источника в исторических исследованиях. А.Н. Сахаров уважительно и бережно относится к проявлению авторской индивидуальности, к созданию новых концептуальных построений.

Ему присущи взвешенные оценки историографического наследия России, в том числе и советского периода, в которых признание преобладания крайне политизированных и идеологизированных исторических построений отнюдь не исключало плодо-

творного решения конкретных исторических сюжетов, наращивания документальной базы. В этом ключе А.Н. Сахаров написал ряд учебных пособий для школ и вузов.

Более того, А.Н. Сахарову удается сохранять взвешенность и аргументированность и в своих публицистических работах, затрагивающих острые проблемы современности. Само его участие в их обсуждении характеризует Андрея Николаевича как представителя многих поколений русских интеллигентов, для которых судьбы России были непререкаемой ценностью. Поделиться своим видением происходящих в стране процессов, опираясь при этом на знание ее исторического прошлого, – вот цель публицистических статей А.Н. Сахарова. Они посвящены определению сути тех глобальных процессов, которые на протяжении всего XX в. потрясали Россию, определяли ее место в мировой цивилизации. А.Н. Сахаров видит истоки современного состояния страны и общества в ходе их предыдущего развития, не соглашаясь с оценкой 1917 года как случайной, фатальной даты.

А.Н. Сахаров не мог пройти мимо такой получившей большой общественный резонанс проблемы, как тоталитаризм в России. В ее трактовке он также не склонен сводить все к исключительной роли Сталина и созданного им государственно-партийного аппарата. А.Н. Сахаров отмечает и более глубинные причины возникновения тоталитаризма, коренящиеся в настроениях низов, обостренных революцией и Гражданской войной, в особенностях национального самосознания. Народ не только стал жертвой сталинской системы, он был и ее участником.

А.Н. Сахаров в своих публицистических статьях доказывает, что тоталитаризм пронизал буквально все сферы советского общества, подчинив государству экономику, культуру, сферу быта и т.д. Во внешней политике он проявился в мессианских идеях всеобщего освобождения трудящихся, притом что сохранялись традиционные геополитические интересы царской России. А.Н. Сахаров дает оценки отдельным событиям Второй мировой войны, предложив, например, относить название "Отечественная" только к периоду 1941–1944 гг., выводя за рамки этого определения 1945 год, как это принято для Отечественной войны 1812 года, не включавшей в свое название походы 1813 г.

А.Н. Сахаров делится с общественностью и своим видением таких острых проблем современности, как распад СССР, межнациональные отношения и национальная политика в России. Вновь отправной точкой его размышлений становится исторический опыт страны, что дает ему возможность широкого взгляда на затрагиваемые вопросы, помогает находить истоки современных процессов.

Андрей Николаевич Сахаров с полным правом может быть отнесен к историкам, унаследовавшим и приумножившим лучшие традиции русской исторической науки. Исследователь и организатор науки, он неустанно трудится на ее ниве. Поздравляя Андрея Николаевича с юбилеем, желаем ему новых творческих свершений, воплощения всех научных планов и замыслов.

Г.Н. Севостьянов, академик РАН
М.Г. Вандалковская, доктор исторических наук
Л.А. Сидорова, кандидат исторических наук

От редакции: Мы сердечно поздравляем Андрея Николаевича Сахарова с юбилеем и благодарим его за активное сотрудничество с журналом "Отечественная история" в качестве автора и члена редколлегии, а также за постоянное внимание к коллективу редакции. Редакция высоко ценит широчайший научный и политический кругозор Андрея Николаевича, смелость и объективность его оценок, присущее ему драгоценное чувство нового. Желаем Андрею Николаевичу здоровья, счастья и новых творческих успехов, которые, верим, будут и крупными достижениями всей исторической науки.

© 2000 г. М.В. З Е Л Е Н О В*

СПЕЦХРАН И ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В СОВЕТСКОЙ РОССИИ В 1920–1930-е ГОДЫ

Во всех странах для сохранения государственных тайн в открытых и общедоступных музеях, архивах, библиотеках в той или иной форме существует "отдел специального хранения" ("спецхран", "специальный фонд", "спецфонд"). Он был создан в царской России[1], развивался в советское время в том или ином виде существует в нашей стране и сейчас[2].

Первые работы, восстанавливающие некоторые стороны истории спецхрана[3], носят в основном публицистический характер и отличаются узостью фактической базы. После ликвидации Главлита в 1991 г. появились более информативные и аналитические статьи о создании спецфондов, их функционировании и связи с массовыми библиотечными чистками[4]. На конференции "Цензура в царской России и Советском Союзе" заместитель директора РГБ А. Колганова и исследователь В.А. Скороденко отметили, в частности, что ограничение доступа к спецхрану привело к развращению человека "приобщением к тому, что закрыто для других". Ленинградский ученый М.Б. Конашев подчеркнул, что спецхран создавался как один из инструментов укрепления новой власти и имел все черты партийно-государственной системы производства информации и контроля над ней – надзаконность, анонимность, таинственность[5]. Зависимость спецхрана в архивах от партийной репрессивной политики вскрыта на основании архивного материала в статье В.А. Савина и Я.Ю. Виноградовой[6]. В последние годы стали появляться статьи по более узкой тематике[7]. Интерес к рассекречиванию архивных фондов пробудился и на Западе, что проявилось в сообщениях об открытии доступа к архивной информации[8] и к библиотечным фондам[9]. Но историю советского спецхрана зарубежные ученые не написали.

К сожалению, в научный оборот до сих пор не введены партийные директивы, документы Главлита, инструкция по работе спецхрана в библиотеках. Проблематика исследований сводится к восстановлению фактической канвы в деятельности спецхрана и к установлению его влияния на личность ученого. Задача данной статьи – выявление типов и этапов развития спецхрановских форм, отражающих конкретно-исторические явления идеологической, социальной и культурной политики. Особый интерес автора связан с вычленением смысла существования спецхрана и его связи с идеологией и исторической наукой[10].

В работах по истории советского спецхрана утверждается, что он возник только после 1920 г. Действительно, в 1917–1920 гг. спецхрана не существовало как особого института, но это не значит, что в РСФСР не было цензуры и ограничения доступа к политической информации. До окончания централизации библиотек и архивов ведомственные, партийные и профсоюзные архивы и библиотеки были недоступны посторонним читателям. Даже ведущие архивисты и историки сомневались в необходимости беспрепятственного доступа в архивы[11]. Фонды архивов и библиотек (прежде всего ведомственных и партийных) были в естественном состоянии особого хранения, являясь как бы большими спецхранами. Именно в этот период спецхран существовал без специального организационного оформления как способ хранения секретных документов. Государство не регулировало деятельность спецхрана, так как он был рожден инициативой местных библиотек, архивов, ведомств. Гражданская война воссоздавала режим секретности на каждом шагу, а итогом широчайшего распространения секретности и стал спецхран. После окончания Гражданской войны в 1920 г. были приняты "Общие положения к правилам пользования архивными материалами для государственных, научных и частных потребностей"[12]. Реакцией на них партийных структур, военных и дипломатических ведомств было ограничение доступа к своим архивам и библиотекам. Эта ситуация послужила внешним толчком к созданию спецхрана как особой организации.

К началу 20-х гг. обозначились две противоречивые тенденции в распространении информации, основанные на большевистском понимании политической целесообразности и государственной тайны. С одной стороны, публиковались документы царского правительства, источники по истории революционного движения, открывались закрытые до револю-

* **Зеленов Михаил Владимирович** кандидат исторических наук, доцент Волго-Вятской академии государственной службы.

ции архивы и фонды. С другой – вырабатывалось понимание секретности политически актуальных материалов.

К осени 1920 г. централизация управления архивами была завершена. Во главе различных архивных структур встал Главархив. Его руководящий состав (в лице противников гласности заместителя наркома просвещения М.Н. Покровского, В.В. Адоратского и бывшего цензурного работника Н.Н. Батурина) возглавлял по совместительству и Госархив, и Истпарт. Государственный архив (в фонды которого вошли документы по внутренней политике до 1917 г., истории революционного движения и истории РСФСР) к этому времени не получал секретных документов советских ведомств. Перестройка делопроизводства в 1919–1922 гг. в партийных и государственных структурах потребовала создания секретного отдела в архивах ведомств. Руководители Истпарта (сугубо партийного органа, созданного для собирания материалов по истории партии и революции 1917 г.) старые большевики М.С. Ольминский и В.И. Невский были обеспокоены сохранностью документальных материалов по истории революционного движения и решили сконцентрировать все документы по истории революции и социалистического строительства в одном архиве. Уже с 1921 г. началась передача важнейших политических дел из Сенатского и других архивов в архив Истпарта, который стал структурной единицей секретариата ЦК РКП(б). В 1921 г. Истпарт получил архив ЦК РКП(б) за 1917–1919 гг. Естественно, что доступ к нему был крайне ограничен, а сам он стал как бы огромным спецхраном. Таким образом, создание архивных спецхранов шло путем создания в государственных архивах закрытых для пользования специалистами фондов и сосредоточения в одном месте "секретных материалов" различных ведомств, что было технически трудно, но возможно.

К 1920 г. закончился определенный этап в централизации библиотечного и издательского дела. Более четким стал контроль за изданием и распространением книг и брошюр. 30 июня 1920 г. Книжная палата, задачей которой была регистрация печатной продукции и сохранение обязательного экземпляра всех изданий, по постановлению СНК должна была получать 3 экземпляра секретной литературы[13]. Имелись в виду издания РККА, Реввоенсовета Республики, ВЧК. В 1921 г. спецхран Книжной палаты стал получать эмигрантские газеты и журналы[14]. По предложению Л.Д. Троцкого, оформленному декретом ВЦИК и постановлением Наркомпроса от 12 января 1922 г., секретный отдел стал получать не только секретные издания, но и конфискованные книги, изданные без разрешения цензуры[15].

Кроме Книжной палаты, эмигрантские белогвардейские издания, которые выписывал Наркомпрос, получали библиотека Государственного Румянцевского музея и Петроградская публичная библиотека. Поэтому в постановлении СНК от 14 декабря 1921 г. говорилось, что "СНК в заседании от 12-го декабря 1921 г. постановил: 2) обязать все ведомства, учреждения, организации и частные издательства безвозмездно снабжать Государственный Румянцевский музей... печатными документами как секретного и специального, так и общего характера в одном экземпляре. ...9) Поручить Наркомпросу совместно с ВЧК разработать инструкцию о порядке хранения и пользования секретных материалов и документов"[16]. На основании этого акта заведующий управлением научных учреждений Академического центра при Наркомпросе и заведующий Государственного Румянцевского музея разработали инструкцию "О порядке хранения секретных документов в Государственном Румянцевском музее и порядке пользования ими". Согласно ей, ведомства и учреждения могли передавать в Румянцевский музей на вечное хранение секретные материалы в запечатанном и открытом виде. Пользоваться ими можно было только с разрешения председателя Совнаркома по просвещению и его заместителей, членов ЦК РКП(б) или президиума ВЧК. При этом в разрешении всякий раз должны были точно перечисляться документы, подлежащие выдаче для занятий, а также имя, отчество и фамилия уполномоченного лица[17].

Содержимое спецхрана в первые годы его существования определялось, как правило, нормативными актами самого общего характера. Эти документы издавали Главполитпросвет и Главлит, созданные по инициативе политбюро ЦК РКП(б). Главполитпросвет был организован как отдел Наркомпроса в октябре 1920 г. для координации политической пропаганды и библиотечного строительства. Возглавила его Н.К. Крупская. С декабря 1920 г. при Главнополитпросвете существует высший библиотечный орган – Центральная междуведомственная библиотечная комиссия (ЦКБ), которая под руководством М.А. Смушковой разрабатывала перечень книг для массовых библиотек. Создание Главлита явилось результатом легализации и централизации политической и военной цензуры и было оформлено постановлением СНК летом 1922 г. Во главе его до 1931 г. стоял П.И. Лебедев-Полянский[18].

Спецхран в библиотеке Румянцевского музея включал не только секретные документы различных ведомств (Морского штаба РСФСР и Штаба РККА, издания Реввоенсовета РККА, ГПУ), белогвардейскую прессу и политическую публицистику тех лет. Среди "секретных" изданий можно назвать политическую публицистику К. Каутского, Г.В. Плеханова, В.В. Шульгина, а также воспоминания М.В. Родзянко, В.Б. Станкевича, П.Б. Струве, Ю.О. Мартова, В.М. Чернова, С.Ю. Витте, А.С. Лукомского и других. Мемуары Бисмарка, изданные на немецком языке и оказавшиеся в спецхране, были запрещены, так как "монархические тенденции автора ярко окрашивают содержание книги и делают ее неудобной для распространения". "Архив русской революции", "Современные записки" и "Социалистический вестник" с 1922 г. также попали в спецхран. С 1923 г. туда же поступали книги по истории: "Письма императрицы Александры Федоровны к императору Николаю II", "История Второй русской революции" П.Н. Милюкова и "Записки о революции" Н.Н. Суханова. "История Западной Европы в средние века" Р.Ю. Виппера не выдавалась читателю, так как автор "увлекается демократией и парламентаризмом..."[19]

К 1923 г. по инициативе СНК были созданы три одинаковые по функциям и по формам спецхрана – в Книжной палате, московской библиотеке Румянцевского музея и в петроградской Публичке. Они хранили правительственную ("свою") и антиправительственную ("чужую") литературу. В число "чужих" в 1920–1923 гг. входили те организации, партии и их вожди, которые были политическими противниками большевиков в годы Гражданской войны. Если в 1917–1920 гг. борьба с враждебной идеологией шла военными методами, то после ее окончания – методами организационными, в том числе с помощью спецхрана.

До 1923 г. спецхран в библиотеках формировался по инициативе СНК и предназначался только для хранения антиправительственной литературы и материалов, содержащих государственные тайны. С 1923 г. непосредственное руководство спецхраном перешло к Главлиту и Главполитпросвету. Первая организация осуществляла цензуру, вторая – культурную революцию (в первую очередь в деревне). В 1923 г. Главполитпросвет проводил чистки библиотек вместе с Главлитом, тесно связанным с политотделом ГПУ. С этого момента спецхран превращается в орудие как цензуры, так и культурной революции в своеобразном понимании библиотечного отдела Главполитпросвета.

21 мая 1923. Агитпроп ЦК РКП(б) отправил "на заключение" в Главлит инструкцию "О мерах воздействия на книжный рынок"[20], в которой вводились ограничения на издание и распространение литературы, возбуждающей "религиозный фанатизм", книг "по вопросам философии, социологии ярко идеалистического направления", а также экономической литературы "антимарксистского содержания". Из детской и юношеской литературы разрешалась лишь "способствующая коммунистическому воспитанию". В марте 1925 г. отдел печати ЦК окончательно определил "список враждебных эмигрантских издательств, книги коих, **независимо от их содержания**, не пропускаются в пределы СССР"[21] (выделено мною. – *М.З.*). Поэтому изданные за границей "Пиковая дама" А.С. Пушкина, "Конек-Горбунок" Н. Ершова и "Развитие социализма" Ф. Энгельса, а также подобные им издания оседали на полках спецхрана.

Получив партийные рекомендации, Главнополитпросвет и Главлит стали выпускать нормативные акты, определяющие характер запрещенной к распространению литературы[22]. Одна из первых инструкций обязывала изымать из библиотек книги, изданные всеми партиями, кроме РСДРП–РКП(б), старую агитационную литературу 1917–1920-х гг., а также "изданные при царском правительстве... учебники и книги, восхваляющие монархизм, царей, министров, церковь, войны, капитализм,... тенденциозные биографии государственных, общественных и пр. деятелей дореволюционного периода, общественная и государственная деятельность которых направлена во вред интересам трудящихся"[23]. В 1924 г. был составлен "Руководящий каталог по изъятию всех видов литературы из библиотек, читален и книжного рынка", включающие более тысячи названий[24]. В результате этих изъятий содержание спецхрана кардинально менялось: в него отправлялась не только политическая публицистика и мемуары, но популярная и научная литература по истории. Из документальных материалов подлежали изъятию все книги о Гражданской войне, вышедшие в небольшевистских издательствах. В спецхран попали почти все дореволюционные школьные и университетские учебники истории, в том числе М.М. Богословского и М.М. Ковалевского, все сочинения Н.А. Полевого, а также все биографии царствующих особ из Дома Романовых. Из библиотек общего пользования исчезли "История Махновского движения (1918–1924)" П. Аршинова, "25-летие великой освободительной войны 1877–1878 гг."

Н. Богдановича, "Наполеон и его маршалы" К. Военского, обзоры деятельности Государственных Дум России В.И. Герье и В. Голубова, "Земельный вопрос и партии во 2-й Государственной Думе" П.П. Маслова и др.

В комиссии по изъятию литературы входили в этот период представители практически всех общественных организаций, которые "чистили" литературу, опираясь на свое понимание политической и культурной целесообразности. В результате их деятельности в 1924 г. на 50% была уничтожена "устаревшая литература" в железнодорожных библиотеках, а в 1925 г. полностью обновлен состав книг в библиотеках Союза водников[25]. Н.К. Крупская признавалась, что в провинции "полки старых библиотек почти опустошались"[26].

Чтобы исправить положение, Главлит и Главполитпросвет в 1926 г. распространили "Инструкцию по пересмотру книг в библиотеках". В ней рассматривались типичные ошибки, допущенные во время чисток; главной из них признавалось изъятие почти всех книг и журналов, изданных до 1917 г. Испуганные вакханалией безграмотности, вожди культурной революции поспешили заявить, что научные издания изымать из библиотек нельзя. Среди возвращенных оказались некоторые учебники по истории философии, монографическая литература по персоналиям, капитальные труды по истории Церкви, социологии, статистике, экономике, истории России до середины XIX в. Именно на основании этой инструкции и формировался спецхран массовых (провинциальных) библиотек после 1926 г.

Структура массового спецхрана складывалась только за счет фонда библиотеки. Два экземпляра изъятых книг хранились в центральной губернской или уездной (районной) библиотеке в запертых шкафах и выдавались исключительно для научной и литературной работы. На эти книги должны были быть составлены специальные каталоги, выдаваемые в необходимых случаях читателям[27]. Изъятые книги частично уничтожались, частично возвращались в то или иное книгохранилище, но держались там в виде "архива", являвшегося в начале 20-х гг. наиболее распространенной формой спецфонда в массовых библиотеках. В Ярославской центральной библиотеке, например, в 1924 г. был образован особый отдел, в котором были сосредоточены изъятые книги, выдававшиеся по специальному разрешению. Еще ранее такой отдел был создан в Якутске. Там национализированные частные библиотеки были переданы в фонд центральной городской библиотеки и назывались "архивом", в нем в начале 20-х гг. было 10 тыс. книг, а в 1929 г. в результате хищения и списаний осталось только 5 тыс.[28]

Одновременно с трансформацией массового спецхрана, созданного Главполитпросветом, менялись порядки организации и функции спецхрана, формирующегося СНК. 22 сентября 1925 г. было принято постановление СНК РСФСР "О порядке снабжения государственных книгохранилищ секретными изданиями", подтверждавшее, что отныне все произведения печати, имеющие пометки "совершенно секретно", "секретно" и "не подлежит оглашению", должны посылаться (по одному экземпляру) в Публичную библиотеку СССР им. Ленина (бывшая библиотека Румянцевского музея), в Архив Октябрьской революции и Государственную публичную библиотеку в Ленинграде[29]. Постановление опубликовали не полностью: не были указаны еще два учреждения, которые получали секретные издания – библиотека Коммунистической академии при ЦИК СССР и Всенародная библиотека Украины в Киеве[30]. Порядок хранения секретных материалов в этих книгохранилищах поручалось разработать Наркомпросу[31].

В ноябре 1925 г. и в июле 1926 г. Наркомпрос и ОГПУ разработали две инструкции: "О порядке хранения секретных материалов..."[32] и "Положение о спецхране в библиотеке"[33]. Согласно первой, порядок допуска к секретным документам по сравнению с 1921 г. был несколько либерализован, так как спецхран включал в себя уже не только издания, содержащие государственные тайны. Исследователи должны были получить разрешение, подписанное не председателем СНК, а только наркомом (или его заместителем) по просвещению или заведующим Главнаукой, причем допуску должно было предшествовать согласование с отделом информации и политконтроля ОГПУ[34]. Во второй инструкции закреплялся порядок комплектования спецхрана Публичной библиотеки им. Ленина. В нем теперь должна была храниться литература, вышедшая в СССР и изъятая из общего пользования (книги из общего хранения, изъятые по инициативе Главлита, стали поступать в спецхран с мая–июня 1923 г.); зарубежная русская литература (имеющая научное или политическое значение); издания, передаваемые другими учреждениями в библиотеку на особое хранение, а также русские и иностранные издания, которые после поступления в библиотеку на общих основаниях будут признаны подлежащими передаче в спецхран. Кроме того, при комплектовании спецхрана его заведующему рекомендовалось пользоваться услугами научно-библиографического сектора библиотеки, "по преимуществу его историко-

революционного раздела"[35]. Следует отметить, что с апреля 1924 г. в спецхран стали поступать и стенограммы (протоколы) собраний партийных организаций с ограничительным грифом "только для членов партии", бюллетени ЦКК РКП(б) и НК РКИ СССР и другие партийные издания.

Книжная палата присылала книги и документы, изданные в 1917–1921 гг. Это программные документы и листовки эсеров, кадетов, белогвардейских правительств, биографии лидеров антибольшевистского движения. Таким образом, в эти годы мы видим кардинальное изменение состава центрального спецхран при сохранении его иерархичности и многоуровневости. В спецфонде велись особые систематический и алфавитный каталоги, хотя на некоторые издания по требованию ГПУ, Реввоенсовета или директора библиотеки карточки могли не оформляться.

В 1923 г. специальный отдел для хранения запрещенной к ввозу в СССР белогвардейской прессы было предложено создать и в библиотеке Академии наук[36]. Эта пресса хранилась там "на правах секретных изданий". А в 1924 г. спецхран в Книжной палате был закрыт, так как все функции, которые он выполнял, перешли к спецхрану Публичной библиотеки им. Ленина.

Осенью 1923 г. в качестве отдела секретариата ЦК был создан Институт В.И. Ленина, который предполагалось сделать единственным хранилищем рукописей вождя и материалов о нем. Возглавлял его Л.Б. Каменев, а архивохранилищем заведовал в 1924–1926 гг. И.П. Товстуха – второй помощник генерального секретаря ЦК И.В. Сталина. Доступ к ленинским материалам был ограничен и затруднен, но возможен. Так, например, В.И. Невский в учебнике по истории партии опубликовал отрывок из письма Ленина А.А. Якубовой, отличный от известного ныне текста[37], а также издал по рукописи выступление М. Цхакая на III съезде РСДРП, текстуально отличное от изданных протоколов съезда[38]. Очень скоро публикация ленинских текстов была монополизирована Институтом Ленина и шла под контролем ЦК РКП(б), а с конца 20-х гг. – лично Сталина.

В феврале 1924 г. был изменен порядок формирования архивов ЦК: секретные документы по-прежнему направлялись в секретный архив бюро секретариата ЦК, а несекретные материалы поступали в общий архив ЦК, откуда они через 5 лет должны пересылаться в Архив Октябрьской революции[39], который в 1925 г. передал фонд ЦК РКП(б) в архив Истпарта, куда поступили и все материалы общего архива ЦК (имеющие трехлетнюю давность)[40]. Таким образом, с 1924 г. документы ЦК РКП(б) и материалы, имеющие отношение к истории партии, сосредоточивались в архивах Истпарта, Института Ленина и политбюро ЦК. Обеспечение их сохранности сопровождалось ограничением доступа к ним исследователей и усилением партийной цензуры. Партийные архивы, как и архивы других ведомств, превращались в огромные спецхраны, подобные архивам Синода и МВД в царской России.

Процесс изъятия историко-революционных документов был оформлен декретами ВЦИК и СНК. В Центральном архиве РСФСР сосредоточивались материалы активных деятелей контрреволюции и лиц, эмигрировавших после 1917 г., архивы семьи Романовых и близких к ней лиц, документы Временного правительства, а также негативы, фотоснимки и кинофильмы по историко-революционной тематике[41]. Продолжалась разработка нормативных документов по организации отделов специального хранения этих материалов. Согласно "Правилам пользования архивными материалами Единого государственного архивного фонда (ЕГАФ)", ученый должен был вместе с заявлением о допуске к документам прилагать анкету с указанием партийной принадлежности и цели своей будущей работы, предъявлять все сделанные выписки, заметки и копии для просмотра и разрешения на вынос[42]. Ограничение доступа к архивам шло параллельно с созданием в них спецхранов. Так, в 1924 г. в Архиве Октябрьской революции возник особый архивный фонд из документов частей особого назначения, прославившихся в годы Гражданской войны; доступ к нему имели только работники Истпарта и рекомендуемые парткомами товарищи[43]. Секретный отдел в 1925 г. был создан в Военно-историческом архиве. Можно предположить, что и в других архивах шел тот же процесс. В 1926 г. в различных нормативных актах Центрархива подчеркивалось, что в спецхране должны находиться и все документы секретного делопроизводства дооктябрьского и послеоктябрьского периодов[44].

Созданные повсеместно спецхраны резко сужали поле исторических исследований. Так, например, изучение монархии в ее персонифицированном проявлении стало практически невозможным. Число статей и книг, в которых появлялись биографии царствующих особ и их приближенных было невелико. Из набора возможных исследовательских тем были исключены темы по истории российского дворянства, белогвардейского движения и т.п. Все это в конечном итоге вело к подчинению исторической науки официальной идеологии.

Отказ от нэпа и переход к "большому скачку" в области индустриализации и коллективизации сельского хозяйства привел к росту оппозиционных Сталину настроений. Сталин боролся с политической оппозицией не только репрессивными методами. Он пытался поставить оппозиционеров вне партии организационно и морально. И здесь архивные спецхраны, в которых хранилась информация о партийном или антипартийном прошлом того или иного человека, пришлись как нельзя кстати.

В конце 1926 г. Сталин использовал архивные документы Зиновьева и Каменева периода 1917 г. как порочащие их в политическом смысле[45]. Каменев был снят с поста председателя совета и директора Института Ленина. После него Институт возглавлял нейтральный по отношению к Сталину И.И. Скворцов-Степанов, а с 1928 г. – полностью подчиненный генеральному секретарю ЦК М.А. Савельев. В октябре 1927 г. Главнаука при Наркомпросе разработала ряд циркуляров, в которых речь шла о скорейшем изъятии политически актуальных фондов и всех материалов политических деятелей из местных и ведомственных архивов и передаче их в Центрархив[46]. В ноябре 1927 г. "Правда" опубликовала статью В.И. Ленина о штрейкбрехерах революции, направленную против Каменева и Зиновьева[47]. Так архивные спецфонды начали активно использоваться в политической борьбе.

В 1927 г. ужесточаются правила работы в архивах. В Центральном историческом архиве в Ленинграде образуются "особые части", материалы которых выдавались в исключительных случаях по согласованию с Центрархивом. Вводится контроль за выписками и копиями документов[48]. В год "великого перелома" вышло новое "Положение об архивном управлении РСФСР", утвержденное постановлением ВЦИК и СНК РСФСР[49], по которому ужесточался контроль над получением документов, отменялась возможность получения архивных справок для научно-исследовательских целей. Согласно "Правилам пользования секретными архивными материалами и выдачи справок по секретным архивам" (утвержденным ЦАУ 20 июня 1929 г.), частные лица допускались в секретные архивы после проверки ОГПУ только в исключительных случаях[50].

Ограничение доступа к историческим документам, содержащим информацию, позволяющую использовать их в политической борьбе с оппозицией, прослеживается в "деле Академии наук". В спецфонде рукописного отделения Библиотеки АН находились рукописи, переданные для секретного хранения, и материалы контрреволюционного содержания[51]. В октябре 1929 г. заведующим библиотекой был И.И. Яковкин, который, узнав о хранящихся в секретном фонде материалах, сообщил об этом в комиссию НК РКИ по чистке аппарата АН СССР. Ее председатель Ю.П. Фигатнер без труда нашел в секретном фонде документы об отречении Николая II от престола. Эти материалы никому не показывались. Е.П. Воронов, заведующий отделом научных учреждений СНК СССР, писал, что "в матерьялах (как об этом пущен академиками слух) имеются некоторые данные, порочащие или расшифровывающие былую роль некоторых лиц, в том числе и из партрядов"[52]. Найденный материал[53] давал повод академикам-коммунистам и Сталину уличить своих оппонентов в "политических ошибках". Изъятые документы поступили в спецхраны ряда архивов[54] и использовались затем для обоснования репрессий (процесс против меньшевиков в марте 1931 г. и т.п.).

На фоне начавшейся истерии в связи с "Шахтинским делом" по просьбе профсоюзных лидеров 30 октября 1929 г. секретариат ЦК (а вскоре и СНК) приняли постановления "Об улучшении библиотечной работы"[55], в которых был тезис о необходимости разворачивания библиотечных чисток. Предполагалось изъятие книг, отражающих "взгляды оппозиционных течений в партии", а также общественно-политической литературы, "посвященной пройденным этапам нашего политического, хозяйственного и культурного строительства"[56]. Естественно, что при таких общих характеристиках набор книг, попадающих в спецфонд, мог быть совершенно произвольным, тем более что Главполитпросвет настаивал на изъятии 80% книжного состава библиотек[57].

Поэтому с 1927 г. в библиотеках множились закрытые фонды. Их называли "запасной фонд", "архив", "фундаментальная библиотека", а также фонд "массам не давать". Главполитпросвет предлагал после проведенной чистки 2 экземпляра каждого названия изъятых книг передать в архив центральной окружной библиотеки, где они должны были храниться в специальном помещении в закрытых шкафах. Туда же поступали все массовые дореволюционные журналы, в том числе исторические и религиозные[58]. В спецфонд включались книги, изданные до 1929 г., "книги малоактуальные, специальные, трудные, рассчитанные на ограниченный круг читателей"[59]. Вопрос о том, в каких районных библиотеках допускалась организация специального фонда, решался окружной библиотекой.

Подобные процессы проходили и в центральных спецхранах. С 1928 г. установился новый порядок определения способа хранения выписываемых из-за границы книг по отделам

философии и психологии, русской литературы, истории революционного движения, общественных наук и экономики. Раньше директор библиотеки и заведующий спецфондом, пользуясь рекомендациями Главлита, сами определяли набор книг, подлежащих хранению в спецфонде. Теперь этим занимались политредакторы Главлита. В спецхран попадали выписанные из-за границы исследования и мемуары эмигрантов[60]. Вся литература о политическом положении в СССР, партийной борьбе и даже о внешней политике русских царей отправлялась в спецхран, как и книги о социал-демократическом и коммунистическом движении в Европе. Списки отсылаемой в спецхран иностранной литературы отражают интерес Главлита к политике, идеологии и через них – к истории[61]. Так, изымались из обращения книги академиков Е.В. Тарле, С.Ф. Платонова и других ученых. Круг изучаемых историками тем почти полностью замкнулся на истории революционного движения и особенно на "выявлении исторической закономерности Октябрьской революции и роли пролетариата как ее авангарда"[62]. Для реализации этой задачи, направленной на формирование идеологических схем, и организовывались чистки архивов и библиотек. Состав засекреченных библиотечных и архивных фондов указывает на то, что все книги и документы, которые могли опровергнуть тезис о закономерности Октября и раскрывали истинную роль в этом событии лидеров партийной оппозиции, были засекречены и находились в спецхране. Так, например, в январе 1928 г. публикация Центрархивом протоколов Петроградского ВРК была запрещена секретариатом ЦК ВКП(б), так как они не прошли предварительной партийной цензуры. Подлинники протоколов были засекречены[63]. В то же время политбюро принимает решение "признать неотложным делом полное издание секретных дипломатических документов архивов царского и временного правительств по истории возникновения, развития и окончания империалистической войны..."[64]. Публикация этих документов была вызвана не столько научными, сколько политическими соображениями, о чем позднее писал М.Н. Покровский в ЦК ВКП(б): "Наша публикация в этой области явится, таким образом, настоящим мировым событием такой же важности, как первоначальное опубликование документов секретной русской дипломатии в период 1917–19 гг..."[65]

4 октября 1932 г. в постановлении коллегии Наркомпроса "О просмотре книжного состава библиотек" создание фондов "массам не давать" было признано ошибочным[66]. 16 октября член коллегии Наркомпроса и член ЦКК Н.В. Мальцев направил своему начальству письмо с описанием варварских чисток и с критикой ВЦСПС. Кроме этого Н.В. Мальцев предлагал войти в ЦК ВКП(б) "с предложением о немедленном прекращении чистки..."[67] 23 октября 1932 г. новый нарком просвещения А.С. Бубнов доложил политбюро о фактах "извращений" в просмотре книжных фондов. После совещаний в ЦК ВКП(б)[68] было решено прекратить чистки и ликвидировать в районных, городских, сельских и областных библиотеках закрытые фонды[69]. Для работы по просмотру книжного состава библиотек при Главлите создавалась центральная комиссия под руководством Б.М. Волина. Аналогичные комиссии были организованы при краевых и областных отделах народного образования. Возложив всю ответственность за массовые чистки и создание спецхранов на низовых библиотечных работников, заведующий культпропом ЦК А. Стецкий в секретном циркуляре летом 1933 г. призвал открыть все спецфонды, но книги Троцкого и Зиновьева выдавать только членам партии в библиотеках обкомов[70].

Открытие спецхранов в библиотеках при отсутствии инструкций, регулирующих условия рассекречивания фондов, привело на практике к сохранению секретности[71]. Так, например, "архив" (спецхран) Тамбовской библиотеки насчитывал 60 тыс. книг и был совершенно недоступен читателям, так как оставался не разобранным. В спецхране Библиотеки им. Ленина 5 тыс. книг военной тематики не были заинвентаризированы, 10 тыс. не прошли каталогизацию, 500 комплектов старых газет не были подшиты. За апрель–май 1933 г. было выдано только 133 книги, на следующий квартал было запланировано выдать 250 книг[72].

В соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР "О преподавании гражданской истории" от 16 мая 1934 г. возникла потребность в учебниках и книгах, ранее изъятых из обращения. В приказе Наркомпроса "Об учебниках по истории" от 9 августа 1934 г. предлагалось учебники Платонова, Елпатьевского, Кареева, Мельгунова, Довнар-Запольского, Острогорского, Стасюлевича и других "выдавать... для пользования только учителям истории неполной средней и средней школы и преподавателям истории педвузов и педтехникумов"[73]. Возвращение из спецхрана книг по истории России, написанных репрессированными (или высланными за границу) историками, привело к расширению тематики исследований. Открывшиеся спецхраны дали историкам материал для нового осмысления истории России.

После убийства С.М. Кирова (декабрь 1934 г.) политбюро ЦК ВКП(б) решило изъять все книги Зиновьева, Каменева и Троцкого из библиотек страны. В соответствии с приказом от 15 февраля 1935 г. по Главлиту "Об изъятии контрреволюционной троцкистско-зиновьевской литературы" по одному экземпляру этих книг оставалось в особых фондах библиотек АН СССР, ИМЭЛ, ГБЛ, ГПБ, ИКП, Коммунистических университетов Москвы и Ленинграда, а также центральных библиотек главных городов союзных республик, краев, областей и университетских городов[74]. По одному экземпляру изымаемых книг разрешалось оставить в библиотеках крайкомов и горкомов партии[75].

В июне 1935 г. постановлением ЦК "О пропагандистской работе в ближайшее время"[76] рекомендовалось изучать историю борьбы партии с антипартийными группировками. Оргбюро ЦК составило список книг, изымаемых из библиотек с целью контроля за освещением внутрипартийной борьбы. 16 июня политбюро приняло решение "Об изъятии контрреволюционной зиновьевско-троцкистской литературы", а 19 июня 1935 г. Б.М. Волин подписал приказ по Главлиту[77], согласно которому в спецхран должны были поступать 2 экземпляра книг, а список спецхранов увеличивался: в него вошли библиотеки ЦК и МК ВКП(б) и библиотека при ЦИК СССР. Библиотечные чистки привели вскоре к расширению сети спецхранов: приказом от 7 октября 1936 г., подписанным новым начальником Главлита С.Б. Ингуловым, они организовывались в 15 высших правительственных, партийных учреждениях, библиотеках и редакциях газет, а также в 50 крупнейших городах СССР. Все спецхраны, созданные самовольно в библиотеках парткомов, областных и районных библиотеках, подлежали ликвидации. Аналогичные процессы проходили и в архивном строительстве: циркуляром Центрального архивного управления СССР и РСФСР в 1936 г. запрещалось выдавать архивные материалы, связанные с именами Троцкого, Каменева, Зиновьева "и их приспешников". Они засекречивались и предавались в спецхран[78].

В 1935 г. приказами Главлита были изъяты работы А.Г. Шляпникова по истории революции 1917 г., исследования по истории РКП(б) арестованных В.И. Невского, В. Волосевича, М. Яворского и др. – всего более 100 книг. В 1936 г. Главлит подготовил 4 списка книг, подлежащих изъятию. В них вошли работы В.И. Невского, Г.С. Зайделя, М.П. Томского, В.М. Далина и др. Большинство авторов проходило по делу "антисоветского объединенного троцкистско-зиновьевского центра" в августе 1936 г. или по другим политическим процессам.

На местах главлитовские списки запрещенной литературы расширялись и по собственной инициативе. К декабрю 1936 г. в провинции было изъято более 625 названий книг. В апреле 1937 г. Главлит безуспешно пытался заставить местных библиотекарей "чистить" только указанную Главлитом литературу, поскольку на периферии не только привыкли к чисткам, но и боялись уголовной ответственности за пропаганду работ "врагов народа". Библиотека им. Ленина в Москве не выдавала читателям комплекты журналов "Коммунистический Интернационал", "Большевик", "Под знаменем марксизма", стенограммы партийных съездов, конференций и многие газеты[79]. В Смоленске и Горьком не выдавали сочинения М.Н. Покровского, "Историю революционного движения" в 11 томах под его редакцией, Малую и Большую советские энциклопедии, "Классовую борьбу во Франции" К. Маркса, а также "Коммунистический манифест..."[80]

За 1937 г. было изъято (по спискам Главлита) 9 740 названий книг, по спискам КОГИЗа – 850, работниками центральных библиотек Москвы – 2 100[81]. В одном из отчетов Главлита указывалось, что "в 1937 г. только в национальных республиках неправильно было изъято 681 название книг: 197 названий классиков марксизма-ленинизма и партийных решений, 351 название учебной литературы, 24 названия классиков художественной литературы и 9 названий научно-технической литературы"[82]. Вот как описывает содержание спецхрана Государственной публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина в 1935–1938 гг. его главный хранитель: "С 1935 по 1938 г. из общих фондов в... спецхран поступило свыше 49 тыс. экз. отечественных изданий. По преимуществу это издания общественно-политической тематики (около 80%), прежде всего книги по истории партии, революционного движения и становления советского государства, а также агитационно-массовые и учебно-методические пособия. Значительно меньшую часть составляли труды по гуманитарным наукам (по филологии, искусству, библиотековедению, художественная литература – 17%) и остальным отраслям знания (по естествознанию, сельскому хозяйству, военному делу, технике – 5%)"[83]. Селекция информации через спецхран содействовала мифологизации исторического прошлого нашей страны. В итоге путь к "Краткому курсу истории ВКП(б)" был расчищен.

Как только внутрипартийная оппозиция была уничтожена, спецхран как орган политики

партии стал превращаться в орган самой партии. 9 декабря 1937 г. ЦК ВКП(б) принимает решение "запретить впредь органам цензуры производить изъятие литературы без санкции Центрального комитета ВКП(б)"[84]. С января 1938 г. изъятие каждой книги и журнала проводилось только с разрешения аппарата ЦК ВКП(б). Произошла полная перестройка управления спецхраном. С 1937 г. Главлит выполнял только техническую функцию в управлении спецхранами.

При новом начальнике Главлита Н.Г. Садчикове, назначенном постановлением политбюро (а не постановлением Совнаркома, как раньше), за 1938–1939 гг. появилось 199 приказов на изъятие книг, были запрещены работы 1 860 авторов и 7 809 названий их книг, а также 4 512 отдельных книг и 2 833 сборника. 1 299 названий книг были сданы в макулатуру. Всего за эти годы из библиотек и книготорговых организаций было изъято и уничтожено 24 138 799 экземпляров книг. В 1940 г. появилось 75 приказов на изъятие книг, в которых запрещались 362 автора, 3 700 отдельных книг, а 757 названий книг были списаны в макулатуру (и в спецхран не поступали)[85].

В октябре 1938 г. была введена законченная система особых фондов периодических и непериодических изданий "с целью упорядочения учета, хранения и пользования материалов особых фондов при библиотеках СССР"[86]. Количество спецфондов намного возросло даже по сравнению с перечнем 1937 г. Особые фонды образовывались в городах союзных и автономных республик, а также в городах краевого и областного значения. В Москве особые фонды существовали в библиотеках ЦК и МК ВКП(б), исполкома Коминтерна, Академии наук, газеты "Правда", в Библиотеке им. В.И. Ленина, Высшей школе пропагандистов, Исторической библиотеке, Книжной палате, библиотеках МГУ, НКВД, ИМЭЛ, Главлита, в Московской областной библиотеке и др.[87]. В 1939 г. список библиотек, имеющих спецхраны, пополнился библиотекой Историко-архивного института. В Ленинграде список библиотек, где существовали особые фонды, был меньше: им. Салтыкова-Щедрина, Академии наук, областного партийного архива, Государственного университета, Университета им. Сталина, Центрального дома партактива, Института им. Герцена[88] и др.

4 августа 1938 г. начальник Главлита обратился в ЦК ВКП(б) с предложением организовать спецхраны в музеях, а в октябре он подкрепил это предложение тем, что в музеях хранится много "вредных" документов: в Музее революции – до 600 портретов и фотоснимков Троцкого, в Политехническом музее – большое количество диапозитивов с изображением членов семьи Романовых, в Литературном музее – 1 000 писем жены Николая II, переписка членов его семьи с заграницей, рукописные дореволюционные материалы по земельному вопросу. Тогда же появился проект приказа, согласно которому в музеях создавались спецхраны, а материал, не имеющий исторического и научного значения, – уничтожался[89]. "С целью упорядочения учета, хранения и использования экспозиционных материалов, имеющих особое историческое, художественное, научное и специальное значение для музеев СССР, а также изъятия вредных и макулатурных материалов приказываю...", – так начинался приказ о введении спецхранов в музеях, подписанный начальником Главлита 25 октября 1938 г. Далее в приказе говорилось: "1. Разрешить музеям союзного, республиканского, краевого и областного значения создание особых фондов экспозиционных и неэкспозиционных материалов... 4. Начальникам Глав-край-обллитов совместно с директорами музеев и представителями органов Центрархива отобрать на предмет уничтожения экспозиционный и неэкспозиционный материал, не имеющий историческую, художественную и другую научную и специальную ценность"[90]. Спецфонды в Ленинграде были созданы в Эрмитаже, Русском музее, Музее революции, Этнографическом музее, Музее социалистической реконструкции сельского хозяйства. В Москве особые фонды организовались в Историческом музее, Музее революции СССР, Музее народов СССР, Музее им. П.А. Кропоткина, Музее восточных культур, Музее В.И. Ленина и некоторых других[91].

Секретные фонды архивов занимались не столько научной работой и приведением в порядок приобретенных материалов, сколько выдачей справок для НКВД о бывших сотрудниках охранки и т.п. Это направление их работы привело к переводу 16 апреля 1938 г. архивов в ведение НКВД. Начальник архивного ведомства капитан госбезопасности И.И. Никитинский сформулировал 16 ноября 1939 г. задачу спецфондов таким образом: "Задача отдела секретных фондов – это почетнейшая, партийная задача... Мы руководим работой по разоблачению врагов народа"[92].

Изъятию подлежала литература по истории ВКП(б), ВЛКСМ, документы, справочники и воспоминания по истории трех революций и Гражданской войны, а также по всеобщей истории, часть книг отражала зигзаги внешней политики того времени. Изымались воспо-

минания о В.И. Ленине репрессированных авторов, в том числе и воспоминания Н.К. Крупской.

Подведем некоторые итоги. Бесспорно, какое-то ограничение доступа к секретной информации является необходимой функцией любого государства. Уровень общественно-политического развития той или иной страны, особенности ее культуры и специфика национального менталитета диктовали свое понимание секретности и, следовательно, определенные формы и типы спецфондов. Можно только сожалеть, что в годы советской власти при всей открытости отдельных фондов архивов и библиотек существовали самые уродливые и циничные формы ограничения доступа к документам и книгам. Все это оказывало как прямое, так и косвенное влияние и на историческую науку. Только небольшое число научно-исследовательских учреждений и вузов имели возможность получать и хранить запрещенную с 1922 г. белоэмигрантскую литературу, а также многие дореволюционные и советские издания. Но и в рамках одного учреждения сообщество ученых было строго дифференцировано по возможности работы с источниками и литературой. Из беспартийных историков только единицы были допущены в архивные фонды по истории России XIX–XX в. В свою очередь историки – члены партии делились на тех, кто мог пользоваться историческими документами партийного происхождения и тех, кто был лишен этого права. Как система ограничения доступа к информации, так и политизация науки привели к неоправданному сужению поля исторических исследований. Не случайно только в последние годы появились исследования о Николае II, Л.Д. Троцком, меньшевиках и т.п., построенные на совершенно новом уникальном архивном материале.

Как отмечал А.Н. Сахаров, "целые пласты исторической науки оказались опущенными лишь потому, что создавались они учеными, чьи взгляды не отвечали интерпретации истории России второй половины XX века в нашей стране. Другие оказались в эмиграции и потому подлежали забвению, третьи были репрессированы, что определяло подход к ним со стороны ортодоксальной идеологии"[93].

Хотелось бы подчеркнуть, что поиск оптимального соотношения спецхрана, в котором должны храниться государственные тайны, и открытости исторической информации ведется до сих пор. На парламентских слушаниях по проблемам безопасности, комплектования и использования Архивного фонда РФ руководитель архивной службы В.П. Козлов отметил, что "расширение доступа сдерживается недостаточной результативностью процесса рассекречивания документов из-за пассивности ряда органов государственной власти, наделенных полномочиями по отнесению сведений к государственной тайне"[94]. Совершенно ясно, что необходимо строго правовое и законодательное обеспечение деятельности спецфондов в стране, гласность в определении принципов секретности тех или иных материалов, чтобы избежать произвола и последствий непрофессионализма некоторых архивных и библиотечных чиновников. Иначе историческая наука навечно останется под дамокловым мечом политических интересов правящей партии.

Примечания

[1] С а м о ш е н к о В.Н. Исторические архивы Москвы и Петербурга (XVII – нач. XX вв.). М., 1990. С. 135 и след.; А в т о к р а т о в В.Н. Из истории централизации архивного дела в России (1917–1918 гг.) // Отечественные архивы. 1993. № 3. С. 13, 14.

[2] См., напр.: П а в л о в а Т.Ф., Ч и ж о в а О.Г. Международный семинар по проблеме рассекречивания архивных документов в Москве // Отечественные архивы. 1994. № 2. С. 122–124; К о п ы л о в а О.Н., Н у р а л о в а Б.А. Как работает Национальный архив Канады // Отечественные архивы. 1994. № 2. С. 111. Подробнее см.: М и н ю к А.И. Современная архивная политика: ожидания и запреты // Исторические исследования в России. Тенденции последних лет. М., 1996; К о з л о в В.П. Публичность архивов и свобода архивной информации // Советская историография. М., 1996.

[3] Ш и к м а н А.П. Совершенно несекретно // Советская библиография. 1988. № 6; В а р л а м о в а С. "Спецхран" без тайн // Библиотекарь. 1988. № 12; Г о л у б о в с к и й М.Д. На пути к дневному свету // Советская библиография. 1989. № 4; К о р н е е в В. Полуотворенная дверь, или о ведомственной приверженности делать тайное явным // Библиотекарь. 1989. № 4; Д ж и м б и н о в С. Эпитафия спецхрану? // Новый мир. 1990. № 5. С. 243–252 и др.

[4] В а р л а м о в а С.Ф. Спецхран РНБ: прошлое и настоящее // Библиотековедение. 1993. № 2; е е ж е. К истории создания и развития спецфондов ГПБ им. Салтыкова-Щедрина // Цензура в царской России и в Советском Союзе. Материалы конференции. М., 1995.

[5] Цензура в царской России и в Советском Союзе. С. 136, 141, 152.

[6] С а в и н В.А., В и н о г р а д о в а Я.Ю. Из истории создания и функционирования спецхрана в архиве // Отечественные архивы. 1994. № 1.

[7] См.: Р о м а ш к и н а Т.А. Возвращенное прошлое (библиографические издания, находившиеся в "спецхране" Хабаровской краевой научной библиотеки) // Культура на Дальнем Востоке XIX–XX вв. Сб. научных работ. Хабаровск, 1993; К о н а ш е в М.Б. Библиотека Академии наук в конце 1920 – нач. 1930-х гг.: Секретный фонд // Судьбы библиотек дореволюционной России: 20–30-е гг. XX в. Конференция 1–3 октября 1996 года. Тезисы сообщений. СПб., 1996.

[8] G r i m s t e d P.K. A Handbook for Archival Research in the USSR. Kennan Institute for Advanced Russian Studies. 1989; См. и другие ее статьи и книги: Perestroika in Soviet Archives? Glasnost, Archival Reform and Researcher Access // Solanus. International Journal for Russian East European Bibliographic. Library Publishing Studies. New Series. Vol. 15. London, 1991. P. 177–198; Intellectual Access and the Descriptive Standards for Post-Soviet Archives: What Is to Be Done? Princeton etc. 1992.

[9] Сначала появились сборники статей из советской прессы: Russian Libraries in Transition. An Antilogy of Glasnost Literature. Compiled ed by Dennis Kimmadge. Jefferson, North Carolina and London, 1992.

[10] З а м о ш к и н Ю.А. Взаимоотношение идеологии и науки // Социологические проблемы науки. Под ред. В.Ж. Келле, С.Р. Микулинского. М., 1974; Э э р о Л. Современная философия истории. Таллин, 1980.

[11] А в т о к р а т о в В.Н. Указ. соч. С. 19–21.

[12] Сборник декретов, циркуляров, инструкций и распоряжений по архивному делу. Вып. 1. М., 1921. С. 113, 115.

[13] Декреты Советской Власти. Т. 9. М., 1978. С. 182–183.

[14] Документы Книжной палаты по хранению и получению белогвардейской литературы в 1921 гг. см.: Научно-библиографический архив Российской Книжной палаты (далее – НБА РКП), оп. 1, д. 23.

[15] См., например, единственное опубликованное (из шести) постановление Президиума Коллегии Наркомпроса: Еженедельник НКП. 1923. № 19. С. 24.

[16] Архив Российской Государственной библиотеки (далее – Архив РГБ), оп. 138, д. 1, л. 3, 9. 4 января 1922 г. СНК повторил второй пункт этого постановления в другом постановлении "О снабжении Румянцевского Музея всеми издаваемыми произведениями и материалами".

[17] Архив РГБ, оп. 17, д. 317, л. 2.

[18] Подробнее см.: З е л е н о в М.В. Главлит и историческая наука 20–30-х гг. // Вопросы истории. 1997. № 3.

[19] Анализ содержания спецхрана сделан на основании учетных книг за 1921–1922 г. и 1923–1927 гг. Характеристики книг см.: РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 84, д. 310, л. 116, 120, 94.

[20] Там же, оп. 60, д. 753, л. 324. Публикацию документа (с неправильной датировкой "1925 г.") см.: История советской политической цензуры. С. 48–50.

[21] Там же, оп. 84, д. 692, л. 81.

[22] См. О библиотечных чистках: W o l f e B.D. Krupskaya Purges the Peaple's Librares // Survey: a Journal of Soviet and East European Studies. London, 1969. № 72. P. 141–155 (русская версия: "Крупская чистит библиотеки" // Новый журнал. Июнь 1970. № 99); R a y m o n d B. Krupskaia and Soviet Russian Librarianship, 1917–1939. New York – London, 1979; K o r s c h B. The permanent Purge of soviet Libraries // The Hebrew University of University of Ierusalem. The Soviet and East European Research Centre. Research Papers № 50. 1983. P. 2–39.

[23] Инструкция по пересмотру книжного состава библиотек. Красная Новь. М., 1924. С. 6.

[24] Публикацию этого документа см.: [Николюкин] А.Н. Из истории советской цензуры // Российский литературоведческий журнал. 1994. № 4. С. 251–277.

[25] Б е н д е р в с к и й И.Л. Библиотечная работа профессиональных союзов // Библиотечное дело в период НЭПа (1921–1929). Сб. научных трудов. Ч. 2. М., 1991. С. 70.

[26] К р у п с к а я Н.К. О библиотечном деле. Сб. трудов. Т. 2. М., 1983. С. 326.

[27] Инструкция по пересмотру книжного состава библиотек. С. 7. См. также: Красный библиотекарь. 1924. № 1. С. 137.

[28] К у з н е ц о в а Е.А. Ярославская центральная библиотека в 1920–30-е гг. // Судьбы библиотек дореволюционной России: 20–30-е гг. XX в. С. 38, 39; З а х а р о в а Т.В. Национализация частных библиотек в г. Якутске в 1920 г. // Там же. С. 79.

[29] Известия, 1925, 17 октября; СУ РСФСР. 1925. № 65. Ст. 924.

[30] НБА РКП, оп. 1, д. 138, л. 59. Пункт о библиотеке Комакадемии (получающей "секретные издания" с 1923 г.) был опубликован 4 июня 1926 г. как самостоятельный Декрет СНК. См.: СУ РСФСР 1926. № 33. Ст. 265; Известия, 1926, 19 июня.

[31] НБА РКП, оп. 1, д. 138, л. 91.

[32] Архив РГБ, оп. 17, д. 317, л. 1, 3–3 об.

[33] Датировка автора статьи по признакам внешнего оформления (серия инструкций для других отделов библиотеки имела точную дату).

[34] Подробный обзор инструкций по спецхрану в Библиотеке им. Ленина в 1926 г. см.: З е л е н о в М.В. К истории первоначального этапа становления спецхрана в главной библиотеке Советской России (1920–1930-е годы) // Solanus. Vol. 12. 1998. P. 62–63.

[35] Архив РГБ, оп. 17, д. 522 а, л. 1.

[36] К о н а ш е в М.Б. Указ. соч. С. 50.

[37] См.: Н е в с к и й В.И. История ВКП(б). Краткий очерк. Л., 1926. С. 132. Сравни: Л е н и н В.И. ПСС. Т. 46. С. 55.

[38] Н е в с к и й В.И. Рабочее движение в январские дни 1905 года. М., 1931. (На обложке 1930). С. 343. Сравни: Протоколы Третьего съезда РСДРП. Под ред. Н.К. Крупской. М., 1937. С. 134–137.

[39] Более подробно о связи делопроизводства ЦК РКП(б), архивного строительства и исторической науки написано в моей книге "Протоколы Политбюро, Оргбюро и Секретариата ЦК как исторический и историографический источник", которая готовится к печати.

[40] РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 112, д. 198, л. 38–38 об.; Сборник руководящих материалов по архивному делу (1917–1941 гг.). М., 1961. С. 105; Ленин КПСС и партийные архивы. М., 1989. С. 128.

[41] СУ РСФСР. 1923. № 72. Ст. 703; 1923. № 76. Ст. 740; 1924. № 40. Ст. 368; 1926. № 7. Ст. 47.

[42] Х о р х о р д и н а Т. История Отечества и архивы: 1917–1980-е гг. М., 1994. С. 102–103. См.: Узаконения и распоряжения по архивному делу // Архивное дело. 1925. Вып. II. С. 116–117.

[43] С а в и н В.А., В и н о г р а д о в Я.Ю. Указ. соч. // Отечественные архивы. 1994. № 1. С. 19. См.: Сборник циркуляров и распоряжений по архивному делу. Л., 1929. С. 31.

[44] См.: Архивное дело. 1926. Вып. VII (№ 7). С. 106. См. также: Х о р х о р д и н а Т. Указ. соч. С. 106, 158; С а в и н В.А., В и н о г р а д о в а Я.Ю. Указ. соч. С. 19.

[45] Документы изданы в журнале "Большевик". 1926. № 23–24. С. 107–113.

[46] Еженедельник Наркомпроса. 1927. № 41. С. 19–22; № 42. С. 10.

[47] Ленин о штрейкбрехерах в Октябре 1917 – штрейкбрехерство в 1917 и штрейкбрехерство в 1927 // Правда. 1927. 1 ноября.

[48] П е к а О.В. Политизация архивной системы в 20-е годы. Кадровый аспект // Зеркало истории. Двадцать лет кружку истории древности и средневековья. М., 1992. С. 129.

[49] СУ РСФСР. 1929. № 16. Ст. 173. См. также: Сборник руководящих материалов по архивному делу (1917–1941). С. 35–61.

[50] С а в и н В.А., В и н о г р а д о в Я.Ю. Указ. соч. С. 20.

[51] К о н а ш е в М.Б. Указ. соч. С. 50.

[52] См.: Академия наук СССР и ЦК ВКП(б). 1927–1930 гг. Публикация Зеленова М.В. // Исторический архив. 1997. № 4. С. 133, 134.

[53] Перечень наиболее важных материалов, изъятых из Библиотеки АН, Библиотеки Пушкинского Дома и других академических хранилищ, см.: Источник. 1997. № 3, 4.

[54] Как пишет Ф.Ф. Перченок, 134 ящика с материалами работ правительственной комиссии по чистке аппарата АН из библиотеки АН было передано через фельдъегеря ОГПУ в Центроархив РСФСР, 28 ящиков – из Пушкинского дома и т.д. Материалы поступили в Институт Ленина, в Истпроф, в Институт Маркса–Энгельса, в госфонд для распродажи и распределения по музеям. Общие данные о списке конфискованных документов см. в статье: П е р ч е н о к Ф.Ф. "Дело Академии наук" // Природа. 1991. № 4. С. 98. Примерно те же данные указываются в опубликованном в 1997 г. отчете Ю. Фигатнера в ЦКК ВКП(б). См.: Источник. 1997. № 4.

[55] Справочник партийного работника. Вып. VII. Ч. 2. М.; Л., 1930. С. 271–272.

[56] Еженедельник Наркомпроса. 1930. № 11. С. 25–33; 1932. № 19. С. 10. Впервые тезис о чистке литературы, изданной в 1924–1926 гг., появился в 1927 г. См.: Еженедельник Наркомпроса. 1927. № 6. С. 17.

[57] Еженедельник Наркомпроса. 1930. № 22. С. 11.

[58] Там же, № 11. С. 27, 28.

[59] Инструктивное письмо о пересмотре книжного состава массовых политпросветских и профсоюзных библиотек. [МОНО. Московская Областная библиотека]. М., 1930. С. 42.

[60] Архив РГБ, оп. 14. 1929–1930, д. 32, л. 67, 13, 14–14 об., 48, 51 об.; оп. 42, д. 32 г, л. 4 об.

[61] Подробнее см. Solanus. Vol. 12. 1998. P. 64–68.

[62] См. подробнее: С а х а р о в А.Н. Дискуссии в советской историографии: убитая душа науки // Советская историография. М., 1996. С. 138.

[63] РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 113, д. 587, л. 2.

[64] Там же, оп. 3, д. 691, л. 1.

[65] Там же, оп. 113, д. 681, л. 126.

[66] Бюллетень Наркомпроса. 1932. № 61. С. 6.

[67] Большевизация книжного фонда. Великий перелом в библиотечном деле / Публикация А. Ватлина // Независимая газета. Книжное обозрение "Ex Libris НГ". 1999. 20 мая. С. 16.

[68] РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 904, л. 4; д. 905, л. 13–14; д. 906, л. 14.

[69] Бюллетень НКП. 1933. № 6. С. 11. То же см.: Сборник директив по библиотечной работе. Изд. 2, испр. и доп. М.; Л., 1935. С. 36.

[70] РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 120, д. 87, л. 27–28.

[71] Крупская Н.К. О библиотечном деле. Т. 3. С. 406.

[72] Архив РГБ, оп. 43, д. 105, л. 2, 2 об., 4.

[73] Бюллетень Наркомпроса. 1934. № 28. С. 2–4. Отчет ГБЛ о проделанной работе см.: Архив РГБ, оп. 52, д. 44, л. 2.

[74] Государственный архив Нижегородской области (ГАНО), ф. 1457, оп. 2, д. 10, л. 41.

[75] Там же, д. 10, л. 85.

[76] КПСС в резолюциях... Изд. 9. Т. 6. М., 1985. С. 234.

[77] ГАНО, ф. 1457, оп. 2, д. 10, л. 97 и об. Публикацию см.: Fainsod M. Op. cit. P. 18; Korsch B. Op. cit. P. 30–31.

[78] Савин В.А., Виноградов Я.Ю. Указ. соч. С. 21.

[79] ГА РФ, ф. 9425, оп. 1, д. 5, л. 36.

[80] Там же, д. 12, л. 91–92; ГАНО, ф. 1457, оп. 1, д. 7, л. 59, 60, 76, 101, 155.

[81] История советской политической цензуры. С. 311.

[82] ГА РФ, ф. 9425, оп. 1, д. 5, л. 30.

[83] Варламова С.Ф. Спецхран РНБ: прошлое и настоящее. С. 77. Она указывает на то, что первый сохранившийся акт по спецхрану ГПБ датирован 1 июня 1935 г. См.: Варламов С.Ф. К истории создания и развития спецфондов ГПБ им. Салтыкова-Щедрина. С. 162. Первые документы по спецхрану в Горьковской областной библиотеке им. В.И. Ленина датируются также 1936 г. Этот факт сообщил на международном симпозиуме по цензуре в Нижнем Новгороде в июле 1999 г. И.В. Нестеров.

[84] ГА РФ, ф. 9425, оп. 1, д. 5, л. 30.

[85] Там же, л. 33, 66, 87.

[86] Там же, д. 2, л. 32. Опубл.: История советской политической цензуры. С. 492.

[87] Там же. С. 493–494.

[88] ГА РФ, ф. 9425, оп. 1, д. 2, л. 34.

[89] Там же, д. 7, л. 310 л. 374 и об., 375 и об.

[90] Там же, д. 2, л. 27. Опубл.: История советской политической цензуры. С. 490–491.

[91] Там же. С. 491–492.

[92] Хорхордина Т.И. Архивы и тоталитаризм (Опыт сравнительно-исторического анализа) // Отечественная история. 1994. № 6. С. 156.

[93] Сахаров А.Н. Предисловие // Историки России. XVIII – начало XX века. М., 1996. С. 4.

[94] Отечественные архивы. 1999. № 2. С. 4.

ИЗ ДНЕВНИКОВ СЕРГЕЯ СЕРГЕЕВИЧА ДМИТРИЕВА*

1956 год

Воскресенье 6 мая. Пасха. 〈...〉 На улицах и в метро очень людно, много людей "навеселе", многие пошатываются, но все лица довольные, а настроение благодушное. Пасха написана на лицах. Идут семьями, с женами и детьми. Народный праздник.

8.05. Редакционная статья "Литературной газеты" озаглавлена "Жизнь и литература". Она прямо говорит о "хороших и разных" настроениях в писательской среде, возбужденных разговорами о "культе личности". Есть писатели, забывающие о партийности литературы, готовые к "всеядности и всепрощению". Находятся люди среди писателей, зовущие назад, к началу и середине 20-х гг., когда, по их мнению, все было хорошо. Говорят: не пора ли развенчать Маяковского и Станиславского, предлагают пересмотреть отношение к осужденным произведениям Зощенко. Некоторые твердят, что в советской литературе от народности и от реализма не осталось ничего, а литературная наука парализована и находится в состоянии деградации. На писательских собраниях кое-кто говорил даже, что литература не должна быть "служанкой политики". Конечно, все эти мысли объявлены газетой болотными настроениями. А советская литература, конечно, сильна партийностью и прямой связью с политикой Компартии и советского государства.

Два обстоятельства интересны:

1) Среди писателей, как и среди ученых, есть думающие люди. Но думать вслух им не дают. Правда, считая их неспособными думать серьезно, к думающим из них не применяют еще таких мер, как к думающим ученым. Тех просто лишают партбилетов и гонят с работы с прописанием в газетах имен. Об этих (писателях) пишут (пока пишут!) вообще, без наименований.

2) В большой статье ни разу не помянуто о социалистическом реализме. Может быть, пришли к выводу о желательности не соваться, где надо и не надо с этим "голым королем"? Хотя бы на время похода за преодоление сектантства. Ну, а когда эта кампания пройдет, как и всякая кампания, то можно будет опять с писаной торбой "социалистического реализма" носиться.

Разумеется, главной мыслью статьи является вариация на старую салтыковскую тему: "Ты критикуй, но помни!" И литературная газетенка пискнула свой вариант: "Нельзя недооценивать вред, причиненный культом личности, но нельзя и возводить этот культ до всеобъемлющей характеристики целого исторического этапа". А что же льзя для братьев-писателей? Что можно для советских граждан вообще? Можно следовать за литературной газетенкой и политикой партии, призывающих дружно к глубокой мудрости: "*С одной стороны*, нельзя не сознаться, но *с другой стороны*, нельзя не признаться". Что же удивляться растерянности писателей, неспособности их к созданию художественных произведений, отставанию общественных наук? По трафарету "с одной стороны" и "с другой стороны" существовать можно, творить нельзя.

9.05. Напечатан долгожданный проект закона о пенсиях. Для придания Верховному совету видимости действующего парламента указано, что проект подлежит утверждению Советом. При утверждении "развернут", разумеется, и прения, и даже борьба мнений будет. Заранее подготовленные и срепетированные.

* Продолжение. Начало см.: Отечественная история. 1999. № 3–6; 2000. № 1.

Во вчерашней "Правде" теперешний наш друг Тито заявил по вопросу о демократии[1]: "Ни я и никто из нас не думает, что только система многих партий позволяет свободно высказывать мнения...* Я считаю, что свободная дискуссия вполне возможна при такой системе, как наша, а также и в других социалистических странах. Наиболее демократический метод заключается в принятии уже оформившегося мнения большинства". Неизвестно только, как может оформиться мнение большинства и меньшинства и какими приемами определяют правящие люди, чье мнение следует считать мнением большинства, а чье – заблуждением меньшинства. И всегда ли заблуждение есть удел меньшинства? Или оказаться среди меньшинства и есть заблуждение уже само по себе?

А к вопросу о возможности свободной дискуссии (в *закрытых* пределах партийных организаций) при однопартийной диктатуре хорошей иллюстрацией недавно была статья в "Правде" от 5 апреля текущего года "Коммунистическая партия побеждала и побеждает верностью ленинизму".

12.05. Сегодня отмечали довольно искусственно сфабрикованный юбилей – столетие Третьяковской галереи. Вечером по телевидению передавали торжественное заседание и концерт из Большого театра. По засушенности и скуке это было нечто из ряда вон выходящее. Присутствующие прямо обмирали от скуки. За все заседание ни одного живого слова от сердца, от души. Бесконечные заверения в любви к Коммунистической партии и горячем желании поскорее попасть в коммунизм. На сцене гигантский портрет Ленина. Ну, как не сказать: заставь дурака Богу молиться, он лоб расшибет. Доклад [Б.В.] Иогансона, как и его статья сегодня в "Правде" о галерее, – предел серости, переполнена общими местами. Только один старик И.Э. Грабарь чуть-чуть на несколько минут оживил собравшихся своим приветствием от имени советских художников.

Воскресенье 13.05. ⟨...⟩ Я и Игорь ездили в Никольское для уборки могилы папы. Нашли там все в порядке, прибрались после зимы. В церкви шло богослужение. Вернее, сразу две службы. Внизу, в теплой церкви, отец Владимир крестил детей. Вокруг священника стояла очень большая очередь ожидавших крещения их детей. Ребята отчаянно вопили, человек двести присутствовало. В верхней холодной церкви кого-то отпевали; при церковных дверях стояла крышка гроба. Вокруг церкви было много оживленных людей. Мужчины (молодые) среди них были не в меньшем числе, чем женщины. Над входом в храм светились буквы ХВ [Христос воскресе] из цветных электрических лампочек. На кладбище вокруг церкви люди приводили в порядок могилы, мели дорожки, приносили песок. Все в целом напоминало настроения пасхальных дней до революции. Люди были приодетые, бодрые. Много молодежи – девушек и молодых людей – толпилось в ограде. ⟨...⟩ В этот день происходила "отдача Пасхи".

14.05. ⟨...⟩ Вечером потрясающе скучным было заседание и концерт французской литературы и искусства из ЦДРИ. Председатель Борис Полевой и докладчик Вал. Дынник были, что называется, два сапога пара. Полевой поражал серостью, неумением связать двух слов; от Дынник несло страшной скукой. Она "везла" свое слово: ни искорки счастливой мысли, тонкости, удачного выражения. Впечатление такое, будто бы перевелись, перемерли талантливые люди в России; за весь вечер ничего яркого, живого. И это за вечер, посвященный французской литературе!

Перевелась русская интеллигенция, перевелась и подлинная культура.

3.06. ⟨...⟩ Умная статья Карделя[2] ["О руководящей роли Союза коммунистов Югославии в социалистическом строительстве" // "Правда". 1956. 2 и 3 июня], хотя и посвящена Югославии, но почти полностью имеет прямое отношение к нашим домашним делам. Бюрократизм, администрирование, централизация и попрание демократизма – черты, которые неотъемлемы в характеристике всего строя СССР, начиная, по крайней мере, с 1925–27 гг., а с 1930–34 гг. они приняли гигантские размеры. Эти черты и поныне являются господствующими и определяющими, хотя с 1953 г. кое-что непоследовательно и нерешительно предпринимается для их изживания. "Демократические формы диктатуры пролетариата" (слова Карделя) были попраны и сведены на нет, а сталинско-партийная бюрократия, опираясь на аппарат полиции и армии, торжествовала безраздельно. Югославские коммунисты взяли "курс на децентрализацию и демократизацию исполнительной функции власти

---

* Подозрительное многоточие в газете. Что за ним скрыто? (*Прим. авт.*)

вообще и особенно в управлении народным хозяйством". Такой же курс пытаются взять и наши правители. Но нельзя ни взять, ни держать сколько-либо твердо, длительное время такой курс при существовании однопартийной системы. Югославы это нутром чувствуют. Мы даже и не чуем ни сном, ни чухом. Югославы, барахтаясь от своих чувств, преобразовали Коммунистическую партию в Союз коммунистов. А наряду с Союзом коммунистов пытаются поставить Социалистический союз трудящихся. Их барахтанье поучительно, заслуживает уважения и изучения. Не может быть и речи о социализме без демократии и децентрализации, без постепенного отмирания государства. Не может быть демократии без действительной (а не декларативно-бумажной) свободы печати и свободы личности. А обеспечить их при помощи диктатуры аппарата единственной, и правящей к тому же, партии тоже невозможно.

5.06. Ходил я с Солей смотреть выставку современного индийского изобразительного искусства. Вещей немного, выставка небольшая, но очень разнообразная по художественному направлению отдельных групп картин. Общее впечатление, говоря языком советского искусствоведения, формалистическое. Содержание изображаемого художников интересует неизмеримо меньше, чем форма. Композиция, краски на первом месте. В немногих картинах чувствуется удачное совмещение национальных традиций с новыми, современными поисками западно-европейского и американского искусства живописи. В большинстве же – или подражательство традициям, или подражательство европейской живописи (картины индийских художников, писанные под Матисса, под Пикассо, под экспрессионистов, импрессионистов, футуристов, конструктивистов). Многое раздражает нарочитостью ужимок, вывертов, издевательским употреблением красок, цвета. Но в целом остается впечатление исканий, работы; очень многое задевает, останавливает.

Для советского зрителя картин, приученного к удручающей одинаковости живописи à la Бродский и Маковские, картины индийских художников, очевидно, представляются отражением в Индии "растленного", "космополитического" искусства современной империалистической буржуазии. Некоторые из посетителей считают долгом заявлять во всеуслышание о своем непонимании. ⟨...⟩

Беда наша в том, что сталинская централизация в сфере культуры – в частности, искусства, не только не изжита, но ее и изживать не хотят. Давно пора отказаться от единого Союза советских писателей, Союза советских художников, Союза советских архитекторов как организаций централизаторских, бюрократически-уравнительных, не творческих, а "корректирующих" творчество с позиций догм "социалистического реализма", никому толком неизвестного. Со времени 1913 г. наше искусство искусственно и насильственно оторвано от развития искусства во всем мире. Мы не видели *современного* искусства Европы и Америки вот уже сорок лет. Из стран народной демократии мы привозим только то, что нам нравится: в их искусстве мы признаем только подражательство нам же. Естественно, что при отсутствии знания нам трудно судить – нет возможности сопоставлять, сравнивать.

2.07. В газете "Правда" и др. напечатано постановление ЦК КПСС "О преодолении культа личности и его последствий" от 30 июня. Постановление большое, но столь же мало удовлетворительное, как и пресловутый "специальный" доклад Хрущева на закрытом заседании XX съезда. ⟨...⟩ Новое постановление будет содействовать не "преодолению культа личности и его последствий", а, наоборот, оживлению и ободрению тех могущественных сил, которые были и являются носителями этого так называемого культа личности. Постановление в сущности пытается отвести возможное развитие критики и самокритики в русло истории, обратить их к *умеренной критике прошлого*, пресечь всякие размышления о ныне существующем общественном строе и действующем политическом режиме. Смысл постановления в объявлении *грубыми ошибками*: а) выводов об изменениях в общественном строе СССР, делаемых из факта наличия "культа личности" в прошлом (!?); б) поиски источников культа личности в природе советского общественного строя.

Таков живой, действенный смысл этого постановления. Он вполне "ждановский", в духе ждановщины: глушить мысль, уводить ее от фактов, от жизни к догме, к директиве, к установке. Признание таких мыслей грубо ошибочными и есть "установка".

4.07. ⟨...⟩ Очень плохо, видно, дело с охраной богатств природы и памятников культуры у нас. Плохо и с городским бытом. В газетах только и пишут о разорении и захламлении Тарусы, о гибели рыбы во всем низовье Волги, начиная от Сталинграда, о близящейся

погибели Азовского моря с его рыбными богатствами. Писатель пописывает, а читатель почитывает. А о разорении и гибели памятников старины и искусства сколько писано! А памятники продолжают уничтожаться и разоряться.

21.07. ⟨...⟩ В сегодняшней "Лит. газете" (1956. № 86 от 21.7) статья В. Шапошниковой "Открыватели" о краеведах, запущенности краеведной работы, отсутствии центрального руководства ею. В статье верно сказано о бурном развитии краеведения в первые годы советской власти. Но после ликвидации ЦБК и местных бюро краеведения краеведы были оставлены без руководства, а их живое и нужное дело задушил формализм. Автор воздержался написать о действительности: не формализм задушил дело краеведения, а ОГПУ разгромило его, признав делом крамольным. Вывод: "Нужно исправить ошибки, совершенные в прошлом, и на широком совещании обсудить проблемы современного краеведения".

Вот такова вся история наша. Создаем, разрушаем, снова воссоздаем. Нет никакой прочной традиции, устойчивой преемственности в любом деле. Сначала все отрицается начисто, оплевывается, проклинается и предается забвению и мерзости запустения. Потом спохватываются, стараются лихорадочно наверстать упущенное, кричат о возрождении, открывают давно открытое и известное. Прав, прав был Чаадаев ! ⟨...⟩

А в "Лит. газете" от 19 июля (№ 85 за 1956 г.) Ефим Дорош выступил со статьей "Берегите памятники старины". Вечная тема о гибели памятников, об их уничтожении. Но писатель пописывает, а читатель почитывает. Партийные и советские органы не желают заниматься охраной этих памятников. Дорошу нужно охранять эти памятники вовсе не от равнодушных или невнимательных людей, а от разрушителей, от врагов этих памятников. И эти враги и разрушители – представители *власти, правящей партии*, потворствующие разрушению памятников, в душе мечтающие о том блаженном времени, когда (как им кажется, в интересах укрепления коммунистического сознания в массах) не будет ни одной церкви, ни одной иконы, когда люди не любоваться будут природой, а *пересоздавать* ее. Вот они-то и "пересоздают", т.е. коверкают и ломают, пачкают и травят красу родины, ее память. Разве дикое переименование городов, площадей и улиц – это не покушение на народную память? Разве не гнусно жить живым людям в Горьком, в Щербакове, в Калинине, в Кирове? Да что писать! Лучше бы вспомнить товарищу Дорошу тех архитекторов, историков, искусствоведов, которых сажали за защиту ими Сухаревой башни или Покровской церкви в Москве, за противодействие взрыву Ярославского собора, за оборону Красных и Иверских ворот! Неужели ему не гнусно писать полуправду, четверть-правду, правду осколочную, искаженную! И неужели он и ему подобные могут думать, что такой четверть-правдой они пользу делу принесут?

12.10. Разговаривал с Б.Д. Дацюком по телефону. Он теперь заведует кафедрой истории в ВПШ [Высшей партийной школе] при ЦК КПСС. Особа в своем роде влиятельная. Особа пышет негодованием против направления "Вопросов истории", Бурджалова и, косвенно, осторожно, против А.М. Панкратовой, на которую Бурджалов несомненно опирается. Симпатии Дацюка на стороне Бугаева и его заметки в "Партийной жизни" (№ 14 за 1956 г.) по адресу "Вопросов истории"[3]. Против направления "Вопросов истории" в меру своих сил и возможностей Дацюк ведет борьбу. Вчера на своей кафедре он организовал поход против этого направления. На той неделе предстоят две враждебные этому направлению дискуссии в Академии общественных наук и на кафедрах истории КПСС и советского общества в МГУ. По словам Дацюка, в Институте истории направление "Вопросов истории" кое-кто именует "бурджаловщиной".

Дух свободного критического исследования неприемлем для людей, неспособных к исследованию. Он страшит их. И они правы в своем страхе, правы с точки зрения их интересов. Целые поколения интеллигенции, ученых, пропагандистов воспитаны были в духе догматизма, директив, указаний. Свободное критическое исследование, если оно получит право на жизнь, быстро вытеснит таких людей из интеллигентов, ученых и пропагандистов, отстранит от занимаемых постов и должностей. Сила таких людей очень велика. Неразборчивость в средствах также.

О Бурджалове же можно сказать словами Эренбурга из ранних стихов: "Я не трубач – труба. // Дуй, время. // Дано им верить, мне звенеть..." Время подуло через трубу, называемую "писатель Эренбург". И появилась "Оттепель"[4]. Сила давнула, и оттепели не стало. Но время прорывается. Теперь через трубу "Вопросов истории". И снова пытаются загнать обратно, заглушить. Весьма вероятно, что и на этот раз удастся заглушить. Сделать

это тем более легко, что "Оттепель" как произведение художественной литературы очень слаба. А Эренбург давно исписался. Направление же "Вопросов истории" и Бурджалова – направление слабое, сам Бурджалов в сущности только пропагандист, крикун, даже визгун. Не интересы науки им руководят, а горячее желание очутиться на гребне, блеснуть, выдвинуться перед тем, что ему кажется сейчас новым курсом. С такими противниками старым силам можно биться.

Н.Л. Рубинштейн, нередко желаемое принимающий за существующее, говорит, будто бы на днях особым решением какие-то высокие инстанции одобрили направление "Вопросов истории". Вышедший на днях 8-й номер этого журнала продолжает взятое направление.

13.10. Смотрел в Третьяковской галерее две выставки: А.А. Иванова (к 150-летию со дня рождения) и Ап.М. Васнецова (к 100-летию со дня рождения). Выставка Иванова подобрана хорошо. Его библейские рисунки и этюды, его картина "Явление Христа народу" великолепны. Это произведения великого мастера. ⟨...⟩ Уходишь с мыслью об Иванове как величайшем художнике-монументалисте, великом фрескисте, не оставившем ни одной фрески. Его акварели, сепии и пр. на библейские сюжеты – это русские "Тайная вечеря" Леонардо да Винчи, росписи Микель Анджело и Рафаэля в Сикстинской капелле.

Выставка Аполлинария Васнецова состряпана наспех, без любви. ⟨...⟩

Обиднейшее впечатление оставляет скверный "показ" замечательного русского искусства начала нашего века. В две темные залы в полном беспорядке напиханы: скульптуры Антокольского и ...Коненкова, картины Бенуа, Сомова, Кустодиева, Врубеля, В. Серова, Грабаря, Юона, Нестерова, Коровина, Малявина, Серебряковой. Позор Третьяковской галерее. позор советскому искусствоведению! Герцен бы воскликнул: "Под суд!"

19.10. ⟨...⟩ В "Правде" статья П. Федосеева[5] о недавнем конгрессе социологов в Амстердаме, посвященном социальным изменениям XX века. Статья интересна передачей некоторых мыслей современной зарубежной социологии. Автор справедливо критикует, разумеется, эти мысли "западной социологии". Отсутствие, к сожалению, социологии как особой науки у нас не позволило автору, однако, противопоставить этим мыслям свои собственные. Он горделиво и независимо ограничился указанием на положения исторического материализма и решения XX съезда КПСС. Что же за мысли были у западных социологов?

1) Понятие *изменения* (социального изменения) следует предпочесть привычным понятиям *развития*, *прогресса*. Ибо, по словам западно-германского профессора Визе, "выражает более осторожную, скептическую оценку жизненных и социальных изменений".

2) Причины социальных изменений нельзя сводить к какому-либо одному и единому фактору. На смену "однопричинному объяснению явлений" выдвигалась "многолинейная интерпретация" (эклектическая теория многих факторов, по определению автора статьи). Например, английский социолог Гинзберг считает,что "причинность – это совокупность факторов, которые во взаимодействии друг с другом подвергаются изменению в своем характере и продолжаются в следствии". Мысль не новая, но интересная. Замечу, что "вряд ли новой можно признать и мысль автора статьи (впрочем, он является всего только ученым догматиком, повторяющим не свои мысли, а мысли, признанные за верные людьми, которые обеспечивают благополучное существование этого догматика) о том, что социальные изменения определяются прежде всего изменениями в способе производства". Этой мысли уже по крайней мере более ста лет. С другой стороны, справедливость требует признать, что как однопричинные объяснения социальных изменений, так и "многолинейная интерпретация" их имеют каждая свои сильные и слабые стороны.

Такая сложнейшая категория как "социальные изменения" вполне возможно является для обществоведения таким же вечным объектом познавания, как [для] естествознания "природа". Познавать эту категорию людям, обществу доступно, возможно, но посильно ли достигнуть полного ее познания? До сих пор опыт всемирной истории показал только, что людям все время кажется, что они познали эту сложную категорию. И руководствуясь, удовлетворяясь на время своим временно и условно устойчивым "знанием", они действуют, рассчитывая на одни результаты своих действий, но, как правило, получая результаты другие, иные, порою совсем противоположные тем, на достижение которых все возлагали надежды и твердое упование. Во всяком случае всегда что-то получается. И вдруг находятся люди, которые предпочитают истолковывать и объяснять это получившееся. Истолковывать в чьих-либо интересах, понятно. Так, например, тот же Гинзберг полагает, что есть

"шесть групп факторов, которые будто бы определяют социальные изменения". Что это за факторы, автор статьи не сообщает.

3) Понятие классов устарело. Новым научным понятием, соответствующим современной обстановке, должны быть "страты", социальные слои. Не о классовом делении общества следует говорить, а о *социальной стратификации*, о распределении людей по различным социальным группам. Считается, что такие группы не связаны с определенным отношением к средствам производства. Они различаются в зависимости от положения людей на служебной лестнице, от профессии, образования, от источников и размеров дохода и т.д.

Итак, *новое понятие социальной стратификации* взамен понятия о классах и классовой структуре общества.

4) Новое *понятие социальной мобильности*. В западном обществе сняты классовые барьеры. Западное общество – это "открытое общество", где каждый может быть, кем он хочет. В этом обществе, по утверждениям его защитников, классовые противоречия сгладились; крайние классы – пролетариат и буржуазия – преобразовались. Преобладающим становится будто бы средний класс, неравенство в доходах все более стирается.

Вероятно, известные тенденции такого рода есть в социальных изменениях западного общества. Но есть в нем и другие тенденции.

5) Согласно утверждениям социологов западного общества, *при социализме усиливается классовое расслоение общества, появляется новый правящий класс – интеллигенция*. Здесь автор в благородном негодовании указывает на "народный характер социалистической интеллигенции". По его словам, советская интеллигенция состоит из 1733 тыс. учителей, 1390 тыс. инженеров и техников, 254 тыс. специалистов сельского хозяйства, 1000 с лишним медицинских работников и, наконец, служащих предприятий и учреждений, обеспечивающих ведение хозяйственного и культурного строительства, административное управление. Никаких цифровых показателей этой последней группы советской интеллигенции не дано. Оно, конечно, и лучше, убедительнее покажется. Если сложить цифры первых четырех групп, то получим примерно 4377 тыс. человек с лишним. Куда автор относит партийный аппарат, постоянный командный состав армии и других специально государственных институтов (разведка, контрразведка, политическая безопасность и проч.)?

Приведя свои четыре цифры, автор статьи ограничивается таким заявлением: "Перед лицом этих фактов битыми оказались попытки недругов социализма использовать развернувшуюся у нас критику проявлений бюрократизма и плохих администраторов для охаивания советской интеллигенции". Dixi*.

А во вчерашней "Литературной газете" поэт И. Сельвинский в статейке "Народность в поэзии" доказал, как дважды два четыре, что: 1) поэтов вроде Никитина, Кольцова и "печальника горя народного" Некрасова в советской литературе быть не может. Не может быть и "народного" течения в советской поэзии. Неизвестно только, а могут ли быть в советской поэзии Фет, Вл. Соловьев и Блок? Или им подобные? 2) А не может их быть потому, что нет у нас и не будет никакого горя народного. Понятия "общество" и "народ" у нас слиты воедино. "Народное горе в нашем представлении – это безысходное горе рабочих и крестьян, эксплуатируемых капиталистами и помещиками. С уничтожением кровососов исчезло древнее, вековое народное горе со всеми его корнями и корневищами". Ура! Ура! Ура! Уваров, Погодин, Шевырев и Булгарин с Гречем в загробном мире лобызаются и слезы льют, глядя на проделки Сельвинского. Новое издание старой теории официальной народности так легко ему далось. Какой способный публицист, какой сильный мыслитель!

26.10. ⟨...⟩ Дочитал роман Дудинцева "Не хлебом единым..." в "Новом мире" (№ 8, 9 и 10 за 1956 г.) В художественно-литературном отношении вещь обыденная для советской литературы. Но по содержанию, по общественно-политическому настроению и тенденции очень интересная. Партийный и советский руководящий (министерский) аппарат, равно и научно-технический мир показаны как перерожденцы, люди, полностью погруженные только в борьбу за свои личные интересы. Закон и политическая полиция стоят на охране формы, а в конечном итоге – интересов перерожденцев. Настоящие, честные, идейные люди – одиночки (Галицкий), чудаки (Бусько), неудачники (герой Лопаткин, Валентина Павловна). Собрание перерожденцев остается непобежденным. Оно сильно, оно продолжает борьбу. А против него в течение всего романа почти одинокий Лопаткин, в конце

---

* Я сказал (лат.), т.е. я высказался, я сказал все, я кончил.

романа – отделение во главе с Лопаткиным, т.е. 11 человек. Маловато для 39[-го года] социалистической революции, создавшей будто бы невиданное морально-политическое единство советского общества. Судя по роману, такое единство действительно создано, существует. Только это морально-политическое единство общества карьеристов, бюрократов, рвачей, невежд, предателей и обманщиков. Они вполне едины, цементируемые еще равнодушными. В романе есть борьба честных одиночек против бесчестного общества. Легко догадаться, на чьей стороне будет победа.

Разумеется, такой роман всех заденет. Недовольных будет очень много: все морально-политически единое общество будет недовольно. Слышал, что готовится разнос романа в "Партийной жизни", что Союз советских писателей уже подготовил проработку романа на "свободной дискуссии", заранее подготовленной, понятно. Однако толпы собравшейся у Дома Союза писателей молодежи, настроенной в пользу романа и его автора, заставили братьев-писателей призадуматься. Подумав, они отложили дискуссию-проработку.

31.10. Днем я, Соля и [А.И.] Гуковский смотрели в Музее изящных искусств выставку Пабло Пикассо и выставку "Бельгийское искусство конца XIX–XX вв. от Менье до Пермеке". Обе выставки чрезвычайно интересны. У Пикассо все интересно, все поиски, много открытий, находок, немало вывертов и неудач. Произведения его никого не оставляют равнодушными – они ранят, раздражают, возбуждают, интригуют, разочаровывают, привлекают, отталкивают. В развитии мирового искусства живописи место мучительных поисков художником новых средств выражения очень велико. Крайне интересны литографии и рисунки из частных собраний И. Эренбурга и С. Юткевича, особенно первого. Мне показались очень острыми и яркими рисунки двух натурщиц (в нескольких вариантах), рисунки "Репетиция", "Танец", "Игра в быка с бандерильями", очень хороши портреты Эренбурга и Юткевича. Из масляной живописи очень хороша серия картин-портретов "Поль, сын художника", пейзажи.

Бельгийскую выставку посмотрели выборочно, времени было мало. Нужно сходить еще. Смотря на картины и рисунки бельгийцев, убеждаешься снова, что все разговоры о вырождении, распаде, тупике, загнивании буржуазного искусства наших дней (разумея всю первую половину и середину XX в.) – чепуха, высосанная из пальца. ⟨...⟩

2.11. ⟨...⟩ Днем я участвовал в издательстве "Молодая гвардия" в обсуждении вопроса о возобновлении издания серии "Жизнь замечательных людей". До конца я не просидел, стало неинтересно. Выступили Кузнецов из Академии наук, я, писатели Л.П. Гроссман и Каверин. Я предлагал 1) определять жанр книг серии не как "научно-художественные биографии", а как "научно-популярные биографии"; 2) расширить понимание "замечательных людей" за пределы революционеров, государственных деятелей, писателей, ученых, артистов и художников, не считать только людей указанных профессий единственными представителями общественно-полезного труда; 3) не превращать серию "Жизнь замечательных *людей*" в серию "Жизнь замечательных *мужчин*". Нельзя представлять дело так, будто бы замечательны лишь те женщины, которые успешно действовали в той или иной отрасли, так сказать, мужской деятельности. Гроссман и Каверин со мною согласились. Присутствовавший Л.В. Никулин не выступал и вскоре ушел.

3.11. Еще раз ходил вместе с Солей и Гуковским на выставки Пикассо и бельгийского искусства конца XIX–XX в. Публики очень много, шумно и оживленно. В двух залах выставки Пикассо даже утомительно шумно. Все судят, рядят, спорят. Равнодушных нет, одни ворчат и злятся, другие восхищаются, пытаются объяснить окружающим, возникают споры. Рассказывают, что на днях споры эти достигли такой остроты, что в залах выставки началась драка между сторонниками и противниками Пикассо. Несколько милиционеров должны были вмешаться и разнимали драчунов. Не знаю, в связи ли с этим происшествием или нет, выставку посетил один из замов министра культуры СССР. Посмотрев выставку Пикассо, он будто бы заявил: "Нужно все это поскорее убрать". Поговаривают о возможности неожиданного и очень ускоренно-быстрого закрытия выставки Пикассо. Все усиленно стремятся ее поскорее посмотреть. Мы пришли вскоре после открытия и прошли свободно. Когда же выходили, на улице перед зданием музея стояла большая очередь человек 200–250. Состояла она главным образом из молодежи. Люди стояли при небольшом морозе и сильном ветре. Так стояли, когда показывали Дрезденскую галерею.

Мы еще раз внимательно смотрели главным образом выставку бельгийскую. Общее впечатление очень большое, праздничное, разнообразное. Каждый художник имеет *свое* лицо, пишет *свои* картины, решает *по-своему* художественные задачи. ⟨...⟩

Главная тема всех разговоров – события в Венгрии. Судя по всему, не сегодня, так завтра начнется открытая военная интервенция СССР против Венгрии. Раздавят венгерский народ и зальют еще раз кровью землю Венгрии. 〈...〉

Черное воскресенье 4.11.1956. Сегодня факт военной интервенции СССР против Венгрии стал очевидным и был гласно провозглашен правительством СССР. Конечно, не без помощи небольшого фигового листика. Таким листиком явилось по мановению нашей дирижерской палочки выскочившее будто бы в Будапеште революционное рабоче-крестьянское правительство Венгрии во главе с Яношем Кадаром. 〈...〉 Стыдно быть русским. Стыдно потому, что хотя венгров подавляет не русский народ, а коммунистическая власть СССР, но русский народ молчит, ведет себя как народ рабов. Не может быть свободна нация, которая подавляет другие народы – говорили когда-то лучшие люди[6]. Именем русского народа и его кровью творятся черные кровавые дела. И народ молчит. Его совесть спит, его сознание обмануто, в нем нет протеста против этих черных дел. 〈...〉

7.11. Постыдные для нашей страны дни. Силы Советской армии, судя даже по нашим официальным газетам, все еще продолжают душить Венгрию, заливать ее землю венгерской кровью. А лицемеры, собранные вчера на торжественное заседание в Дворец спорта по случаю 39-й годовщины Октябрьской революции, аплодировали словам докладчика Суслова о подавлении контрреволюции в Венгрии. 〈...〉

Несколько дней назад в Москве на шарикоподшипниковом заводе была трехдневная (?) итальянская забастовка рабочих. Поводом послужило снижение расценок за нормы выработки. Уговоры властей – партийных и советских – не подействовали. Должны были уступить и вернуть прежние расценки.

Рассказывают, будто бы где-то в Донбассе рабочие бастовали чуть ли не три недели.

Но все это стихийные проявления народного негодования. В них нет сознания, нет политических лозунгов. Такие проявления бессильны в борьбе против огромного партийно-советского аппарата и всех средств пропаганды, находящихся в его руках.

Диктатура и демократия – вещи непримиримые. Если мы за диктатуру, то "демократия" нужна нам только как украшение; "демократия" наша на деле есть деспотия. И будет таковой. Конечно, когда в итоге диктатуры мы все раздавим и подчиним этой диктатуре, тогда мы устроим и "демократию" для людского стада, обманутого и довольного тем, что его кормят и дают ему работу. 〈...〉

20.11. 〈...〉 Наши отечественные сталинисты и блюстители чистоты марксистско-ленинской теории также не дремлют. Они понемногу оживляются и от обороны переходят к нападению. В области исторической науки у них сейчас одна забота – вывести бельмо на глазу, каким для них стал журнал "Вопросы истории". Лягать фактического редактора этого журнала Бурджалова стало теперь необходимой приправой для любого выступления историка или кого бы то ни было на исторические темы. Но позиции лично Бурджалова как автора статьи в № 3 "Вопросы истории" этого года[7] довольно трудно опровергнуть. Сейчас задумали и свалить Бурджалова, и "унять" журнал с помощью другого хода. Сегодня в "Правде" письмо в редакцию В. Смирнова – доцента кафедры истории КПСС естественных факультетов МГУ. Озаглавлено письмо "Неправильное освещение важного вопроса". Такое неправильное освещение автор письма открыл в статье М.А. Москалева[8] "Борьба за создание марксистской рабочей партии в 90-х годах XIX в." (см. "Вопросы истории", 1956, № 8). Москалев утверждал, будто в работах 1890-х гг. Ленин дал не идею революционного союза рабочего класса и крестьянства, а лишь "ряд положений, подводивших к идее союза рабочих и крестьян". Автор письма критикует такое утверждение и защищает незыблемость и истинность тезиса "Краткого курса" истории партии (т.е. официального сталинского учебника по истории партии и свода всей теории марксизма-ленинизма). Тезис гласил: Ленин впервые выдвинул идею революционного союза рабочих и крестьян уже в книге «Что такое "друзья народа"», т.е. в 1894 г. Следовательно, доказывает В. Смирнов, «журнал "Вопросы истории" в статье Москалева допустил грубое искажение ленинизма в одном из важнейших его вопросов», а редакция журнала усугубила ошибку, сопроводив москалевскую статью примечанием, гласящим, что статья эта публикуется "как материал для преподавания истории КПСС". И, наконец, обобщающее (и уничтожающее, как рассчитывает автор) суждение о журнале в целом. За последнее время он опубликовал интересные статьи (объективно написано, черт возьми! чего вы еще хотите?!). Но (слушайте, слу-

шайте!)... "Вместе с тем в нем появились также статьи слабые и даже содержащие теоретически ошибочные положения. Обращает внимание стремление авторов некоторых статей под видом критики последствий культа личности пересмотреть давно решенные партией вопросы и поставить под сомнение бесспорные истины". Так-так. Вот тут-то, полагает автор письма, тот, кому следует, и припомнит о статьях самого Бурджалова, припомнит, что по адресу этих статей сказано уже в "Партийной жизни" и в "Коммунисте". Припомнят все это и в отделе науки ЦК КПСС. А припомнив, призовут к порядку зарвавшийся в научно-исследовательском пафосе и критическом изучении истины журнал "Вопросы истории". Теперь его к порядку призывают уже три органа (да еще какие органы: не органы, а киты, Голиафы, Левиафаны!) – "Партийная жизнь", "Коммунист", "Правда". Если уж он и после таких призывов не опомнится и не покорится, то пусть пеняет на себя. "Если враг не сдается, его уничтожают". А если он сдается, то его тоже уничтожают, но другим, более медленным способом.

Вчера закончилась конференция по Шамилю и движению горцев Северного Кавказа в 20–50-х гг. XIX в. Закончилась впустую. Крайне неудачно выступил Пясковский. Конечно, выступил Аджимян. Сильно критиковали странный доклад Н.А. Смирнова, и в своем заключительном слове он капитулировал, заявив: "Назвать движение мюридистским уже нельзя". К чему же тогда было выступать с докладом об идеологии мюридизма. Бушуеву и Фадееву более или менее удалось выйти сухими из воды. При вполне выраженном и резко отрицательном отношении аудитории к Бушуеву его выступление все же слушали. Из залы, правда, кто-то крикнул (кажется, Ю.З. Полевой), что Бушуев не историк, а циник. Удачно и с блеском говорил Бурджалов, говорил при явном негодовании Сидорова, пытавшегося заткнуть оратору рот. Нечкина побаивалась, что ей припомнят формулу о наименьшем зле, с ее легкой руки так широко пользуемую. Но опасения ее не оправдались.

24.11. Нет смысла писать даже для памяти суждения о текущей жизни. Политической жизни. Нет смысла потому, что волей-неволей приходится основываться в суждениях в основном на сведениях, взятых из нашей печати и радио. Но это такие ненадежные, слабые, удручающе неполные источники, что неразумно им доверять. [Далее – о противоречивых сведениях из Венгрии]. Одно бесспорно. Всеобщее народное восстание в Венгрии имело национально-освободительный характер. Восстание по существу одержало полную победу – смело старое правительство и старую правящую партию (Венгерскую партию трудящихся, т.е. коммунистов) и создало новые власти и иные партии. Вооруженная интервенция СССР подавила это восстание. Но подавила только силой, грубой материальной силой, оружием и превосходством сил. На подавление понадобился почти месяц. События начались 23 октября – вчера исполнился ровно месяц венгерского восстания и его подавления. Каковы же итоги? С помощью оружия и ценою крови внешнее единство социалистического лагеря во главе с СССР сохранено. От идеи сосуществования остались одни обломки. О морально-политическом единстве социалистического лагеря говорить не приходится.

26.11. Смотрел с Солей в ЦДРИ выставку картин Аристарха В. Лентулова (1882–1943). Декоративный художник. Есть у него интересные вещи ⟨...⟩ Портреты плохи, безжизненны; исключение составляют портрет жены 1913 г. и автопортрет художника (больной в 1943 г.). Но создать картины ему, пожалуй, не удалось ни одной. Содержания явно не хватает. Очень интересная и характерная у него палитра красок. Не будь революции и "дикого поля" господства "социалистического реализма" с подавлением всего прочего в живописи, Лентулов мог бы, возможно, выработаться в крупного художника той русской празднично-декоративной и земной живописи первой половины XX в., которая так щедро расцветала в творчестве Грабаря, Юона, Кустодиева, Судейкина, Ларионова, Кончаловского, Рериха, Куприна, Петрова-Водкина, Гончарова. Но все это направление было смято и растоптано. Картины рассеяны, художники забыты. В национальной галерее – Третьяковской – пустота, провал от передвижников до наших дней в лице Соколова-Скаля, А. Герасимова и прочих холстомазов.

27.11. ⟨...⟩ О делах несчастной Венгрии лучше не писать. Стыдно быть русским.

29.11. Вечером сидел на третьем, заключительном заседании кафедр истории КПСС и истории советского периода СССР, посвященном "дискуссии" о статьях "Вопросов истории". Общий уровень выступлений очень низкий. Большинство речей имело демагогический, митинговый характер. Ораторы "громили" Бурджалова, Панкратову (особенно старался

сателлит Сидорова Стишов), Дубровского, Шевякова, Пикмана, "громили" порочную и вредную "линию" журнала "Вопросы истории". Погромно-грубая речь ⟨М.И.⟩ Стишова. Все в целом очень напоминало обстановку и атмосферу разгромных "дискуссий" 1948–1950 гг., направленных против космополитов, объективистов, морганистов-вейсманистов. Сталинисты оживились заметно повсюду. Под видом критики ошибок журнала "Вопросы истории" они на деле отстаивают положение вне критики для "истории КПСС", отстаивают сталинские методы и дух подхода к идеологической работе, к науке. ⟨...⟩

11.12. Читаешь газеты и отчаяние овладевает. Бесстыдное вранье, дезинформация, замалчивание общеизвестного, самое неприкрытое, наглое недоверие к читателю, неуважение его. В пересказе, с пропусками, с многоточиями "Правда" поместила сегодня речь Тольятти на съезде Итальянской компартии. Все, что представляет прямой интерес и важность для советских коммунистов в этой речи, заменено многоточиями. Это орган ЦК КПСС, боящийся коммунистам СССР прямо передать то, что думает коммунист Италии! <...>

12.12. Задержку с выходом очередного номера журнала "Новый мир" объясняют так: его ответственного редактора, Симонова, вызывали в ЦК КПСС. Там, после головомойки, его убеждали "покаяться" в печати, в ближайшем номере журнала, в совершенных им ошибках и загибах в критике. Кому же охота спешить в Каноссу[9]?

В "Правде" сегодняшней речь Новотного[10] с резкой критикой речи Тито в Пуле 11.11[11]. Из критики хорошо видно, что Новотный 100%-ный сталинец (как и все истые сталинцы именует он себя, конечно, ленинцем). Его заверения о полном порядке в Чехословакии тошно читать. Впрочем, чем же они особенным отличаются от подобных же заверений венгерского Герэ[12] касательно Венгрии – заверений, сделанных в самые последние дни перед 23.10. 1956 г.? Или от заверений Маленкова в отчетном докладе на XIX съезде КПСС в октябре 1952 г.? В сущности, ничем. А каково действительное процветание и прекрасный порядок в Венгрии и в СССР, стало ясным в первом случае начиная с 23.10.1956 г., а во втором начиная с 5.3.1953 г.[13] все понемногу уясняется еще. <...> Настроение публики неустойчивое, неуверенное. Одни ждут "завинчивания гаек", расширения применения 58-й статьи, усиления зажимания ртов под благородным предлогом блюдения чистоты марксизма-ленинизма. Другие полагают, что эра либерализма и игры в демократию еще не изжита, что развитие самостоятельного мышления и творчества, самодеятельности трудящихся будет развертываться не только на словах. Но и эти, вторые, убеждены, что либерализм и демократия будут существовать в пределах. Пленум по идеологическим вопросам все отодвигается. О нем даже и не говорят почти. Ожидают пленум по хозяйственно-бытовым делам, по улучшению положения трудящихся.

Из анекдотов недавнего времени (сейчас что-то фонтан анекдотов несколько затих – устал, видимо):

Какое сходство между трамваем и культом личности? И там, и тут половина сидит, остальные трясутся.

13.12. Наши газеты сегодня сообщили о беспорядках на улицах Щецина в Польше 10.12. Совершены были налеты на здания милиции, прокуратуры и советского консульства. Арестовано властями 88 человек.

19.12. Статью в газете "Известия" от 2.12.1956 г. о романе Дудинцева "Не хлебом единым..." написали [М.С.] Бубеннов и [А.В.] Софронов. Так передают. Но подписали они статью псевдонимом "Крюкова", кажется[14].

Как будто бы Симонов остается главным редактором "Нового мира". Если остается, то это несколько утешительно.

Вчера в "Правде" огромная статья Павлова[15] с критикой речи Карделя. Югославские коммунисты обвиняются в отходе от марксизма-ленинизма, в ревизионизме. Если все эти обвинения 1956 г. признать справедливыми, то логично признать И.В. Сталина человеком и политиком куда более принципиальным, чем некоторые, а его линию в отношении руководства югославских коммунистов в 1948–53 гг. нужно признать правильной.

Но внутренний смысл статьи Павлова в другом. Зачем говорить правду, когда *нам* невыгодно ее говорить? – спрашивает автор московской статьи Карделя. Сейчас нам нужно единство (а когда и кому оно не нужно?!). Если ему может помешать правда, то нужно (хотя бы на время – утешает доверчивых правдолюбцев Павлов) не говорить эту правду, не

писать о ней. Суждения о правде нельзя делать достоянием всех, делом общественности. Следует келейно, в своем кругу, не вынося сора из избы, между собой договориться о том, что считать "правдой" на сегодняшний день. А потом эту изготовленную правду преподносить как П р а в д у-И с т и н у для всей общественности. Короче, нельзя выносить критику за закрытые двери партийных закрытых собраний.

Пускай бы Тито, Кардель и все, кому угодно, доводили свои взгляды до сведения Хрущева, Суслова, Новотного, Энвера Ходжи и прочих руководителей и вождей. Пускай бы они в закрытом письме довели свои взгляды до М. Тореза или еще кого. Но как можно во всеуслышание, на весь мир заявлять свои взгляды?

Народом нужно руководить. Народ нужно вести по пути к коммунизму. Но зачем же верить в здравый смысл народа? Как же можно допустить, чтобы каждый коммунист (уж не будем говорить: каждый, любой представитель народа) – рассуждал об истине, искал правду, судил сознательно о политике? Массы, народ должны работать, повышать производство и не соваться не в свое дело, т.е. в политику. Нужно помнить, что диктатура пролетариата осуществляется только путем руководящей роли коммунистической партии в системе этой диктатуры пролетариата. Нельзя обращаться прямо, непосредственно к пролетариату, к массам. Нельзя соваться к ним с правдой, когда эта правда может вывести их из повиновения и послушности, когда эта правда невыгодна для интересов обеспечения руководящей роли компартии в системе "диктатуры пролетариата".

Странное и горькое положение.

23.12. Вся заграница уже несколько дней по радио передает о происходящем в Москве пленуме ЦК КПСС. Как будто бы он посвящен промышленно-экономическим вопросам, а также вопросам об отношениях со странами народно-демократического строя. Мы, советские граждане, все еще ничего не знаем и ни о чем не извещены.

"Ю. Павлов", писавший в "Правде" отповедь на речь Карделя, – псевдоним Ю.П. Францева.

Говорят, что 22.11.1956 г. состоялся указ Президиума Верховного Совета о восстановлении автономных областей и республик Калмыцкой, Чечено-Ингушской, Карачаевской, Балкарской (наименования этих национальных объединений несколько изменены в сравнении с прежними). Республики немцев Поволжья и крымских татар не восстанавливаются.

30.12. ⟨...⟩ Дела домашние идут в сторону "закручивания гаек". В газетах походя, как нечто само собой разумеющееся, произносятся хулы в адрес Дудинцева и его романа. На днях на партсобраниях читали закрытое письмо ЦК КПСС с осуждением слишком вольного "поведения" советской интеллигенции. Приводились примеры Симонова, Паустовского[16]. Под "поведением" разумеется проявление самостоятельного мышления. А "самостоятельным мышлением" признается все, что не совпадает буква в букву со статьями сегодняшних газет. Недавно А.М. Панкратова на собрании в Академии наук усиленно каялась и признавала виновность в ошибках "Вопросов истории". ⟨...⟩

31.12. ⟨...⟩ Общие итоги года тяжелые. ⟨...⟩

(Продолжение следует)

Примечания

[1] Интервью президента Федеративной Народной Республики Югославии тов. Иосипа Броз Тито газете "Монд" // Правда. 1956. 8 мая.

[2] Кардель Э. (1910–1979) – видный партийный и государственный деятель СФРЮ, в то время – член Президиума Союза коммунистов Югославии, генеральный секретарь Социалистического союза трудового народа Югославии. Считался идеологом еврокоммунизма (см.: Ш е п и л о в Д.Т. Воспоминания // Вопросы истории. 1998. № 11–12. С. 5).

[3] См.: Б у г а е в Е. Когда утрачивается научный подход // Партийная жизнь. 1956. № 14. С. 62–72.

[4] Имеется в виду роман И.Г. Эренбурга "Оттепель". Его название стало нарицательным обозначением некоторой либерализации политической жизни в СССР после смерти Сталина.

[5] Федосеев П.Н. (1908–1990) – советский философ, член-корреспондент АН СССР, с 1960 г. – академик, позже – вице-президент АН СССР.

[6] Имеются в виду Н.Г. Чернышевский и др. демократы-шестидесятники.

[7] В № 3 "Вопросов истории" за 1956 г. нет статьи под фамилией Э.Н. Бурджалова. По-видимому, имеется в виду передовая – "XX съезд КПСС и задачи исследования истории партии".

[8] Москалев М.А. – историк партии, профессор МГУ.

[9] По имени замка Каносса в северной Италии, где отлученный от церкви и низложенный император "Священной Римской империи" Генрих IV в 1077 г. вымаливал прощение у римского папы Григория VII.

[10] Новотный А. (1904–1975) – первый секретарь ЦК Коммунистической партии Чехословакии в 1953–68 гг. В 1957–68 – президент ЧССР.

[11] В речи А. Новотного и др. материалах "Правды" тех дней подвергалась критике особая позиция Тито и СКЮ по поводу событий в Венгрии осенью 1956 г. и вмешательства в них СССР, а также некоторых тенденций в международном коммунистическом движении.

[12] Герэ Э. – в 1956 г. – первый секретарь ЦК коммунистической Венгерской партии трудящихся.

[13] 23 октября 1956 г. – начало восстания в Венгрии. 5 марта 1953 г. – день смерти И.В. Сталина.

[14] Статья появилась за подписью *Н. Крючкова.*

[15] Ю. Павлов – псевдоним. Как видно из записи в дневнике 23.12.1956 г., автором статьи был Ю.П. Францев. Францов (Францев) Ю.(Г.)П. (1903–1969) – философ и социолог, находившийся в то время на руководящей работе в партийной печати и МИД СССР.

[16] К.Г. Паустовский вызвал недовольство тем, что при обсуждении романа В. Дудинцева в Доме литераторов 22 октября 1956 г. назвал это произведение весьма значительным и крупным общественным явлением, правдиво отображающим действительность.

 Л.И. ГИНЦБЕРГ*

МОИ БЕСЦЕННЫЕ НАСТАВНИКИ

Существовавший в Москве в 1930-е – начале 1940-х гг. Институт истории, философии и литературы (ИФЛИ) являлся уникальным учебным заведением, подобного которому не было ни до, ни после него. Здесь впервые после длительного перерыва возобновилась подготовка высокообразованных российских гуманитариев. Появление вуза такого профиля с поистине первоклассным составом профессуры было событием, выходившим за рамки педагогики и означавшим определенное изменение отношения властей к гуманитарному образованию.

Об ИФЛИ его питомцами написаны воспоминания, но они отрывочны и большей частью невелики по объему. В 1995 г. из печати вышла первая сводная работа об истории, главных направлениях деятельности и значении ИФЛИ для развития культуры нашей страны. Книгу "Лицей в Сокольниках", имевшую заслуженный успех, написал воспитанник ИФЛИ, сокурсник автора этих строк историк Ю.П. Шарапов. Однако тема эта, естественно, не закрыта, и мне тоже хотелось бы поделиться своими воспоминаниями и размышлениями об ИФЛИ, его преподавателях и студентах, их судьбах, рассказать об интеллектуальной жизни Москвы 30 – начала 40-х гг.

На протяжении 20-х гг. усилия властей были направлены на замену традиционной системы образования различными "новаторскими" методами обучения, дававшими минимум систематических знаний (а иногда не дававшими их вовсе), но обеспечивавшими, как полагали их творцы, глубокое усвоение марксистской методологии. Преподавание классической филологии прекратилось полностью, поскольку победивший пролетариат в ней якобы не нуждался. То же касалось и других дисциплин, которые новые власти считали атрибутами прежнего эксплуататорского строя. Институт красной профессуры и аналогичные учреждения ускоренными темпами готовили новоявленных пролетарских гуманитариев, призванных вытеснить ученых старой формации. Среди преподавателей ИКП были, конечно, разные люди, в том числе и вполне квалифицированные, но типичным представителем этого учреждения являлся, например, А.П. Гагарин (подвизавшийся и в ИФЛИ), которому принадлежало крылатое изречение о Н.Г. Чернышевском, одной ногой стоявшем в прошлом, а другой приветствовавшем светлое будущее.

К началу 30-х гг. провал этого курса в области гуманитарного образования определился с достаточной убедительностью. И парадокс заключался в том, что "завинчивание гаек" в сфере идеологии (напомним, что в 1931 г. было опубликовано письмо Сталина в редакцию журнала "Пролетарская революция") сопровождалось появлением проекта создания высшего учебного заведения, где было бы достойно поставлено обучение гуманитарным дисциплинам и которое выпускало бы историков, философов и филологов, обладающих глубокими знаниями, досконально разбирающихся в культурном наследии и хорошо владеющих иностранными языками. Можно полагать, что здесь сказались и соображения, связанные с расширением наших связей с зарубежными странами.

В 1931 г. был создан ИФЛИ, и хотя он далеко не сразу приобрел свой "классический" облик, важнейший шаг в деле восстановления высшего гуманитарного образования был сделан. В Московском университете аналогичных факультетов в то время не существовало: лишь в середине 30-х гг. там было восстановлено высшее историческое образование, тогда как филологического и философского не было и позднее.

Одной из главных забот создателей ИФЛИ был подбор профессуры. Ограничиваться Гагариными значило загубить дело. Необходимо было прежде всего привлечь к работе в институте старые кадры, не нашедшие своего места в сложившейся в 20-е гг. системе преподавания, дополнив их ряды молодыми учеными, сформировавшимися уже в советское время и способными стать помощниками старшим коллегам. В течение нескольких лет эта задача была решена, в ИФЛИ сложился коллектив профессуры, сделавший бы честь любому

* **Гинцберг Лев Израилевич**, доктор исторических наук.

зарубежному университету того времени. Об этих славных подвижниках гуманитарной науки, в условиях тоталитарной диктатуры пропагандировавших гуманистические идеи и воспитывавших в студентах человечность и свободолюбие, о встречах и совместной работе с ними в более поздние годы и пойдет речь.

Я поступил на исторический факультет ИФЛИ в 1937 г., но первые полтора года посещал лекции и на филологическом факультете. Вряд ли нужно подробно говорить о той обстановке, в которой жила тогда наша страна. Мы вошли в аудитории здания в Ростокинском проезде, близ Сокольнического парка в тревожные сентябрьские дни. Первые лекции по курсу истории первобытного общества не произвели большого впечатления, но одновременно началось чтение гораздо более важного курса истории СССР с древнейших времен, и здесь мы впервые столкнулись с лектором высокого класса. Профессор К.В. Базилевич, читавший курс, принадлежал к преподавателям, умевшим преподнести учебный материал в живой и увлекательной форме. Он был импозантен (чувствовалась выправка бывшего офицера), не был привязан к своим конспектам и свободно ходил возле кафедры, став для нас эталоном, по которому мы позже оценивали других лекторов. Что касается содержания его курса, то мы тогда еще не могли квалифицированно судить о нем. Однако ретроспективно можно сказать, что в целом это был добротный очерк исторического развития России, выдержанный в обычном в то время социологическом ключе, но значительно более соответствующий исторической правде, чем это было позднее, когда полностью проявились веяния, обусловленные влиянием культа личности Сталина и догмами "Краткого курса истории ВКП(б)". Отсутствовала позднейшая апологетика Ивана Грозного, отражавшая симпатии диктатора к жестокому царю-предшественнику. То же касалось и других узловых вопросов курса.

Спустя некоторое время началось чтение курса античной истории. Его вел профессор В.С. Сергеев, и мы поняли, что лекторскому мастерству нет предела. Сергеев был крупнейшим ученым в своей области – исследователем и популяризатором. Его перу принадлежат, в частности, учебники по истории древней Греции и Рима, на которых воспиталось не одно поколение историков. Но он был и первоклассным лектором. По слухам, он был сыном К.С. Станиславского. В том, как он читал лекции, несомненно присутствовал артистизм. В отличие от Базилевича, с его несколько показной манерой преподнесения материала, Сергеев был неизменно прост и никакой рисовки не допускал. Он рассказывал о событиях и действующих лицах древней истории так, будто Солон, Александр Македонский и римские триумвиры были его знакомыми, о которых он знал все, включая их внешность и манеры. Такое умение воссоздать атмосферу далекого прошлого присуще немногим, и В.С. Сергеев продемонстрировал его во всем блеске, что, естественно, не могло не вызвать восхищения у молодых людей, не встречавшихся раньше ни с чем подобным.

Конечно, в лекциях В.С. Сергеева присутствовала и социология, но главным предметом изложения были не сухие схемы, а события и участвовавшие в них люди, причем не только герои, но и народные массы – участники больших социальных движений, завоевательных походов и войн. Существенное значение имело и знакомство с античной демократией, что в тогдашних условиях не могло не будить мысль, наталкивая порой на рискованные сравнения.

В.С. Сергеев был далеко не единственным античником в ИФЛИ. К преподаванию привлекли даже ветерана классической филологии, члена-корреспондента АН СССР С.И. Соболевского. Вел семинары и принимал экзамены большой знаток древней истории Н.А. Кун – автор популярной книги "Что говорили древние греки о своих богах и героях". Это были люди, влюбленные в свой предмет.

Не столь увлекательным оказался курс истории древнего Востока, который читал профессор В.И. Авдиев. Здесь все было на месте – профессор был большим знатоком истории Египта, Ассирии и Вавилона, других государств этого региона. Но шарм, присущий В.С. Сергееву, отсутствовал. Студенты получали необходимые знания, но восторга при этом не испытывали.

Восторг был еще впереди, и олицетворением едва ли не наивысшего совершенства в искусстве преподнесения учебного материала стал профессор А.И. Неусыхин, читавший курс истории раннего средневековья. Это был невзрачный человек небольшого роста, ходивший в блузе, подпоясанной ремешком, носивший очки в металлической оправе и вообще не обращавший внимания на свою внешность. Но обо всем этом забывалось, стоило А.И. Неусыхину занять место на кафедре. Избалованные В.С. Сергеевым, мы тем не менее были восхищены точностью и лаконичностью его формулировок, изяществом, присущим построению каждой его лекции, Знания Неусыхина о процессах и событиях, происходивших

в Европе в период раннего средневековья, обо всех мало-мальски заметных участниках этих событий были поистине фантастическими.

А.И. Неусыхин и в своих научных трудах, и в лекциях излагал собственный взгляд на историю, не выходивший за рамки исторического материализма, но не во всем совпадающий с общепринятым подходом к данным сюжетам. Во время пресловутой кампании против космополитизма, когда Неусыхин вновь подвергся шельмованию за "низкопоклонство перед Западом", что выразилось, в частности, в том, что он разделял некоторые взгляды зарубежных ученых – Допша и Фюстель де Куланжа. Неусыхин не стал не только академиком, но и членом-корреспондентом АН СССР. Единственным "утешением" для него мог бы послужить тот факт, что и многие другие евреи-гуманитарии, избранные членами зарубежных академий, не получили соответствующего признания на родине (в качестве примера назову известных германистов А.С. Ерусалимского и М.М. Смирина).

Несколько лекций, посвященных культуре, были апофеозом курса истории раннего средневековья А.И.Неусыхина. Здесь он продемонстрировал тонкое понимание специфики творчества художников в то далекое время, когда, несмотря на мертвящее влияние феодальной замкнутости и религиозного фанатизма, рождались высокие образцы художественного осмысления действительности. В зимние каникулы 1939 г. я ездил в Ленинград, где в это время находились Неусыхин и некоторые участники его семинара. Вместе с ним мы ходили в Эрмитаж, и его рассказы о замечательных произведениях западноевропейского искусства навсегда остались в нашей памяти. Студенты ИФЛИ относились к Неусыхину с благоговением. Хотя он преподавал и в других учебных заведениях, именно ИФЛИ оставил у него самые теплые воспоминания. В годы войны он писал одной из участниц своего семинара: "Общение со студентами и аспирантами (особенно в ИФЛИ) было одним из самых значительных явлений моей жизни, более того – были целые полосы жизни, когда оно всецело наполняло меня, когда я жил им в полном смысле этого слова".

Историю позднего средневековья прекрасно читал профессор С.Д. Сказкин. То был человек средних лет (хотя нам он казался уже пожилым), доброжелательный и улыбчивый. Мы тогда не имели понятия о том, что Сказкин начинал как историк нового времени, а не как медиевист, и уже в 1928 г. выпустил книгу "Конец австро-русско-германского союза", практически полностью основанную на документах из архивов царского Министерства иностранных дел и правдиво освещавшую внешнюю политику России в 70–80-е гг. XIX в., в частности, ее экспансию на Балканах. Несколько лет спустя после выхода книги политическая конъюнктура изменилась, и идеи, высказанные С.Д. Сказкиным, перестали импонировать властям. У него начались неприятности, и Сергей Данилович переключился на историю средних веков.

Курс, который читал нам С.Д. Сказкин, был гораздо выигрышнее курса А.И. Неусыхина. В нем рассматривался период Возрождения с его могучим взлетом творческих сил, освобождения от многих средневековых запретов и догм, предрассудков и заблуждений. Это была эпоха Возрождения, когда Европа во многом преодолела вековой застой и в развитии производительных сил, и в мышлении, эпоха великих географических открытий. В памяти сохранились рассказы С.Д. Сказкина о Жанне д'Арк и обстоятельствах ее гибели, о Варфоломеевской ночи и Генрихе IV и многое другое. Сергей Данилович был симпатичен слушателям, не прилагая для этого особых усилий, и безусловно был одной из наиболее ярких фигур среди преподавателей ИФЛИ.

В дальнейшем мне посчастливилось тесно сотрудничать с этим выдающимся ученым и замечательным человеком. В 1946 г. я поступил в аспирантуру Института истории АН СССР: в это время С.Д. Сказкин являлся заместителем директора института, и я имел возможность познакомиться с ним как с администратором: более доброжелательного по отношению к подчиненным человека я не встречал в своей жизни. Если это было в его силах, Сказкин всегда стремился помочь сотруднику, удовлетворить его просьбу. В эти и последующие годы он много и плодотворно работал как исследователь, и его научные заслуги были высоко оценены: еще в годы войны Сказкин был избран членом-корреспондентом АН СССР, а позднее – ее действительным членом. Ему было присвоено звание Героя Социалистического Труда.

В 1970-е гг. академик С.Д. Сказкин возглавил советскую секцию комиссии историков СССР и ГДР, и мне как ее члену довелось часто контактировать с ним. Судьба распорядилась так, что наше общение стало еще более тесным в ходе подготовки двухтомника "Германская история в новое и новейшее время" (труд получил такое название, чтобы избежать в названии слова "Германия", поскольку таковой в то время не существовало, а объединение ГДР и ФРГ в обозримом будущем не предусматривалось). Мы с С.Д. Сказки-

ным стали соавторами двух глав по истории германских государств в XVII–XVIII вв. Академик "тряхнул стариной", обратившись к проблематике периода, непосредственно следовавшего за историей средних веков, а пишущий эти строки был его помощником. Изучение истории Германии данного периода в нашей науке тогда практически прекратилось (к сожалению, это продолжается и в наши дни), так что появление наших глав оказалось весьма своевременным.

Естественно, что в ИФЛИ читался и курс истории СССР советского периода. Его поделили на две части Э.Б. Генкина и Е.Н. Городецкий – тогда еще молодые ученые. Но сама материя была так далека от подлинной науки, что говорить об адекватности содержания этих лекций действительности (как это ясно теперь) не приходится. Историю советского общества нам читали уже после выхода в свет "Краткого курса истории ВКП(б)", его фальсификаторская концепция во многом определила и направленность лекций по послеоктябрьскому периоду, где все основное было по существу поставлено с ног на голову.

Отдельные главы "Краткого курса истории ВКП(б)" сначала печатались в "Правде", и лишь затем вышла книга. Помню ажиотаж у институтского киоска, когда продавалась газета с главами этого "труда". Сразу развернулась пропагандистская кампания невиданного размаха: говорили, что в авторский коллектив "Краткого курса" входил "лично товарищ Сталин", а затем стало определенно известно, что его перу принадлежит раздел "О диалектическом и историческом материализме". Славословиям не было конца, хотя даже студенту, уже прикоснувшемуся к произведениям различных мыслителей прошлого, в частности, к трудам классиков марксизма, этот раздел "Краткого курса" представлялся образцом упрощенчества. Это выразилось не только в элиминировании некоторых основных черт диалектики (студенты засекли это сразу), но и в свойственном Сталину как автору сведении сложных проблем к двум-трем элементарным формулам, которые безусловно усваивались легче, но значительно обедняли смысл того, о чем шла речь. Простое вовсе не заменяло сложного, а являлось его суррогатом.

Тем не менее "Краткий курс истории ВКП(б)" начал свое победное шествие. И с осени 1938 г. все общественные науки оказались – непосредственно или опосредованно – под его гнетущим влиянием. Конечно, в первую очередь это касалось истории СССР конца XIX и в XX в., но воздействия этой фальсификации не избежали и другие области гуманитарного знания. Нашим преподавателям можно было только посочувствовать. В более поздние годы я был сослуживцем Е.Н. Городецкого и Э.Б. Генкиной и могу с уверенностью сказать, что они знали истинную цену тому, что утверждалось в "Кратком курсе", призванном канонизировать Сталина как политика и теоретика.

Но, к счастью, на "Кратком курсе" свет клином не сошелся. Были и другие книги и учебные курсы, по своему содержанию и уровню неизмеримо превосходившие "Библию сталинизма" и подобные ей фальсификации. Развернувшаяся осенью 1938 г. свистопляска в гораздо меньшей степени коснулась цикла дисциплин по истории литературы и искусства, которые читали нам талантливые преподаватели С.И. Радциг, А.А. Белкин и др.

Студенческая среда ИФЛИ была необычайно интересна. Этих молодых людей отличала гигантская жажда знаний, поэтому связи между факультетами тогда были максимально облегчены. Иногородних сближало общежитие, куда нередко приходили и москвичи.

Конечно, общие учебные интересы особенно способствовали сближению, и наиболее тесные дружеские связи завязывались с однокашниками-историками. На курсе дружеские отношения сложились с Г.Ф. Хромушиной, Р.Е. Кантором, Ю.П. Шараповым (все мы входили в редколлегию факультетской стенгазеты "Историк-марксист"), А.Г. Слонимским, С. Баскиным. Последний в годы войны отдал жизнь за родину. Г.Ф. Хромушина ушла добровольцем на фронт. Хорошо зная немецкий, она работала с военнопленными-антифашистами и в 1944 г. вместе с группой, составленной из них, была сброшена на парашюте в немецкий тыл, проявив себя подлинной героиней. В книгах и статьях, посвященных немецкому Сопротивлению, Г.Ф. Хромушину называют "Дианой белорусских лесов". Подвиг не уберег ее от больших неприятностей. В связи с неправедным приговором Л.З. Копелеву она, зная его по совместной работе с военнопленными, подписала вместе с коллегами заявление в его защиту, за что была исключена из партии, что стало одной из причин ее безвременной кончины в 1961 г.

Дружба с сокурсниками и другими истфаковцами ИФЛИ длилась (и длится) многие десятилетия. Хочется назвать учившихся курсом ниже Н.В. Фарбмана и В.Л. Лянга. Первый всю войну был на фронте и в 1945 г., выступая в качестве парламентера, был тяжело ранен гитлеровцем-фанатиком, он был награжден орденом Красного Знамени. Второй погиб

безвестно, как и многие из студентов ИФЛИ, взявшихся за оружие в дни суровых военных испытаний.

Само собой разумеется, что студентами ИФЛИ были очень разные люди. Комсомольскую организацию, например, возглавлял небезызвестный А.И. Шелепин, прозванный впоследствии "железным Шуриком".

Одной из первостепенных задач комсомола в 1937–1938 гг. была забота о "чистоте" рядов. Дети, сестры и братья тех, кто был арестован, обязаны были отвечать за "преступления" своих родных. Студенты вынуждены были публично, на комсомольских собраниях осуждать своих близких, отрекаться от них. Собрание имело право казнить и миловать – исключать из комсомола или оставлять в нем, учитывая чистосердечность "обвиняемого", его готовность покаяться, хотя никаких, даже малейших доказательств вины его близких не имелось (считалось, что "органы не ошибаются"). Такого рода собрания можно было бы уподобить трагедиям античных авторов с той лишь разницей, что там речь шла о надуманных сюжетах из жизни богов, здесь же – о подлинных страданиях юных, только вступающих в жизнь людей, столкнувшихся с чудовищной несправедливостью и поставленных перед жестокой необходимостью делать выбор между "высшими интересами" и близкими им людьми, в честности и преданности родине которых они не сомневались. А родичей "врагов народа" в ИФЛИ было немало, так как в этом элитарном институте в числе других учились дети и другие родственники наркомов, деятелей Коминтерна, в том числе иностранцев (например, дочь Бела Куна). В первые недели сентября 1937 г. некоторые из них приезжали на отцовских машинах, но скоро это прекратилось.

Так мы жили рядом с великой народной бедой, ощущая ее, но не желая осмыслить то, что происходило вокруг нас. Вероятно, здесь сказывались личная незатронутость, наша молодость и новизна впечатлений. Думалось, что "дыма без огня не бывает", хотя часто речь шла о таких людях, которых даже в кошмарном сне нельзя было бы заподозрить в измене делу всей жизни. Даже когда в 1939 г. на наш курс пришел Лев Цвиллинг, сын прославленного героя Гражданской войны на Урале, репрессированный вместе с матерью, но в послеежовские времена выпущенный на свободу (ранее он учился в МГУ, но не захотел вернуться туда), мы не изменили своей позиции, стараясь не вдаваться в подробности дела своего однокашника. Позже Цвиллинг одним из первых ушел добровольцем на фронт и погиб.

Возвращаясь к учебному процессу на историческом факультете ИФЛИ, отмечу, что, кроме общих курсов, использовались и другие формы обучения – семинары, спецкурсы и т.п. Их также вели высококвалифицированные специалисты, мастера своего дела. Больше других запомнился Б.А. Граков, обучавший нас латыни, будучи уже тогда серьезным ученым-археологом. В более поздние годы доктор исторических наук Б.А. Граков внес существенный вклад в археологические исследования на территории СССР, в частности, в раскопки греческих колоний в Крыму. Было большой удачей для нас, вступавших во взрослую жизнь, практически ежедневно общаться с таким всесторонне образованным и предельно доброжелательным человеком, учиться у него выдержке, умению заинтересовать своим предметом даже тех, кто не вполне понимал, зачем латынь понадобится ему в жизни, и кому она давалась с трудом.

Другим человеком "второго плана" был Б.Г. Вебер – руководитель семинара по истории Великой Французской революции. Хотя у нас были и другие семинары (например, семинар Б.Б. Кафенгауза по "Русской правде"), только с помощью Вебера мы научились связно формулировать свои мысли о прочитанном по данному сюжету и составлять доклад по той или иной теме, являвшейся составной частью проблематики семинара. Спустя годы судьба свела меня с Б.Г. Вебером не только в одном научном учреждении – Институте истории АН СССР, но и в одном секторе – новой истории. Мало того, он был земляком и ближайшим другом признанного главы советской германистики тех лет профессора А.С. Ерусалимского, весьма благоволившего ко мне. Все это способствовало сближению с Б.Г. Вебером, и я смог в полной мере оценить душевную щедрость и широту знаний этого крупного ученого. Очень велика была и научная щепетильность Б.Г. Вебера, которую коллеги считали даже чрезмерной. Он лишь в 70 с лишним лет опубликовал свой труд по историографии; особую ценность представлял здесь анализ исследований либеральных русских ученых XIX в. Н.И. Кареева, И.В. Лучицкого, М.М. Ковалевского и др., посвященных аграрным проблемам Великой Французской революции, над которыми он работал десятилетиями, и только после этого защитил докторскую диссертацию, хотя по своему научному уровню и эрудиции превосходил едва ли не всех докторов наук в области новой истории.

Курс новой истории, как и истории СССР, читали несколько человек. Первым был

Б.Ф. Поршнев – тогда молодой ученый (докторскую диссертацию он защитил позже, в возрасте 36 лет, что было чрезвычайно редким явлением), специалист по истории Франции. В то время знакомство с ним, как и с другими профессорами, было довольно поверхностным, но позднее мне пришлось столкнуться с Б.Ф. Поршневым гораздо ближе: он вошел в редколлегию созданного в 1957 г. на волне XX съезда КПСС журнала "Новая и новейшая история", где мне довелось работать. Позже я стал его подчиненным в секторе новой истории Института истории, который Б.Ф. Поршнев возглавлял. Как ученого его отличала разносторонность интересов: он занимался, помимо своей основной проблематики, социальной психологией (выступив практически пионером изучения этого вопроса) и даже... снежным человеком, что уж совсем выходило за рамки академической науки. Характер у Поршнева был вздорный, что создавало ему много врагов и привело в конечном счете к "свержению" с поста заведующего сектором. Когда там начался "бунт" (он имел и идейную подоплеку, связанную с просталинскими, как полагали некоторые сотрудники, настроениями Поршнева), у заведующего оказалось очень мало сторонников. Поршнева заменил А.З. Манфред – человек совершенно другого склада, большого умения обходиться с людьми, налаживать и сохранять контакты с ними.

Одним из крупных специалистов в области новой истории Запада был Ф.В. Потемкин, читавший нам лекции по периоду с Французской революции XVIII в. до франко-прусской войны 1870 г. Предметом научных изысканий профессора являлся начальный этап рабочего движения во Франции – этому была посвящена его большая монография "Восстание лионских ткачей 1830 г." Внешне Потемкин не походил на других профессоров: он был франтоват, одет с иголочки – даже в этом чувствовалось что-то французское. Лекции были безукоризненны по форме, хотя огня в них и не чувствовалось. С Ф.В. Потемкиным мне пришлось впоследствии общаться в Институте истории. Когда в 1949 г. грянула "борьба с космополитизмом", главной мишенью ее в этом институте стали два академика – И.И. Минц и А.М. Деборин. В результате многочасового судилища (которое именовалось заседанием Ученого совета) на их головы и на головы других "космополитов" сыпались совершенно несостоятельные обвинения и ругань. Минц и Деборин были исключены из совета. Академик Деборин был освобожден от обязанностей заведующего сектором новейшей истории. Деборин – широко известный (в том числе за рубежом) философ – был еще в 30-х гг. обвинен в "меньшевиствующем идеализме" и отлучен от какого-либо участия в разработке философских проблем. Он нашел пристанище в Институте истории, но и здесь его настигла карающая рука партии. В этой обстановке Ф.В. Потемкин принял предложение возглавить сектор новейшей истории. Это было не только нелояльно по отношению к предшественнику, но и неразумно с точки зрения деловой, ибо Потемкин никогда проблемами новейшей истории специально не занимался. Естественно, что на новом посту он удержался недолго. Его (и некоторых других ученых, занимавших административные должности) сменили недоучки из Академии общественных наук при ЦК КПСС, а то и непосредственно со Старой площади, видевшие единственную цель своей деятельности в том, чтобы задушить последние ростки творческой мысли в институте. Что касается Потемкина, то с нами, аспирантами сектора новейшей истории, он поделился важными "секретами" научного труда. Он был избран членом-корреспондентом АН СССР, но из-за длительной болезни нового вклада в науку уже не внес.

Последний раздел новой истории обнимал всего 47 лет – от Парижской коммуны до конца Первой мировой войны. Этот курс вел профессор И.С. Галкин. Читал он без блеска, к которому мы уже привыкли, но именно в это время началась его многолетняя административная карьера: когда мы пришли в ИФЛИ, он был деканом исторического факультета, а через сравнительно короткое время стал его проректором. После начала Великой Отечественной войны И.С. Галкин, будучи лишь доктором наук, был назначен ректором МГУ и проявил себя хорошим администратором. В дальнейшем он был также проректором, а позднее возглавил кафедру новой и новейшей истории истфака МГУ и успешно руководил ею много лет. Одновременно И.С. Галкин состоял в редколлегии "Новой и новейшей истории".

Отдельным циклом была в ИФЛИ история колониальных и зависимых, следуя тогдашней терминологии, стран. Новую историю азиатских государств читал сравнительно молодой Е.Л. Штейнберг, а новейшую – А.Ф. Миллер, принадлежавший к числу тех преподавателей, которые были украшением ИФЛИ. Он был специалистом по истории Турции, автором ценных исследований в этой области (которые позднее стали источником шельмования его как "космополита"), но одновременно и педагогом "от Бога", чьи лекции отличались не только глубиной содержания, но и законченностью формы и даже остроумием, что встре-

чается довольно редко. Мне посчастливилось вновь встретиться с этим незаурядным человеком в Институте истории АН СССР, где А.Ф. Миллер, будучи еще и первоклассным редактором, вел фактически всю работу по подготовке "Всемирной истории". Он обладал всеми необходимыми историку-исследователю и популяризатору науки качествами, но, к сожалению, остался недооцененным.

Особняком стоял раздел новейшей истории Китая: его прочитал Г.Б. Эренбург. Еще не отошли в далекое прошлое события китайской революции 1920-х гг., породившие у советских людей весьма радужные надежды. В те годы, когда мы слушали лекции в ИФЛИ, китайский народ мужественно боролся против японских захватчиков, и наша страна оказывала ему разностороннюю помощь. Отсюда особый интерес к курсу Г.Б. Эренбурга.

Но в еще большей степени занимали в то время умы советских людей, особенно молодежи, события в Испании. Мы страстно желали победы республиканцам и негодовали против "политики невмешательства" Англии и Франции. Мы поддерживали действия советского правительства, оказывавшего помощь Испанской республике, но очень мало знали о том, что происходило в самом республиканском лагере и во многом диктовалось внутриполитическими интересами советского руководства, проводившего массовые репрессии под флагом борьбы против "контрреволюционного троцкизма". Раскол, который вносили в ряды республиканцев Сталин и его эмиссары, в большом количестве действовавшие в Испании, замалчивался в течение десятилетий и лишь теперь становится достоянием гласности. Шла бешеная охота на "троцкистов", в число которых мог попасть любой неугодный. Посланцы "вождя народов" постоянно интриговали и против испанских социалистов: между коммунистами и социал-демократами и в других странах возобновилась борьба, поутихшая было после VII конгресса Коминтерна. Это было вызвано резкой критикой последними массовых репрессий в СССР.

Но в то время мы с замиранием сердца следили за изменениями на фронтах в Каталонии, Андалузии и на других участках сражений в Испании. Отсюда повышенный интерес к курсу новейшей истории, который читал профессор Л.И. Зубок, являвшийся пионером разработки проблем истории новейшего времени в нашей стране. Л.И. Зубок был интересной личностью. В юности он эмигрировал в США, но в 20-е гг., увлеченный происходящим в СССР, вернулся на родину. Многолетнее пребывание в США вполне могло послужить основанием для его ареста с непредсказуемыми последствиями, но судьба его хранила. Зубок избежал этого и даже стал чуть ли не монополистом в популяризации курса новейшей истории. Его лекции не были блестящими по форме, но имели для студентов особую ценность, так как учебника по этой дисциплине тогда не существовало. Зубок читал свой курс и в ряде других учебных заведений, в том числе партийных.

До 1949 г. положение Зубока было на зависть прочным: он имел много аспирантов, курс его лекций в Высшей партийной школе при ЦК ВКП(б) вышел в виде объемистого тома. Все рухнуло после начала "борьбы с космополитизмом". Неизвестно почему, но Зубок навлек на себя едва ли не наибольшую ярость собратьев по науке. Вероятно, здесь превалировала зависть, вызванная тем, что он был нарасхват и работал, как говорили, в 10 местах. Главным мотивом критики, а вернее, избиения, была будто бы присущая лекциям Зубока недооценка общего кризиса капитализма. Это была сущая ложь, ибо читать курс новейшей истории (тем более в высших партийных учебных заведениях), не твердя постоянно, что капиталистический мир переживает глубочайший кризис не только экономический, идеологический, моральный, а именно всеобъемлющий, было абсолютно невозможно. Помнится, Зубок (в отличие от Минца, который на "проработки" попросту не являлся) посещал "проработки" в разных местах, где работал, и пытался с цитатами в руках доказывать, что то, в отсутствии чего его обвиняют, на самом деле в его лекциях имеется, но его не слушали: "судьям" нужны были только признания и покаяния. Похоже, что Зубок не смог понять этого, да и весь замысел начавшейся кампании. Ему пришлось уйти со всех мест работы за исключением одного.

Но, к счастью, это не был конец его деятельности. После смерти Сталина Зубок вновь работал в Институте истории АН СССР. Любопытная деталь: теперь он состоял не в секторе новейшей, а в секторе новой истории и занимался ранним периодом развития рабочего движения в США и взаимоотношениями Соединенных Штатов со странами Карибского бассейна в конце XIX в. Но крупнейшим достижением Зубока в послевоенное время было руководство подготовкой двухтомного труда "История II Интернационала", где впервые в нашей литературе был представлен очерк создания и деятельности этой организации, во многом свободный от прежней предвзятости (в 1931 г. Сталин провозгласил период II Интернационала периодом "безраздельного господства оппортунизма") и назойливого

подчеркивания преимуществ тактики большевиков перед другими течениями рабочего движения, а также от шельмования ведущих деятелей Интернационала, которые якобы постоянно что-то недопонимали и недоучитывали, пренебрегая интересами трудящихся, где только было возможно.

Кончина Л.И. Зубока была трагической: он умер в ленинградской гостинице после того, как его среди ночи вынудили освободить занимаемый им номер для кого-то более именитого. Память об ученом живет в сердцах его многочисленных питомцев.

Среди преподавателей ИФЛИ историко-партийного цикла заметное место занимал профессор М.А. Москалев, державшийся весьма уверенно и бравировавший своей информированностью. Как-то в 1939 г. ему был задан на лекции вопрос о М.Е. Кольцове, чье имя напрочь исчезло со страниц "Правды". Москалев ответил, что Кольцов – международный шпион. В 40-х гг., однако, Москалев сам оказался в ГУЛаге. Он имел неосторожность написать книжку о последнем годе жизни Ленина. Тема была скользкой в связи с тем, что выходила на так называемое завещание Ленина, непосредственно затрагивавшее Сталина. Человека, который знал слишком много о том, что упорно, в течение десятилетий скрывали от страны, следовало, как минимум, изолировать. Это и было сделано.

Зимой 1939–1940 г. нам "посчастливилось" прослушать спецкурс по истории международных отношений новейшего времени. Лектором был будущий академик Е.М. Жуков. Ему вообще не следовало выступать перед аудиторией, даже небольшой, ибо у него было ужасное произношение ("каша во рту"). Но это было еще полбеды по сравнению с содержанием его лекций. Напомню, что они проходили вскоре после заключения с Германией пакта о ненападении, открывшего путь гитлеровской агрессии против Польши, а затем договора о дружбе, дополнившего и завершившего сговор с Гитлером. В результате вся антифашистская пропаганда прекратилась, а ее место заняли насквозь лживые комментарии, призванные доказать миролюбие фашистского Третьего рейха, его готовность в любую минуту заключить мир с Англией и Францией. Уже началась (и бесславно завершилась) советско-финская война, ничем не продемонстрировавшая лояльность немецкого "союзника" (хотя СССР и во время войны против Польши, и позднее оказывал Германии помощь в ее военных операциях). Но Жуков продолжал читать свои лекции в заданном духе, интерпретируя в искаженном свете не только события последнего времени, но и внешнеполитические коллизии предшествующих лет.

Мы в то время не были большими знатоками международной жизни, но дружба с гитлеровской Германией была нам не по нутру. Мы воспитывались в антифашистской традиции и хорошо знали, в частности, произведения немецких писателей, эмигрировавших из гитлеровской Германии, – В. Бределя, Л. Фейхтвангера, Ф. Вольфа и др. Новый курс вызывал наше инстинктивное неприятие, и уверения Е.М. Жукова, будто в Европе нет страны, руководство которой так стремилось бы к миру, как фашистская Германия, наталкивалось на глухую стену непонимания. Для меня Е.М. Жуков навсегда ассоциировался с прочитанным им в 1938/1940 учебном году спецкурсом.

В дальнейшем, проработав некоторое время в "Правде", Е.М. Жуков в 1947 г. был назначен директором вновь созданного Тихоокеанского института АН СССР (по специальности он являлся японистом и в 1937 г. выпустил обзорную работу "История Японии", которая практически осталась единственной книгой в его послужном списке). Довольно скоро он стал членом-корреспондентом АН СССР и возглавил редакцию многотомной "Всемирной истории", а затем был избран и академиком. Его назначили академиком-секретарем Отделения истории, а после раздела в 1968 г. Института истории АН СССР Жуков стал директором Института всеобщей истории. Но несмотря на все свое рвение, он не избежал наскоков со стороны партийных инстанций, бдительно следивших за идейной "чистотой" общественных наук. Одно из "дел" такого рода касалось М.Я. Гефтера, заведовавшего сектором методологии истории и якобы допустившего отклонения от марксистско-ленинского учения, за что сектор был ликвидирован, а Гефтер оказался в опале. При активном участии секретаря МГК КПСС по идеологии Ягодкина (приехавшего с этой целью в институт) была раскритикована и моя книга "На пути в имперскую канцелярию" за... недостаточное освещение общего кризиса капитализма! Круг замкнулся.

В последний год пребывания в ИФЛИ мне довелось работать в семинаре по истории Первой мировой войны под руководством известного специалиста профессора Ф.И. Нотовича. Семинар был хорошей школой постижения генезиса, особенностей и результатов этой войны – события, ставшего одним из невиданных до того явлений мировой истории и, помимо всего прочего, проложившего путь ко Второй мировой войне.

Это было уже в самый канун Великой Отечественной войны и закрытия ИФЛИ. С

Ф.И. Нотовичем, как и со многими другими нашими наставниками, я вновь повстречался после войны в Институте истории АН СССР, где он продолжал занятия историей войны 1914–1918 гг., которая в это время уже стала именоваться Первой мировой. Эту плодотворную работу прервала разнузданная кампания "борьбы с космополитами", которая коснулась многих ученых-евреев, но разные люди пережили ее по-разному. Талантливый англовед И.С. Звавич, например, так и не оправился от несправедливых обвинений и вскоре скончался. Ф.И. Нотович, человек пожилой, так и не вернулся к творчеству; нет сомнений, что если бы обстоятельства сложились иначе, он мог бы еще сделать много полезного. Те, у кого было больше жизненных сил, справились с невзгодами и в более поздние годы добились определенных успехов, но потери от сталинско-сусловской погромной затеи были все же значительными.

Весной 1941 г. профессор ИФЛИ Ю.В. Готье был избран академиком. На нашем курсе он вел семинар по "Русской правде", а позднее читал спецкурс по истории России XVII в. Мне не довелось ни работать в его семинаре, ни слушать его спецкурс, но мой сокурсник, автор книги "Лицей в Сокольниках" Ю.П. Шарапов участвовал и в том, и в другом и оценивает Готье как преподавателя очень высоко. В то же время он восторгается дневниками ученого 20-х гг., опубликованными лишь в настоящее время в журнале "Вопросы истории". Лично я этих восторгов не разделяю и вот по каким причинам.

Из дневников недвусмысленно явствует, что их автор был яростным ненавистником советского строя (в чем упрекать его невозможно), но это не мешало ему служить данному режиму и заслужить высшее научное признание, что, как уже отмечалось, было архисложно и для многих недостижимо. О каких-либо высказываниях Готье против существующего строя, когда он подвизался в ИФЛИ, ничего неизвестно. Но есть еще одна особенность этих дневников – их ярко выраженная антисемитская направленность. Все это несколько омрачает облик академика, который думал одно, а говорил и делал другое. Впрочем, Готье был в этом не одинок; другие не оставили дневников, скорее всего, опасаясь даже записывать крамольные мысли и антисемитские тирады.

Война была уже на пороге, но мы находились в некой эйфории. Конечно, мы хорошо знали строки Павла Когана: "Но мы еще дойдем до Ганга, но мы еще умрем в боях", однако все это виделось в весьма отдаленном будущем. Подавляющее большинство советских людей не имело представления о том, что Германия лихорадочно готовится к нападению на СССР. Между тем уже с декабря 1940 г. все действия военных и гражданских властей, все передвижения военной техники и соединений вермахта, непрерывно перебрасываемых с запада на восток, к границам СССР, определялись планом "Барбаросса". Как известно, нападение первоначально было назначено на середину мая, но затем перенесено на 22 июня. Но и этот промежуток не был использован советским руководством для подготовки отпора агрессии. Зато было опубликовано пресловутое сообщение ТАСС от 14 июня, в котором лживо опровергались "слухи" о близящемся нападении Гитлера. Это сообщение стоило жизни тысячам людей, уехавших в отпуска и не сумевших вернуться домой, а также многим детям, отправленным на отдых в места, вскоре оккупированные или оказавшиеся в зоне боевых действий. Мы, ифлийцы, более умудренные, чем многие другие, тоже вздохнули с облегчением, настолько велико было влияние господствующей идеологии и слепая вера в мудрость вождя, который знает все лучше всех.

Война стала эпилогом существования ИФЛИ. Питомцы нашего института на войне – это отдельная страница его истории. О ней известно много, но далеко не все. И прежде всего потому, что те, кто мог бы лучше всех рассказать или написать об этом, пали в боях. Особенно много наших однокашников погибло в первые месяцы войны.

Потребовались жестокие уроки, чтобы пришло понимание того, что предстоит нечто совершенно иное, чем то, чему нас учили не один год, когда речь заходила о будущей войне.

В воспоминаниях об ИФЛИ много внимания уделяется институтским стенгазетам, особенно газете филологического факультета "Комсомолия", которая не помещалась даже на стене длиной в 10–12 м. С трудностями подобного рода пришлось столкнуться и в фойе Большого зала консерватории, где у нас происходило празднование Октябрьской годовщины или 1 Мая. Название нашей газеты было не оригинальным для тех времен – "Историк-марксист" (под таким же названием выходил журнал), но содержание бывало по-настоящему интересным, а некоторые материалы – безусловно необычными. Так, один из номеров вышел под шапкой "Была ли Киевская Русь рабовладельческой?" и состоял из статей, авторы которых высказывали по этому действительно дискуссионному в те годы вопросу противоположные суждения. Но угнаться за "Комсомолией", например, по части юмора и сатиры, мы при всем старании не могли.

Даровитые, популярные впоследствии люди (и в немалом количестве) имелись на каждом факультете, но пальма первенства здесь принадлежит филологам. Исторический факультет также воспитал плеяду крупных ученых, общественных деятелей, дипломатов, чьи имена хорошо знакомы многим. Питомцы ИФЛИ проявили себя в самых различных областях исторического знания, стали видными организаторами науки. Так, И.А. Федосов долгое время был проректором МГУ по гуманитарному циклу. Многие выпускники ИФЛИ руководили (или руководят) вузовскими кафедрами, возглавляли (или возглавляют) исследовательские коллективы. Это, в частности, А.Г. Слонимский, А.И. Недорезов, Д.В. Шелов, М.И. Михайлов, Н.С. Киняпина и др. Талантливыми публицистами стали О.Г. Чайковская, завоевавшая особенно большую популярность своими судебными очерками, А.С. Варшавский, создавший ценные научно-популярные книги, М.Д. Карпович и др. В ИФЛИ начинал и академик РАН Ю.А. Поляков. Выпускник М.Я. Геллер, спустя несколько десятилетий, оказавшись за рубежом, создал в соавторстве с А.М. Некричем трехтомный труд по истории России, противостоявший официальной советской историографии. Истфак ИФЛИ вырастил и нескольких профессиональных дипломатов. Это М.А. Харламов, Ю.В. Борисов и Л.Н. Кутаков, ставший заместителем генерального секретаря ООН.

© 2000 г. Л.В. ХАЙКИНА*

МИХАЙЛОВСКИЙ ЗАМОК И НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКИХ ВОЗЗРЕНИЙ ПАВЛА I

При изучении истории создания Михайловского (Инженерного) замка в Санкт-Петербурге (1797–1800) неизбежно возникают вопросы, выходящие за пределы историко-архитектурной проблематики. Без ответа на них вряд ли удастся, выражаясь словами самого Павла I, "понять и вкусить характеристику мысленную всего заведения"[1]. До сих пор исследование религиозно-философской концепции этого здания исчерпывалось рассуждениями вокруг масонской по своему содержанию надписи архитектора В.И. Баженова на одном из чертежей замка[2].

Михайловский замок – единственная в России дворцовая постройка с сакральным посвящением. Согласно преданию, часовому, несшему службу возле пустующего Летнего дворца Елизаветы Петровны (который стоял на месте будущего замка), явился Архангел Михаил и повелел передать императору, что он желает видеть здесь храм. Между тем Павел строит, казалось бы, светское сооружение, но называет его подобно храму. Ассоциации с культовой постройкой вызывают и названия замковых ворот: Зачатейские, Рождественские, Воскресенские. Август Коцебу, составлявший по заказу императора описание замка, отмечает, что он напрасно старался угадать повод, по которому воротам были даны такие названия[3]. На главном фасаде замка по воле его владельца была помещена перефразированная цитата из Псалтыри: "Дому Твоему подобает Святыня Господня в долготу дней" (вместо "Дому Твоему подобает Святыня, Господи, в долготу дний" – Пс. 92.1). Строка псалма, первоначально предназначенная для Исаакиевского собора, казалась более уместной в оформлении именно церковного сооружения и должна была если не возмущать, то, по крайней мере, повергать в недоумение строгих приверженцев православия. Согласно святоотеческим толкованиям, под Домом Божиим следует понимать и христианскую Церковь в целом, и храм, и каждого христианина[4]. Но в православном сознании XVIII–XIX вв. данное понятие ассоциировалось прежде всего именно с храмом. Об этом совершенно недвусмысленно пишет митрополит Московский Платон в "Слове" на освящение Мартыновской церкви на р. Яузе, избравший в качестве эпиграфа тот же самый стих из Псалтыри[5]. Помещая на фронтоне своего дворца подобную надпись, Павел совершил бы почти кощунственный жест, если бы не изменил в ней одно слово. Теперь это уже не Дом Господа, а дом, которому подобает Святыня Господня.

Не менее примечателен и тот факт, что царские места в замковой церкви Архангела Михаила находились на балконах, в пространстве апсиды, в самой непосредственной близости от алтаря. Подобное расположение царских мест в храме, вызывающее ассоциации с византийским мутаторием, не было характерно для русской литургической практики. В связи с этим нельзя не вспомнить, что в акте о престолонаследии, зачитанном во время коронации Павла I, император объявлял российского государя главою Церкви[6]. Венчаясь на царство, он, помимо порфиры и короны, облачается в далматик, который, по мнению Б.А. Успенского, несомненно, символизировал архиерейское облачение – саккос[7]. Во время литургии Павел неоднократно снимал с себя корону – в те моменты, когда архиерею надлежит снимать митру. После коронации распространились слухи, будто при возведении на престол император сам себя причастил, а не принял причастие из рук священнослужителя[8]. Б.А. Успенский отмечает, что Павел считал себя вправе служить литургию и принимать исповедь, поэтому Синоду даже пришлось напомнить ему, что по уставу Православной церкви люди, вступившие во второй брак, не могут священнодействовать[9].

Совершенно очевидно, что Павел I отнюдь не рассматривал принятие обязанностей главы Церкви как формальный политический жест. За внешней экстравагантностью его действий лежали вполне определенные представления о значении царской власти. Между

---

* **Хайкина Людмила Вениаминовна,** старший научный сотрудник Государственного Русского музея.

тем историки павловского царствования, отмечая нетрадиционность взглядов этого монарха на духовный авторитет светской власти, концентрировали свое внимание прежде всего на его притязаниях на роль главы Вселенской церкви и на взаимоотношениях с церковью Католической. При этом религиозно-философские истоки идеологии Павла в вопросе "государь и Церковь" никогда не были объектом специального исследования.

В одном из писем к своему бывшему законоучителю митрополиту Платону вел. кн. Павел Петрович, объясняя причину собственной глубокой религиозности, с горечью написал: "Видя круг себя все весьма обстоятельствам подвластно, обратил свою (сущность. – *Л.Х.*) всю в Бога, Котораго у меня отнять нельзя"[10]. Драматические обстоятельства жизни сына Екатерины II способствовали не только развитию религиозного чувства, но и обостренному интересу к иносказательной интерпретации библейских текстов на тему о значении царской власти. Еще девятилетним ребенком он неоднократно задает своему законоучителю вопросы о ветхозаветном Мелхиседеке, "царе Салимском и священнике Бога Вышняго" (ср.: Быт. 14. 18; Евр. 7. 1). В ответ Платон пишет "Рассуждение о Мелхиседеке", в котором указывает, что священство салимского царя являлось подобием верховного священства Иисуса Христа[11]. Автору трактата было важно внушить своему ученику мысль о превосходстве вечного Христова священства над ветхозаветным священством Аарона. Но его воспитаннику Мелхиседек, очевидно, был интересен именно тем, что являл собой идеальный образ "царя-первосвященника". Став взрослым человеком, Павел не станет следовать наставлениям из сочинения своего законоучителя: "О Мельхиседеке не поминается, чтобы он имел кого-либо в священстве своем преемником... И Христос в священстве своем никого подобнаго преемником не имеет"[12]. Платон представляет великому князю и работу "Православное учение...", где, между прочим, пишет: "...Православные государи суть главные попечители и покровители Церкви... От него (христианского государя. – *Л.Х.*) Церковь Христова требует: 1) знать закон; 2) иметь страх Божий в пример благочестию; 3) смотреть, чтобы правительство церковное было порядочно..; 4) раздоры угашать и защищать от утеснителей ея и ругателей... А наипаче для государя благочестивая вера есть особливо полезна..."[13] В другой главе этого труда иеромонах Платон отмечает, что священнодействовать в храме может лишь рукоположенное духовенство.

Он излагает представления, вполне традиционные для концепции царской власти, принятой в Московской Руси, где издревле господствовала не идея особого положения монарха в Церкви как царя христиан, а идея глубины его благочестия. Историк церкви В. Савва отмечает: "...Народ русский, видя царя своего в церковно-гражданских обрядах, скорее видел глубину его смирения, чем высоту его сана"[14]. Конечно, на практике российские монархи не всегда соответствовали образу "смиренного" государя, и взаимоотношения московских царей с Церковью не всегда были идиллическими, но тем не менее идеологическое обоснование древнерусской модели царской власти оставалось неизменным. Совершенно очевидно, что идея "царя-первосвященника", воплощавшаяся в действиях Павла, была чужда древнерусским представлениям о монаршей власти и не могла быть внушена ему его духовным наставником. Можно предположить, что вдохновленный образом "Третьего Рима", Павел I ориентировался на византийскую модель императорской власти. Однако следует вспомнить о выраженной в VI новелле Юстиниана идее симфонии, или согласия, между светской и церковной властями. Она была в Византии господствующей правовой нормой. Те случаи, когда императоры фактически становились главами Церкви, представлялись нарушением этой нормы[15].

В России подобное нарушение было допущено Петром I, уничтожившим институт патриаршества и заменившим его Святейшим Синодом. Парадоксальность действий его правнука заключалась в том, что тот, с одной стороны, вернулся к традиционному для Древней Руси пониманию исключительно важной роли религии для осуществления светской власти. Но, с другой стороны, объявив себя главою Церкви, Павел I закрепил юридически то, что фактически сделал Петр I.

Трудно не согласиться с Н.Я. Эйдельманом, отметившим, что «экзальтированный Павел был куда более склонен не к благочестивому православию, а, так сказать, к "мистике власти", когда исключительная мощь российского самодержавия представлялась уже не просто "творящей причиной" российской истории, но орудием некоего высшего Промысла»[16]. Н.Я. Эйдельман, как и другие исследователи павловского царствования, указывая в качестве первопричин на личные качества и политические притязания Павла, видел в нем самостоятельного творца концепции власти. Он не предполагал, что эта концепция могла быть привнесена в сознание Павла извне. Но существует и другая точка зрения, изложенная

одним из крупнейших историков русского зарубежья Г.В. Вернадским в его статье "Цесаревич Павел и московские масоны", опубликованной в 1923 г. во Франции[17]. Эта статья малоизвестна в России, а между тем она представляет собой редкий случай, когда исследователь не просто описывает хорошо известную историю взаимоотношений цесаревича с масонами, а излагает суть воспринятых им воззрений масонства.

Автор статьи напоминает, что зимой 1784/85 г. архитектор В.И. Баженов привез цесаревичу Павлу в подарок от московских розенкрейцеров "Избранную библиотеку для христианского чтения", сборник, только что изданный Н.И. Новиковым. Он содержал, между прочим, "Краткое извлечение христианского учения из Послания св. апостола Павла к Колоссаям". Извлечение описывает "лучшее жилище или состояние" человечества – истинное Царство Сына Божия, которому принадлежит "все созданное, как видимое, так и невидимое, а именно Земля и наружная натура". Это как бы апофеоз истинного государства. "Царь сего великого и блаженного царства – такая особа, которая не имеет себе равного. Она двух натур: с одной стороны из Неба, Божеского начала... а с другой стороны от Земли, человеческого происхождения..."[18] Образ "святого царя" является фундаментальной идеей другого сочинения, изданного Н.И. Новиковым в 1784 г. под названием "Новое начертание истинные теологии". Когда Христос установит на Земле свое Царство, именно "святым царям" он доверит управление этим Царством и высшее руководство Церковью. Верующие государи во всей Вселенной объединят силы для того, чтобы подготовить и установить на Земле Царство Иисуса Христа. Поэтому религиозная жизнь должна быть полностью подчинена "святому царю". Среди самых высших институтов власти, которые эта книга рекомендует создать, фигурируют на равных Департамент Государства и Департамент Церкви[19]. Та же мысль содержится и в книге французского философа-мистика Л.К. Сен-Мартена "О заблуждениях и истине", сыгравшей огромную роль в формировании мировоззрения московских розенкрейцеров[20].

Истинный царь, в представлении читателей этой масонской мистической литературы, не должен быть государем светским, каковым он предстает в политической практике России XVIII в. Обладая высшими добродетелями и наставленный истинной "внутренней" Церковью (т.е. масонским учением), он подчиняет себе Церковь "внешнюю", т.е. официальную. Такова теоретическая основа, на которой, по мнению Г.В. Вернадского, построил свою идеологию Павел I.

Здесь нельзя не затронуть вопрос об отношении масонов екатерининской эпохи к Православной церкви. Как отмечает протоиерей Георгий Флоровский, это отношение было двойственным[21]. Многие масоны исполняли все церковные обряды, а иные прямо настаивали на совершенной неприкосновенности православной литургии. Однако, по тонкому наблюдению богослова, масонов православный обряд привлекал богатством и пластичностью своих образов и символов. «Но всякий символ есть для них только прозрачный знак, путеводная помета, и нужно восходить к означаемому. Это значит: от видимого к невидимому, от "исторического" христианства к духовному, или "истинному", из видимой Церкви в Церковь "внутреннюю". Такой "внутренней" Церковью масоны и считали свой Орден»[22].

Вопрос о принадлежности Павла к масонству остается не до конца проясненным, так как отсутствуют документальные свидетельства о его вступлении в какую-либо из масонских лож. Но большинство исследователей, описывая богатую фактами историю взаимоотношений цесаревича с масонами, склоняется к мысли, выраженной А.Г. Тартаковским: "...По всему складу своей натуры, моральным устоям и характеру умственных интересов Павел с его глубокой религиозностью, романтическим пристрастием к средневековому рыцарству, душевной экзальтированностью не мог не принимать близко к сердцу духовно-нравственных исканий масонства и мистических настроений его идеологов"[23]. Вполне естественно, что Павлу с его стремлением к максимальной централизации самодержавной власти и притязаниями на роль главы христианского мира не мог не импонировать библейский образ "царя-первосвященника", актуализированный масонами.

Как представляется, этот образ нашел свое воплощение не только в сфере религиозной политики Павла I, но и в образной структуре Михайловского замка. Сакральная топонимика здесь играет роль тех самых прозрачных знаков, которые позволяют "восходить к означаемому". Жилищу не просто светского государя, а "святого царя-первосвященника", действительно, подобает Святыня Господня, тем более, если этот царь ощущает себя преемником Царя Небесного. Нельзя не вспомнить о том, что торжественный въезд в Москву для коронации был совершен Павлом в Вербное Воскресение, а короновался он на Пасху. Автор изданного Н.И. Новиковым "Краткого извлечения..." подчеркивал, что святой царь был звеном, "средством" между людьми и Богом. Но таким же "средством" был "Царь

и Священник" всей твари – Сын Божий Иисус Христос. В представлении автора этого сочинения Христос – прообраз святого царя, соединившего власть земную и небесную[24]. Уподобление царя Сыну Божию, за которое староверы в свое время упрекали патриарха Никона, было весьма характерным для философии масонства, в которой единая система подобий охватывает весь мир[25]. Яков Бёме, один из самых авторитетных теоретиков масонства, писал: "...Когда ты смотришь на мир сей, то перед тобою прообраз неба"[26]. А следовательно, когда ты смотришь на жилище земного "святого царя", то оно должно являть твоему мысленному взору подобие обиталища Царя Небесного – Град Божий. В Апокалипсисе о горнем Иерусалиме сказано: "Город расположен четвероугольником, и длина его такая же, как и широта" (Откр. 21.16). Один из крупнейших немецких специалистов в области символики, Г. Бидерманн, подчеркивает, что "Небесный Иерусалим" часто изображался в виде квадрата[27]. Итальянский медиевист и знаток семантики Умберто Эко, отметив в романе "Имя Розы", что восьмигранная Храмина, находившаяся в средневековом монастыре, где происходит действие романа, сбоку выглядела четырехугольником, далее написал: "...Совершеннейшая из фигур, отображающая стойкость и неприступность Града Божия"[28].

В плане Михайловский замок являет собой квадрат с вписанным в него восьмиугольником внутреннего двора. В качестве "восьмого дня творения" блаженный Августин и Василий Великий понимали Воскресение Иисуса Христа и начало Вечности[29]. Г. Бидерманн отмечает, что именно эта идея лежит в основе восьмигранной формы баптистериев[30]. А.М. Лидов, в свою очередь, подчеркивает, что в восточнохристианской иконографии число "восемь" является сакральным – символизирует Воскресение и напоминает о явлении Небесного Иерусалима[31].

В мировоззрении Павла, ожидавшего наступления Страшного Суда в реальной и близкой исторической перспективе, тема грядущего Воскресения занимала огромное место. В 1796 г. вел. кн. Павел Петрович в письме к митрополиту Платону благодарит его за присланные чертежи основанной им Вифанской пустыни Троице-Сергиевой лавры и далее замечает: "В Вифании вы. Не вы одни обстоятельствами до нее доведены. Суть Вифании и внутренния, которых истребить не могут. Но сии существа такого, что они с нами на всяком месте и владычестве; такого существа моя 〈...〉 Надобно, видно, было получить мне от вас план Вифании и писать к вам о моей внутренней в тот день, где дочь моя год тому, как скончалась"[32].

В Вифанской пустыни находилось кладбище монахов лавры, и Платон назвал основанную им обитель в память о евангельском событии, произошедшем в селении Вифания, – воскрешении Лазаря. Фигура его, изображавшаяся на иконах в пеленах, олицетворяла собою веру в грядущее воскресение. Как представляется, в названии главных ворот замка и расположенного над ними Воскресенского зала с картинами на сюжеты из русской истории, а также октогональной форме двора Павел воплотил свою "внутреннюю Вифанию" – упование на будущее бессмертие: и свое собственное, и вверенной ему Богом империи, и всего христианского мира.

Роль прозрачного знака, позволявшего догадаться об истинном смысле запечатленной в композиции здания идеи, играла упоминавшаяся строка из Псалтыри, помещенная в перефразированном виде над Воскресенскими воротами. Она еженедельно звучала во время воскресного всенощного бдения в прокимне "Господь воцарися", посвященном победе воскресшего Господа над смертью, утверждению им всех верующих во Вселенной[33].

В изданной Н.И. Новиковым "Избранной библиотеке для христианского чтения" содержатся следующие строки: "Иерусалим по буквальному смыслу есть град, добре хранимый, крепкими стенами окруженный, жилище великого Царя и блюстилище мира... По духовному значению знаменует он воюющую Церковь под предводительством Христа"[34]. Разве не вызывает это описание хорошо охраняемого и окруженного крепкими стенами города ассоциации с Михайловским замком? И следует ли его воинственный антураж объяснять только рыцарскими увлечениями Павла? Осознание собственной миссии как главы "воюющей Церкви" было необычайно актуально для преемника Екатерины II, видевшего себя "восстановителем истинных религиозных начал", расшатанных французской революцией. В разговоре с польским королем Станиславом Понятовским Павел I заметил: "Мне было сказано, что в 1800 году после мировых смут наступит замирение, и придет оно с Севера"[35]. Под "Севером" следовало понимать Россию, а разговор происходил в 1797 г., т.е. в самом начале его царствования. Павел I считал себя призванным возглавить борьбу сил добра против сил зла, и в этом смысле особую значимость приобретал образ Архангела Михаила. Избранный императором сюжет для надпрестольного образа замковой церкви

(Архангел, изгоняющий демонов) показывает, что в трактовке этого образа доминирующее значение для него имел именно эсхатологический аспект.

Есть некоторые основания предполагать, что мысль посвятить замок Архангелу Михаилу могла возникнуть под впечатлениями от неосуществленного В.И. Баженовым проекта Кремлевского дворца, чертежи которого были широко представлены в библиотеке Павла[36]. До сих пор исследователи не обращали внимания на тот факт, что в конце своего "Слова на заложение Кремлевского дворца" (1773) В.И. Баженов обращается к Архангелу Михаилу: "Архистратиг Обладателя Вселенныя, пред твоими очами, пред самыми твоими очами сей первый камень во основании полагается: не сам ли ты наименовал сие место срединою начинаемого здания? Буди хранитель сего дома, сего замка и сего града! Буди хранитель и всей России! И повергая врагов нашего Отечества силою нашего оружия, как ты поверг надменной гордостью духи! Видя храм твой, кажется мне, что я тебя пред собою вижу, воздевающа руки ко престолу Обладателя Подсолнечныя, слышится мне, что ты уже возносишь общенародный глас с севера, сей глас: Всемогущий Боже, благослови место сие..."[37]

Весьма примечательно, что в своей речи В.И. Баженов упоминает Архангельский собор, где покоились останки московских царей, начиная с Ивана Калиты и кончая Иваном V. Безусловно, интерпретация этой речи применительно к главным сооружениям Московской Руси и двух царствований нового времени – екатерининского и павловского – тема для отдельного исследования. В настоящий момент ограничимся лишь констатацией того факта, что в обоих случаях автором проекта являлся один и тот же человек, который, вне всяких сомнений, участвовал в формировании философской концепции петербургского замка. Об этом свидетельствует упоминавшаяся надпись В.И. Баженова на одном из чертежей неосуществленного проекта Михайловского замка: "Под церковью в рюстик должно быть фигурам Моисею и Арону, ибо рюстический закон прошел, а в новой благодати должно быть камню или Петру с Павлом, что и означено у алтаря наружной церкви"[38]. Автор монографии о творчестве архитектора, А.И. Михайлов разъясняет эти слова, ссылаясь на донесение московского главнокомандующего кн. А.А. Прозоровского о посещении им профессора Московского университета Х.А. Чеботарева и знакомстве с некоей книгой: "В этой книге говорилось, что после грехопадения Адама в нем осталась лишь искра закона или совести, то есть закон естественный, который продолжался до того времени, когда Моисей дал закон письменный – 10 заповедей. Моисеев закон продолжался до закона Христова, закона благодати". "Итак, – говорил Чеботарев, – мы не можем исполнить закона Христова, пока не исполним закона Моисеева, а закона Моисеева не можем исполнить, пока не исполним закона естественного". Таким образом, по вполне справедливому суждению А.И. Михайлова, расстановкой статуй В.И. Баженов хотел раскрыть в проекте оформления фасада замка эту масонскую идею развития от естественного закона к новой благодати[39].

Между тем в настоящий момент нам не известны работы Х.А. Чеботарева теософского характера. Идеи, излагаемые в донесении А.А. Прозоровского, по всей видимости были заимствованы из других трудов, особо ценимых московскими масонами, – из сочинения Якова Бёме и из книги "Об истинном христианстве", написанной немецким богословом конца XVI – начала XVII в. Иоанном Арндтом. Эту книгу вместе с "Избранной библиотекой для христианского чтения" зимой 1784/85 г. через В.И. Баженова передает цесаревичу Н.И. Новиков, показавший в 1792 г. на допросе, что отправил ее великому князю потому, что, по словам книготорговца Глазунова, "для той особы искали в книжных лавках нового перевода Арндтова «Об истинном христианстве»"[40]. Судя по этим показаниям, Павел Петрович был знаком с сочинением немецкого богослова еще до приезда В.И. Баженова и проявил к нему особый интерес. Исследователь круга чтения Павла I – В.А. Семенов – отмечает, что труд Иоанна Арндта, наряду с "Избранной библиотекой для христианского чтения", находился в Башенном кабинете Гатчинского дворца, т.е. среди книг, которыми великий князь пользовался и которые постоянно находились у него под рукой[41]. Иоанн Арндт писал: "... Каждый человек-христианин имеет себе две линии рождения, плотскую линию Адама и духовную линию Христа, происходящую от веры. Ибо подобно, как Адамово ветхое рождение в нас находится, так должно и Христово новое рождение быть в нас. И сие-то называется ветхий и новый человек, ветхое и новое рождение... ветхий и новый Иерусалим". А далее он добавляет: "Писание описывает новый Иерусалим; оный должен быть во мне, и я сам должен быть им"[42].

В окончательном варианте проекта церковного фасада, в котором В.И. Баженов хотел воплотить идею нравственного восхождения человечества от Адама к Христу, от статуй Аарона и Моисея отказываются, но по-прежнему присутствуют фигуры Петра и Павла,

олицетворяющие собой "новую благодать". Конечная цель этого духовного восхождения – достижение Нового Иерусалима, образ которого занимал центральное место в системе воззрений масонства с его явно выраженными эсхатологическими настроениями.

Следует отметить, что при всем многообразии специфически масонской символики, фундаментальные представления масонства основывались на общехристианских идеях и образах. И если идея "царя-первосвященника" была чужда православному сознанию, то образ Небесного Иерусалима постоянно присутствовал в нем благодаря текстам и песнопениям ежедневного богослужения. В архитектурных сооружениях позднего русского средневековья (таких как "Святая Святых", задуманная Борисом Годуновым в Кремле, ансамбль "Нового Иерусалима", инициированный Алексеем Михайловичем) через образ Града Божьего воплощались идеи богоустановленности царской власти и мессианской роли русского государства[43]. Как представляется, в русской архитектуре нового времени эти идеи воплощает Михайловский замок.

По свидетельству Франсуа Виоллье – первого по времени помощника Павла в разработке проекта замка, на протяжении двух лет цесаревич напряженно искал композиционное решение планировки здания, причем варианты плана бесконечно множились. На заключительном этапе Павел остановился на едва ли не самой сложной и неудобной для проектирования схеме – квадрате с вписанным в него восьмигранником. Не потому ли понадобилась такая усиленная работа именно над планировкой сооружения, что в основу ее была положена некая сакральная формула, весьма затруднявшая процесс проектирования? Впоследствии на уже найденную объемно-пространственную структуру, от которой Павел не хотел отказываться, он как бы "насаживает" разные варианты решения фасадов: сначала так называемый западноевропейский, затем баженовский и, наконец, осуществленный в натуре.

Конечно, в условиях полного отсутствия прямых документальных свидетельств, исходящих от самого Павла, любая интерпретация идейной концепции Михайловского замка может существовать лишь как гипотеза. Но мысль о том, что генезис и природу архитектуры этого сооружения определяли не только художественные устремления, но и религиозно-философское сознание эпохи, представляется бесспорной.

Примечания

[1] Письмо цесаревича Павла к митрополиту Платону от 15 января 1796 г. // Русский архив. 1887. № 5. С. 169.

[2] Только однажды в докладе С.О. Кузнецова была высказана мысль, что в концепции этого сооружения присутствует идея храма, однако гипотеза тогда не была подкреплена обращением к истокам мировоззрения Павла I: К у з н е ц о в С.О. Михайловский замок: предназначение (кратковременность замысла и долговечность мифа). Доклад на II научно-практическом семинаре "Михайловский замок. История. Перспективы музеефикации". СПб., 1991.

[3] К о ц е б у А. Краткое описание Михайловского замка в 1801 году // Русский архив. 1870. № 6. С. 972.

[4] Толковая Псалтырь Евфимия Зигабена / Пер. с греч. Киев, 1883. С. 99. Приношу благодарность Н.В. Пивоваровой и И.Д. Соловьевой за консультации в области святоотеческой литературы.

[5] П л а т о н (Л е в ш и н), митр. Полн. собр. соч. СПб., 1913. Кн. 1. С. 672.

[6] ПСЗ-1. Т. 24. № 17910. С. 588.

[7] У с п е н с к и й Б.А. Царь и патриарх. М., 1998. С. 176. Б.А. Успенский подчеркивает, что на иконах сам Христос изображался в далматике как царь и великий архиерей.

[8] Там же. С. 178.

[9] Там же. С. 177.

[10] Письмо цесаревича Павла... С. 170.

[11] П л а т о н (Л е в ш и н), митр. Указ. соч. Кн. 1. С. 799–804.

[12] Там же. С. 803.

[13] Там же. С. 756.

[14] С а в в а В. Московские цари и византийские василевсы. Харьков, 1901. С. 104. Выражаю признательность Н.В. Пивоваровой, любезно обратившей мое внимание на эту работу.

[15] См.: Там же. С. 60.

[16] Э й д е л ь м а н Н.Я. Грань веков. СПб., 1992. С. 57.

[17] V e r n a d s k i j G. Le Cesarevitch Paul et les francs-masons de Moscou // Revue des études slaves. T. 3. Paris, 1923.

[18] Избранная библиотека для христианского чтения. Ч. III. М., 1784. С. 131. Ср.: V e r n a d s k i j G. Op. cit. P. 283.

[19] Новое начертание истинныя теологии... Ч. II. М., 1784. С. 252–256.

[20] Vernadskij G. Op. cit. P. 284.

[21] Флоровский Г. Пути русского богословия. Париж, 1983. С. 122.

[22] Там же.

[23] Тартаковский А.Г. Павел I // Романовы. Исторические портреты. Т. 2. М., 1998. С. 167.

[24] Вернадский Г.В. Русское масонство в царствование Екатерины II. Пг., 1917. С. 233.

[25] Медведкова О. Царицынская псевдоготика В.И. Баженова. Опыт интерпретаций // Вопросы искусствознания. 1993. № 4. С. 66.

[26] Там же.

[27] Бидерманн Г. Энциклопедия символов/Пер. с нем. М., 1996. С. 112.

[28] Эко У. Имя Розы/Пер. с итал. М., 1993. С. 21.

[29] Творения преподобного Максима Исповедника. Кн. 1/Пер., вступ. статья и комментарии А.И. Сидорова. М., 1993. С. 223, 326; Tourniac J. Symbolisme maconnique et tradition chrétienne. Paris. 1993. P. 60.

[30] Бидерманн Г. Указ. соч. С. 298.

[31] Лидов А.М. Образ Небесного Иерусалима в восточнохристианской иконографии // Иерусалим в русской культуре. М., 1994. С. 17.

[32] Письмо цесаревича Павла... С. 169.

[33] Всенощное бдение и литургия. Изд. Введенской Оптиной пустыни. СПб., 1997. С. 17, 115.

[34] Избранная библиотека для христианского чтения. Ч. II. С. 72.

[35] Горяинов С. Павел I и Станислав Понятовский. Неизданные рукописи // Русский архив. 1912. Кн. 1. С. 34. Благодарю М.Б. Асварища, любезно обратившего мое внимание на эту публикацию.

[36] РГИА, ф. 468, оп. 32, № 1247, л. 65.

[37] Баженов В.И. Слово на заложение Кремлевского дворца // Мастера искусства об искусстве. Т. 6. М., 1969. С. 94.

[38] Кожин Н. Проект Михайловского замка В.И. Баженова // Доклады и сообщения филологического факультета МГУ. Вып. 1. М., 1946. С. 49–54; Михаловская О. Новое об Инженерном замке // Архитектура Ленинграда. 1950. № 1. С. 29–31.

[39] Михайлов А.И. Баженов. М., 1951. С. 274.

[40] Новиков Н.И. и его современники. М., 1961. С. 454.

[41] Семенов В.А. Что читал Павел Первый // Наше наследие. № 38. 1996. С. 20.

[42] Арндт И. Об истинном христианстве. М., 1833. С. 28, 72.

[43] См.: Баталов А.Л. Гроб Господень в замысле "Святая Святых" Бориса Годунова // Иерусалим в русской культуре. С. 154.

© 2000 г. Л.Н. БЕХТЕРЕВА*

ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ ПСИХОЛОГИИ РАБОЧИХ ИЖЕВСКИХ ЗАВОДОВ УДМУРТИИ 1920-х ГОДОВ

Современная историография рабочего класса Удмуртии страдает отсутствием комплексного анализа качественных составляющих объекта исследования. В работах местного уровня не ставилась задача изучения менталитета как одного из основных факторов, определяющих социальный облик рабочего.

Цель данного сообщения – изучение психологии рабочего класса Ижевских оборонных заводов 1920-х гг., менявшейся под влиянием исторических преобразований того времени. Наряду с традиционными документальными материалами (законодательные акты, делопро-

* **Бехтерева Людмила Николаевна**, кандидат исторических наук, научный сотрудник Удмуртского института истории, языка и литературы Уральского отделения Российской академии наук.

изводственная документация, периодическая печать, статистические публикации) использованы источники социально-психологической направленности: воспоминания и автобиографические записки, дневники, письма, характеристики, отражающие элементы обыденной психологии рабочих, их мировоззрение, жизненную ориентацию, ценностные представления.

Предшествовавший 1920-м гг., эпохе новой экономической политики период Гражданской войны способствовал определенной деформации прежней классовой структуры общества. "Эффект деклассирования" коснулся прежде всего фабрично-заводских рабочих, которые вследствие сокращения производства и в немалой степени под давлением голода, охватившего в 1924 г. 23 губернии страны, бросали работу и уходили в деревни. В результате численность рабочего класса России уменьшилась более чем вдвое, с 2 598 тыс. в 1913 г. до 1 228 тыс. человек в 1921 г.[1], а на Ижевских оружейном и сталеделательном заводах осталось только 31,2% довоенного числа рабочих[2].

С возрождением промышленности возникла необходимость собрать индустриальные кадры. Начавшийся процесс вскоре дал свои положительные результаты. На Ижевских заводах, где в начале 1921 г. кадровых рабочих было 20%[3], в 1927 г. их насчитывалось 87%[4]. Среди них были такие, кто прибыл сюда в годы Первой мировой войны и позднее из Центрально-промышленного района и с прилегающих к Удмуртии территорий Урала. Обладая определенным уровнем квалификации и профессиональной подготовки, они проявляли лояльность к правящей партии, поддерживали ее политический курс, активно участвовали в деятельности партийных, кооперативных организаций, создаваемых добровольных обществ и союзов (МОПРа, Доброхима, шефских обществ и т.д.).

По-иному вели себя попавшие на заводы бедняцкие элементы из деревни, окончательно порвавшие связи с сельским хозяйством и считавшие работу на промышленных предприятиях основным, а во многих случаях и единственным источником существования. Несмотря на наличие производственного стажа, им были присущи такие черты крестьянской психологии, как обывательские настроения, непоследовательность и противоречивость в политических убеждениях.

Среди кадровых рабочих основное ядро составляли коренные жители Ижевска, как правило, высококвалифицированные рабочие, во время Гражданской войны служившие в "Народной армии", армии колчаковцев и отступавшие вместе с ними после подавления Ижевско-Воткинского мятежа осенью 1918 г. В конце 1928 г. на Ижевских заводах их насчитывалось 4 243 человека[5]. Лишившиеся прежнего положения по возвращении на место работы бывшие ижевские мастеровые выражали недовольство существующими порядками, политическим строем вообще. Не разделяя политической линии партии, они выступали на заводских собраниях очень решительно, последовательно отстаивая свою точку зрения. Известны факты открытого бойкота ими решений партячеек, выражения недоверия отдельным партийцам, недовольства увольнениями по мотивам социального происхождения[6]. Наиболее активные из них участвовали в экономических стачках и забастовках, которые были частым явлением в 1920–1922 гг. Конфликты возникали главным образом на почве перебоев с выдачей продовольственного пайка и спецодежды, задержек зарплаты, продолжались от нескольких часов до 2–3 дней, охватывали в среднем 40–50 человек и заканчивались продолжением работы в случае удовлетворения требований, а при неразрешенном конфликте – расчетом и уходом рабочих в деревни. Самым крупным выступлением этих лет была забастовка, начавшаяся 30 июня 1922 г. в инструментальной мастерской Ижевских заводов. Рабочие требовали разъяснения создавшегося положения с выдачей продовольственных пайков и выплатой "урезанных" ставок. Требование было поддержано и в других мастерских, приостановивших свое производство[7]. Эти события находились под контролем облполитотдела ГПУ, постоянно сообщавшего об их ходе и результатах в информотдел ГПУ. В телеграмме от 5 июля 1922 г. облполитотдел сообщал, что инцидент изжит без ущерба государственному производству[8]. Обстановку разрядил предоставленный рабочим Ижевских заводов отпуск на сельскохозяйственные работы.

Оппозиционно настроенные к правящей партии общественно-политические организации учитывали настроения трудящихся и использовали их в своей деятельности. Стачки и забастовки 1923–1925 гг. во многом являлись результатом усилившегося влияния на рабочих эсеров и эсеров-максималистов и следствием проведенных ими организационных мероприятий. Максималисты руководили выступлениями рабочих против повышения производительности труда, увеличения норм выработки, заключения коллективного договора 1925 г., культшефства над деревней[9].

В августе 1924 г. на берегу Ижевского пруда были зафиксированы несколько групп

заводчан, которые, обсуждая текущие политические события, вспоминали о восстании 1918 г. и отмечали при этом, что "при первом же нужном моменте большая часть рабочих не задумается много взять оружие и выступить на борьбу"[10].

Однако с изменением экономической ситуации, введением хозрасчета и нового принципа тарификации отношение к производству данной категории рабочих меняется. С искоренением установившейся в период "военного коммунизма" уравниловки в оплате труда большая их часть, обладавшая высокой квалификацией и соответственно высокими разрядами, стала получать большую зарплату, обеспечивавшую достаточный уровень материального благосостояния. В конце 1924 г. она была равна 50 руб. в месяц (при стоимости минимального набора продуктов в г. Ижевске в первом квартале 1925 г. 12 руб. 37 коп.)[11]. Проявляя заинтересованность в результатах труда, эти рабочие выражали нетерпимое отношение к нарушителям трудовой дисциплины, бесхозяйственности на производстве. Они предлагали свои пути повышения производительности труда, высказывали ценные деловые предложения по рационализации производственного процесса (из 45 поступивших в бюро в 1924 г. предложений авторами 24-х были рабочие)[12], ратовали за экономию и бережливость. Помимо внутренних проблем завода, города, области их интересовали и события, связанные с состоянием страны в целом. Свою точку зрения, отличную от официально признанной, имели рабочие, интересы и общий политический и культурный уровень которых были более высокими, чем у остальных. По отдельным вопросам деятельности партии и советского правительства они имели самостоятельные суждения. Так, в связи с дискуссией о профсоюзах в отношении Л.Д. Троцкого некоторые из них замечали, что тот "несмотря на свои заслуги в период Гражданской войны, все же почему-то идет на раскол, стало быть в центре что-то неладно". Другие считали, что Троцкий вследствие "осложнения международного положения страны, предвидя определенные опасения, идет на раскол"[13]. По-разному воспринималось в этой среде убийство в Лозанне, в мае 1923 г. полномочного представителя России в Италии В.В. Воровского. В то время как советские и партийные органы устраивали демонстрации протеста и митинги с лозунгами и революционными песнями, принимали резолюцию с осуждением "зверского злодеяния мировой буржуазии" (во всех мероприятиях приняло участие более 25 000 человек), на обыденном уровне определенная часть рабочих, преимущественно старшего поколения, это воспринимала примерно так: "Одним паразитом стало меньше, так как его туда (на Лозаннскую конференцию. – *Л.Б.*) никто не звал, а он поехал сам, за что и убили, чтобы не совался в чужие дела, не распространял свою заразу и не обманывал ихних рабочих, как нас дураков"[14].

Важной особенностью и отличительной чертой большой части ижевцев-рабочих, как впрочем и уральских в целом, являлась их связь с сельским хозяйством. Они имели свои дома и кустарные мастерские, землю, занимались ее обработкой, содержали мелкий и крупный рогатый скот, часть земли сдавали в аренду. В 1928 г. в хозяйствах ижевцев насчитывалось более 3 300 коров и около 700 лошадей, 5 785 га арендованных городских лугов, пасеки, расположенные на 60,5 га[15]. Избыток сельскохозяйственных товаров и продуктов ремесла, реализуемых на городском рынке, создавал значительное подспорье бюджету семьи.

Интересы и потребности таких рабочих не выходили за рамки традиционных: значительную часть свободного времени они уделяли личному хозяйству, используя также труд домочадцев.

Неотъемлемой чертой сознания и образа жизни части "старых" рабочих являлась их религиозность и уважительное отношение к чувствам верующих. Когда в 1923 г. в Ижевске Михайловский собор по решению городского совета превращали в Дворец труда, главной силой, которая выступила против этой акции, были "старые" рабочие[16].

В 1925 г. из 15 000 рабочих на Ижевских заводах атеистами себя считали 25%[17]. Деятельность организованных на заводах к началу 1927 г. 6 ячеек и 2 кружков безбожников, насчитывавших до 200 человек[18], сводилась по преимуществу к проведению показных мероприятий, к числу которых относится и проходившая 20 ноября 1927 г. конференция атеистов. Из присутствовавших на ней 138 человек рабочих было немногим более половины. Выступившие отмечали пассивное отношение низовых партийных организаций, профсоюзов и самих трудящихся к антирелигиозной пропаганде.

Несмотря на то, что после окончания Гражданской войны были приняты советские декреты, предусматривавшие запрет на использование всех детей до 15 лет на производстве, большинства подростков эти декреты не коснулись в связи с недостатком средств на школы и содержание детей. Если в целом по стране по переписи 1920 г. удельный вес несовершеннолетних, занятых в промышленности, составлял 7,6%, то на Урале он достигал 14,1%[19].

Прослойка подростков на заводах считалась своеобразным резервом квалифицированных рабочих. На основании декрета ВЦИК от 2 мая 1922 г. "Об установлении предельного минимума количества подростков на предприятиях" для них вводилось бронирование мест. В среднем по промышленности была установлена норма – минимум 7% к числу всех рабочих на предприятии. В 1923 г. на Ижевских оружейном и сталеделательном заводах эта категория работающих составляла 7,3%[20]. В последующие годы такой уровень сохранялся. Однако в условиях безработицы наблюдалась тенденция к фактическому сокращению бронированных для подростков мест.

На заводах и фабриках между представителями старшего поколения и молодыми рабочими часто складывались непростые отношения. Пожилые считали молодежь неуважительной, самонадеянной, недисциплинированной. "Ребята не желают иногда подчиняться ни администрации, ни мастеру и никому другому. Если, в целях производства, их переводят в другой цех на худшую работу, они сопротивляются, грозят поколотить за это и мастера, и администрацию. Безусые мальчишки ударяют себя в грудь и орут: «За что мы боролись?!»"[21]

Темпераментность, бескомпромиссность, отсутствие сомнений – психологические качества, присущие молодежи, были усилены событиями революционных лет. Молодежь легко и просто воспринимала новый стиль жизни, элементы нового быта, проявляя нетерпимость к "пережиткам прошлого", мешавшим, на ее взгляд, дальнейшему продвижению вперед.

Отличительными чертами психологического облика рабочей молодежи 1920-х гг. были коллективизм, тяга к различного рода мероприятиям, предполагающим массовость, поддержка производственных починов, инициативность, активность в организации клубной и кружковой работы. Проведенный нами анализ анкет членов городских клубов показал, что в основном ими были рабочие, которых на 1 января 1926 г. в клубах насчитывалось 658 (для сравнения: служащих – 546, учащихся – 180); в кружках преобладала молодежь до 22 лет – 75%. Это были дети коренных ижевских рабочих. В анкетах, как правило, значилось: по национальности – русский, отец – рабочий, мать – домохозяйка. Из них членами ВКП(б) являлись 164 человека, членами ВЛКСМ – 290, беспартийными – 1 186[22]. В целом в январе 1924 г. на Ижевских заводах насчитывалось 440 членов ВЛКСМ, в сентябре 1926 г. – 2 015, что составляло 47,3% от общего числа городской молодежи[23].

Среди молодежи много было молодых крестьян, еще не прошедших производственной и организационной рабочей школы, совершенно не знакомых с фабрикой, борьбой рабочего класса, его задачами и организациями. Эта часть новых рабочих, как отмечалось на XIV съезде партии, "больше связанная с землей, чем с фабрикой, целиком проникнутая крестьянскими интересами, полуграмотная или совсем неграмотная, в своем большинстве склонна держаться в стороне от основной пролетарской массы, ее интересов и общественности и рассматривать себя как случайных, временных гостей фабрики, завода, города"[24].

Такой слой рабочих имелся и на Ижевских заводах. Большая часть пришедших в город вчерашних крестьян приносили с собой специфичные формы досуга – драки "стенка на стенку", "посиделки". В районах расселения крестьян (чаще всего это были окраины города) "господствовала обстановка бывших слободок окрестных деревень"[25].

Отсутствие нормальных бытовых условий, избыток свободного времени, социальная и политическая нестабильность, оторванность от семьи способствовали развитию в среде рабочей молодежи пьянства, хулиганства, поножовщины, проституции. По официальным данным, в 1923 г. несовершеннолетние тратили на выпивку 4% своего заработка. У взрослых эта цифра была, разумеется, выше. В бюджете рабочей семьи в начале 1920-х гг. затраты на спиртное составляли 2,5%[26]. Однако, например, в 1925 г. водке (цена 0,5 литра – 1,90 руб.) рабочий зачастую предпочитал самогон (цена 3 литров – 2 руб)[27]. Самогон в город исправно поставлялся из деревень, "многие граждане отвозили в Ижевск четвертей по 60"[28].

О возрождении стихнувшего во время "военного коммунизма" пережитка старого царского строя – хулиганства – 13 июня 1924 г. писал в "Ижевской правде" рабкор Мезенцев: "Рабочий, идя с работы, собраний, рискует всегда попасть под нож хулигана. женщины – работница, девушка, – проработавшие на заводе или в учреждении, боятся выйти вечером погулять, как бы не попасть в руки хулиганов". Другой рабочий Н. Быстров отмечал: "Пьянство, поножовщина, хулиганство, разврат в пределах Ижевска за последнее время распространились до невозможности"[29].

Недавние крестьяне, пришедшие в город, вливались в отрасли промышленности, в зна-

чительной степени использовавшие неквалифицированный труд и носившие сезонный характер. При несвоевременной выдаче заработной платы, продовольственного пайка и спецодежды, урезании тарифных ставок и в особенности с началом посевных или уборочных работ на селе они самовольно покидали производство, уходили в свои деревни.

В результате усиливалась текучесть рабочей силы в промышленности и строительстве. Во многом этому способствовали жилищно-бытовые трудности. Приходивших из сельской местности вселяли, как правило, в построенные из досок бараки, в частные квартиры, а также во временно пустующие с износом до 75% дома, требовавшие капитального ремонта. Отсутствие стабильности, неуверенность в праве длительного пользования жильем приводили к соответствующему отношению к нему: "Дома разбираются на топливо, они обваливаются от «водянки» современных городов, они разрушаются за отсутствием ремонта и от небрежного отношения к ним жильцов"[30],– отмечал в 1922 г. С.С. Маслов.

Неудовлетворительные жилищно-бытовые условия приводили к росту заболеваемости. По Удмуртии количество больных достигало 10 028 человек, что составляло свыше 1% всего населения. За первую половину декабря 1923 г. на Ижевских заводах было зарегистрировано 231 простудное заболевание[31]. В апреле 1924 г. в отчетах областного отдела здравоохранения в г. Ижевске отмечалось 13 случаев заболевания дизентерией, 12 – скарлатиной, 1 105 – малярией, 225 – сифилисом и 132 – другими венерическими болезнями[32].

Заболеваемость росла и из-за неудовлетворительного санитарно-технического состояния мастерских и производственных помещений. Теснота, недостаточное освещение, отсутствие раздевалок, умывальников и теплых туалетов, грязные, закоптелые стекла в окнах, разрушенные или плохо оборудованные наружные двери, грязь, сырость, отсутствие или неисправность вентиляторов, а также необеспеченность рабочих теплой одеждой и горячим питанием на территории заводов, отражались на их здоровье.

Обед рабочие, как правило, брали с собой из дома либо пользовались услугами домочадцев, приносивших его на завод. Из продуктов на первом месте по потреблению стояли хлеб, молоко, картофель, овощи, привозимые из деревни или выращиваемые на собственных участках – свекла, морковь, репа, брюква. Мяса, рыбы, растительных и животных жиров потреблялось мало. Из всех сортов мяса предпочтение отдавалось свинине. Круп в рационе до конца 1925 г. практически не было[33].

Приток новых рабочих оказывал самое непосредственное влияние на состояние трудовой дисциплины. Массовые прогулы (до 80% падало на новичков), опоздания (в 1929 г. на Ижзаводах опаздывало на работу ежедневно в среднем 409 человек)[34], уход с работы ранее положенного времени, простои, брак были характерны для заводов тех лет[35].

Стремление к уравнительности являлось одним из специфических проявлений социально-психологического настроя "новых" рабочих. В ноябре 1924 г. на Ижевских заводах произошел такой случай: 10 рабочих электроотдела, работая по 12 и более часов в сутки, оборудовали механическую мастерскую. За месяц они получили по 130 руб. Коммунисты на общем собрании 10 ноября заявили, что заработок рабочего в 130 руб. в месяц слишком высок. Один из присутствующих выразился категорично: "Пусть рабочий сдохнет, а больше 50-ти рублей зарабатывать не должен"[36].

Культурная и техническая отсталость новых слоев рабочих стала и одной из причин так называемого спецеедства, квалифицируемого в современной научной и публицистической литературе как антиинтеллектуализм. Это явление имело место и на Ижевских заводах, где высококвалифицированные специалисты и члены администрации в большинстве своем происходили из так называемых буржуазных и мелкобуржуазных слоев, к тому же часть из них вернулась из "колчаковии". В связи с этим в среде неграмотных рабочих проявлялось стремление обвинить "спецов" во всех просчетах и производственных трудностях. "Спецеедству" способствовала и несовершенная система расценок и норм выработки, частые переброски работников из цеха в цех во избежание массовых увольнений из-за сокращения оборонного заказа, недостаточная информированность рабочих. Особенно болезненно воспринималась разница в оплате труда. В связи с чем рабочие неоднократно указывали на несправедливость по отношению к ним собственной власти, установившей такие ставки, что "на жалованье спеца можно обеспечить 10–15 человек"[37]. Рост "спецеедства" на Ижевских заводах неоднократно отмечался в отчетах обкома партии в 1926 г.

Достаточно ярким свидетельством недовольства "спецами" и администрацией заводов стал происшедший в декабре 1925 г. конфликт в отделе механика Оружейного завода, где рабочие, недовольные введенной технико-производственным бюро системой оплаты труда и прохождения заказов (карточная система по принципу НОТ), потребовали устранения инженера Видемана, возглавлявшего бюро и вводившего эту систему (отчего последняя

получила название "видемановской"). Правильная в своей основе, она не была в достаточной степени объяснена рабочим и вызвала всевозможные кривотолки и общее недовольство, "подогреваемое" теми, кто был лично незаинтересован в ее положительных результатах. Партийные и профсоюзные организации не смогли своевременно предотвратить конфликт, принявший значительные размеры. Рабочие в резкой форме выдвинули требование об устранении инженера от работ на заводе. По распоряжению обкома партии заводоуправление перевело Видемана на другую должность, что несколько разрядило обстановку. Однако недовольство системой в целом осталось, и на основании этого были предприняты попытки к организованному выступлению рабочих с целью "вышибить" Видемана и его заместителя с заводов.

29 декабря 1925 г. рабочие ремонтно-механической мастерской, недовольные системой, в своих почтовых ящиках обнаружили написанные от руки листовки следующего содержания: «Товарищи! Заводоуправление над нами смеется. По его распоряжению Видемана от нас "убирают", но благодаря его умению "вертеть хвостом" и "мягкосердечию" заводоуправления он оставляет нам в наследство мнимого спеца Рогозина в кресле зава бюро. Рогозина мы тоже просили убрать, Рогозин – приспешник Видемана. Рогозин не хуже Видемана умеет жать, Рогозин окончательно уронит производительность, и вот мы решили вышибить и Видемана, и Рогозина совсем из завода. В ближайшее время по данному сигналу (бегущий рабочий будет кричать "пожар в бюро") собирайтесь в бюро. Несколько рабочих вызовут Рогозина и Видемана и всех служащих из бюро книзу, где к нам присоединятся товарищи Стального завода. Внизу Видемана и Рогозина посадим на вагонетку и заставим всех служащих катить к Угольным воротам.

Долой спецов по выжиманию пота!

Будьте готовы!»[38]

Так рабочие планировали расправиться с неугодными спецами. Однако выступление было предотвращено.

Неквалифицированные рабочие использовали для улучшения своего материального положения и стремление властей усилить среди них партийную прослойку. В 1920-е гг., в условиях безработицы, пролетарское происхождение, а в особенности членство в партии, могло способствовать получению некоторых привилегий.

20 октября 1921 г. на заседании правления Ижевских заводов заведующий отделом по рабочим вопросам Михайлов поднял проблему сокращения штатов и исполнения партийной директивы: "Особенно осторожно, продуманно и только в крайнем случае допускать сокращение членов и кандидатов партии"[39]. В связи с этим в районные комитеты РКП(б) стали поступать заявления от рабочих о вступлении в партию. По постановлению обкома от 4 марта 1922 г. правлению Ижевских заводов было дано распоряжение о приеме на работу вне всякой очереди всех коммунистов[40]. Тогда же было принято положившее начало спецраспределению решение об учреждении продовольственного фонда для "оказания материальной помощи коммунистам". С этой целью президиум облисполкома 20 марта 1922 г. постановил выделить в распоряжение обкома 50 пудов муки[41]. 30 мая 1922 г. обком создал комиссию "помощи впавшим в нужду коммунистам"[42]. Через отделы труда она занималась трудоустройством партийцев, распределением мануфактуры, одежды, обуви и продуктов, оказанием денежной помощи, организацией лечения и отдыха коммунистов и членов их семей. В период с 23 мая по 1 ноября 1924 г. комиссия рассмотрела 462 заявления членов РКП(б) об оказании материальной помощи, а в среднем за каждый месяц разбиралось и удовлетворялось до 200 подобного рода просьб и ходатайств[43].

Особое положение коммунистов, дарованные им привилегии и льготы стали основным побудительным мотивом вступления в партию бывших крестьян-полупролетариев. Количественный рост членов РКП(б) приводил к снижению ее качественного состава. В Ижевской заводской партийной организации в 1926 г. 61,2% составляли неквалифицированные рабочие; в инструментальной мастерской более половины коммунистов работали по самым низшим разрядам, в механической процент беспартийных рабочих, имевших высшую квалификацию, был в 2 раза выше, чем у коммунистов. Здесь же $^1/_4$ часть партийцев вообще не имела разрядов[44].

Как и во всей стране, в Удмуртии с ее многонациональным населением остро стояла проблема создания национального рабочего класса. Однако факт наличия Ижевских заводов с крупным отрядом русских индустриальных рабочих в самом центре области явился ее специфической особенностью. Требование пленума обкома ВКП(б) (март 1926 г.) "активно вовлекать удмуртов в производство", адресованное районной и заводской партийным организациям, и ответное обязательство "довести в течение года прослойку национальных кад-

ров рабочих до 8,5%"[45] привели к тому, что приоритет, отдаваемый удмуртам в принятии на работу в условиях безработицы, вызывал недовольство со стороны остальных рабочих, создавал атмосферу нервозности и озлобленности. Причем недоброжелательное отношение русские выражали не к национальности принятых, а к отсутствию у них необходимой профессиональной подготовки.

Когда в 1926 г. на общем собрании магазинно-коробочной мастерской один из рабочих-удмуртов поднял вопрос о том, чтобы безземельных удмуртов принимали на Ижевские заводы в первую очередь, в ответном выступлении русский рабочий предложил записать в резолюцию и потребовать от дирекции заводов увольнения всех удмуртов и крестьян вообще, оставив только кадровых производственников[46].

В сентябре 1927 г. газета "Ижевская правда" опубликовала статью одного из руководящих профсоюзных работников под заглавием "Национальный вопрос в профсоюзах области". Он предлагал отсрочить выдвижение рабочих-удмуртов до тех пор, пока не будет создан "новый культурный слой удмуртов-пролетариев"[47].

Субъективизм, нежелание учитывать национальные традиции удмуртов – исконных земледельцев и скотоводов, неприспособленных к условиям индустриального города, пребывающего в состоянии жилищного кризиса, приводили к трагедиям многих людей. Сохраняя сформировавшуюся годами психологию сельского жителя, в новой среде они испытывали социальный дискомфорт.

Примечания

[1] Иванов Ю.М. Положение рабочих России в 20-х – начале 30-х годов // Вопросы истории. 1998. № 5. С. 30.

[2] Рабочий класс Удмуртии. Ижевск, 1987. С. 89.

[3] Центральный государственный архив Удмуртской Республики (далее – ЦГА УР), ф. 131, оп. 1, д. 179, л. 6.

[4] Архив ОАО "Ижмаш", оп. 12, д. 65, л. 41.

[5] Русанов В.И. Энтузиасты первой пятилетки. Ижевск, 1979. С. 20.

[6] ЦГА УР, ф. Р-331а, оп. 2с, д. 5, л. 12; ф. 195, оп. 4, д. 4, л. 110.

[7] Центр документации новейшей истории Удмуртской Республики (далее – ЦДНИ УР), ф. 16, оп. 9, д. 143, л. 42; д. 123, л. 102.

[8] Там же, л. 52.

[9] Бехтерев С.Л. Эсеро-максималистское движение в Удмуртии. Ижевск, 1997. С. 154, 157, 162–164.

[10] ЦГА УР, ф. Р-195, оп. 4, д. 3, л. 188.

[11] Статистический сборник за 1924–1926 гг. Ижевск, 1927. С. 407.

[12] ЦДНИ УР, ф. 16, оп. 9, д. 542, л. 34.

[13] Там же, д. 459, л. 337.

[14] Там же, д. 289, л. 46, 46 об.

[15] Русанов В.И. Энтузиасты первой пятилетки. С. 20.

[16] ЦГА УР, ф. Р-195, оп. 4, д. 4, л. 41.

[17] ЦДНИ УР, ф. 16, оп. 9, д. 295, л. 7.

[18] Там же, д. 43, л. 106.

[19] Рафиков И.К. Рабочие Урала в первые годы советской власти: численность, состав, положение. Дисс. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1988. С. 70.

[20] Суханов А.И. Рабочий класс Удмуртии. Ижевск, 1979. С. 24.

[21] Цит. по: Фицпатрик Ш. Классы и проблемы классовой принадлежности в Советской России 20-х годов // Вопросы истории. 1990. № 8. С. 21.

[22] ЦГА УР, ф. Р-166, оп. 1, д. 76, л. 1–282; ЦДНИ УР, ф. 16, оп. 10, д. 15, л. 150, 151.

[23] ЦДНИ УР, ф. 16, оп. 9, д. 479, л. 5; оп. 10, д. 3, л. 6.

[24] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 3. М., 1984. С. 265–266.

[25] Лебина Н.Б. Теневые стороны жизни советского города 1920–1930-х гг. // Вопросы истории. 1994. № 2. С. 31.

[26] Лебина Н.Б. ...Папа, отдай маме деньги // Родина. 1996. № 12. С. 71.

[27] ЦДНИ УР, ф. 16, оп. 1, д. 514, л. 27.

[28] Ижевская правда. 1928. 12 февраля.

[29] Ижевская правда. 1924. 13 июня.

[30] Маслов С.С. Россия после четырех лет революции. Т. 2. Париж, 1922. С. 22.

[31] Ижевская правда. 1924. 9 января.

[32] ЦГА УР, ф. Р-195, оп. 4, д. 3, л. 141.

[33] Статистический сборник за 1924–1926 гг. С. 338.

[34] Научный архив Удмуртского института истории, языка и литературы Удмуртского научного центра Уральского отделения Российской академии наук, д. 39, л. 30.

[35] Ижевская правда. 1924. 13 февраля.

[36] ЦГА УР, ф. Р-195, оп. 4, д. 3, л. 358.

[37] Там же, л. 70.

[38] ЦДНИ УР, ф. 16, оп. 10, д. 15, л. 2, 3.

[39] ЦГА УР, ф. Р-195, оп. 4, д. 3, л. 374–375.

[40] Там же, д. 2, л. 673.

[41] Там же, д. 1, л. 54, 55.

[42] ЦДНИ УР, ф. 16, оп. 9, д. 123, л. 58.

[43] Там же, д. 477, л. 270; д. 123, л. 125.

[44] Русанов В.И. Повышение политической активности рабочих Удмуртии в 1926–1932 гг. // Вопросы истории Удмуртии. Вып. 3. Ижевск, 1975. С. 71–72.

[45] Материалы Пленума обкома ВКП(б) Вотобласти 1–4 декабря 1929 г. Ижевск, 1930. С. 5.

[46] ЦДНИ УР, ф. 16, оп. 7, д. 4, л. 39.

[47] Ижевская правда. 1927. 28 сентября.

[48] ЦДНИ УР, ф. 16, оп. 9, д. 479, л. 38; оп. 10, д. 266, л. 44.

М.Г. ГАДЖИЕВ, О.М. ДАВУДОВ, А.Р. ШИХСАИДОВ. ИСТОРИЯ ДАГЕСТАНА С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО КОНЦА XV в. Махачкала, 1996. 464 с. Тир. 4 500

Прошло более 30 лет после выхода 4-х томного академического издания "Истории Дагестана", первый том которого был посвящен древнему и средневековому периодам. Эта работа получила всеобщее признание и сыграла большую роль в науке и культуре народов Дагестана. За прошедшее время историческая наука в России поднялась на новый уровень развития, обогатилась ее источниковая база, усовершенствовались методические приемы исследования. Свобода печати позволила более раскованно подойти к раскрытию многих актуальных проблем. Вместе с тем снятие всяких ограничений и экспертных оценок, отсутствие должной требовательности к научной литературе привело к появлению псевдоисторических трудов. На читателя хлынули околонаучные сочинения, призванные восхвалять одни народы, возвеличить их над другими, без научных обоснований пересматривать устоявшиеся исторические положения, выводы и оценки. Для Дагестана в целом они оказались роковыми: появились силы, пытающиеся вбить клин между народами Дагестана, поставить под сомнение целостность политической системы и близость его народов, единство политической и экономической системы и истории Дагестана. В этих условиях появление нового академического издания "Истории Дагестана с древнейших времен до конца XV века", написанного ведущими учеными республики, имеет важное значение.

Авторами использовано большое количество разнообразных исторических, археологических, антропологических, лингвистических источников, выводы и достижения монографических исследований по древней и средневековой истории, достижения мировой науки. Рецензируемый труд отражает наиболее полную и объективную картину прошлого Дагестана с древнейших времен до конца XV в. на фоне культурно-исторических, экономических связей с населением сопредельных областей Кавказа, Юго-Восточной Европы и Передней Азии. В книге дана новая периодизация истории первобытного общества. Дагестан рассматривается как древнейший на территории России очаг возникновения и развития земледелия и скотоводства, металлургии и металлообработки, один из мировых очагов развития террасного земледелия. Отразив своеобразие историко-культурного развития Страны гор, обусловленного расположением на стыке древних культур и цивилизаций Европы и Азии, авторы засвидетельствовали, что неравномерность темпов культурно-исторического развития региона в значительной степени этим обстоятельством и объясняется. Показан пульсирующий характер исторического процесса, смена прогрессивного развития регрессом, с попятными движениями на исходные позиции, замедлением темпов социально-экономического развития общества. Аргументируется положение о том, что на рубеже IV–III тысячелетий до н.э., в раннебронзовом веке Дагестан находился на пороге становления цивилизации и раннегосударственного общества и что оно было прервано внезапно в конце III тысячелетия до н.э. Становление классового общества затянулось на тысячелетия. Особое внимание уделено показу единства материальной и духовной культуры, антропологического типа, языковой общности предков современных народов Дагестана, начало формирования которых относится к бронзовому веку, к III тысячелетию до н.э.

Подробную характеристику получила в исследовании эпоха раннего железа – один из самых важных периодов истории. Если в странах Передней Азии и Ближнего Востока основой цивилизации стала бронза, то на их периферии, в том числе на территории Северо-Восточного Кавказа в основу прогресса экономики легло производство железа, что привело к классообразованию и формированию основ государственности. На это время выпадает напряжение, созданное скифскими походами, и столкновение местных племен с ираноязычными кочевниками и позже, вероятно, участие предков современных дагестанцев в походах скифов в Переднюю Азию. Особое внимание уделено реконструкции хозяйства, материальной и духовной культуры, социальной и политической организации общества.

Подробно исследована в работе историческая ситуация на территории Юго-Восточной Европы, Закавказья и Передней Азии в III в. до н.э. – IV в. н.э., освещен процесс возникновения государства Кавказской Албании – первого общего полиэтнического политического образования предков современных народов Дагестана, сыгравшего важную

роль в жизни народов древнего старого света. Здесь освещена география, этнография, хозяйство, социальный и политический строй Дагестана, составлявшего часть Кавказской Албании, охарактеризована археологическая культура, ее локальные варианты и сопоставимые с ними этнические группы и племена, первое упоминание о которых встречается в исторических источниках. Показан процесс урбанизации. Большое место уделено политической истории – войне с Римом, сармато-аланскими кочевниками. Социальная система Кавказской Албании рассматривается вопреки ранее существовавшей точке зрения не как рабовладельческая, а как раннеклассовая, приведшая к феодальному строю.

В Дагестане IV–XV вв. четко прослеживаются два фактора, сыгравших важнейшую роль в развитии всего северокавказского общества, – великое переселение народов и начальный этап феодализации. На этом фоне протекал процесс изменения этнической карты Дагестана и образования крупных этнополитических объединений со сложной социальной стратиграфией.

В работе подчеркивается, что этносоциальное развитие народов региона имело особенности. На сравнительно небольшой территории переплелись судьбы представителей трех языковых семей – иберийско-кавказской, иранской и тюркской, при этом интенсивный и непрерывный поток тюркских племен в корне изменил этническую ситуацию всех равнинных районов. С этим в значительной степени связано важное явление хозяйственно-культурной жизни – соседство и постоянный "диалог" оседлого интенсивного земледельческо-скотоводческого и кочевого, экстенсивного скотоводческого типов хозяйств. В этой встрече двух производственных систем определяющая роль принадлежала оседлому хозяйству гор и предгорий, оказавшему решающее влияние на процесс постепенного включения кочевой степи в систему земледельческо-скотоводческого хозяйства. Вместе с тем мы не наблюдаем одностороннего характера взаимосвязей – кочевые племена, в свою очередь, оказали огромное влияние на важнейшую сферу культуры – на всей равнинной полосе тюркский язык стал доминирующим.

Немаловажную роль в историко-культурной, хозяйственно-экономической и социальной жизни дагестанского общества сыграл ряд внутри- и внешнеполитических факторов, прежде всего пребывание Дагестана в сфере иранского политического влияния, а позже, с середины VII в. – в сфере арабо-хазарского противостояния.

В V–X вв. Дагестан не представлял единого, этнополитического целого. На его территории, судя, прежде всего, по арабским источникам, существовало несколько небольших государственных образований: Дербент, Лакз, Табасаран, Серир, Хайдак (Кайтаг), Гумик (Кумух), Филан, Зирихгеран и др. По своему составу они были преимущественно моноэтническими единицами. На территории Дагестана возник в середине VII в. Хазарский каганат – одно из крупнейших и ранних государств на территории нашей страны, соперничавшее с Арабским халифатом и Византией. Освещение всех этих вопросов удовлетворяет самым строгим требованиям науки.

Как показано в "Истории Дагестана", в экономической жизни Хазарского каганата прослеживаются серьезные изменения. Возникают крупные населенные пункты, Дербент из города-крепости превратился к IX–X вв. в крупнейший на Кавказе ремесленный, торгово-экономический, культурный и политический центр. Семендер – столица Хазарского каганата – представлял собой (вплоть до его разгрома русами в 965 г.) важный политический и торговый центр на Волжско-Каспийской международной торговой трассе. Во многих селениях Дагестана и в городах высокого уровня достигли различные ремесла и промыслы (гончарное, строительное, ювелирное, оружейное дело, металлообработка, резьба по камню и дереву, ковроткачество). Народам Дагестана удалось сохранить свою политическую самостоятельность в борьбе с агрессией сасанидского Ирана и Арабского халифата. Эти положения в работе обоснованы и аргументированы богатым и разнообразным фактическим материалом.

Авторы отмечают, что вхождение в сферу политического и экономического влияния Арабского халифата сыграло важную роль в Общественно-экономическом и культурном развитии дагестанского общества. Дагестан был втянут в международную торговлю, поддерживая оживленные экономические связи со многими странами Ближнего и Среднего Востока, с Закавказьем, Средней Азией, Поволжьем, Юго-Восточной Европой. Это стимулировало как экономическое, так и социальное, и культурное развитие региона. Огромную роль в социальной и идеологической жизни играл процесс постепенной исламизации Дагестана. К X в. ислам распространился только на части края, основная же территория оставалась "языческой", хотя были и некоторые сильные очаги христианства. Однако шел постепенный процесс замены конфессионального плюрализма единой религиозной системой – исламом.

Отдельная глава книги посвящена социально-экономическому развитию Дагестана X – начала XIII в. в условиях относительной внутри- и внешнеполитической стабильности. Различные физико-географические условия определили ведущее направление хозяйственной деятельности населения на равнине (зерновое хозяйство, садоводство, разведение крупного рогатого скота), горных и предгорных районов (земледелие, разведение мелкого и крупного рогатого скота), высокогорные районы (выращивание мелкого рогатого скота). Совершенствуются ремесла, специализация ремесел становится обычным явлением. Растут крупные политические и торгово-экономические центры. Прослеживаются случаи полного выделения из сферы

земледельческого труда ряда населенных пунктов, например, селений – Кубачи и Амузги.

Отчетливо прослеживается процесс неравномерного политического развития: ряд владений теряет свою политическую самостоятельность (Лакз, Филан, Серир, Табасаран), другие же – значительно укрепляются (Гумик, Хайдак, Дербент). В середине X в. сошел со сцены политической жизни Хазарский каганат. Полиэтнический состав многих государств стал обычным явлением. В неразрывной связи со всем этим находились и изменения в сфере земельных отношений (укрупнение земельной собственности в одних случаях, разукрупнение – в других, укрепление мульков и появление вакуфных земель). Ислам все более упрочивает свои позиции. В города и селения проникают арабский язык и произведения арабской литературы. Строятся мечети и медресе, очаги идеологической культурной жизни (Дербент, Цахур, Кумух, Рича, Каракюре, Фите, Хив, Кала-Корейш, Уркарах, Рутул и др.).

В XIII в. народам Дагестана пришлось вести, наряду с другими народами Кавказа, тяжелую и изнурительную борьбу против монгольских завоеваний (1220 и 1239–1240 гг.) и монгольской власти (во время противостояния Золотой Орды и государства Хулагуидов на территории Дагестана во второй половине XIII в.). Сохранились исторические сведения о героической борьбе жителей Дербента, Рича, Кумуха против монгольских отрядов. В конце XIV в. народы Дагестана боролись за свою независимость против полчищ Тимура, а в середине XV в. – с агрессией сефевидов. Эти важные вопросы нашли обстоятельное освещение на страницах "Истории Дагестана".

Военные действия оказывали пагубное влияние на все сферы жизни дагестанских народов, разрушались десятки населенных пунктов, приходили в упадок хозяйство, ремесла, торговля. Однако, как убедительно показано в книге, в XIII–XV вв. Дагестан в целом не знал застоя, деградации хозяйства. Разрушенные селения и города со временем восстанавливались, и хозяйство постепенно оживлялось. Расширение ремесел и торговли было непрерывным фактором, появлялись населенные пункты, полностью ориентированные на производство определенного вида продукции.

Еще более резко, чем в предыдущий период обозначилось развитие политической структуры. Феодальные владетели – эмиры, уцмии, майсумы, нуцалы, шахмалы, – опираясь на военно-административный аппарат, превратились во внушительную социальную силу. В XV в. на политической арене выделялись Дербентский эмират, Газикумухское шамхальство, Аварское (Хунзахское) нуцальство, Кайтатское уцмийство, Табасаранское майсумство. В книге дана их развернутая характеристика. Столицы этих государств – Дербент, Кумух, Калакорейш, Хунзах, Хучни стали крупными административными, экономическими и культурными центрами. Рядом с ними существовало большое число селений – центров сельских общин, их союзов. Союзы сельских общин, иногда союзы этих союзов (суперсоюзы) получили широкое распространение, определяя во многом социальный облик Дагестана и своеобразие всей структуры общества. Большое число союзов сельских общин привело к становлению множества крупных населенных пунктов. В их числе Курах, Аркас, Тпиг, Урала, Корода, Ашты, Ахты, Мехельта, Кахиб, Эндирей, Балхар, Уркарах, Цудахари и др.

В структуре поселений определяющими постепенно становились территориальные. Существующие формы земельной собственности – государственные земли, мульки (как крупные, так и мелкие), общественные земли, вакф – приняли более или менее устойчивый облик, хотя тенденция к укреплению и расширению мульков была ведущей.

Отдельные разделы посвящены этапам исламизации. В XV в. ислам стал уже государственной религией почти во всем Дагестане. Создавались мечети и мусульманские учебные центры (медресе, мактабы). Арабский язык и литература получили к концу XV в. широкое распространение. Многие дагестанцы завершали свое образование в городах Арабского халифата, особенно в Багдаде. Экземпляры Корана, комментарии к Корану (тафсиры), рассказы о делах и поступках пророка Мухаммеда (хадисы), сочинения по мусульманскому праву, грамматике арабского языка, логике, истории, суфизму, словари, художественное и поэтическое творчество, т.е. богатейшая литература, созданная в Арабском халифате входившими в его состав многочисленными народами, пользовалась в Дагестане большим спросом. Интерес к литературе был настолько велик, что во многих дагестанских селениях стали переписывать (для мечети, медресе или для себя лично) арабские сочинения. Крупнейшим достижением в культурной жизни Дагестана было, как отмечено в "Истории Дагестана", создание на арабском языке своих собственных сочинений. Уже в X–XI вв. возникли первые образцы собственно дагестанской литературы. Дагестанская литература X–XV вв. на арабском языке отличалась жанровым разнообразием.

Значительно обогащают наши представления об истории и культуре Дагестана специальные и основательно аргументированные разделы о контактах народов Дагестана с другими народами и историко-культурными регионами (Ближним Востоком, Закавказьем, Северным Кавказом и Средней Азией).

В специальной главе освещаются взаимоотношения народов Дагестана с Ширваном, Грузией и другими государствами. Подробно рассматриваются коммуникации, связывающие соседние народы и Дагестан. Экономические связи показаны в динамике с характерными для них подъемами и спадами, обусловленными социально-экономическими и политическими условиями жизни народов. Отно-

шения Дагестана с Древней Русью отражены в разделе "Древнерусское государство и Дагестан". Связи между ними имеют глубокую историю и охватывают военно-политическую, экономическую, дипломатическую сферы.

После разгрома Хазарского каганата и образования Тмутараканского княжества связи Древней Руси и Дагестана расширились. В конце X в. русы активно вмешивались во внутренние дела отдельных владетелей Дагестана. Во второй половине XII в. оживилась морская торговля между Русью и прикаспийскими владениями Восточного Кавказа, в том числе и Дагестана. В середине XV в. Волжско-Каспийский путь стал важной торговой трассой между Россией и Кавказом, странами Востока.

Все эти разделы, на мой взгляд, написаны на высоком теоретическом уровне. Вместе с тем в разделе, посвященном древнейшей истории, следовало бы учесть новейшие открытия в Закавказье, у г. Дманиси в Грузии, где обнаружены новые палеоантропологические и археологические материалы, отдаленные от нас на более чем 1,5 млн лет. Они позволили бы уточнить время первоначального проникновения человека в пределы Кавказа, имевшее место в олдувайскую эпоху, что значительно древнее, а не ашельскую, как считали ранее. Новые открытия в области первобытной археологии Дагестана свидетельствуют о том, что развитие древнедагестанского общества в эпох у ранней бронзы происходило более быстрыми темпами, оно приближалось к порогу цивилизации. Следовало бы более четко показать эту ситуацию, которую археологи определили как феномен прерванной цивилизации.

К сожалению, нерассмотренным остался один из самых сложных вопросов истории средневекового Дагестана – процесс формирования дагестанских народов. В настоящее время в распоряжении исследователей находится довольно большой объем исторических, этнографических, этнолингвистических материалов, проливающих свет на эту проблему. Складывание раннефеодальных этнополитических образований и процесс дальнейшего развития этнических общностей региона – тесно взаимосвязанные, взаимопроникающие факторы, всегда должны быть в сфере внимания исследователей.

В книге, к сожалению, есть досадные опечатки.

В целом "История Дагестана с древнейших времен до конца XV в." представляет собой крупное событие в научной и культурной жизни не только Республики Дагестан, но всего Кавказа. Я с большим удовольствием рекомендую читателям этот ценный труд.

Хочется надеяться, что на таком же высокопрофессиональном уровне будут написаны и тома по истории Дагестана XVI–XX вв.

М.Р. Гасанов, доктор исторических наук
(Дагестанский государственный
педагогический университет)

РОССИЯ И ВНЕШНИЙ МИР: ДИАЛОГ КУЛЬТУР. М.: Институт российской истории РАН, 1997. 287 с. Тир. 250

Рецензируемый сборник появился благодаря творческим усилиям историков, филологов и культурологов, занимающихся проблемами имажинологии международных отношений, диалога русской и "иных" культур, изучающих процесс взаимовосприятия народами разных стран друг друга. Интерес к подобной тематике не случаен, ибо она предполагает исследование социально-психологического аспекта истории, позволяющего понять мировосприятие отдельного человека, социальных групп и общества в целом, механизм формирования и функционирования внешнеполитических представлений, диалектику взаимодействия отличных по своим традициям и ценностным установкам социумов. Без осознания различий в национальном менталитете невозможно достигнуть международного взаимопонимания, без отказа от стереотипов в восприятии образа "другой" страны сложно строить с ней нормальные партнерские отношения. Поэтому сюжеты, оказавшиеся в центре внимания авторов сборника, имеют не только научное, но и прикладное значение.

Статьи, вошедшие в данное издание, охватывают хронологический период с XII по конец XX в. и имеют широкий региональный и страноведческий диапазон. Основой для их написания послужили доклады участников двух "круглых столов", организованных Центром по изучению отечественной культуры ИРИ РАН в 1995 и 1996 гг.

Исследовательские интересы выступавших определили структуру сборника. Он состоит из трех тесно связанных разделов: «Образ "иного" в России"», "Россия и русские: взгляд извне", "Взаимовлияние и взаимопроникновение культур". Отдельные структурные части строятся по хронологическому принципу и состоят из очерков, особен-

ностью которых стало сочетание общетеоретических и конкретно-исторических подходов. Это позволяет при всем разнообразии исторического материала, предложенного вниманию читателя, высветить блок сквозных, принципиально важных для изучения избранной темы вопросов: "свое" и "чужое" в национальном менталитете (восприятие "другого" сквозь призму собственных традиций и ценностей; "чужое" как способ познания "своего"); механизм действия мисперцепции в системе международных отношений; влияние культурных различий и особенностей национального менталитета на межгосударственные контакты.

Первый раздел раскрывает проблему создания образа "иных" стран и народов в России.

Е.И. Малето рассматривает эволюцию представлений о зарубежном Востоке на Руси, взяв за основу своих рассуждений материалы хождений. Через анализ явлений, получивших отражение в записках русских путешественников, исследовательница выявляет светские и духовные интересы их составителей, предполагая, что на протяжении XII–XV вв. "образ других" подвергался трансформации под влиянием изменений в мировоззрении самих наблюдателей. Тему "Россия и Запад" открывают статьи, которые знакомят читателя с причинами возникновения негативного образа иностранцев в сознании русских людей в период Смуты (Л.Е. Морозова) и восприятием Запада представителями административной элиты М.А. Корфом и Д.Н. Блудовым (Е.В. Долгих). С.А. Козлов, рассказывая об отношении российских путешественников и предпринимателей дореформенной эпохи к голландской действительности, обращает особое внимание на значение особенностей национального характера для оценки "иного". В свою очередь, А.И. Куприянов рисует коллективный портрет поляков, увиденный глазами русских в 1760–1860-е гг., и выявляет ряд факторов, послуживших причиной сохранения, а затем разрушения "польских" стереотипов не только в сознании верхних слоев русского общества, но и необразованного большинства.

Авторы статей, охватывающих постреволюционный период российской истории, подчеркивают влияние официальной пропаганды на восприятие внешнего мира советскими людьми. Так В.А. Невежин, рассуждая об идеологическом обеспечении "военной прогулки" Красной армии в Польшу осенью 1939 г., показывает механизм формирования "образа врага" в массовом сознании посредством пропагандистских приемов. М.М. Кулюкина, реконструируя образ Запада в представлениях российского крестьянства в межвоенный период, приходит к выводу о том, что зачастую искаженная информация осмысливалась крестьянином в контексте исторической памяти и опыта прошлых лет.

Очерк Е.С. Сенявской интересен, прежде всего, анализом важнейших параметров ситуации восприятия чуждой социокультурной среды в условиях военного противостояния. В качестве источника исследователем выбраны свидетельства воинов-"афганцев".

Можно выделить несколько теоретических вопросов, нашедших отражение в статьях первого раздела: личный опыт как механизм создания картины "иного" и разрушения навязанных стереотипов, выявление общего и особенного в восприятии "других" народов представителями различных социальных групп общества, роль идеологии в формировании "образа врага" в общественном сознании. Намеченная проблематика расширяется и получает дальнейшее развитие во втором разделе сборника, где представлен взгляд на Россию и русских извне.

Л.О. Портнов и О.Г. Агеева, действуя в рамках различных информационных полей, выдвигают тезис о запрограммированности впечатлений иностранных наблюдателей, посетивших русскую землю, что, по мнению авторов, приводило к необъективной оценке опыта "другого" и мешало взаимодействию культур. В первом случае на основе записок о Московии исследуется вопрос о том, как иностранцы относились к исторической памяти московитов, во втором – посредством анализа мемуарных сочинений выявляется специфика восприятия западноевропейскими дипломатами русского зодчества допетровской эпохи. Очерк Т.Н. Кандауровой, описывающий отношение правительств и общественности европейских стран к институту военных поселений в России, свидетельствует о более сложном подходе европейцев к осмыслению явлений российской действительности.

Статья Е.Ю. Сергеева открывает тему "Россия и Америка". На основе достаточно репрезентативной источниковой базы показан процесс постепенного разрушения негативного образа заокеанской империи в сознании американцев в период Первой мировой войны и высвечены расширявшиеся возможности для сотрудничества между двумя странами.

Литературоведческий очерк А.Ю. Большаковой посвящен истории эмоциональной жизни и характеризует взгляды англо-американских ученых на игровую природу русского и западного менталитетов.

Завершает раздел обобщающая статья Ю.И. Игрицкого, которая вызовет интерес читателя рассуждениями о механизме формирования стереотипов и истоках устоявшихся представлений иностранцев о России и русских. Исследователь считает, что источником опасений Запада стал традиционный имидж огромной сверхмощной, политически чужеродной и культурно далекой державы, претендующей на мировую гегемонию, и ни Европе, ни Америке не удалось до сих пор найти верный вариант его преодоления.

Таким образом, авторы материалов, вошедших во второй раздел, обращают внимание на фактор заданности в восприятии "иного", на условия, обеспечивающие процесс взаимодействия культур,

выявляют причины стереотипизации образа России и русских за рубежом. Но также как и в первой части издания здесь представлен взгляд с "одной" стороны. Исторический материал, содержащийся в статьях третьего раздела, позволяет рассмотреть диалог культур и диалектику взаимовосприятия народами разных стран друг друга. При этом выводы исследователей свидетельствуют об очевидном влиянии на данный процесс проблем внутреннего развития и ситуации политического противостояния.

В статье А.П. Богданова содержится анализ книги Игнатия Римского-Корсакового в контексте теории Российского православного самодержавия. Историк подчеркивает, что вопрос о месте Руси во Вселенной и о реальном праве Российской державы на экспансию, которое давало ей православие как определяющее свойства царства, приобретал принципиальное значение для формирования имперской концепции.

В очерках Н.Ю. Балошиной и О.В. Заиченко затрагивается проблема взаимопроникновения русской и немецкой культурных традиций. Первый автор исследует влияние научной мысли Германии на становление науки в Российской империи, второй – предпринимает попытку проследить эволюцию представлений о России в менталитете немецкой нации с учетом осознания немцами своей исторической задачи, в результате чего русофобия сосуществовала с идеей германской миссии на Востоке.

Две статьи третьего раздела знакомят читателя с процессом взаимовосприятия англичанами и россиянами друг друга. А.А. Орлов, исследуя эволюцию отношений между двумя нациями, выделяет период 1787–1815 гг. как время взаимного интереса и ломки старых представлений о "другом" народе. Изучение мемуаров и свидетельств современников позволяет историку говорить о неоднозначности и сложности данного явления. А.В. Голубев показывает особую роль Великобритании в советских культурных связях с Западом в 30-е гг. XX в., вырабатывая собственную интерпретацию термина "культурная дипломатия". Стремясь избегать упрощенных трактовок, историк характеризует методы воздействия на английское общественное мнение с целью формирования привлекательного образа Советской России.

Статья И.Б. Торбакова обращена к культурной коллизии XIX в., вызванной обострением "украинского вопроса" в Российской империи. На основе анализа концепций двух крупнейших представителей либерализма в России В.Г. Белинского и П.В. Струве автор раскрывает отношение русского общества к борьбе украинцев за свою национальную и культурную идентичность.

Т.В. Бойко рассказывает о позитивном восприятии западной модели решения рабочего вопроса российскими либералами, что, с ее точки зрения, являлось свидетельством их стремления установить социальный мир в стране и обеспечить реализацию реформистского пути развития.

Завершает сборник теоретическая статья Л.М. Пушкарева, посвященная проблеме "своих" и "чужих" в европейском менталитете. Историк пишет о тех народах, которые воспринимались европейцами как "чуждые" по вероисповедному, национальному или территориальному признакам с древнейших времен до XX в., и прослеживает сходные процессы в сознании русских людей. По мнению автора, для современного развития нашей страны, когда происходит широкомасштабная переоценка ценностей, объективное и трезвое осознание "своего" и "чужого" имеет не только научное, но и жизненно важное значение.

Безусловно, рецензируемый сборник состоит из статей, отличающихся по глубине осмысления темы, широте источниковой базы и уровню теоретических обобщений. Однако это не мешает сделать вывод о том, что предложенный вниманию читателя исторический материал свидетельствует о разнообразии подходов к изучению проблемы диалога культур, находящейся на стыке истории, культурологии и социальной психологии, позволяет наметить приоритетные направления дальнейшей исследовательской работы, очертить круг источников и поставить вопрос о методике выявления скрытой в них информации. В качестве недостатка сборника, как, впрочем, большинства изданий подобного типа, можно указать на хронологическую и страноведческую разбросанность сюжетов. Очевидно, составителям следует подумать о тематических подборках, что позволит в каждом отдельном случае создать более цельную картину при многоуровневом информационном поле.

В заключение хочется отметить работу Оргкомитета во главе с А.В. Голубевым. Благодаря усилиям этих людей исследователи получили дополнительную возможность для дискуссии со своими коллегами, интересующимися сходной тематикой. Следует особо подчеркнуть доброжелательную атмосферу, характерную для заседаний "круглых столов", которые ежегодно проходят в Центре по изучению отечественной культуры ИРИ РАН. Думается, что подобные междисциплинарные встречи внесут свой вклад в изучение сложной и многогранной проблемы диалога культур, способствуя лучшему взаимопониманию между людьми разных стран в нашем меняющемся мире.

В.И. Журавлева,
кандидат исторических наук
(Российский государственный гуманитарный университет)

Н.И. П А В Л Е Н К О. ЕКАТЕРИНА ВЕЛИКАЯ. М.: Молодая гвардия, 1999. 495 с. Тир. 5000

Новая книга Н.И. Павленко, одного из известнейших исследователей русской истории XVIII в., посвящена исторической судьбе и государственной деятельности императрицы Екатерины Великой (историк не раз и настойчиво именует ее так, хотя сама героиня при жизни не единожды и всерьез возражала против этого эпитета).

Всего лишь десяток лет назад подобную книгу да еще в серии "Жизнь замечательных людей" представить себе было трудновато. О государственной деятельности, тем более о личности Екатерины II было принято отзываться не иначе, как язвительно-критически и осуждающе. Лишь в самые последние годы, особенно в связи с привлекшим внимание научной общественности 200-летием со дня кончины императрицы отношение стало меняться. И меняться не столько в плане исторической оценки (в конце концов здесь многое определяется субъективным взглядом исследователя или писателя), сколько в плане появления регулярной и серьезной, без предвзятого критицизма исследовательской работы. Пока же книга Н.И. Павленко – единственный крупный и целостный современного звучания труд, который хоть как-то сопоставим с заметными приобретениями в исследовании эпохи и биографии Екатерины II, имеющимися в западной историографии, в которой, в частности, монбланом возвышается книга британской исследовательницы И. де Мадариага "Россия в век Екатерины II" (1981), в свое время полностью обойденная вниманием нашей научной критики.

Работа Н.И. Павленко (в 1994–1998 гг. публиковавшаяся в виде очерков журналом "Родина") – традиционная по жанру историческая биография. Для читателя-историка не стал неожиданным круг исторических событий, в которых автор показывает свою героиню. Традиционны, иногда даже подчеркнуто, рассмотренные автором документальный материал и источники: это не раз "перечтенные" исследователями мемуары современников, "Записки" самой Екатерины II, письма и государственные бумаги. Порой кажется, что книга намеренно устраняется от богатого архивного наследия императрицы, обильной внешнеполитической корреспонденции, ряда значимых, хоть и недавно введенных в оборот материалов о государственной и законодательной работе императрицы. Достаточно традиционен и классичен и сам исследовательский метод. Дорогого, скажем, стоит небольшое, но отнюдь не проходное замечание, что многие сложные психологические мотивы в деятельности Екатерины II трудно объяснимы из-за тех пределов, которые ставят возможности строгого научного арсенала (с. 351). И вот эта множащаяся традиционность становится едва ли не самым значимым мотивом: автор страница за страницей приходит, следуя привычному традиционализму, ко все более и более нетрадиционным оценкам и наблюдениям об эпохе и своей героине. Все отчетливее мы понимаем, что многие кардинальные и, как вчера казалось, принципиальные оценки русской истории второй половины XVIII в. – не более, чем плоды предвзятости, историографического субъективизма.

Жизнь Екатерины, начиная с рождения и затем приезда в Россию в качестве невесты для незадачливого Петра Федоровича, освещена сжато и без особых новаций. Равно как и последующее вхождение цесаревны Екатерины в государственную жизнь и сановные интриги. После трудов В.А. Бильбасова столетней давности действительно ничего нового к знаниям об этих страницах жизни Екатерины не прибавилось. Вполне обосновано достаточно беглое повествование о взаимоотношениях Екатерины с императрицей Елизаветой: все равно трудно найти что-либо новое о них после детальных исследований Е.В. Анисимова.

Переворот 28–29 июня 1762 г., который привел Екатерину к власти, показан уже в собственном авторском ключе (хотя и не новом): как дело преимущественно личной активности Екатерины II. Согласно мемуарным источникам выделены основные герои тех событий: княгиня Е.Р. Дашкова, семейство Орловых. Возможно, такой личностный крен – следствие биографичности жанра. Однако на самом деле на государственном уровне события выглядят иначе, да и с иными главными героями (сановным современникам, а не малолетним девицам, вроде Дашковой, дела представлялись также иначе). Все-таки главные награды за переворот получили не только Орловы, но и М.Н. Волконский, К.Г. Разумовский, ряд сенаторов (без которых, заметим, никакие полки ничего не решили бы, да и первый указ, писанный Екатериной, был именно о новом составе Сената). Более чем спорно то, что автор явно увел на задний план исторической картины фигуру Н.И. Панина (с. 50–52). И уже совсем очевидно, что нельзя было не показать фигуры Г.Н. Теплова, сформулировавшего и написавшего все манифесты июня–июля 1762 г., вплоть до начирканного им на походном барабане под Красным Кабачком отречения Петра III.

Новации в исторических оценках становятся вполне отчетливы, когда автор повествует о начале государственной деятельности Екатерины II. Пожалуй, впервые в работе, обращенной к широкой аудитории, эта деятельность освещена достойно, без назойливых поисков непременной "внутренней демагогии" или только прагматических мотивов, а как обдуманное начало государственной модернизации России, знаменованное рядом четких новшеств во внутренней и внешней политике. Декларацией этих новшеств был известный Наказ-наставление

генерал-прокурору 1764 г. – первый написанный лично Екатериной II важный государственный документ. Думается, следовало бы упомянуть и о еще двух актах, где рождались начала новой административной модели, – о Наставлении губернаторам 1764 г. и Наставлении генерал-адъютантам 1765 г. Правда, автор отчего-то оговорился, что инициатива новшеств часто шла не от самой Екатерины, а от ее окружения (с. 94), согласиться с чем можно разве что наполовину.

Более спорным представляется упрек в адрес Екатерины II в отсутствии у нее при восшествии на престол программы царствования (с. 58). Во-первых, сложно припомнить случай, особенно в русской истории, чтобы некто всходил на престол с обдуманной программой, да еще и преобразований (разве она была у Петра I?). А во-вторых, упрек не вполне справедлив: в бумагах А.А. Безбородко сохранился лист, набросанный императрицей зимой 1762–1763 гг., где она обозначила для себя 18 ближайших дел – от обсуждения вопросов о вольности дворянства, создания ряда правительственных комиссий до очистки Черной речки. В течение 1763–1765 гг. 16 (!) из них были полностью реализованы[1].

Автор показывает, как вслед за первыми попытками государственной модернизации формировалась целостная политика "просвещенного абсолютизма". Впервые дана положительная оценка Манифесту 17 марта 1775 г., объявлявшего подданным ряд льгот. Едва ли не впервые губернская реформа 1775 г. показана как серьезное и перспективное государственное дело, а не как некая "реакция" на Пугачевский бунт или "ответ на требования дворянства". Недвусмысленно и справедливо замечание автора о том, что реформа создала реальную обособленность судебных учреждений. Политика "просвещенного абсолютизма" (не могу не оговориться, что по моему мнению, "просвещенный абсолютизм" – не только политика, как полагает автор, но и особый государственный уклад, особая политико-правовая модель, реализованная в итоге этой политики) характеризует бóльшую часть царствования Екатерины II. Ее "пик" – 1780-е гг., а законодательная кульминация – Жалованные грамоты дворянству и городам 1785 г., Устав благочиния 1782 г., Устав училищ 1786 г. И известный конкурс 1766 г. в Вольном экономическом обществе оказался совсем не пропагандой, а реальным обсуждением политики, а знаменитый "Наказ Комиссии уложения" – вполне самостоятельным по политическому свойству произведением (более того, автор счел возможным открыто заметить, что Екатерина II почти всю свою жизнь реально руководствовалась идеями "Наказа" – с. 188–189).

Свое особое место в связи с идеями и практикой "просвещенного абсолютизма" заняла публицистика Екатерины II. Впервые без глумления рассказано о журнальной деятельности императрицы и о вполне серьезных моральных проблемах, поднимавшихся в ее пусть не очень складных статьях. Жаль лишь, что автор полностью отказался от такого же рассмотрения ее исторических трудов, особенно исторических пьес с их проблемами монарха и народа, власти и общества. Рядом с новыми акцентами в анализе культурного фона эпохи и своего рода культурно-общественного менталитета совсем не неожиданным выглядит ранее показавшееся бы чуть ли не кощунственным сближение публицистических позиций Екатерины II и знаменитых журналов Н.И. Новикова (с.207). Излишне говорить, сколь новы и плодотворны эти наблюдения автора.

Правда, иногда Н.И. Павленко как бы восстанавливает баланс "старины" и "новизны". Так, знамением конца "просвещенного абсолютизма" представлены приснопамятные "дела" Новикова и Радищева, хотя, характеризуя общественную мысль и культурные направления эпохи, автор прекрасно показал, насколько, мягко сказать, завышены школьные представления о Радищеве как "первом русском революционере" (с. 279 и след.). Автор здесь как бы спускается на непривычный для него уровень опримитивленных суждений: вряд ли конец периода государственных реформ можно вообще увязывать с парой вполне частных дел. К тому же дел с явно читаемой конкретной наполненностью. Как бы там ни было, Радищев издал в обход законов да еще и с обманом должностных лиц книгу с "призывами к низвержению существующего строя", а наказан был не столь уж сурово. И дело Новикова, как ныне выяснено, имело куда более важные, хоть и скрытые мотивы, связанные с недозволенными сношениями его с наследником, заждавшимся престола. Нельзя согласиться и с тем, будто труды Комиссии уложения 1767–1774 гг. (почему-то упорно ограничиваемой в книге 1767–1768 гг.) были безрезультатны с позиций права и закона. Не обошелся автор и без утверждения, что просвещенная монархия не забывала укреплять крепостничество "вширь и вглубь".

Вопрос о политике в отношении крестьян, о личном взгляде Екатерины II на проблему сложен и неоднозначен. И дело не в том, что никаких страниц из "Наказа" по сему поводу не сжигалось, чего бы в свое время ни писал С.М. Соловьев (в книге об этом эпизоде говорится как о чем-то принципиальном – с. 118). Сегодня, вглядываясь в личные записи Екатерины II, наброски ее проектов, сложно опровергнуть мнение, что императрица действительно сознавала нужность и государственную полезность преобразования крепостнических отношений. Документы засвидетельствовали и примерный путь реформы: изменение статуса государственного крестьянства, для которого предполагался огромный кодекс правил, далеко опередивших бы позднейшую реформу П.Д. Киселева, а частные владельцы в 10–20 лет должны были бы "последовать примеру". Вместе с тем бесспорно, что императрица, учитывая настроения дворянства, сочла для себя непрагматич-

ным слишком уж резко идти наперекор сложившемуся порядку.

Осторожность политики... Ее истоки рождаются порой из самых причудливых обстоятельств. Указывая не раз на то, что осторожность Екатерины II была обусловлена ее якобы "незаконным" нахождением на троне, автор затронул один из самых непроясненных вопросов государственной политики XVIII в. Между тем такой акцент представляется более, чем спорным. Дело в том, что с точки зрения права, да и общественного сознания, престолонаследие в России на законных основаниях установилось лишь с изданием Павлом I известного Устава 1797 г. Общество XVIII в. нисколько не было озабочено тем, соблюдена ли внешняя, формальная законность при восшествии на престол очередного монарха. В конце концов, после новации Петра I все монархи, начиная с Екатерины I, пребывали на троне вне любых формальных оснований (Бог знает, когда написанное и кем подписанное так называемое Завещание Екатерины I никакой законности не прибавляет). Законность "по-русски" определялась не скрупулезным высчитыванием родства, а наличием (или отсутствием) признания со стороны подданных, их присягой (как, собственно, вышло и с Екатериной I, и с Анной, и далее). В этом отношении Екатерина II вполне сознательно могла себя чувствовать "законной" монархиней, вступившей на престол, как гласили манифесты, "Божиим промыслом и согласием любезных сынов Отечества нашего".

Едва ли не самая примечательная глава книги – о Пугачевском бунте. Впервые многолетний бунт в Поволжье, совсем недавно представляемый чуть ли не крестьянской революцией, со всей ответственностью показан как национальная трагедия. Обращено внимание и на чисто разбойничий элемент в восстании, и на бессмысленный утопизм манифестов, которые и поныне в истории политической мысли трактуются чуть ли не как программные документы "народной революции". Автор не забыл отметить и очевидный ущерб, причиненный трудящемуся населению, и тот отпор, который встречали мятежники с его стороны. Единственное, на что, пожалуй, не осмелился Н.И. Павленко, это позабыть ту полунаучную трескотню о разграничении "этапов", "периодов" восстания, над созданием которой без особой пользы трудилось не одно поколение "классовых" историков и которая, если и имела смысл, то только в связи с казавшимся особо глубокомысленным классифицированием народных волнений на восстания, крестьянские войны, неудавшиеся революции (чему, впрочем, еще недавно сам автор в книге о Петре I уделял чрезмерно большое внимание). Нельзя не вспомнить старую английскую эпиграмму: "Мятеж не может кончиться удачей, /В противном случае его зовут иначе".

Менее выигрышно выглядят разделы книги, характеризующие внешнюю политику России и деятельность Екатерины II в этом направлении, хотя и здесь Н.И. Павленко вводит прекрасные новации (например, говоря об отрицательных последствиях известной Декларации о вооруженном нейтралитете 1780 г. – с. 244–245). Тезис автора о личном вникании императрицы во внешнеполитические дела, построенный лишь на высказывании А.А. Безбородко, вполне "этикетном" (с. 242), находится, на мой взгляд, в явном противоречии и с реальностью, и с выводами более или менее капитального труда Н.Д. Чечулина по этому вопросу. В книге можно отметить ряд рецидивов антипрусских настроений, хотя так и не ясно, почему "анти-Фридрихство", приведшее страну к Семилетней войне, – хорошо. И позднее автор обвиняет Пруссию в агрессивности по отношению к России (словно в историографии 40-50-х гг.), хотя из текста им же приведенного документа явствует обратное (с. 265). Глядя на перспективу, можно было бы задаться вопросом: так ли уж соответствовало историческим интересам России настойчивое желание русской власти ликвидировать польскую государственность?

Рассматривая переплетение политики внешней и внутренней, Н.И. Павленко не мог миновать вопроса об отношении Екатерины II к Французской революции. Жаль, что и здесь акцент сместился в одну сторону – революция как толчок к смене внутренней политики (с. 269), что само по себе спорно. Автор пишет о "непонимании" Екатериной революции... Вот с этим согласиться сложно, поскольку как раз главнейший документ по этому вопросу остался вне поля его зрения (екатерининская "Записка" о революции). Вряд ли свидетельствуют о непонимании и довольно известное высказывание Екатерины, что "лучшая из конституций не стоит дьявола", не делая большинство людей счастливыми, и знаменитое пророчество о появлении диктатора, который "скрутит" революционные перекосы...

Новации в оценке екатерининской эпохи представляют большой интерес в основном для специалистов. Что же говорит обычному читателю книга о государственной деятельности и личности Екатерины II?

Общий итог, который предложил Н.И. Павленко, однозначен: в правление Екатерины II и в значительной мере благодаря ее усилиям Россия по многим направлениям продвинулась по пути прогресса. Прогресс – в развитии экономики, науки, просвещения, улучшения благосостояния народа, а в социальном плане – в способствовании становлению буржуазных элементов в феодальном обществе (с. 317–318). Авторский итог достаточно точно сливается с многими иными историческими оценками и вряд ли его следует опровергать. Между тем само прочтение эпохи как периода формирования "буржуазных элементов", представление о России XVIII в. как о "феодальном обществе" имеют смысл только в категориях марксистской методологии, о конкретных издержках которой не раз убедительно говорит автор на страницах книги.

Предлагая исторический портрет Екатерины II,

Н.И. Павленко не мог миновать поначалу подспудного, затем все более явного сопоставления Екатерины II с Петром I. Сопоставление это запрограммировано самой эпохой и родилось в общественной мысли екатерининского времени. Обусловлено оно и субъективными предпочтениями самого историка, для которого деятельный "работник на троне" – предмет особых симпатий. Екатерина II интересна автору тоже прежде всего как работница на троне, единая с Петром в стремлении к "общему благу" (с. 65). Не обойдены вниманием и различия. По поводу одного из них можно выразить весьма настойчивое несогласие. Ученый считает принципиальным свое наблюдение о том, что "в окружении Петра было больше талантливых людей" (с. 340). Однако остается не вполне проясненным, почему в российской истории XVIII в. помянутые автором И.М. Головин, Г.И. Головкин, П.И. Ягужинский, П.П. Шафиров, А.А. Курбатов, П.А. Толстой, А.Я. Нестеров оставили более заметный след, чем екатерининские соратники и сановники – Н.И. Панин, А.А. Безбородко, Г.А. Потемкин и, особенно, Р.И., А.Р. и С.Р. Воронцовы, П.А. Завадовский, М.М. Щербатов, Г.Р. Державин, деятельность которых не умерла, как в первом случае, с кончиной благоволившего к ним монарха, а протянулась еще на десятилетия. Чем государственный мошенник и мздоимец А.Д. Меншиков важнее для России, чем деловитый, хотя и скучный А.А. Вяземский? Да, круг сподвижников двух государей сложился по-разному: для одного – по преимуществу за общей чаркой и путем взаимной уступки особ женского пола, другая – не чуралась дельных людей, хотя и знала, что тот или другой ей лично "не слуга". А что вообще мало способных для государственной работы людей – когда и в каком государстве их было в достатке?

Нельзя обойти вниманием еще одну уступку субъективизму в разговоре о личности Екатерины II: пресловутый фаворитизм и "любвеобилие" императрицы, в свое время сделанные историками чуть ли не главной государственной проблемой. На фоне иного, вполне серьезного разговора о Екатерине, Н.И. Павленко чрезмерно сгустил краски и пошел по явно несолидному пути. Насчитав за императрицей 21 (!) "возлюбленного", историк почти вдвое превысил достоверное число. Приписав рождение Павла "помощи" С. Салтыкова, даже назвав цесаревича Сергеевичем (с. 28), автор отчего-то пошел по давно отвергнутому пути дворцовых анекдотов. А представляя все связанные с фаворитизмом отношения как порок, как минимум забыл, что публикует свою книгу на пороге XXI в. Разврат, распутство – все эти термины на деле вряд ли применимы к реальной, а не мифологизированной Екатерине. Ну, сменила за царствование 10-12 возлюбленных, половина из которых сами бросили слишком умную императрицу. В жизни Екатерины никогда не было случая единовременного "общения" более, чем с одним фаворитом. Для долгой жизни число не столь уж значительное, чтобы дать основания для моралистических попреков из XX в. Полезнее было бы отметить, что знаменитая "Чистосердечная исповедь" (письмо Потемкину 1774 г.?[2]), из которой "выросли ноги" многих инсинуаций по сему вопросу, – в подлиннике неизвестно, откуда она появилась в библиотеке Аничкова дворца в 1830-е гг. – тоже, и не "рукодельство" ли это Ф. Растопчина. Совсем уж не к делу появился в аллее фаворитизма Г.Н. Теплов (с. 355 и далее), который, во-первых, характеризовался "иной сексуальной ориентацией", а во-вторых, история которого связывается первоисточником анекдотов ("Историей" французского писателя Ж. Кастера) с сексуальными грехами Петрова сподвижника Ф. Прокоповича.

Совсем уж на дурной тон переключился автор, когда сослался на свидетельство профессора гинекологии (которому бы не гоже ставить диагнозы через двести лет и тысячу верст). Екатерине брошен упрек в нимфомании чуть ли не в патологическом смысле (с. 370). Сам же автор привел литературный пример из книги XVIII в.: "Распутным называется человек, который порокам и неистовствам предан" (с. 392). Екатерина II как раз всегда была выше ночных и дневных привязанностей (не потому ли начали когда-то злословить по ее адресу?). Может быть, склонность к игре в любовь была достаточно важной чертой личности Екатерины, воздействующей и на ее писательство, и на государствование. Но для этого полезно было бы осветить отношения Екатерины II с сыном Павлом (о нем в книге нет ни слова, даже в хронологии дат жизни Екатерины не помянуто его рождение), с внуками. Во всяком случае, наблюдения по этому поводу М.А. Рахматуллина – что Екатерина – не новая Мессалина и что в ее отношениях с "пареньками" многое от несостоявшейся материнской любви – представляются намного более обоснованными и исторически, и психологически[3].

Когда в книге есть с чем поспорить, она по меньшей мере не скучна. Книга Н.И. Павленко будет привлекательна и интересна и специалисту, и просто думающему читателю[4], и историку-философу, размышляющему о судьбах и результатах историографии. Разве что какой-либо "дока" по части истории, проштудировавший день за днем жизнь Екатерины по "Русскому архиву" или "Историческому вестнику" и не нуждающийся в обобщенном взгляде на образ императрицы, может впасть в раздражение. Но таких вряд ли окажется много.

О.А. Омельченко,
доктор юридических наук,
(Московский государственный
индустриальный университет)

Примечания

[1] РГАДА, ф. 10, д. 259, л. 88.

[2] Заметим, что под этой, ничем не обоснованной датой, "Исповедь" опубликована и В.С. Лопатиным:

Переписка Екатерины II и Г.А. Потемкина. М., 1997. С. 9-10.

[3] Рахматуллин М.А. Непоколебимая Екатерина // Отечественная история. 1997. № 1. С. 19–20.

[4] В интересах этой категории читателей отметим ряд безусловных огрехов книги, которые следовало бы поправить не столько автору, сколько редактору. Екатерине II прививали оспу не в 1767, а в 1768 г. (ср.: с. 66). Бывший генерал-прокурор А.И. Глебов не находился до 1773 г. ни в какой опале, работая, в частности, руководителем одной из подкомиссий Комиссии уложения (ср.: с. 86). Какой-то иной орган обозначен как Государственный совет, учрежденный якобы в 1763 г. (с. 97). Никаких – ни прямых, ни косвенных – данных нет о том, что к 1765 г. у Екатерины II созрел план Комиссии уложения (ср.: с. 114). Идея "общего блага" впервые прозвучала не из "государевых уст" Петра I, а, как минимум, в постановлении церковного собора 1666–1667 гг. (ср.: с. 116). Явный анахронизм – упоминание о "правовом государстве" при Екатерине II (с. 318) и уж вовсе нонсенс – при таком "внеправовом" по своему государственному подходу монархе, как Петр I (с. 116). Оренбургского губернатора звали *Рейнсдорпом* (с. 147 и след.), а новгородского – *Яковом* Сиверсом (с. 150). Манифест 18 июля 1762 г. "о лихоимстве" писан Г.Н. Тепловым, и личная причастность к нему Екатерины II не ясна (с. 203–204). Путешествие по Волге 1767 г. состоялось *до*, а не после обнародования "Наказа" (с. 219).

Е.Ю. ТИХОНОВА. В.Г. БЕЛИНСКИЙ В СПОРЕ СО СЛАВЯНОФИЛАМИ. М.: Эдиториал УРСС, 1999. 130 с. Тир. 1000

Беря в руки эту книгу, читатель невольно ставит вопрос: неужели сейчас можно сказать что-либо новое, не отмеченное в громадной литературе о В.Г. Белинском? Предвидя вопрос, автор уже во введении определяет тот новый подход, ради которого стоило писать книгу. Это, во-первых, – изучение последовательного неприятия Белинским славянофильства как национального варианта социалистической утопии; во-вторых, – изучение взглядов Белинского на право, законность и перспективы превращения России в правовое государство; в-третьих, – изучение взглядов Белинского на современные ему течения европейского и русского социализма. Перед нами, иначе говоря, попытка посмотреть на Белинского глазами, свободными от традиции советской историографии, которая определила его в "семейство" "революционных демократов" и сузила, таким образом, диапазон исследования его творчества.

Свой замысел Е.Ю. Тихонова реализует в шести небольших главах, из которых наиболее интересными мне представляются главы «Спор о "русской душе" (национальное, народное и общемировое у Белинского и славянофилов)» и "Белинский и славянофилы о русской действительности". Удачей считаю сам выбор тем, резонирующих с нынешними поисками "национальной идеи" и дающих материал для борьбы с современными крикливыми эпигонами славянофильства. Эти главы характеризуются хорошо просматриваемой самостоятельностью суждений, почти полным отсутствием цитирования авторитетных предшественников. Автор ясно и смело интерпретирует отдельные высказывания Белинского, из которых вырисовывается его концепция. Так, например, он замечает ограниченность взгляда Белинского на "тайну души" русского народа, его некритическое восприятие гегелевской формулы об исторических и неисторических народах (Белинский говорит о племенах характерных и бесхарактерных). Русских он относит к характерным, историческое развитие которых замедлялось, однако, внешними факторами. Национальные пороки русских им сознавались, но объяснялись "прививкой". Е.Ю. Тихонова видит близость методологии Белинского и славянофилов в этом вопросе (с. 55). В отличие от славянофилов, отмечает автор, Белинский считал "одним из лучших национальных качеств россиян... способность к усвоению нового..." «"Обезьяничание" русских его не пугало» (с. 56), хотя он видел и его отрицательные последствия. Привлекала Белинского в национальном характере русских "свобода и даже безудержность душевных проявлений, но он жестко, без снисхождения отзывался о негативных чертах народа ("народность" для него расшифровывалась как характерные черты, присущие всей нации, а не только низшим ее слоям). Он призывал не идеализировать "народные добродетели", а видеть их оборотную сторону: безразличие, лень, неумение защищать свое достоинство и проч. За это даже западники обвиняли его в аристократическом высокомерии.

Удачно выбраны узловые вопросы русской действительности, в оценке которых ощущается противостояние Белинского и славянофилов. Это, прежде всего, вопрос о сословности в русском обществе. Белинский и славянофилы были солидарны в понимании того, что необходима отмена сословных перегородок и преимуществ дворянства, но в вопросе о роли русской аристократии они расходились. Белинский считал, что нации на определенном этапе нужна аристократия как носитель чувства собственного достоинства, в то время

как славянофилы в ее отсутствии видели преимущество, свидетельствующее о "равноправии" верхов и низов. Далее, если Белинский настаивал на необходимости существования государственных институтов, то славянофилы к ним относились с подозрением. Белинский, пишет автор, полагал, что "правовая цивилизованность" есть необходимый базис общественного развития (с. 82). Славянофилы были склонны заменить закон чувством любви или обычаем.

Центральный вопрос общественной жизни в первой половине XIX в. – вопрос о крепостном праве – не очень четко проявлялся в наследии Белинского, но Е.Ю. Тихонова делает вывод, что Белинский считал самым безболезненным путь освобождения крестьян "сверху". Славянофилы теоретически также были противниками крепостного права, хотя как рачительные помещики ни с какими инициативами, подобно Огареву и тому же Белинскому, не выступали вплоть до начала процесса освобождения крестьян. Добавлю, что мне, изучавшему уставные грамоты помещиков-славянофилов, бросалось в глаза, что в этих документах зафиксированы условия освобождения крестьян гораздо более тяжелые для них, чем у других помещиков.

Община – самый ценный элемент российской действительности в славянофильской теории – была для Белинского анахронизмом.

Перечень несовпадений оценок российской действительности в построениях Белинского и славянофилов можно было бы продолжить. Заметим, что автор не только видит, но и подчеркивает различие в трактовке этих вопросов отдельными славянофилами, но общность тенденций позволяет противопоставлять их в целом Белинскому. Мне представляется, что книга страдает определенной мозаичностью изложения, хотя вопросы, выбранные для освещения, как уже говорилось, точно определены.

Когда я прочел в журнале "Отечественная история" материалы дискуссии о судьбах историографии освободительного движения в России[1] (попытка замены этого термина другим – общественное движение, – чтобы, не дай Бог, не "грешить" ленинской теорией о трех этапах освободительного движения, мне кажется наивной и в какой-то степени неверной: ведь в самодержавной России всякое общественное движение, за исключением рептильного, организованного самими властями, так или иначе становилось освободительным), я с горечью заметил, что в ней участвовали только ветераны исследования проблемы, новых имен не увидел. Книги Е.Ю. Тихоновой (первая из них даже выдержала второе издание[2]) свидетельствуют, что в ряды исследователей этой проблематики приходит новое пополнение. Пожелаем ему удачи.

Б.Г. Литвак, доктор исторических наук (Канада)

Примечания

[1] Освободительное движение в России: современный взгляд или приверженность традициям. "Круглый стол" // Отечественная история. 1999. № 1.

[2] Т и х о н о в а Е.Ю. Мировоззрение молодого Белинского. М., 1993; М., 1998.

В.А. Т В А Р Д О В С К А Я, Б.С. И Т Е Н Б Е Р Г. РУССКИЕ И КАРЛ МАРКС: ВЫБОР ИЛИ СУДЬБА? М.: Эдиториал УРСС, 1999. 215 с. Тир. 2000

Русские и Маркс, Россия и марксизм... На эту "роковую", как теперь многие считают, для нашей страны тему писали и еще не раз будут писать в самых разных странах мира, ибо марксизм оставил слишком глубокий след в жизни всего человечества, а Россия стала тем гигантским полигоном, где коммунисты впервые попытались на практике осуществить предначертания своих учителей и идеологов. Специалистам хорошо известны работы С.С. Волка, Р.П. Конюшей, Ю.З. Полевого (его памяти посвящена рецензируемая книга), А.И. Володина, И.К. Пантина, В.Г. Хороса, Н.М. Пирумовой, И.Н. Курбатовой, В.Л. Пустарнакова, Г.И. Куницына, Х. Вада, Т. Цимке и многих других исследователей, занимавшихся данной проблемой. Сделано было немало: издана переписка русских общественных деятелей с Марксом и Энгельсом, воспоминания, научные труды. Однако долгое время советские историки, прикасавшиеся к этой теме, сталкивались с настоящим частоколом из разного рода идеологических запретов и директивных установок, призванных заставить ученых рисовать заведомо идеализированную и антиисторичную картину взаимоотношений основоположников научного коммунизма и их русских последователей и оппонентов.

От историков требовали показать, что Маркс и Энгельс всегда были мудрыми и доброжелательными наставниками последних, терпеливо разъяснявшими их ошибки и заблуждения и указывавшими единственно правильный путь борьбы за счастливое будущее России и всего мира. Какая-

либо критика в адрес классиков марксизма, естественно, не допускалась (ее мог позволить себе в свое время разве что один Сталин), приемы их полемики априори признавались безупречными, а аргументация – исчерпывающей и бесспорной. При этом широко практиковались такие далекие от подлинной науки приемы, как печально известная "фигура умолчания", искажение позиций оппонентов марксизма, явная идеализация личных качеств Маркса и Энгельса и т.д. Любое, самое незначительное отступление от заданных свыше "правил игры" расценивалось как нарушение "идеологической дисциплины" и было чревато для ученых тяжелыми последствиями.

Что касается западных историков, то они не без успеха критиковали методологию и фактические погрешности в работах российских коллег, но в свою очередь сплошь и рядом тоже перегибали палку, но в другую сторону, отождествляя, например, ненависть Маркса и Энгельса к царскому самодержавию с русофобией и изображая их абсолютно беспринципными, аморальными и коварными прагматиками, готовыми пожертвовать чистотой идеологических риз во имя достижения сиюминутных политических целей и удовлетворения своих вождистских амбиций. Особенно часто обыгрывался при этом тот факт, что основоположники марксизма поддерживали русских народовольцев-террористов и сначала очень враждебно относились к Плеханову и его товарищам, перешедшим в начале 1880-х гг. на позиции марксизма. Больше того, получив в подарок от Плеханова авторский экземпляр его книги "Наши разногласия", Энгельс совершенно неожиданно для "отца русского марксизма" встал на сторону народовольцев, фактически подтвердив прогноз раскритикованного им за десять лет до этого П.Н. Ткачева, утверждавшего, что в России революционный переворот начнет небольшая группа революционеров-конспираторов (по мнению Энгельса, в России сложилась тогда совершенно исключительная ситуация, когда горстка революционеров могла бы одним ударом обрушить всю самодержавную систему, причем главное заключалось, по его словам, в том, чтобы дать толчок революции, а под каким идеологическим флагом это будет сделано, – не так уж и важно).

В последние годы ситуация в отечественной историографии стала заметно меняться в сторону объективного, глубокого и более взвешенного подхода к проблеме "Маркс, Энгельс и революционная Россия". Ярким подтверждением тому может служить и рецензируемая книга В.А. Твардовской и Б.С. Итенберга, главными достоинствами которой являются оригинальность замысла, прекрасное знание авторами исторической фактуры, убедительность научной аргументации и несомненные литературные достоинства.

Суть своего исследовательского метода авторы сформулировали так: рассмотреть все "как бы заново, не теряя при этом уже достигнутого, но и не связывая себя в ходе анализа априорными представлениями об изначальной правоте марксизма", "выяснить не только то, что притягивало русских мыслителей к марксизму, но и что именно отталкивало многих из них в этом учении" (с. 36, 4). В.А. Твардовская и Б.С. Итенберг предстают перед читателем мастерами многофакторного подхода к историческим событиям и процессам, противниками заведомых схем и идеологических штампов, глубокими и тонкими источниковедами. На собственном опыте познакомившись в свое время с методами работы советской цензуры, авторы тем не менее умело управляют своими эмоциями и не стараются взять своеобразный реванш за прошлое, прибегая для этого к смене идеологических плюсов на сплошные минусы. И мне кажется, что большинство читателей одобрит такой подход.

В.А. Твардовская и Б.С. Итенберг не ставили перед собой задачу проанализировать проблему распространения марксизма в России в полном ее объеме (предпосылки, механизмы, достижения, издержки). Основное внимание они сосредоточили на трудностях адаптации новой социалистической доктрины к условиям России, резко отличавшейся от западного мира не только уровнем своего социально-экономического развития (отставание на 50–100, а может быть, и больше лет), но и рядом специфических цивилизационных особенностей и менталитетом населения. Пожертвовав широтой социологических обобщений, авторы пошли по многократно проверенному пути персонификации идеологических процессов, столкнув в своей новой книге разные человеческие характеры, амбиции, убеждения и превратив ее в острый, умный и очень поучительный для потомков диалог между русскими либерально и революционно настроенными интеллектуалами, с одной стороны, и великими немецкими мыслителями и революционерами – с другой. При этом, в отличие от множества своих предшественников, они дают слово обеим спорящим сторонам, убедительно доказывая, что русские собеседники и корреспонденты Маркса и Энгельса в действительности выглядели совсем не так беспомощно и наивно, как это часто изображалось в советской историографии. Таким образом, удалось несколько сократить подчас искусственно создававшуюся прежде огромную интеллектуальную дистанцию между ними. В то же время это не исключает исторической ограниченности, излишнего максимализма и ненужной "самобытности" взглядом русских общественных деятелей.

Книга называется "Русские и Карл Маркс..." Но Энгельс постоянно фигурирует в книге рядом с Марксом, хотя в название работы вынесен только последний, поскольку в творческом и политическом дуэте с Энгельсом он играл все же главную роль и не случайно теория научного коммунизма носит его имя. Особенно велика была его роль в разработке социально-экономической проблематики, которая во второй половине XIX в. крайне привлекала русских

общественных деятелей. Естественно, что и спор они вели главным образом с Марксом, а уже потом с Энгельсом.

Монография В.А. Твардовской и Б.С. Итенберга выстроена как цикл из восьми очерков, персонажами которых стали русские оппоненты Маркса и Энгельса. Они очень разные, эти русские. Разные по социальному положению, уровню образованности и интеллекта, темпераменту, взглядом, причем по-разному складывались и их взаимоотношения с основоположниками марксизма. Перед читателем проходят симбирский либерально настроенный и европейски образованный помещик, талантливый журналист и литературный критик Павел Анненков; провозвестник идей русского общинного социализма, благородный и интеллигентнейший Александр Герцен; неистовый и амбициозный лидер и идеолог русского и даже отчасти западноевропейского анархизма Михаил Бакунин; глава русской радикальной партии на рубеже 1850–1860-х гг., самобытный и глубокий мыслитель-энциклопедист и писатель Николай Чернышевский; знаменитый революционер-бланкист Петр Ткачев; великолепный переводчик Маркса на русский язык, экономист-народник Николай Даниельсон; заново открытый авторами книги "искатель истины в социализме" будущий эсер Николай Русанов и, наконец, властитель дум многих и многих русских интеллигентов конца XIX в., несправедливо приниженный в советском обществоведении Николай Михайловский.

Легко заметить, что все они относятся к домарксистскому периоду в развитии русской общественной мысли, все воспринимали идеи Маркса критически, хотя нередко и восторгались им, все в той или иной мере и форме сопротивлялись механическому распространению на Россию марксистской теории общественно-экономических формаций и классовой борьбы. Понятно также, почему ни Плеханов, ни Засулич, ни Ленин, почти безоговорочно воспринимавшие идеи марксизма, не вошли в число главных действующих лиц книги, хотя все они, особенно Ленин, активно действуют на ее страницах.

Что касается Маркса, то он предстает в книге как один из крупнейших мыслителей и ученых прошлого века, убежденный революционер-коммунист и вместе с тем как страстный, темпераментный человек, с головой ушедший в политическую борьбу, и нередко применяющий в ней далеко не безупречные полемические приемы. Не случайно общавшийся с ним в 1840-х гг. Анненков назвал его впоследствии в своих воспоминаниях "демократическим диктатором" – требовательным, жестким, подозрительным, способным унизить и даже оклеветать своих идейных противников (это подтверждается в книге фактами, касающимися его взаимоотношений с Герценом и Бакуниным, впрочем, платившим ему тем же). Однако сразу же оговоримся, что, в отличие от авторов многих современных работ Твардовская и Итенберг в целом относятся к Марксу с подобающим его месту в истории уважением, хотя и считают вместе с героями своей книги, что в марксизме было немало пробелов, односторонности и крайностей, о чем прямо и говорят. В этой связи очень характерно их замечание о том, что ныне, в канун XXI столетия в русском социализме суждено возобладать отказу от насильственного решения социальных вопросов и от прежних уравнительных тенденций (с. 181), с чем не соглашались и многие русские оппоненты Маркса в XIX в., и, как можно догадываться, и авторы рецензируемой монографии. Вообще чувствуется, что В.А. Твардовская и Б.С. Итенберг разделяют многие сомнения и опасения своих героев, связанные с перспективой практического применения марксизма в условиях России. Читателю передается их боль за Герцена, несправедливо заподозренного Марксом в панславизме, или за Михайловского, которого грубо и бесцеремонно третировал молодой Ульянов-Ленин. Из книги хорошо видно, что Маркс, Энгельс (а затем и Ленин) могли очень произвольно цитировать своих оппонентов, тенденциозно упрощать и даже искажать их взгляды, унижать человеческое достоинство. Все это справедливо осуждается в книге, что придает авторской позиции дополнительную нравственную силу.

Вместе с тем нужно учитывать, что в высказываниях Маркса и Энгельса по русскому вопросу ощущается их недостаточное знакомство с реальной обстановкой в России, ее культурой и бытом народа, их невольное замешательство перед лицом разноголосицы во взглядах русской радикальной и либеральной интеллигенции. Немало преувеличений можно найти и в их оценках царского самодержавия как главного оплота всей международной реакции. Характерно, однако, что если в 1840-х гг. Энгельс еще писал Бакунину, что "ненависть к русским была и продолжает еще быть у немцев их первой революционной страстью" (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 6. С. 305), то в дальнейшем, по мере активизации революционной интеллигенции в России, суждения Маркса и Энгельса о России стали более сдержанными, хотя интересы европейской революции и международного пролетариата всегда оставались для них главным приоритетом.

Не подлежит сомнению и другое: в своих симпатиях и антипатиях по отношению к русским революционерам и общественным деятелям основоположники марксизма руководствовались прежде всего прагматическими соображениями, о которых мы уже говорили. Так, их яростная атака на Бакунина была спровоцирована его попыткой подорвать влияние Маркса в I Интернационале, Чернышевский, которого Маркс одно время очень хвалил, нужен был ему как противовес Бакунину, а Герцен не устраивал своей независимостью и подчеркнутой "русскостью". Что касается повышенной благожелательности Маркса и Энгельса к народовольцам, то здесь уместно напомнить слова Э. Бернштейна, который не понаслышке знал ситуацию в

ближайшем окружении обоих коммунистических лидеров: "Из моих устных бесед с Энгельсом я вынес такое впечатление, хотя и не могу подтвердить его вполне определенными, подлинными выражениями, что Маркс и Энгельс сдерживали временами выражение своего скептицизма (по вопросу о "социалистических потенциях русской крестьянской общины") просто из уважения к идеологии русских революционеров" (Минувшие годы. 1908. № 11. С. 17). То же, вероятно, можно сказать и об отношении Маркса и Энгельса к народовольческому терроризму, получившему известное оправдание благодаря особо контрреволюционной роли самодержавия. Имело, видимо, значение и то революционное нетерпение, которое было у Маркса (а затем у Ленина), отличавшегося страстным желанием поскорее сдвинуть с места "самодержавную глыбу", придавившую не только Россию, но и всю Европу.

Многое из сказанного здесь разбросано в различных местах рецензируемой книги и прекрасно известно ее авторам, но хотелось бы видеть все это во введении к монографии, которое, как мне показалось, написано несколько торопливо и выглядит менее сильно, чем можно было бы ожидать от таких мастеров своего дела, как В.А. Твардовская и Б.С. Итенберг.

То же можно сказать и о многочисленных историографически-полемических моментах, присутствующих здесь и там в книге, но, к сожалению, не сливающихся в широкую и динамичную панораму историографической ситуации, складывавшейся вокруг данной проблемы и представляющей несомненный интерес для читателя.

В центре новой работы В.А. Твардовской и Б.С. Итенберга оказались такие концептуально важные вопросы, как степень универсальности марксистской теории социально-экономических формаций и роль революций и реформ в процессе перехода от одной формации к другой; возможность некапиталистического развития России и других стран; соотношение революции и нравственности; место крестьянства, рабочих и радикальной интеллигенции в революционном движении и др., не утратившие своего значения и актуальности и в наши дни. «Многое из того, что наши современные публицисты, пытаясь осмыслить действительность, открывают заново, было высказано уже в этом давнем споре русских мыслителей и Маркса, – пишут авторы. – В свое время невостребованные, не услышанные за грохотом революционных потрясений, их предостережения об опасности некоторых тенденций марксизма не только проясняют сложный путь этой идеологии в России. Они во многом способны помочь и постижению настоящего. Новое поистине оказывается "хорошо забытым старым"» (с. 6).

Русские оппоненты и критики Маркса не принимали его оценок крестьянства как исторически обреченного, "второстепенного", по сравнению с рабочими, класса; идеи диктатуры пролетариата; определенной нравственной глухоты и слепоты основоположников марксизма. Большие сомнения вызывал и тезис Маркса о примате экономики над всеми другими формами общественных отношений. Как справедливо замечают В.А. Твардовская и Б.С. Итенберг, "то первенство политики над экономикой, которое марксизм готов был признать лишь как временное, преходящее, характерное лишь для особых исторических ситуаций, в пореформенной России оказывалось достаточно стабильным" (с. 211). Практически вопреки Марксу отсталая по способу производства Россия не только не была позади передовой Европы, но и превосходила ее по уровню культуры, искусства, литературы. Российская действительность оказывалась гораздо богаче догматизированной марксистской теории и постоянно вступала с ней в конфликт.

Одним из самых острых в той "сшибке" мнений Маркса и его русских оппонентов, о которой пишут В.А. Твардовская и Б.С. Итенберг, был вопрос о судьбах капитализма в России. Народники буквально с боем вырвали у Маркса признание гипотетической возможности ее некапиталистического развития на базе крестьянской общины. С одной стороны, Маркс и Энгельс не могли не понимать, что их концепция базируется в первую очередь на западноевропейском материале и может потребовать корректировки применительно к другим цивилизационным зонам (напомним хотя бы о размышлениях Маркса по поводу специфики так называемого азиатского способа производства). С другой стороны – они явно не торопились публично "подрывать" силу воздействия своей теории общественного развития на современников разного рода оговорками и рассмотрением частных случаев, даже если речь шла о такой огромной стране, как Россия, на чем неоднократно заостряют внимание В.А. Твардовская и Б.С. Итенберг.

Что касается России, то дело здесь было не столько в научных амбициях Маркса, сколько в сложности и противоречивости самой российской ситуации. Ведь налицо были и быстрая "капитализация" страны, в первую очередь индустриального сектора ее экономики, и поразительная устойчивость словно недавно вышедшей из первобытного коммунизма русской сельской общины, к которой постоянно апеллировали их корреспонденты из России, надеявшиеся на возможность значительно сократить издержки модернизации для широких народных масс своей родины.

В этих условиях Маркс предпочел дать своим русским корреспондентам, в частности В.И. Засулич, достаточно осторожный и не предполагавший широкой огласки ответ, обусловив в нем возможность некапиталистического развития России одновременной победой демократической революции в нашей стране и пролетарской – на Западе. При этом революции или радикальному политическому перевороту в России даже отводилась роль "динамита",

способного инициировать мощный социальный взрыв в масштабах всей Европы. Сегодня в исторической ретроспекции подобный прогноз выглядит явной утопией, но в 70–80-е гг. XIX в. он казался многим вполне реальным.

Однако революция в России запоздала почти на четверть века и началась только в 1905 г., а успехи российского капитализма оказались столь впечатляющими, что уже в 1894 г. Энгельс, имея в виду Россию, писал: "Исторически невозможно, чтобы обществу, стоящему на более низкой ступени экономического развития, предстояло разрешить задачи и конфликты, которые возникли и могли возникнуть лишь в обществе, стоящем на гораздо более высшей ступени развития" (М а р к с К., Э н г е л ь с Ф. Соч. Т. 22. С. 445).

Ленин же, как известно, всего через 23 года после этого решил данный вопрос по-своему, вопреки марксизму, хотя и под знаменем Маркса.

В книге ярко показано и другое: многие русские общественные деятели, полемизировавшие с Марксом и Энгельсом, хорошо понимали, что революция в России неизбежно приобретет черты "русского бунта" времен Разина и Пугачева. Не могли не пугать их и печальный опыт якобинской диктатуры, и трагические страницы революции 1848 г. в Европе. Маркс и Энгельс были в этом вопросе намного жестче и Герцена, и Чернышевского, и Русанова, и Михайловского. В книге представлена вся палитра взглядов русских общественных деятелей на революцию: принципиальное отрицание ее либералом Анненковым и народником Даниельсоном, признание Герценом и Чернышевским как крайнего средства решения социальных вопросов в случае неудачи правительственных реформ, критика большевистской модели переворота 1917 г. Русановым и его последующее предсмертное разочарование в революции вообще, наконец, законный страх Михайловского перед революционными потрясениями, сопровождавшийся сознанием их реальной возможности и, может быть, даже неотвратимости. В то же время в России были и настоящие фанатики революции типа Бакунина, Ткачева, Ленина.

Авторы констатируют, что марксистские представления о революции с годами становились "мягче", причем зрелый Маркс и тем более поздний Энгельс уже допускали самые разные, в том числе и ненасильственные варианты установления диктатуры пролетариата. Ленин же фактически во многом вернулся в 1917 г. к революционному максимализму Маркса и Энгельса образца 1848 и 1871 гг., о чем подробно говорится в заключении книги.

Вместе с тем хотелось бы заметить, что какими бы симпатичными и логичными ни выглядели сегодня теория "малых дел" и проекты части народников-реформаторов, в условиях сохранения царского режима их утопичность, на мой взгляд, очевидна, хотя она не дает оснований сомневаться в демократизме и социалистических устремлениях их авторов. Можно поставить под вопрос обоснованность предположения В.А. Твардовской и Б.С. Итенберга о том, что "если бы хотя бы часть энергии революционеров, затраченной на заговорщическую и террористическую деятельность, была бы направлена на организацию антисамодержавной коалиции для натиска на власть, можно было бы заставить ее изменить аграрную политику. Программа легального народничества содержала все же нечто более реалистическое, нежели планы революционного переворота, захвата власти и перестройки экономики в социалистическом духе. И уж несомненно, при всех своих скромных результатах, эта программа обошлась бы народу не столь дорого" (с. 154). Думается, что состояние либерального движения в России на рубеже 1870–1880-х гг., позиция Александра II в то время и взгляды самих народовольцев не дают оснований для подтверждения подобной гипотезы.

В заключении авторы приходят к выводу, что фактически еще до Бернштейна и Каутского русские интеллигенты-разночинцы либерального и народнического толка предприняли собственную попытку ревизии марксизма. При этом их спор с Марксом, который, вопреки мнению большинства советских обществоведов, отнюдь не был безнадежно проигран его русскими оппонентами, фактически так и остался незавершенным, будучи насильственно прерванным большевиками в 1917 г. Вместе с тем русские оппоненты "по достоинству оценили марксизм как попытку дать ответы на запросы века, представить стройную логическую схему развития человечества от первобытно-общинного строя до социализма – через буржуазную цивилизацию" (с. 212). Они оценили мощь интеллекта Маркса, силу его эрудиции. Однако властителем дум русской либерально-демократической интеллигенции Маркс так и не стал. Она сделала свой выбор не в пользу марксизма, причем большую роль в этом сыграло то, что "за интересом Маркса к России – серьезным и неиссякаемым – русские не ощутили его причастности к судьбам страны, тревоги за нее, сочувствия ее бедам" (с. 212).

Зато другая, радикально-демократическая часть русской интеллигенции и полуинтеллигенции, добавим от себя, с восторгом приняла марксистскую идею революционного насилия и диктатуры пролетариата, отбросила вывод Маркса об экономической детерминированности пролетарской революции, взяла на вооружение некоторые мысли Пестеля, Ткачева, Бакунина и Нечаева и, использовав экстремальную ситуацию, созданную Первой мировой войной, пришла в октябре 1917 г. к власти. Выбор этой группы революционеров и стал судьбой России на семьдесят с лишним лет.

Авторы предпочли не уточнять, какой смысл вкладывают они в магическое слово "судьба", промелькнувшее в первых же строчках этой книги. Для одних – это синоним Бога и его воли, для других – объективные тенденции общественного

развития, для третьих – Его величество случай. А может быть, это все вместе? Или вообще нечто такое, о чем мы даже не догадываемся? Можно спорить и о том, правомерно ли противопоставлять выбор судьбе, как это сделали в названии своей книги В.А. Твардовская и Б.С. Итенберг, и если выбор судьбы все же существует, то кто его осуществляет – власть, интеллектуальная элита, какая-либо партия или нация в целом?

Оставим, однако, вслед за авторами открытыми эти интригующие историко-философские вопросы и переадресуем их будущим читателям интересной и поучительной книги "Русские и Карл Маркс: выбор или судьба?", главы из которой уже публиковались в журнале "Отечественная история". История нашей страны дает для таких раздумий богатейший материал.

С.В. Тютюкин, доктор исторических наук
(Институт российской истории РАН)

Д.Б. ПАВЛОВ. БОЛЬШЕВИСТСКАЯ ДИКТАТУРА ПРОТИВ СОЦИАЛИСТОВ И АНАРХИСТОВ. 1917 – середина 1950-х годов. М.: РОССПЭН, 1999. 232 с. Тир. 1 500; МЕНЬШЕВИКИ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ. Сборник документов. Казань, 1998. 228 с. Тир. 200

Становление в России государства диктатуры пролетариата неотделимо от преследований оппозиционных большевистскому режиму политических партий. В монографии доктора исторических наук Д.Б. Павлова (Российский независимый институт социальных и национальных проблем) прослеживается послеоктябрьская судьба меньшевиков, эсеров и анархистов, которые были генетически намного ближе большевикам, чем, например, кадеты, сразу же объявленные ленинцами партией врагов народа. Тем не менее решающей причиной их гибели также явился комплекс репрессивных мер властей, а вовсе не "идейное банкротство", как утверждалось в советской историографии.

В книге, основанной на изучении широкого круга источников, включая протоколы заседаний политбюро ЦК РКП(б) и документы ВЧК–ОГПУ, раскрываются механизм и "идеология" репрессий, выделяются этапы борьбы с социалистической оппозицией, оценивается ее результативность, анализируются методы работы советских репрессивных органов. По мнению Д.Б. Павлова, репрессии были системообразующим элементом молодого советского государства, причем их нельзя считать обусловленными исключительно обстановкой Гражданской войны или рассматривать как ответ на действия самих преследуемых партий, адекватный степени создаваемой ими угрозы для режима. Эта политика была "исключительно жестокой, но хаотичной и труднопредсказуемой", "зигзагообразной" (с. 8). Однако неизменной ее целью оставалась ликвидация всех партий-соперников.

Как показано в 1-й главе книги, еще до "красного террора" наступление большевиков на свободу печати было фактически направлено против оппозиции любых оттенков, включая социалистов. В дальнейшем их травля и дискредитация приняли поистине беспрецедентные масштабы, причем меньшевики и эсеры были полностью уничтожены в годы нэпа, когда они уже не представляли реальной опасности для советской власти. Характерно, что в первом советском Уголовном кодексе 1922 г. появилась печально знаменитая 58-я статья, по которой были осуждены сотни тысяч честных людей. При этом представляется обоснованным итоговый вывод автора рецензируемой монографии: большевистских лидеров не устраивала ни одна из моделей поведения их оппонентов, включая попытки быть лояльной режиму конструктивной советской оппозицией (с. 102–103).

К политике репрессий и террора в отношении социалистов-небольшевиков сторонники Ленина были морально готовы уже задолго до октября 1917 г. Речь идет об идеологической нетерпимости и неразборчивости в средствах, характерных для большевизма с самого его возникновения. Верно также, что всепоглощающее стремление сохранить в своих руках захваченную в 1917 г. власть формировало у большевиков соответствующую ментальность. Вследствие этого предложения отдельных большевистских деятелей подходить к оппозиции дифференцированно, расширить возможности постоянного участия "приличной" оппозиции в общественно-политической жизни всегда решительно отвергались большевистским руководством и лично Лениным.

Выяснение реальной силы оппозиционных партий и жизненности их идей и проектов в рассматриваемый период, строго говоря, находится за пределами темы монографии. На необходимость изучения этих сюжетов обращается внимание в заключении (с. 105). Но значительный материал для выяснения степени популярности социалистов и анархистов в массах все же приводится автором. По его мнению, электорат оппозиции – надо думать, потенциальный – был "многомиллионным", и расправа с ним "затянулась на десятилетия" после ухода оппозиционных партий с политической арены (с. 103).

Однако в другом месте Д.Б. Павлов пишет, что память о социалистах небольшевистского толка была вытравлена в СССР уже к концу 30-х гг. (с. 99). В связи с этим хотелось бы большей определенности, поскольку последнее утверждение не только меняет датировку, но и показывает, что одной лишь расправой с электоратом такой результат не объяснишь.

И можно пожалеть о том, что рассматриваемые в монографии Павлова вопросы не соотнесены с проблемой развития российской государственности на протяжении XX столетия. Поскольку основное внимание автора сосредоточено на функционировании советских карательных учреждений, уместно было бы при подведении итогов исследования сравнить методы борьбы с политической оппозицией до Февральской революции и в послеоктябрьский период. Специалисту по истории дореволюционных политических партий и царской охранки, каким является Д.Б. Павлов, это было бы несложно.

Публично чекисты всегда отмежевывались от своих предшественников по профессии, но Павлов, напротив, употребляет обозначения "охранка" и "ЧК" как равнозначные, следуя тем аналогиям с "худшими временами царизма", дальше которых не шли в первые послеоктябрьские годы сами меньшевики и эсеры. Это уподобление, однако, неточно, так как сам Павлов конкретно и убедительно показывает, как ужесточался тюремно-лагерный режим, как "поменялись местами" политзаключенные и уголовники, каким тяжелым испытанием стала советская ссылка "в отличие от царской" (с. 93–94). Кроме того, как явствует из представленных автором фактов, чекисты не только восприняли практику дореволюционной охранки по вербовке агентов-провокаторов, но и быстро превзошли своих наставников.

Некоторые ориентировки ВЧК–ОГПУ совпадали с указаниями Департамента полиции: в обоих случаях агентура должна была способствовать сохранению раздробленности в лагере оппозиции, противодействуя объединительным тенденциям, если таковые появлялись. Может показаться простым заимствованием и такая репрессивная мера первых лет нэпа, как высылка за границу. Но альтернативой вынужденной эмиграции часто был расстрел, причем большинство высланных навсегда лишалось права возвращения на родину. Применялись и безусловно оригинальные методы, например, проведение в 1923–1924 гг. агентами ГПУ инсценированных съездов и конференций социалистических партий, на которых осуждалась их деятельность и принимались резолюции о вступлении всех "делегатов" в РКП(б) (до этого, в 1919–1920 гг. опробован был метод индивидуальных покаяний ренегатов). Наконец, трудно представить себе в условиях третьеиюньского режима построенные на фальсификации судебные процессы типа суда над членами ЦК партии эсеров в 1922 г. и над бывшими меньшевиками в 1930 г.

Главную причину могущества "органов" Д.Б. Павлов называет: оно было производным от всевластия политбюро ЦК РКП(б), действовавшего в обход каких-либо правовых норм. Но различие между двумя режимами снова невольно стирается употреблением применительно к политбюро известной, но небесспорной даже в конце XIX в. самооценки своей власти Николаем II – "хозяин земли русской" (с. 7–8).

Эпилог содержит сведения о физическом истреблении бывших членов уничтоженных социалистических партий. Окончательное прекращение существования партий меньшевиков и эсеров как целостных организаций Д.Б. Павлов относит к 1924–1925 гг. В то время тысячи социалистов находились в ссылке и до полутора тысяч – в тюрьмах и концлагерях. В последующие годы основанием для новых, более свирепых преследований служила мнимая террористическая, заговорщическая и шпионская деятельность уже не реальных, а мифических меньшевистско-эсеровских организаций, якобы состоявших в блоке со столь же мифическими организациями правых, троцкистов и т.д. Характерно, что даже в 1953 г., после смерти Сталина, уцелевшие, но остававшиеся в лагерях немощные старики – последние меньшевики и эсеры – все еще числились "особо опасными государственными преступниками" с соответствующим такой квалификации режимом содержания.

Будучи первой в отечественной историографии работой на данную тему, монография Павлова далеко ее не исчерпывает, о чем пишет и сам автор, намечая направления дальнейших исследований (с. 19–20, 105). Одно из них представляется немаловажным, если иметь в виду присутствующую в новейшей литературе крайность – тенденцию к апологетике противников большевизма. Необходимо, в частности, ответить на вопрос, насколько ошибки, допущенные меньшевистским и эсеровским руководством, повлияли на дальнейшую судьбу их организаций.

Отметим еще одно бесспорное достоинство монографии Д.Б. Павлова: в приложении публикуются 20 документов большевистского руководства и ВЧК–ОГПУ 1919–1923 гг. (из архивов Президента РФ, ФСБ и РЦХИДНИ), занимающие около половины общего объема книги.

Подобные приложения, разумеется, не устраняют потребности в специальных и более полных публикациях источников. Вслед за трехтомником "Меньшевики в 1917 году", выпущенным издательством РОССПЭН, в Казани издан хронологически продолжающий его сборник "Меньшевики в советской России", подготовленный под руководством доктора исторических наук А.Л. Литвина[1]. В написанной им содержательной вступительной статье актуальность данной публикации образно обосновывается тем, что процесс смены "советской революционной шинели" на "цивильное платье" оказался нелегким и длительным, "слишком много прошлого

еще в нашем настоящем" и поэтому публикуемые документы – не только напоминание о "страшном опыте", но и предупреждение тем, кто хотел бы снова пойти "своим путем" (с. 10).

В сборник вошли документы из архива ФСБ, сгруппированные в два раздела – хронологический и персональный. Публикаторы оговариваются, что отбирали источники, характеризующие прежде всего карательную политику властей (некоторые из них есть и в книге Павлова). Но на деле содержание сборника шире: из 75 документов первого раздела 41 исходит от меньшевистских организаций. Среди них протоколы заседаний, резолюции и обращения ЦК, Петроградского и Московского комитетов РСДРП. Таким образом, здесь непосредственно представлена и позиция меньшевиков (до 1922 г.), помимо ее изложения в большевистской документации.

Публикуются, например, меньшевистские документы, в которых предлагалось проведение политики, альтернативной политике "военного коммунизма" (с. 51–55, 71–73). Для оценки меньшевизма в начале 30-х гг. представляет интерес подробная сводка ОГПУ о реакции заключенных Верхнеуральского политизолятора на процесс "Союзного бюро ЦК РСДРП". Особого внимания заслуживают персональные характеристики, принадлежавшие одному из осужденных – Ф.А. Череванину (с. 117–129).

Во вступительной статье большое место уделено источниковедческому аспекту темы. По мере возрастания объема опубликованных и открытых для исследователей судебно-следственных и других материалов сталинского периода насущной для историков становится задача продуктивного их использования. В литературе высказывалось пессимистическое мнение относительно возможности извлечения из них достоверной информации, поскольку хорошо известны приемы, с помощью которых следователи получали от своих подследственных "признания". Источники, сфабрикованные на основе заранее разработанных чекистских сценариев, не могут "заговорить всерьез" до тех пор, пока не будет выработана специальная методика их анализа[2]. А.Л. Литвин также полагает, что эта разновидность источников больше говорит о работе следователей, о положении и поведении арестованных, чем о существе затрагивавшихся во время допросов проблем.

Во 2-м разделе сборника публикуются полностью или частично 14 персональных дел, а также материалы по делу Российского социал-демократического союза молодежи (1922 г.). Основную часть этого раздела составляют извлечения из следственных дел видных деятелей меньшевизма Е.Л. Бройдо, С.О. Цедербаума-Ежова, К.И. Захаровой-Цедербаум, Н.Н. Суханова, Ф.А. Череванина-Липкина, Л.М. Хинчука (ставшего после Октябрьской революции большевиком) и других, погибших в годы "большого террора".

К сожалению, сборник не снабжен полноценным справочным аппаратом. Публикаторы подчеркивают, что сборник рассчитан на всех, кто хочет знать правду о советской истории. Тем более странным представляется отказ от комментирования отдельных документов, "дабы читатель сам определил их нужность и важность (документов? комментариев? – *И.Р.*) без какой-либо предвзятости мнений" (с. 10). Между тем в пояснениях по крайней мере фактического свойства нуждаются и специалисты. Указания на тенденциозность и недостоверность сведений, сообщаемых в двух документах (с. 129, 219), без ссылок на какие-либо другие свидетельства или результаты исследований, ничего не дают. Больше того, у читателя может сложиться превратное впечатление, будто остальные документы, не сопровождаемые подобными указаниями, безупречны. Слишком лаконичны и не всегда точны биографические справки, например о Я.С. Ганецком. О большинстве упоминаемых в документах лиц таких справок нет вообще, как нет и именного указателя. Эти недостатки затрудняют использование ценного и нужного издания.

И.С. Розенталь, доктор исторических наук
(Музей современной истории России)

Примечания

[1] Составители В.К. Виноградов, В.И. Крылов, А.Л. Литвин, Я.Ф. Погоний, В.Н. Сафонов.

[2] Из следственных дел Н.В. Некрасова 1921, 1931 и 1939 годов // Вопросы истории. 1998. № 11–12. С. 13–14.

АКАДЕМИЧЕСКОЕ ДЕЛО 1929–1931 гг. Документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ. Вып. 2.
ДЕЛО ПО ОБВИНЕНИЮ АКАДЕМИКА Е.В. ТАРЛЕ. Ч. 1–2. СПб., 1998. 746 с. Тир. 1 500

В 1993 г. были опубликованы документы и материалы следствия в отношении академика С.Ф. Платонова – главного обвиняемого по сфабрикованному "академическому делу"[1]. Издание стало событием в исторической науке. Сборник привлек внимание специалистов, чьи научные интересы

относятся к разным историческим периодам, и вызвал дискуссию, в центре которой оказались две проблемы: механизм фабрикации обвинения органами ОГПУ и методы анализа следственных материалов "политических" дел. Новый импульс обсуждению, безусловно, придаст продолжающееся издание документов.

Рецензируемый выпуск содержит материалы следственного дела академика Е.В. Тарле – одного из основных обвиняемых. Он открывается предисловием ответственного редактора В.П. Леонова об истории возникновения замысла публикации, ее цели и принципах. В историческом разделе предисловия ко второму выпуску Б.В. Ананьич, В.М. Панеях и А.Н. Цамутали на основе анализа рассекреченных с момента выхода "Дела по обвинению С.Ф. Платонова" документов продолжили поиск истоков данного дела, роли и целей политбюро ЦК ВКП(б) в его эскалации, методов "расследования" ОГПУ. Биографический очерк написан Б.С. Кагановичем.

Основную часть публикуемых документов составляют материалы допросов Е.В. Тарле, а также документы об условиях содержания арестованного. В сборнике публикуются протокол очной ставки с С.Ф. Платоновым, копия показаний Ю.Г. Оксмана о Е.В. Тарле и выписки из архивных дел Департамента полиции о нем. Кроме того, в основной состав сборника включены заявления Е.В. Тарле на имя следователей, раскрывающие принудительность его "соавторства", которого добивалось ОГПУ. Принуждая к сотрудничеству, следствие манипулировало обещанием освобождения и угрозами применения жестких санкций. Этот процесс описан авторами исторической части предисловия.

В приложениях помещена ценная находка публикаторов издания – докладная записка председателя ОГПУ В.Р. Менжинского и Я.С. Агранова И.В. Сталину и В.М. Молотову от 15 сентября 1930 г. о предварительных результатах следствия по "Академическому делу", доказывающая, что политбюро не прекращало держать под контролем ход расследования на всем его протяжении. Здесь же в приложении № 2 полностью публикуется записка Агранова Менжинскому от 2 августа 1932 г. в связи с отказом Е.В. Тарле от данных им показаний (ее анализ дан в исторической части предисловия (ч. 1, с. XXXV–XXXVI). Как установил Б.С. Каганович по материалам переписки Е.В. Тарле, в апреле 1932 г. состоялась его встреча с членом Верховного суда СССР А.А. Сольцем, в беседе с которым подследственный отказался от своих прежних показаний о существовании "организации Платонова" и "монархическом заговоре". По свежим впечатлениям от встречи Е.В. Тарле писал Л.Г. Дейчу, что Сольц "не верит в реальность этих гнусных выдумок", которые вынуждены были "всклепать" на себя "несчастные больные старики" (ч. 2, с. XCIX–XCX).

В 1931–1932 гг. судьба осужденных по "Академическому делу" известных историков привлекла внимание ряда влиятельных политиков в СССР и за рубежом, "к мнению которых Сталин готов был прислушаться" (ч. 2, с. CII–CIII). Вероятно, уже в это время ответственность за результаты инспирированного политбюро дела была возложена на ОГПУ, с чем и связано появление публикуемой записки Агранова (в 1929–1931 гг. он в числе других руководящих работников ОГПУ курировал "Академическое дело"). В ней же Агранов пытался "возложить известную долю ответственности за фальсификацию на Е.В. Тарле", одновременно признавая, что обвинение по делу основано исключительно на показаниях обвиняемых (ч. 1, с. XXXV–XXXVI). Результатом возникшего "разбирательства" стало досрочное возвращение Е.В. Тарле из Алма-Аты. Приложение № 3 составляют письма Е.В. Тарле жене и сестре из предварительного заключения и ссылки, дополняющие представление об условиях содержания арестованного академика и его восприятии разворачивающихся событий (публикация писем из Алма-Аты осуществлена на языке оригинала – французском, перевод выполнен Н.С. Степановой под редакцией М.П. Лепехина). Кроме того в сборник включены фотографии Е.В. Тарле разных лет (к сожалению, не указывается, как это определено "Правилами издания исторических документов" 1990 г., с чего осуществлена публикация и место хранения оригиналов воспроизводимых фотографий).

Археографическая часть предисловия ко второму выпуску написана его составителем М.П. Лепехиным. Издание снабжено именным указателем к обоим выпускам.

С выходом двух сборников исследователям представлен крайне сложный для анализа источник. До сих пор продолжается дискуссия о том, как отделить при источниковедческой критике следственных материалов полностью сфабрикованные факты от заданной интерпретации фактов, реально имевших место. Общей в обсуждении этого является точка зрения, что в качестве признака недостоверности может рассматриваться противоречие зафиксированной в них информации другим документам (в частности, изменение значения, вносимого терминологией следствия в описание фактов действительности). Непроверяемая из-за отсутствия других документов информация, на мой взгляд, принципиально не может быть использована. Так же элементом критики служит использование факта в обвинении (воплощаемом следствием "сценарии") или само заведомое существование санкции в Уголовном кодексе за такого рода действия[2]. По мнению В.В. Поликарпова, "такие документы заговорят всерьез тогда, когда окажется доступным для исследования не только конечный результат, ...но и задачи, поставленные авторами инсценировки, когда архивы ОГПУ–НКВД откроются для нормальной исследовательской деятельности, не исключая материалов оперативного планирования, внутренней переписки, денежной отчетности и т.д."[3]. Однако развитие расследования являлось результатом

сложного взаимодействия ОГПУ и партийно-правительственных структур. Рассчитывать на то, что будет найден документ с фиксацией прямых целей репрессивной кампании, планов политбюро и Сталина для данного и прочих дел не приходится[4]. Исследователи вынуждены реконструировать эти цели на ограниченном круге доступных и сохранившихся материалов, балансируя на грани установления факта и догадки, – высокий профессионализм оказывается залогом основательности их выводов.

Примером может служить недавно завершившаяся дискуссия о роли политбюро ЦК ВКП(б), ОГПУ и М.Н. Покровского (как главы марксистского направления в исторической науке 20-х гг.) в фабрикации этого дела. Версия Б.В. Ананьича, В.М. Панеяха и А.Н. Цамутали о том, что следствие было санкционировано, контролируемо и использовано в политических целях политбюро, полностью подтвердилась новыми документами из Архива Президента РФ, опубликованными в № 3–4 журнала "Источник" за 1997 г. (Часть этих документов была использована автором предисловия первого выпуска "Академического дела".) Выявление документов о взаимодействии направлявших расследование органов продолжается. В числе очередных находок нужно отметить пять следственных дел историков, арестованных в сентябре 1930 г. и допрошенных по тому же делу в Москве, – Л.В. Черепнина, И.И. Полосина, И.С. Макарова, Н.М. Дружинина и М.Н. Тихомирова (ч. 2, с. XXXI–XXXII).

Обострение отношений Академии наук с высшей партийной властью в связи с изменением ее устава, подготовкой и проведением выборов в ее состав может рассматриваться как исходный момент в данном деле (ч. 1, с. XII–XXI; ч. 2, с. XX–XXI). Первая акция, напоминающая "архивную историю", была проведена еще в июне 1928 г. во Всесоюзной Публичной библиотеке им. Ленина, где комиссия Хамовнического РКК РКИ отметила хранение неучтенных материалов. Хотя это и не входило в ее задачи, "комиссия не могла пройти мимо" того, что "Музей книги, в котором хранятся огромные сокровища, не имеет инвентарей и каталогов". Дело окончилось критикой работы и увольнением "чуждого классового элемента" – лиц, охарактеризованных как "группа контрреволюционно настроенной интеллигенции". Был отмечен конфликт между старыми специалистами и молодежью (выпускниками рабфаков, комсомольцами), которым не доверяли научную работу, заставляли "стажироваться" на должности уборщиков, а также "ненормальные взаимоотношения партийной ячейки и месткома, с одной стороны, и правления библиотеки, с другой"[5]. С.Ф. Платонову сообщал об этой акции заместитель директора библиотеки Д.Н. Егоров[6] – будущий одноделец. Летом 1929 г. одновременно с разворачивавшейся в Библиотеке Академии наук чисткой начались увольнения в Отделе рукописей Исторического музея в Москве. Другой будущий одноделец, С.В. Бахрушин, ссылаясь на "людей осведомленных", сообщал С.Ф. Платонову в письме, что этот "форменный погром и расправа" направлен на устранение всех, "кто был близок" к покойному М.М. Богословскому и раздражал администрацию[7]. Однако до арестов дело дошло только в Ленинграде, мотив "контрреволюционной организации" был внесен ОГПУ без каких-либо к тому оснований сразу после изъятия архивов из БАН – по подозрению в принадлежности и содействии ей производились все аресты. Мы по-прежнему не знаем, какие задачи ставило политбюро перед комиссией во главе с Ю.П. Фигатнером, начиная чистку в Ленинграде, – в каком деле они планировали извлечь "некоторые новые нити", запрашивая санкцию политбюро на изъятие материалов в БАН[8]. Взаимодействие разных уровней в развитии дела придавало сценарию импровизационный характер, что еще раз подтверждает отсутствие реальных оснований к расследованию и фабрикацию дела.

Сценарий следствия претерпел не одно изменение, менявшее значение и характер сведений, о которых шла речь. "Версии", разработка которых начиналась по инициативе следователей Полномочного представительства ОГПУ в Ленинградском военном округе, несколько раз искусственно обрывались московскими кураторами дела, вносившими в свою очередь новые мотивы. Сценарий, навязываемый следователями, тоже трансформировался под влиянием ряда внешних обстоятельств, в том числе упоминания самим допрашиваемым новых лиц, интерпретации деятельности и связи с которыми в контексте выдвигаемых обвинений давала новые ассоциации, с другой стороны, происходило изменение идеологической конъюнктуры (изменялся образ внешнего врага). В конце 1929 г. (несмотря на мотив "контрреволюционной организации" в постановлениях следствия и "агентурной проработке" различных направлений по статье 58) на допросах доминировала архивная история – Н.В. Крыленко и Ю.П. Фигатнер 11 декабря, направляя отчет о их результатах в политбюро, просили санкцию на возбуждение уголовного "преследования" по статье 78 ("Похищение, повреждение, сокрытие или уничтожение официальных или частных документов из государственных учреждений в целях, препятствующих правильному решению дел или вообще деятельности учреждения"), они лишь отмечали агентурные сведения о "заведомых" монархических убеждениях С.Ф. Платонова, его связях с дипломатическими представителями. Только с 15 декабря (после вероятного ответа политбюро) следствие приступило к разработке на допросах версии о существовании в Академии наук монархической группировки академиков ("законспирированного объединения", "организации"), проявившей себя во время выборов 1929 г., с "руководящим ядром" или "центром" во главе, лидерами которого являются В.М. Истрин и С.Ф. Платонов, тесно связанный с белоэмигрантами и нелегальными кружками историков.

28 января 1930 г. по ставшему стандартным "подозрению" в принадлежности к "контрреволюционной монархической организации" был арестован Е.В. Тарле. Нелепость обвинения в этом известного социалистическими симпатиями Е.В. Тарле справедливо оценена авторами предисловия как показатель сознательной фальсификации дела (ч. 2, с. XXXIX). Вынужденный подтверждать и "развивать" сведения о деятельности "организации" из зачитывавшихся ему отрывков чужих протоколов, Е.В. Тарле до конца февраля отрицал, что был к ней причастен.

В начале апреля в Ленинград из Москвы приехали "начальствующие лица" (факт устанавливается по заявлению Е.В. Тарле – ч. 2, с. 63). Целый месяц накануне их приезда почти не было новых арестов, следствие подводило итоги сделанному. В апреле же некоторые арестованные неожиданно выступили с жалобами на методы работы Ленинградского ОГПУ. Е.В. Тарле одним из первых оправдывался в заявлении 13 апреля на имя заместителя начальника СОУ ПП ОГПУ в ЛВО С.Г. Жупахина, что его слова на допросе были неверно истолкованы, он не имел в виду, что "его показания – простое подтверждение чужих показаний, но совершенно добровольно мною даваемые свидетельства, которые я и не думаю брать обратно". 12–14 апреля 1930 г. С.Ф. Платонов представит свое "Объяснение", "не приняв" предъявленному ему обвинения. С приездом московских следователей наблюдается новое изменение "версии" или сценария следствия, связанное с получением информации о результатах работы органов госбезопасности по стране. В показаниях Е.В. Тарле от 11 апреля (№ 33) резко меняется представление о структуре "организации", перед нами предстает уже картина не локальной ленинградской или ленинградско-московской академической организации, но организации, имеющей ячейки в университетских городах Украины и Белоруссии (24 апреля 1930 г. Е.В. Тарле добавил к ним Саратов и Смоленск), где в это время разворачивался процесс над "Спилкой вызволення Украины" и "Спилкой вызволения Белоруссии". "Организация" "обретала" структуру, следствие интересовал ее состав, время и обстоятельства создания, процедура приема новых членов, проведения совещаний, уплата членских взносов, тайные типографии, списки членов и др. возможная "документация" (естественно, по версии ОГПУ, уничтоженная), механизм "получения" денег и распоряжения ими и механизм "отчета" перед заграничными структурами. Нужен был конкретный "план интервенции" и разработанная программа государственного устройства, будущей внутренней и внешней политики. Иными словами, необходимо было "нарисовать" динамичную и убедительную картину деятельности "организации". В 20-х числах апреля Жупахин, видимо, вместе с упомянутыми "начальствующими лицами" отправился в Москву. С этого времени с Е.В. Тарле начал работать А.Р. Стромин. Главной тенденцией становится расширение "репертуара" связанных с организацией кружков, обществ, учреждений и групп, что отчасти (конечно, в меньшем масштабе) прослеживается и на практике арестов. Они приобретают регулярный, планомерный характер – по 7–8 человек в месяц в течение полугода (до начала октября). Авторы предисловия подробно описали механизм формулирования следствием названия "организации", необходимого для наполнения "сценария". К концу августа он был завершен, следствие начинает добиваться его подтверждения обвиняемыми – собирать "доказательства". Докладная записка Менжинского и Агранова Сталину и Молотову от 15 сентября 1930 г. имела итоговый характер. Последней акцией "сценаристов" оказывается неудавшаяся попытка связать "Академическое дело" с делом "Промпартии" (ч. 2, с. L–LI).

Внутренние противоречия, связанные с этим изменением "следственной версии", являются главным аргументом против какой-либо формы сокращенной публикации следственных материалов. Ни один протокол в деле нельзя воспринимать как самостоятельный документ и публиковать отдельно, настолько каждый из них связан с общим сценарием дела и вне этого контекста непонятен. Полная публикация оказывается единственной достаточной для источниковедческой критики (т.е. введения в научный оборот) формой передачи следственных материалов. Однако, как уже отмечалось в литературе, их "полномасштабный анализ существенно затруднит отсутствие в деле материалов оперативной разработки и служебной документации лиц, возглавлявших и непосредственно ведших следствие"[9].

Издание вызвало и ряд откликов, авторы которых утверждают, что публикация сфабрикованных, заведомо недостоверных, "бредовых" материалов недопустима, поскольку демонстрирует "позор" выдающихся ученых – жертв процесса: "Если вас еще не хватали, вы не знаете этого о себе", пишет один из них[10]. Стоит ли доказывать некорректность, неэтичность, недопустимость, наконец, применения таких понятий как "позор" к безвинно пострадавшим, жертвам преступления властей. Преступление может считаться доказанным, когда известен способ его совершения. До данного издания механизм фабрикации не был представлен общественности. В этом также безусловное значение опубликованных материалов "Академического дела", ставших, как и расценивала их редколлегия, "обвинительным актом против режима власти". Они во всей полноте демонстрируют, как осуществлялось "доказывание", заставляя задуматься, какие процессуальные лакуны и элементы системы расследования сделали возможной фальсификацию, есть ли в современном российском законодательстве (сохранившем концепт "организованной преступности" и принцип фиксации вербальных доказательств) гарантия того, что подобные события не повторятся.

Хочется надеяться, что публикация материалов "Академического дела" будет продолжена. Один из

томов предполагается посвятить реабилитационным материалам осужденных по этому делу. Обнародование документов такого рода, отражающих работу органов госбезопасности на широком хронологическом отрезке (в 1930–1960-е гг.), даже сегодня не имеет прецедентов. Научная значимость всего проекта несомненна.

Н.Д. Потапова
(Европейский университет в Санкт-Петербурге)

Примечания

[1] Академическое дело 1929–1931 гг. Документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ. Вып. 1. Дело по обвинению академика С.Ф. Платонова. СПб., 1993.

[2] Н.Н. Покровский предложил метод, определенный Я.С. Лурье как "проговорки" источника, когда сведения, сообщаемые в нем, противоречат общей цели его создания (в данном случае – следственной "версии" на конкретном этапе и стремлению подследственного оправдаться): Покровский Н.Н. [Рец.: Брачев В.С. Русский историк С.Ф. Платонов. СПб., 1995] // Отечественная история. 1998. № 3. С. 145.

[3] Поликарпов В.В. [Предисловие] // Из следственных дел Н.В. Некрасова. Подгот. В.В. Шелохаев, В.В. Поликарпов // Вопросы истории. 1998. № 11–12. С. 14.

[4] Покровский Н.Н. Указ. соч. С. 143.

[5] Куда только не примажутся. Группа контрреволюционно настроенных дворян в Ленинской библиотеке // Вечерняя Москва. 1928. 8 октября.

[6] ОР НРБ, ф. 585 (С.Ф. Платонова), д. 2869, л. 15–16.

[7] Там же, д. 2212, л. 12–14.

[8] Источник. 1997. № 3. С. 109.

[9] Рахматуллин М.А. Дело по обвинению академика С.Ф. Платонова // Отечественная история. 1994. № 6. С. 176.

[10] Лихачева О.П. Кто бросит камень по праву безгрешного // Невское время. 1998. 14 ноября; Шустрович Э. Не будем забывать историю // Там же. 19 декабря.

РОССИЙСКО-ФИНСКИЙ СИМПОЗИУМ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

25–26 февраля 1999 г. в Санкт-Петербурге после трехлетнего перерыва прошел симпозиум историков России и Финляндии, 17-й по счету. Он был организован по инициативе Национального комитета историков России, Исторического общества Финляндии, Комиссии историков России и Финляндии, Института им. П. Ренвалла (Хельсинки), ИРИ РАН и Института Финляндии в Санкт-Петербурге.

В докладах и в ходе дискуссии рассматривались две основные проблемы – "Представление русских о финнах и финнов о русских на протяжении веков" и "Русские в Финляндии и финны в России после 1917 г." Выступило 18 докладчиков (12 российских историков и 6 финских).

Открывая симпозиум, председатель российской стороны Комиссии историков России и Финляндии член-корреспондент РАН директор ИРИ РАН А.Н. Сахаров акцентировал внимание на общности исторических судеб соседних стран. Он также подчеркнул, что необходимо избавляться от разного рода мифологизированных представлений при исследовании российско-финляндских отношений с древнейших времен до современности. Среди мифов, затрудняющих объективное изучение этих отношений, А.Н. Сахаров в первую очередь выделил относящиеся к древнему периоду, когда осуществлялись первые контакты финских и славянских племен. Древняя Русь в своей внешней политике не всегда придерживалась оборонительной тактики. Так, племенам сумь и емь приходилось вести отчаянную борьбу за свою свободу против русских великокняжеских дружин. Более того, по мнению А.Н. Сахарова, Древняя Русь была полноправным партнером Швеции и Дании в захвате "буферных зон" в Северной Европе. Он напомнил также о знаменитом "финском походе" князя Александра Невского в 1256 г. И чем более драматичной была история финского народа, подчеркнул А.Н. Сахаров, чем бóльшие потери несли финны в боях со своими сильными соседями, тем дороже им была собственная свобода, права личности, которые они пронесли через всю историю российско-финляндских отношений.

Второй миф, затрудняющий объективное восприятие прошлого России и Финляндии, – это утверждение о том, что советская система несла окружающим народам мир и счастье. Этот миф, как подчеркнул А.Н. Сахаров, является несостоятельным. События 1918 г., драма Зимней войны 1939–1940 гг. показали амбициозность большевистского руководства, которая ныне разоблачается финскими и российскими историками. В то же время, отметил Сахаров, взаимоотношения народов России и Финляндии никогда не были враждебными по своей сути. Остроту, сложность, враждебность вносила в них политическая конъюнктура. Директор ИРИ РАН выразил надежду, что российско-финский симпозиум будет способствовать продвижению на пути изучения различных аспектов истории России и Финляндии.

Директор Института Финляндии в Санкт-Петербурге доктор Т. Вихавайнен в кратком вступительном слове выразил благодарность российской стороне за активное участие в организации симпозиума. По его мнению, обсуждение ряда докладов, представленных на симпозиуме, было бы невозможно в советское время, прежде всего, по причинам политического и идеологического характера.

Член-корреспондент РАН В.А. Шишкин отметил, что в течение десятилетий на российско-финских встречах историков преобладали доклады, связанные с деятельностью Ленина, событиями русских революций. В то же время практически не уделялось внимания таким важным проблемам, как менталитет и взаимовлияние культур народов России и Финляндии. На предстоящем симпозиуме, выразил надежду В.А. Шишкин, данная лакуна

будет заполнена. Сближение народов, их взаимный интерес дают большой материал для историков. В данной связи В.А. Шишкин обратил внимание на период конца XIX – начала XX в., когда для русских по существу происходило "Второе открытие Скандинавии". Трудно перечислить всех русских, кто посетил тогда этот регион (деятели науки и искусства, офицеры, крупные помещики-землевладельцы, представители царствующего Дома Романовых) для изучения зарубежного опыта в самых различных областях.

В первый день работы симпозиума рассматривалась проблема "Представление русских о финнах и финнов о русских на протяжении веков". Доктор К. Таркиайнен выступил с докладом на тему: "Финляндия. Образ восточного соседа времени Московского царства" и затронул важную проблему восприятия "чужого" народа и государства на примере представлений финнов о России и русских в средние века. По мнению докладчика, господствовавшие тогда в Финляндии представления о Русском государстве и населяющем его народе были неотделимы от шведского и общеевропейского представлений. К. Таркиайнен показал, что восприятие финнами России и русских во многом обусловливалось господствовавшими на Западе мифами, согласно которым российская держава представляла большую опасность ввиду своих огромных размеров, а также из-за того, что русских как православных считали язычниками и безбожниками. Все это дополнялось превратными описаниями западноевропейских путешественников, посетивших русские земли в XVI–XVII вв.

Доктор П. Лунтинен остановился на взаимоотношениях финнов и русских во время существования Великого княжества Финляндского (1809–1917 гг.). Этот период характеризовался сравнительно безболезненным процессом адаптации финского дворянства к порядкам и нравам Российской империи, а также позитивным влиянием русской культуры. Однако с началом проведения российскими императорами политики русификации Финляндии там стали возникать антирусские настроения. Мнение о русских резко изменилось к худшему после Октябрьской революции 1917 г., когда "недисциплинированные солдаты и матросы" устраивали грабежи в ряде финских провинций. Захват большевиками власти в России привел к активизации левых экстремистов в Финляндии, что способствовало проявлению насилия и русофобских настроений. Интересы единства нации, ставшей на путь самостоятельного государственного развития, требовали создания образа внешнего врага. В качестве такового окончательно утвердились при молчаливой поддержке большинства финнов Советская Россия и русские большевики.

Доклад О. Каремаа "Русофобия в Финляндии в 1917–1923 гг." основывался на материалах ее диссертационного исследования. По мнению автора, в указанный период произошли резко негативные изменения во взаимоотношениях финнов и русских. Вновь на вооружение был взят образ "чужого", "варвара", ибо русские активно участвовали в гражданской войне в Финляндии, представлявшейся "белой" пропагандой как сражение варварского Востока против цивилизованного Запада. Русофобия соседствовала с крайней враждебностью к большевикам, что приводило к еще большему отчуждению между двумя народами. Враждебность в финском обществе в отношении Советской России объясняясь и тем, что Финляндия как страна, завоевавшая независимость, хотела дистанцироваться от своей бывшей метрополии, которая воспринималась в Европе исходя из созданных негативных стереотипов.

Профессор К. Иммонен стремился показать эволюцию образа России в Финляндии в 1920–1930-е гг., взяв за основу материалы финской публицистики этого периода. Он выделил пять основных течений в финской общественной мысли, формировавших взгляды на восточного соседа: первое было связано с деятельностью Карельского академического общества и проповедовало любовь к отечеству и ненависть к коммунистам; второе, открыто антикоммунистическое, примыкало к первому, выдвигая идею создания единого фронта против "советской угрозы"; третье, прагматическое, имело резко антикоммунистическую ориентацию, но его представители считали необходимым избегать прямых военных конфликтов в СССР; четвертое, социал-демократическое направление также отличалось прагматизмом в отношении СССР, антикоммунизмом, нацеливало на критику реального социализма, но призывало считаться с СССР и развивать отношения с ним; пятое, апологетическое направление характеризовалось поддержкой СССР и его общественного устрой-

ства, а идеи такого рода высказывались финскими "левыми" и представителями коммунистических кругов. Существование всех этих течений, с одной стороны, усложняло объективное восприятие СССР в Финляндии, а с другой – свидетельствовало о плюрализме финского общества.

В докладе Т. Вихавайнена «Финские представления о российском "реальном социализме" в 1960–1980-е гг.» содержались интересные наблюдения относительно истоков идеологического воздействия коммунистической Москвы на общественное мнение Финляндии. По словам докладчика, ни в одной из капиталистических стран советский "реальный социализм" не поддерживался таким большим числом молодежи, как в Финляндии. Поразительно, но среди финнов брежневский вариант социализма приобретал все больше сторонников, в то время как в СССР наблюдался процесс угасания веры в его эффективность и возникло диссидентское движение интеллигенции. Т. Вихавайнен объясняет данное парадоксальное явление тем, что коммунистическая молодежь Финляндии стремилась порвать с радикальными антикоммунистическими взглядами своих отцов, отдавших много сил борьбе против распространения "идей Куусинена" в своей стране. Немаловажным было и то обстоятельство, что президент У.К. Кекконен, пришедший к власти во многом благодаря поддержке СССР, на официальном уровне стремился пресечь критику советской системы и одновременно поощрял ее апологию в средствах массовой информации и в деятельности общественных и политических движений.

В выступлениях российских историков основное внимание было уделено рассмотрению вопросов, связанных с эволюцией представлений русских о финнах и финнов о русских.

Эту проблему в широких хронологических рамках (XIX–XX вв.) затронул к.и.н. В.В. Рогинский (ИВИ РАН). Докладчик выделил два основных периода, в течение которых шло формирование представлений русских о Финляндии и финнах. Первый охватывал время пребывания Финляндии в составе Российской империи (1809–1917 гг.), второй – время существования независимой Финляндской республики (с декабря 1917 г. до наших дней). В рамках первого периода в свою очередь выделены два этапа: 1809–1880-е гг. и конец 1880-х–1917 гг. До конца 1880-х гг. российские правящие круги осуществили идеологическое, а затем юридическое наступление на автономное положение Финляндии, что влияло на восприятие русскими финнов. Но это восприятие осуществлялось, как подчеркивал автор, в спокойных тонах. С конца 1880-х гг. ситуация меняется. Был поднят вопрос об интеграции Великого княжества Финляндского в состав Российской империи, и в то же время российские либералы и демократы выступали за сохранение статуса Финляндии. После Октябрьской революции 1917 г. и получения Финляндией независимости в умах большевистских лидеров существовали как бы две Финляндии – "красная" и "белая". Составной частью российского менталитета, определявшего восприятие Финляндии и финнов, был, как его назвал В.В. Рогинский, "синдром имперской ностальгии", вытекавший из стремления вернуть ранее входившую в состав Российской империи Финляндию теперь уже в лоно Союза Советских Социалистических Республик. Результатом подобных сталинских устремлений явилась так называемая Зимняя война 1939–1940 гг.

"Белая Финляндия" существовала в умах Сталина и его соратников до конца 40-х гг., когда после войны 1941–1944 гг. СССР и Финляндия подписали в 1948 г. договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи. Со второй половины 50-х гг. по инициативе Н.С. Хрущева были предприняты важные шаги по налаживанию более тесных взаимоотношений с Финляндией. С тех пор последняя в глазах советских людей представлялась процветающей страной, особенно в сфере производства товаров народного потребления. В.В. Рогинский сделал вывод, что историческая память русских надолго сохраняла факт пребывания Финляндии в составе Российской империи, но это стало уже забываться к исходу 90-х гг. XX в.

Д.и.н. Э.П. Федосова (ИРИ РАН) осветила состояние культурных связей между русскими и финнами во второй половине XIX – начале XX в. Речь главным образом шла о действиях русского правительства и общественности, способствовавших формированию национальной гражданской, военной и научной финляндской интеллигенции. Так, представители молодежи Великого княжества Финляндского получали возможность обучаться в

высших учебных заведениях Санкт-Петербурга и других городов. В Финляндии при участии российского правительства создавались военно-учебные заведения. Активно велось изучение истории и культуры финно-угорских народов и т.д. В докладе Э.П. Федосовой сделан вывод, что формирование финляндской национальной интеллигенции в XIX – начале XX в. происходило при прямой поддержке русских властей и российской общественности.

Д.и.н. А.Н. Цамутали (Санкт-Петербургский филиал ИРИ РАН) провел сравнительное источниковедческое исследование свидетельств двух русских генералов о финляндской армии – дневника Н.П. Литвинова, участвовавшего в совместных маневрах финляндских и русских войск 1863 г., и воспоминаний В.А. Ковалевского об аналогичном событии, происшедшем в 1888 г. Автор пришел к выводу, что оба исторических источника зафиксировали интерес русских офицеров к Финляндии, хорошее впечатление от финляндских войск и от радушия финнов.

К.и.н. Е.Ю. Дубровская (Институт истории, Петрозаводск) говорила о формировании образа финнов в российской общественной мысли на основании русскоязычной периодики в Финляндии начала XX в. Отмечено, что в публикациях официальных правительственных изданий (журналы "Православный Финляндский сборник" и "Карельские известия") отражались антифинляндские настроения и оценки. Более объективную позицию старались занять популяризаторы финской истории и культуры. К их числу принадлежал прежде всего П.В. Гусев, который основал в Петербурге литературный журнал о "политической и общественной жизни Финляндии". Гусев ставил перед собой задачу способствовать сближению русского и финляндского общества. По мнению Е.Ю. Дубровской, этнический образ финна, появляющийся на страницах русской периодики начала XX в., был весьма разнообразным и противоречивым. Но материал, который дает периодика, позволяет судить о структуре этнического стереотипа, механизме его возникновения, степени адекватности и устойчивости.

Во второй день работы симпозиума основное внимание было уделено освещению проблемы "Русские в Финляндии и финны в России после 1917 г.". Основную часть докладчиков представляли российские ученые. С финской стороны выступила доктор Ю. Суомела, посвятившая свой доклад деятельности русских журналистов-эмигрантов в Финляндии в 1918–1927 гг.

Два российских автора остановились на вопросе эволюции финской диаспоры в России – СССР. К.и.н. И.Р. Такала (Петрозаводский государственный университет) проследила историю возникновения и гибели финской диаспоры в Советской России до начала 40-х гг. Первая волна эмигрантов из Финляндии в РСФСР относится ко времени после поражения финской революции в мае 1918 г. Многие из тех, кто прибыл тогда в Россию, принимали участие в Гражданской войне на стороне красных. Осевшие после окончания Гражданской войны в Сибири финны были репрессированы в годы коллективизации. Другие оказались в Карелии и Ленинградской обл. В начале 30-х гг. из США прибыли в СССР партии переселенцев-финнов, ранее эмигрировавших из Финляндии. Другие группы эмигрантов, спасаясь от голода и безработицы, пересекали финляндско-советскую границу, желая найти работу в Советской России. К середине 30-х гг. финская диаспора в СССР насчитывала около 30 тыс. человек. К концу 30-х гг. значительная часть ее была уничтожена в результате репрессий и Зимней войны 1939–1940 гг.

К.и.н. В.И. Котов (ИРИ РАН) использовал главным образом статистические материалы для освещения сюжета, связанного с демографическим развитием финской диаспоры в СССР. Докладчик изучил итоги переписей населения 1926, 1937, 1939, 1959, 1970 и 1989 гг. Согласно этим данным, финское население, проживавшее на территории СССР, за несколько десятилетий испытало на себе ряд серьезных демографических потрясений. Они были связаны прежде всего с объективными причинами: последствиями революций, Гражданской и Великой Отечественной войн, ускоренной урбанизацией, которая ломала традиционную систему хозяйства. Кроме того, свое влияние оказывали и субъективные факторы: политика советского государства, препятствовавшая созданию необходимых условий для существования представителей финской диаспоры, прямая депортация и репрессии в отношении ее представителей. В результате этого к исходу XX столетия финская

диаспора оказалась в российских условиях в серьезной демографической ситуации, что при дальнейшем развитии неблагоприятных тенденций может привести ее к полному уничтожению. По мнению В.И. Котова, необходимо принятие неотложных мер для изменения создавшегося положения и спасения яркой и самобытной этнической группы финнов, оставивших глубокий след в российской истории.

К.и.н. А.В. Голубев (ИРИ РАН) коснулся важной историко-культурной проблемы – механизма формирования внешнеполитических стереотипов советского общества в межвоенный период. Докладчик, в частности, отметил, что о Финляндии и финнах в 30-е гг., по крайней мере до начала Зимней войны, большинству советских людей было мало что известно.

Различные вопросы, связанные с Зимней войной 1939–1940 гг., затронули в своих докладах профессор Г.А. Куманев, к.и.н. В.А. Невежин (оба – ИРИ РАН), к.и.н. С.Г. Веригин (Петрозаводский государственный университет). Г.А. Куманев, используя материалы российских и финляндских архивов, попытался проследить сходство и отличия в судьбах финских военнослужащих и красноармейцев, оказавшихся в плену в 1939–1940 гг. В его докладе также приведены общие статистические данные о количестве пленных с обеих сторон. С.Г. Веригин остановился на судьбах финнов, интернированных на территорию Советской Карелии в период Зимней войны, подчеркнув всю сложность изучаемого им вопроса. Если большинство исследователей рассматривали интернирование финских граждан от государственной границы вглубь Карелии как репрессивный акт, то С.Г. Веригин призвал учитывать все аспекты проблемы. По его мнению, в сложившейся военной ситуации выселение финских граждан с занятых Красной армией территорий и размещение их в спецпоселках в Карелии спасло жизнь сотням людей.

В докладе к.и.н. В.А. Невежина рассматривались изменения в формировании образа Финляндии в советской пропаганде на различных этапах Зимней войны: накануне вооруженного советско-финляндского противоборства, на его начальном этапе и в завершающей стадии.

К.и.н. А.А. Комаров (ИВИ РАН) показал в докладе эволюцию взглядов советской дипломатии на Финляндию в 1944–1948 гг. По его мнению, начало новому этапу советско-финляндских отношений было положено подписанием соглашения о перемирии (сентябрь 1944 г.). А.А. Комаров подробно проследил перипетии советско-финских переговоров 1944–1948 гг., на исход которых существенное влияние оказали приоритеты руководства СССР. Он подчеркнул, что если в Восточной Европе под влиянием Москвы прослеживались тоталитарные тенденции, то на Севере Европы, напротив, наблюдались иные явления. После определения сфер влияния СССР и крупнейших стран Запада каждая из сторон сосредоточилась на "своем" направлении. Сближение с Финляндией в глазах советской дипломатии могло бы способствовать ослаблению англо-американского нажима на нее.

Профессор А.З. Ваксер (Санкт-Петербургский филиал ИРИ РАН) сделал доклад о влиянии финского туризма на культурную, политическую и экономическую жизнь в Ленинграде во второй половине 50-х–60-е гг. По его мнению, туристические обмены, в частности с Финляндией, становились ареной противоборства представителей двух противоположных идеологий, общественных и экономических систем, различного образа жизни. В то же время они способствовали демонтажу "железного занавеса".

В дискуссии по итогам работы симпозиума принял активное участие А.Н. Сахаров. Он поднял ряд важных вопросов. Говоря об истории восприятия России на протяжении веков, А.Н. Сахаров подчеркнул, что для Запада она всегда ассоциировалась с "натиском с Востока". Этот феномен недоучитывается. Гунны дошли до Шампани, и в их составе были славянские племена. Авары добрались до центра Европы, имея в своих рядах славян. Даже войско Батыя, пришедшее в Европу, имело русские формирования. Все это способствовало возникновению ассоциаций Руси и русских с Востоком, скифами, аварами.

Оценивая западную общественную мысль, А.Н. Сахаров отметил присущий ей консерватизм. На Западе во многом не учитывались внутренние перемены, происходившие в Русском государстве. С XIII в., после нашествия Чингис-хана и Батыя, Русь представлялась в

Западной Европе как "страдающая" страна. В тот же период она стала объектом агрессии со стороны рыцарей-крестоносцев, подверглась своеобразной дискриминации. С ростом Российской державы ее правители адекватно реагировали на экспансионистские устремления с Запада. И тогда Россия в глазах западной общественности опять стала "агрессором", что привело к устойчивому искажению образа нашей страны.

А.Н. Сахаров говорил о терминологии, которая используется при изучении различных аспектов взаимовосприятия народов сопредельных стран на протяжении веков. В частности, он утверждал, что дефиниции "великая держава" и "великий народ" нельзя считать идентичными. Понятие "великая держава" вообще является ключевым при изучении истории России. Однако, подчеркнул А.Н. Сахаров, когда речь идет об исследовании представлений народов друг о друге, следует встать на ту позицию, что основным является понятие "соседние народы".

Участники дискуссии отметили, что пока мало внимания уделяется истории общественных движений первой половины XIX в. Именно в них солидарность русского и финского народов в борьбе против царизма проявлялась наиболее наглядно. Была подчеркнута необходимость издания тома хроники рабочего движения, специально посвященного Финляндии.

В заключительном слове при закрытии симпозиума Т. Вихавайнен выразил благодарность всем его участникам. Он призвал объединить усилия историков двух стран в изучении сюжетов и вопросов, представляющих взаимный интерес.

По мнению А.Н. Сахарова, симпозиум удался. Был охвачен большой круг вопросов, которые ранее не ставились на совместных заседаниях историков обеих стран. Рассматривались сложные, болезненные темы прошлого России и Финляндии. Однако в целом обсуждение их дало позитивные результаты.

В.А. Невежин, кандидат исторических наук,
(Институт российской истории РАН)

ЛОМОНОСОВСКИЕ ЧТЕНИЯ 1999 г.

Весной 1999 г. на кафедре истории Института переподготовки и повышения квалификации преподавателей при МГУ им. М.В. Ломоносова состоялись традиционные Ломоносовские чтения, посвященные 50-летию Института. Тематика чтений – "Социально-гуманитарные науки и проблемы модернизации России" – привлекла большое число участников. Активно выступали преподаватели кафедры, слушатели из вузов Москвы и других городов России. Проблематика представленных докладов и сообщений была довольно разнообразной: от вопросов войны и мира до роли отдельных исторических личностей и перспектив развития российского образования.

Так, профессор А.И. Уткин (ИППК МГУ) сделал доклад на тему "Духовное возрождение общества: основные тенденции и перспективы". Он подчеркнул, что духовное возрождение общества – важнейшая задача, стоящая перед человечеством в XXI в. В современной России активно идет процесс реидеологизации общества, ведущий к выработке новых идеологических ориентиров, к формированию и укреплению новой русской идеи. Фундаментом же духовного обновления страны, ее приоритетным направлением является развитие народного образования. Оно предстает основным показателем качества нашей жизни, сердцевиной российского будущего – экономического могущества и безопасности, творческого потенциала науки, культуры, искусства. Образование – это ключ к обеспечению конкурентоспособности России в мире XXI в. Но в то время как в современных цивилизованных странах на нужды образования расходуется 5–8% ВНП, в Российской Федерации выделяется лишь 0,5%. Сохранение этой печальной традиции чревато для россиян самыми тяжелыми и далеко идущими последствиями. Наш долг, подчеркнул А.И. Уткин, состоит в том, чтобы изменить и скорректировать эту позорную тенденцию.

В своем выступлении С.А. Гуськов (доцент МЭСИ) остановился на вопросах совре-

менной концепции дистанционного образования, рассказа об опыте МЭСИ, где с 1993 г. был создан Межвузовский центр дистанционного образования и издается журнал "Дистанционное образование".

И.Н. Андреева (доцент МАИ) сделала сообщение: «Воспитание патриотического самосознания при изучении темы: "Великая Отечественная война – крах фашизма"». Она обратила внимание на то, что эта проблематика нисколько не утратила своей актуальности, поскольку кризис демократии в современном российском государстве, засилье иностранной культуры при отсутствии серьезного антифашистского воспитания способствует ориентации части патриотически настроенной молодежи на националистические идеи. Необходимо поэтому всячески подчеркивать справедливый, освободительный, подлинно всенародный характер войны 1941–1945 гг. со стороны СССР, приводить примеры героического подвига советского народа, напоминать о понесенных им потерях. Следует также показать, что победа, одержанная в Великой Отечественной войне, оказала влияние на многие процессы, происходящие в современном мире.

Тему образования продолжила доцент З.С. Бочарова (ИППК МГУ), посвятившая свое сообщение национальной системе образования в российском зарубежье 1920-х гг. Она отметила, что частью жизни российского зарубежья стало создание системы национального образования – от низших учебных заведений до высших. Наиболее благоприятные условия для этого были созданы в Чехословакии. Здесь, как и в Харбине, Париже, функционировали не только русские вузы и факультеты, но и средние и низшие учебные заведения. Объединяли и координировали работу учебных заведений, а зачастую и финансировали их соответствующие русские общественные организации. Но затянувшееся "сидение на чемоданах", оскудение источников финансирования, необходимость адаптации к условиям страны проживания привели к сужению и исчезновению русской национальной системы образования.

Своеобразной перекличкой с днем сегодняшним прозвучало выступление Н.А. Родионовой (МГИСиС, Электросталь), которая показала, каким образом Кавказская война XIX в. воспринималась глазами иностранного наблюдателя – испанского офицера Хуана Ван Галена, поступившего на русскую службу и принимавшего непосредственное участие в боевых действиях. Справедливость Кавказской войны со стороны империи Ван Гален не подвергал сомнению. Однако, превознося цивилизаторскую миссию России, он явно оказался под влиянием официальной точки зрения. Так, например, Ван Гален умалчивает о жестоких методах завоевательной политики, а сопротивление горцев объясняет исключительно подстрекательством местных феодалов. В то же время его "Записки" содержат много ценных наблюдений и зарисовок, в частности яркий политический портрет генерала А.П. Ермолова, что позволяет говорить о них, как об интересном историческом источнике.

О.П. Садовников (ЧГПУ) рассказал об изменениях в офицерском корпусе русской армии в ходе Первой мировой войны. Он отметил, что основные перемены были связаны не с ростом численного состава офицеров действующей армии к 1917 г., а в изменении его качественных характеристик. Ввиду больших потерь русской армии на смену кадровым офицерам пришли те, кто получил офицерский чин в военное время: они составляли 70% офицерского корпуса, причем до 80% прапорщиков были выходцами из крестьян. Более 50% офицеров не имели даже среднего образования. Указанные изменения в сочетании с тяжелой обстановкой на фронтах и в тылу сказались на настроениях офицерства, среди которых все больший отклик находили идеи кадетов и октябристов. При этом подавляющее число офицеров считало необходимым продолжать войну "до победного конца".

На проблемах франко-российских отношений в конце XX в. остановилась О.Д. Филиппова (МИСиС, Электросталь). Она отметила, что большой ущерб франко-российским отношениям нанесли внутренний хаос и неумело проводимые реформы, из-за чего Россия утратила многие свои позиции в международных вопросах. Между двумя странами появились серьезные разногласия в оценке ряда событий (разные подходы к урегулированию конфликтных ситуаций в бывшей Югославии, расширению блока НАТО на Восток, защите прав русскоязычного населения в странах Балтии). В результате из бывшего партнера СССР французское руководство превратилось ныне в оппонента России.

Л.П. Шелепова (доцент КамПИ, г. Набережные Челны) в своем выступлении обратились к государственной и реформаторской деятельности М.М. Сперанского. Некоторые аспекты истоков русской колонизации восточных окраин Российской империи на примере формирования яицкого казачества затронул Д.А. Сапунов (ЧГПУ).

В докладе на тему "А.С. Пушкин – историк Отечества" профессор О.И. Митяева (ИППК МГУ) затронула три ключевые позиции пушкинского наследия: 1) историзм поэтического творчества Пушкина; 2) его высказывания о значении изучения истории;

3) исторические труды поэта. Непреходящее значение имеют также мысли Пушкина о воспитании чувства патриотизма, которые должны войти во все учебники истории.

В.В. А л е к с е е в (ИППК МГУ) остановился на своеобразном явлении в истории права советского периода, которое он обозначил как "феодализм" в уголовном законодательстве сталинской эпохи. Он отметил, что в условиях отрицания прежнего правового опыта после октября 1917 г., низкой политико-правовой культуры и элементарной безграмотности народных масс в период создания административно-командной системы парадоксальным образом возродились черты, присущие феодальной юстиции. Можно утверждать, что произошла актуализация архаичных пластов правовой культуры. Введение "революционной законности" (а затем "социалистической законности"), которая строилась на основе классового подхода и принципа целесообразности, на практике означала, что судьба отдельного человека часто зависела от его социального происхождения, образования, служебного положения, а это чрезвычайно сходно по сути со средневековой системой "формальных доказательств". В 1920–1950-е гг. были частично или полностью преданы забвению элементарные принципы цивилизованного правосудия. В результате суды из органа правосудия превращались в орган репрессии. Особенно это характерно для существовавших на всем протяжении сталинского периода параллельно с обычными судами органов чрезвычайной юстиции – всякого рода Особых совещаний, "двоек", "троек", трибуналов. В них произошло возрождение худших форм инквизиторского процесса вплоть до применения пыток. Таким образом, в условиях сталинизма право становилось не столько системой юридических институтов, оформляющих и регулирующих строительство нового общества, сколько средством сохранения власти правящего режима,

Чрезвычайно широкая тематика выступлений, разнообразие вопросов, поднятых в ходе их обсуждения на Ломоносовских чтениях, свидетельствуют о глубине профессионального интереса слушателей кафедры истории, многообразии тех проблем, которые им приходится освещать в своих лекционных курсах, в работе со студентами. Поэтому обмен накопленным научным и методическим материалом, апробация его перед коллегами способствуют повышению педагогического мастерства, взаимному обогащению интеллектуального багажа. Слушатели кафедры истории отметили, что участие в ежегодных Ломоносовских чтениях дает им импульс к дальнейшей работе, позволяет приобщиться к научной жизни.

В.В. Алексеев, З.С. Бочарова,
кандидаты исторических наук (ИППК МГУ)

ЧТЕНИЯ ПАМЯТИ ЮРИЯ СТЕПАНОВИЧА БОРИСОВА

23 октября 1999 г. исполнилось 70 лет со дня рождения доктора исторических наук, профессора Ю.С. Борисова. Центр по изучению отечественной культуры и дирекция ИРИ РАН провели в связи с этим научные чтения, посвященные его памяти. Были заслушаны доклады, освещавшие многостороннюю деятельность Юрия Степановича, а также широкий спектр проблем, привлекавших его внимание.

Руководитель Центра А.В. Г о л у б е в во вступительном слове отметил, что круг исследовательских интересов Ю.С. Борисова был весьма обширен и разносторонен. Он охватывал такие проблемы, как революция и культура, советская культура в мировом историко-культурном процессе, взаимовлияние и взаимопроникновение национальных культур, а также проблемы аграрной и социальной истории России XX в., историю сталинизма и т.д. Будучи не только ученым-исследователем, Ю.С. Борисов вел преподавательскую работу в МГИАИ, а затем и в РГГУ, проявляя заботу о подготовке научных кадров в стенах ИРИ РАН.

В выступлениях коллег был показан вклад Юрия Степановича в изучение отечественной истории и культуры. В выступлении д.и.н. В.Т. Е р м а к о в а, например, отмечалось понимание Ю.С. Борисовым огромной значимости исторического факта для развития общей концепции исторического процесса, стремление к объединению усилий различных исследователей для решения важнейших научных проблем. В исследовательской деятельности Ю.С. Борисов отдавал приоритет морально-нравственным категориям. В.Т. Ермаков от-

метил также, что концепционные установки Ю.С. Борисова претерпевали определенные изменения, что наиболее отчетливо проявилось после событий 1991 г., когда он существенно пересмотрел многие свои взгляды, что, впрочем, не умаляет значимости его вклада в развитие исторической науки на предыдущем этапе ее развития.

Этого же аспекта деятельности Ю.С. Борисова коснулся и д.и.н. В.Д. Есаков, отметивший, что ученый вел хронику заседаний Центра, а также наиболее значимых событий научной жизни. Одним из последних проектов исследователя было изучение социокультурных преобразований в стране на современном этапе. Для продолжателей дела, в котором активно участвовал Ю.С. Борисов, весьма насущным представляется проведение конференции по историко-культурным проблемам.

О профессиональном кредо и деловых качествах Ю.С. Борисова как редактора говорил в своем выступлении д.и.н. Ю.П. Шарапов, подчеркнувший, что Юрий Степанович был в полном смысле слова ответственным редактором и в то же время он очень внимательно относился к аргументации авторов тех работ, которые редактировал. В выступлении д.и.н. А.Е. Иванова был отмечен органически присущий Ю.С. Борисову интерес к истории интеллигенции. Этому же вопросу посвятил свое выступление д.и.н. М.Е. Главацкий. В центре его внимания были проблемы истории интеллигенции в наследии Ю.С. Борисова. Докладчик отметил, что знакомство его с Ю.С. Борисовым состоялось через книгу, посвященную подготовке кадров сельской интеллигенции, а также по прочтении кандидатской диссертации Ю.С. Борисова, который первым из исследователей познакомился с материалами пленумов ЦК КПСС в период "оттепели". Далее М.Е. Главацкий отметил, что в докладе ученого, посвященном российской интеллигенции в XX в., Юрий Степанович не отказывался от принятого в науке определения интеллигенции как социального слоя, профессионально занятого умственным трудом, но обогащал это определение нравственно-этическим критерием.

По материалам заслушанных на заседании Центра по изучению отечественной культуры ИРИ РАН выступлений предполагается издание сборника, посвященного памяти Ю.С. Борисова.

ПАМЯТИ ИГОРЯ ВАСИЛЬЕВИЧА ПОРОХА

2 июля 1999 г. на 78-м году жизни скончался Игорь Васильевич Порох – известный российский историк, заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России исторического факультета Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского.

И.В. Порох родился в 1922 г. в Астрахани. Окончив школу, он поступил в 1939 г. на исторический факультет Саратовского госуниверситета. Время было непростое, и учеба была недолгой: в ноябре 1940 г. второкурсник Игорь Порох призывается в армию. Служба его началась в Монголии, но уже в декабре 1941 г. он участвует в битве под Москвой. Первое ранение, лечение, учеба в военно-политическом училище и новое назначение. Места службы – Воронежский, Степной, 2-й, 3-й Украинские фронты... Словом, в самом пекле: Корсунь-Шевченковская, Ясоко-Кишиневская операции, бои за Бухарест, освобождение Болгарии, Балатонская операция (тяжелая контузия), освобождение Братиславы, Вены. 9 мая 1945 г. он встретил в Праге. Но война для него не кончилась: довелось принять участие и в боевых операциях в Манчжурии. Военная карьера И.В. Пороха не прельщала, и в сентябре 1946 г. он вновь на студенческой скамье. В 1950 г. он поступает в аспирантуру при кафедре истории СССР, а с 1953 г. начинается его научно-педагогическая деятельность на факультете.

Период "сталинщины" несомненно отразился и на жизни истфака, и на работе кафедры. Но репрессии на задавили живую мысль. Именно в этот период был заложен фундамент саратовской школы историков, у истоков которой стояли профессор С.Н. Чернов (изгнанный из университета левокоммунистическими студентами в конце 20-х гг.), будущий академик А.М. Панкратова (высланная из Москвы), профессор Ю.Г. Оксман (крупнейший литературовед, историк, "зек" с 10-летним стажем).

Первым предметом научных интересов Игоря Васильевича были декабристы. Его кандидатская диссертация "Восстание Черниговского пехотного полка" освещала комплекс вопросов, связанных с изучением революционного выступления декабристов на Юге России, вносила существенные коррективы в традиционные представления о кризисе Южного общества. Автор ряда статей о декабристах, авторитетный знаток их мемуарного наследия (им прокомментированы и изданы воспоминания И.И. Горбачевского, Н.В. Басаргина, других деятелей Южного общества), И.В. Порох не стеснялся указывать и исправлять ошибки канонизированных авторитетов еще при их жизни. Чуждый стереотипов, независимый в суждениях молодой ученый обращал на себя внимание в научных кругах. Рекомендации Ю.Г. Оксман открывали ему путь к общению с крупнейшими учеными, с элитой исторической науки.

И.В. Порох участвовал практически во всех крупных конференциях и дискуссиях по проблемам освободительного движения. Он издал монографии "Герцен и Чернышевский" (1963), "История в человеке" (1971), интереснейший сборник документов "Дело Чернышевского" (1968), его привлекали к написанию статей для "Советской исторической энциклопедии", комментариев для собраний сочинений М.Е. Салтыкова-Щедрина и А.И. Герцена. Последняя работа определила выбор темы докторской диссертации – "А.И. Герцен в русском освободительном движении" (1977).

Проделав колоссальную работу, изучив документы более чем 80 фондов из 11 архивохранилищ страны, автор показал себя зрелым, авторитетным специалистом. В своей работе он писал о неправомерности распространенного в советской историографии сужения российского освободительного движения середины XIX в. до одного революционно-демократического направления и, соответственно, умаления роли общедемократических идей либеральной интеллигенции. И.В. Порох раскрыл сущность "общинного социализма" А.И. Герцена, специфику его революционности. Он доказал, что не "либеральными иллюзиями", а величайшим завоеванием политической мысли А.И. Герцена была идея "мирной революции", т.е. возможности изменения социальных отношений в стране посредством "реформы сверху".

Широта научных исканий И.В. Пороха плодотворно влияла и на учебно-воспитательную работу. Его лекции и семинары отличались новизной, проблемностью, всегда содержали исследовательский элемент, вовлекали студентов в совместный поиск истины. Начиная очередную лекционную тему историографическим введением, И.В. Порох не мог удержаться в рамках академически беспристрастного анализа тех или иных книг и суждений. И тогда начинался яркий, образный рассказ о бескорыстии и продажности, о научной честно-

сти и конъюнктурных поделках, о капитальных исследованиях и легковесных "пустышках".

До последних дней И.В. Порох был деятелен, активен. Читал лекционный курс по истории России первой половины XIX в., спецкурс "А.И. Герцен и Россия", много времени уделял своим дипломникам и аспирантам. Он подготовил к печати 18-й выпуск межвузовского "Историографического сборника". Завершил редактирование очередного тома "Очерков истории Саратовского Поволжья". Принял (заочно) участие в кафедральной дискуссии по проблемам освободительного движения, инициированной публикацией "круглого стола" в "Отечественной истории".

Неосуществленным остался его замысел написать историографию движения декабристов, на рабочем столе осталась рукопись работы о Герцене...

Светлая память об Игоре Васильевиче Порохе навсегда останется в наших сердцах.

Коллеги, ученики

ПАМЯТИ АНДРЕЯ ГРИГОРЬЕВИЧА ТАРТАКОВСКОГО (1931–1999)

Нет больше с нами Андрея Григорьевича... О таких людях говорят только одно – Личность. Незаурядность его была во всем: в том, как писал, любил жизнь, радовался успехам своих коллег, сопереживал друзьям. Острый на слово, большой и сильный, Тартаковский если защищал, то до конца, а если критиковал, то беспощадно. Кому-то он казался гордым и даже надменным, но в основе его масштабной натуры лежали благородство и доброта.

Тонкий психолог, он прекрасно чувствовал людей, совершенно не выносил ложь, всякого рода двойственность и трусость. Друзьям рядом с ним было легко и спокойно – не предаст! Его торопливую походку, улыбку и бодрое "Привет" забыть просто невозможно.

Родился Андрей Григорьевич в семье служащих 27 апреля 1931 г. Его отец Григорий Яковлевич был крупным врачом-психиатром, а мать Изабелла Абелевна – ученым-вирусологом с мировым именем. Родная сестра матери была замужем за Ираклием Андрониковым. Любящие родители, круг интеллигентных друзей дома, поразительно яркая и увлеченная личность Андроникова оказали влияние на выбор жизненного пути Андрея, его интерес и любовь к русской культуре.

В 1955 г. А.Г. Тартаковский закончил исторический факультет МГУ. Его учителями были крупнейшие специалисты по русской истории – С.С. Дмитриев и П.А. Зайончковский. Влечение к русской истории оставалось всегда, несмотря на трудности, которые неизбежно ожидали в советское время беспартийного историка-еврея. После окончания университета жизнь разделилась на две части: одна проходила в Институте востоковедения АН СССР, в отделе юго-восточной Азии, где Андрей Григорьевич занимался изданием архивных материалов соответствующей тематики, другая, гораздо более важная – в Исторической библиотеке в работе с материалами по истории Отечественной войны 1812 г. Эту страстную влюбленность Андрей Григорьевич пронес через всю жизнь. Его кандидатская диссертация называлась "Русская армейская публицистика Отечественной войны 1812 г." и была защищена в 1965 г. В 1969 г. Андрею Григорьевичу, наконец, удалось перейти на работу в Институт истории СССР АН СССР. С этого времени начинается творческое восхождение крупного ученого, ведущего специалиста в области истории России XVIII–XIX вв. и источниковедения. Докторская диссертация подвела итог его многолетним изысканиям в той же области – "1812 г. и русская мемуаристика. Опыт источниковедческого изучения" (1983).

Основные вехи жизненного пути Андрея Григорьевича укладываются в сухие строки анкеты: 1956 г. – сотрудник отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина; 1958–1969 гг. – младший научный сотрудник Института востоковедения АН СССР; с 1969 г. – сначала младший, затем старший и ведущий научный сотрудник Института истории СССР АН СССР (Института российской истории РАН). Ответственный секретарь оргкомитетов Всесоюзных источниковедческих конференций (1972–1983); научный редактор библиографической серии "История дореволюционной России в дневниках и

воспоминаниях. Аннотированный указатель книг и публикаций в журналах" (1984–1989); научный руководитель с российской стороны совместного с американскими учеными проекта по подготовке библиографического свода "Мемуаристика российского зарубежья. 1917–1991" (с 1989 г.); член редколлегии декабристской серии "Полярная звезда" и ежегодника "Одиссей. Человек в истории"; руководитель Научных чтений памяти Н.Я. Эйдельмана; член ученых советов Государственного музея им. А.С. Пушкина, Государственной публичной исторической библиотеки, действительный член Академии гуманитарных исследований России, почетный член Международного Наполеоновского общества (Франция–Канада).

А.Г. Тартаковский – автор более 100 опубликованных, в том числе и за рубежом, работ. Им созданы ценные труды по военной истории, историографии, внутренней политике, истории декабризма и освободительного движения. Его исследования о литературно-общественной жизни конца XVIII–XIX в. внесли немало нового в понимание исторических взглядов, социальной позиции и биографий А.Н. Радищева, Н.М. Карамзина, И.А. Крылова, П.Л. Вяземского, А.С. Пушкина, А.И. Герцена. Ему принадлежит постановка кардинальных методологических проблем источниковедения, имеющая не только теоретико-познавательное, но и практическое значение. Капитальные труды Тартаковского о русской мемуаристике XVIII–XIX вв. развивают новое историко-типологическое направление в источниковедении на его стыке с историографией, историей общественной мысли и культурологией.

Андрей Григорьевич никогда не отличался корпоративной замкнутостью. Созданные им труды пронизаны духом новаций, стремлением постичь не только тайну ремесла историка, но и тайну бытия человека во времени и пространстве. Он обладал редкой способностью видеть в каждой личности воплощение исторического процесса. Б.Г. Литвак в рецензии на его монографию "Русская мемуаристика и историческое сознание XIX века" очень тонко заметил, что Тартаковский «обладал тем редким даром прозорливости и вдохновения, который превращает "прозу" источника в "поэзию" культуры».

Горько осознавать, что жизнь этого глубоко творческого человека оборвалась. Буквально до последних дней Андрей Григорьевич продолжал плодотворно исследовать тему общественно-исторического сознания и политической борьбы XVIII–XIX вв. Осталась незаконченной монография "Век XVIII глазами XIX. (Из истории общественно-исторической мысли в России)", которая должна была завершить его исследования русской мемуаристики XVIII–XIX вв. Недописана книга "Пробужденная Россия. Общественно-политическая борьба в эпоху 1812 г.", в которой раскрывалось влияние великих потрясений 1812 года на пробуждение в России гражданского самосознания и политической активности. Создан большой научный задел и начата работа над образом и временем Павла I... Он очень хотел увидеть новое направление в источниковедении, которое можно было бы обозначить, как "Мифы в истории и методы анализа источников".

Трудно смириться с мыслью, что никогда уже нам не встретить веселого, обаятельного и остроумного Андрея Григорьевича Тартаковского. Остается только светлая память!

Друзья, коллеги, ученики

ДОКТОРСКИЕ ДИССЕРТАЦИИ ПО ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ, УТВЕРЖДЕННЫЕ ПРЕЗИДИУМОМ ВАК РОССИИ В ИЮЛЕ–ОКТЯБРЕ 1999 г. Специальность 07.00.02 – отечественная история, 07.00.09 – историография, источниковедение, методы исторического исследования

1. *Аяцков Дмитрий Федорович.* "Исторические истоки современного российского федерализма и процесс его становления в условиях трансформирования социально-экономической и политической системы России (90-е годы XX века)". Специальность 07.00.02.

Диссертация выполнена в Саратовском государственном социально-экономическом университете, защищена в Московском педагогическом государственном университете. Соискатель работает в администрации Саратовской области.

2. *Каменский Александр Борисович.* "Реформы в России XVIII века: опыт целостного анализа". Специальность 07.00.02.

Диссертация выполнена и защищена в Российском государственном гуманитарном университете, где работает соискатель.

3. *Васильева Ольга Юрьевна.* "Русская Православная Церковь в политике Советского государства в 1943–1948 гг.". Специальность 07.00.02.

Диссертация выполнена и защищена в Институте российской истории РАН, где работает соискатель.

4. *Мирзабеков Мирзабек Яхьявич.* "Культура дагестанского села. XX век: история, проблемы". Специальность 07.00.02.

Диссертация выполнена и защищена в Институте истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН, где работает соискатель.

5. *Степанов Валерий Леонидович.* "Социально-экономические реформы Н.Х. Бунге". Специальность 07.00.02.

Диссертация выполнена и защищена в Институте российской истории РАН, где работает соискатель.

6. *Толстиков Виталий Семенович.* "Социально-экологические последствия развития атомной промышленности на Урале (исторический аспект)". Специальность 07.00.02.

Диссертация выполнена в Челябинском государственном институте искусства и культуры, где работает соискатель, защищена в Челябинском государственном университете.

7. *Ибрагимов Мовсур Муслиевич.* "Власть и общество в годы Великой Отечественной войны (на примере национальных республик Северного Кавказа)". Специальность 07.00.02.

Диссертация выполнена и защищена в Московском педагогическом государственном университете. Соискатель работает в Чеченском государственном педагогическом институте.

8. *Прищепа Александр Иванович.* "Инакомыслие на Урале (середина 1940-х – середина 1980-х гг.)" Специальность 07.00.02.

Диссертация выполнена в Сургутском государственном университете, где работает соискатель, защищена в Институте истории и археологии Уральского отделения РАН.

9. *Секиринский Сергей Сергеевич.* "Русский либерализм: от 40-х к 80-м годам XIX века (идеи, люди, среда)". Специальность 07.00.02.

Диссертация подготовлена как инициативная работа, защищена в Российском независимом институте социальных и национальных проблем. Соискатель работает в журнале "Отечественная история" Академцентра "Наука" РАН.

10. *Янин Игорь Трофимович.* "Культура России на рубеже XIX–XX вв. и в 90-е годы XX в. (Историко-сравнительный анализ)". Специальность 07.00.02.

Диссертация выполнена и защищена в Российской академии государственной службы при Президенте РФ. Соискатель работает в газете "Гудок".

11. *Демчик Евгения Валентиновна.* "Частный капитал города в 1920-е годы: от возрождения к ликвидации (на материалах Сибири)". Специальность 07.00.02.

Диссертация выполнена в Алтайском государственном университете, защищена в Санкт-Петербургском государственном университете.

12. *Осьмачко Сергей Григорьевич.* "Красная армия в локальных войнах и конфликтах (1929 г. – июнь 1941 г.)". Специальность 07.00.02.

Диссертация выполнена и защищена в Ярославском государственном университете им. П.Г. Демидова. Соискатель работает в Ярославском зенитном ракетном институте ПВО МО РФ.

13. *Смирнов Юрий Николаевич.* "Народ и власть в освоении российского Заволжья (XVIII – середина XIX вв.)". Специальность 07.00.02.

Диссертация выполнена в Самарском государственном университете, где работает соискатель, защищена в Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова.

14. *Трифанков Юрий Трофимович.* "Формирование массового сознания рабочих Центрального промышленного района России (вторая половина XIX – начало XX вв.)". Специальность 07.00.02.

Диссертация выполнена и защищена в Московском государственном социальном университете. Соискатель работает в Брянском государственном техническом университете.

15. *Чистяков Владимир Борисович.* "Производственные кадры сельского хозяйства Российской Федерации. 1945–1965 гг." Специальность 07.00.02.

Диссертация выполнена в Московском государственном индустриальном университете, где работает соискатель, защищена в Московском педагогическом государственном университете.

16. *Бунин Алексей Олегович.* "Сельскохозяйственная кредитная кооперация в системе советского хозяйства (октябрь 1917–1930 г.)". Специальность 07.00.02.

Диссертация выполнена и защищена в Ивановском государственном университете.

17. *Воронов Виталий Николаевич.* "Вооруженные формирования на территории Сибири в период Гражданской войны и военной интервенции в 1917–1922 гг." Специальность 07.00.02.

Диссертация выполнена и защищена в Военном университете МО РФ, где работает соискатель.

18. *Еремеева Анна Натановна.* "Художественная жизнь Юга России в условиях гражданского противостояния (1917–1920 гг.): содержание и тенденции развития". Специальность 07.00.02.

Диссертация выполнена в Краснодарском государственном университете культуры и искусств, где работает соискатель, защищена в Институте российской истории РАН.

19. *Исаев Сайд-Ахмед Ахмедович.* "Присоединение Чечни к России. Аграрная политика царизма и народные движения в крае в XIX в.". Специальность 07.00.02.

Диссертация выполнена и защищена в Институте российской истории РАН. Соискатель работает в Чеченском государственном университете.

20. *Петров Юрий Александрович.* "Московская буржуазия в начале XX века: предпринимательство и политика". Специальность 07.00.02.

Диссертация выполнена и защищена в Институте российской истории РАН, где работает соискатель.

21. *Лобачева Галина Викторовна.* "Монархическая идея в массовом сознании россиян (1881–1917 годы)". Специальность 07.00.02.

Диссертация выполнена в Саратовском государственном техническом университете, где работает соискатель, защищена в Саратовском государственном университете им. Н.Г. Чернышевского.

22. *Юрганов Андрей Львович.* "Самосознание средневековой Руси: категории культуры". Специальность 07.00.02.

Диссертация выполнена и защищена в Российском государственном гуманитарном университете, где работает соискатель.

23. *Ткаченко Вадим Дмитриевич.* "Аграрная политика советского государства в 1970–1985 гг. и развитие сельского хозяйства на Украине". Специальность 07.00.02.

Диссертация выполнена в Институте государственного управления и социальных исследований Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, защищена в Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова. Соискатель – гражданин Украины, работает в издательском доме "Звездопад".

24. *Самарцева Елена Игоревна.* "Интеллигенция России в отечественной историографии (1917 – 90-е годы XX века)". Специальность 07.00.09.

Диссертация выполнена в Тульском государственном университете, где работает соискатель. Защищена в Московском педагогическом университете.

25. *Симонов Николай Сергеевич.* "Создание в СССР военной промышленности и формирование советского военно-промышленного комплекса (1920–1950-е гг.): проблемы экономического роста, структура, организация производства, управление". Специальность 07.00.02.

Диссертация выполнена и защищена в Российской академии государственной службы при Президенте РФ. Соискатель работает в Агентстве по реструктуризации кредитных учреждений.

26. *Фомичев Игорь Васильевич.* "Проблемы народного образования в России в условиях Первой мировой войны (август 1914 – октябрь 1917)". Специальность 07.00.02.

Диссертация выполнена в Воронежском областном институте повышения квалификации и переподготовки работников образования, где работает соискатель, защищена в Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова.

27. *Ильюхов Александр Антонович.* "Политика советской власти в сфере труда. 1917–1929 гг." Специальность 07.00.02.

Диссертация выполнена в Смоленском государственном педагогическом университете, защищена в Московском педагогическом государственном университете. Соискатель работает в Смоленском государственном институте искусств.

28. *Чимаров Сергей Юрьевич.* "Русская Православная Церковь и религиозно-нравственное воспитание личного состава армии и флота (1800–1917 гг.)". Специальность 07.00.02.

Диссертация выполнена в Военном инженерно-космическом университете им. А.Ф. Можайского, где работает соискатель, защищена в Северо-Западной академии государственной службы (г. Санкт-Петербург).

Составлено по протоколам
Президиума ВАК

НОВЫЕ КНИГИ ПО ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

(По материалам "Книжного обозрения" за октябрь–ноябрь 1999 г.)

Актуальные проблемы истории России: Материалы науч.-теорет. конф. молодых ученых. М.: Изд-во РУДН, 1999. 185 с.

Бардадым В. Кубанские портреты. Краснодар: Советская Кубань, 1999. 288 с.

Белов Е.А. Россия и Монголия (1911–1919 гг.). М.: Институт востоковедения РАН, 1999. 238 с.

Бовыкин В.И. Французские банки в России. Конец XIX–XX в. М.: РОССПЭН, 1999. 256 с. (Экономическая история: документы, исслед., пер.).

Большаков В.И. Грани русской цивилизации. М.: Москва, 1999. 384 с.

Булатов В. Русский Север: Кн. 3. Поморье (XVI – нач. XVIII в.). Архангельск: Изд-во Помор. гос. ун-та им. М.В. Ломоносова, 1999. 335 с.

Буцинский П.Н. Сочинения: В 2 т. Т. 2. Мангазея. Сургут, Нарым и Кетск / Под ред. С.Г. Пархимовича; Сост. Ю.Л. Мандрика. Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 1999. 328 с. (Тюмень: Б-ка краеведа).

Была такая война / Ред.-сост. Н.И. Ганин, А.М. Кривель. М.: Евразия+, 1999. 240 с. 60-летию победы советско-монгольских войск у реки Халкин-Гол посвящается.

Великая Отечественная война. 1941–1945: Кн. 3: Освобождение / Гл. ред. Б.Н. Петров. М.: Наука, 1999. 510 с.

Великий князь Николай Михайлович. Император Александр I. М.: Богород. печатник, 1999. 320 с. (Памятники рус. ист. мысли).

Варенцов В.А., Коваленко Г.М. В составе Московского государства: Очерки истории Великого Новгорода конца XV – нач. XVIII в. СПб.: Русско-Балт. информ. центр БЛИЦ, 1999. 207 с.

Викторов В.В. Россия на грани веков: Конец XIX – начало XX в.: В 2 ч. Учебное пособие / Под ред. Г.А. Аммона. М.: Фин. акад. при Правительстве РФ, 1999. Ч. 1. 226 с. Ч. 2. 181 с.

Воспоминания об Андрее Урупхеевиче Модогоеве. Улан-Удэ, 1999. 262 с.

Гельбиг Г., фон. Русские избранники / Пер. с нем., предисл., примеч. В.А. Бильбасова. М.: Воениздат, 1999. 310 с. (Редкая книга).

Гордиевский О. Следующая остановка – расстрел / Пер. с англ. Л.И. Лебедевой, П.В. Рубцова, Ю.Н. Маслова. М.: Центрполиграф, 1999. 491 г. (Секретная папка).

Гордиевский О., Эндрю К. КГБ – разведывательные операции от Ленина до Горбачева / Пер. с англ. М.: Центрполиграф, 1999. 666 с. (Секретная папка).

Гусев К.В. В.М. Чернов: Штрихи к политическому портрету. М.: РОССПЭН, 1999. 207 с.

Еникеев С. мурза. Очерк истории татарского дворянства. Уфа: Гилем, 1999. 355 с.

Ермолин Е.А. Святой великий князь Федор Ростиславич Черный, Ярославский и Смоленский: Взгляд с порога III тысячелетия. Ярославль: Александр Рутман, 1999. 112 с. (Граждане Ярославля).

Земцов И. Крах эпохи: В 2 кн. М.: Наука, 1999. Кн. 1: Андропов, Черненко, Горбачев... последние коммунисты в Кремле. 399 с. Кн. 2. Горбачев... бросок через пропасть. 286 с.

Иваненко А.С. Прогулки по Тюмени. Тюмень: Слово, 1999. 334 с.

Историческая наука на рубеже веков: Материалы Всерос. науч. конф., посвящ. 120-летию Том. гос. ун-та. В 3 т. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1999. Т. 1. 372 с. Т. 2. 231 с. Т. 3. 236 с.

История внешней политики России (конец XV в. – 1917 г.): В 5 т. Т. 1. Конец XV–XVII век: (От свержения ордынского ига до Сев. войны) / Отв. ред. Г.А. Санин. М.: Международные отношения, 1999. 447 с.

История России с древнейших времен до наших дней: Учебник / А.С. Орлов и др. М.: Проспект, 1999. 544 с.

История России в портретах по столетиям: Репринт. изд. СПб.: Интергрот, 1999. 187 с.

История Русской Америки. 1732–1867: В 3 т. Т. 2. Деятельность Российско-американской компании 1799–1825 / Под ред. Н.Н. Болховитинова. М.: Международные отношения, 1999. 470 с.

Каждый род знаменит и славен: Из истории нижегород. предпринимательства XVII – нач. XX в. / Сост. А.Н. Голубинова, Л.Г. Чандырина. Н. Новгород: Ком. по делам архивов администрации Нижегород. обл., 1999. 272 с.

Катынь: Пленники необъявленной войны: Документы и материалы / Под ред. Р.Г. Пихои, А. Гейштора. М.: Демократия, 1999. 605 с. (Россия. XX век: Документы).

Кацура А. Поединок чести: Дуэль в истории России. М.: Радуга, 1999. 342 с.

Клепенин Н.А. Святой благоверный Великий князь Александр Невский. М.: Преображение, 1999. 284 с. (Русские святые и подвижники).

Козлова Н.В. Российский абсолютизм и купечество в XVIII веке: 20-е – нач. 60-х гг. М.: Археологический центр, 1999. 382 с.

Кольцов А.В. Создание и деятельность комиссии по изучению естественных производительных сил России. 1915–1930 гг. СПб.: Наука, 1999. 182 с.

Котеленец Е.А. В.И. Ленин как предмет исторического исследования: Новейшая историография. М.: Изд-во РУДН, 1999. 223 с.

Край наш Ставрополье: Очерки истории / Кол. авт. Ставрополь: Шатгора, 1999. 528 с.

Кронштадтская трагедия 1921 года: Документы. В 2 кн. / Сост. М.А. Антифеева и др. М.: РОССПЭН, 1999. Кн. 1. 688 с. Кн. 2. 672 с.

Кузнецов Е.В. Сибирский летописец / Под ред. С.Г. Пархимовича; Сост. Ю.Л. Мандрика. Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 1999. 367 с.

Лаврентьева Е. Светский этикет пушкинской поры. М.: ОЛМА-Пресс, 1999. 640 с.

Ледовский А.М. СССР и Сталин в судьбах Китая: Документы и свидетельства участника событий 1937–1952. М.: Памятники исторической мысли, 1999. 340 с.

Лепешкин И., Должков С. Село Пушкино: Исторический очерк. Пушкино, 1999. 127 с.

Любовь моя и боль моя: К 70-летию образования Ичалков. р-на / Сост. Н.П. Володин и др. Саранск: Тип. "Красный Октябрь", 1999. 134 с.

Макаренко А.П. Теория и история кооперативного движения: Учебное пособие. М.: Маркетинг, 1999. 328 с.

Марасинова Е.Н. Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII века: По материалам переписки. М.: РОССПЭН, 1999. 301 с.

Мохначева М.П. Журналистика и историографическая традиция в России 30–70-х гг. XIX в. М.: РГГУ, 1999. 511 с.

Мухачев Б.И. Александр Краснощеков: Ист.-биогр. очерк. Владивосток: ДВО РАН, 1999. 283 с.

Не предать забвению: Книга памяти жертв политических репрессий: Т. 8. Псков, 1999. 446 с.

Никишенков А.А. Традиционный этикет народов России XIX – начало XX в. / Под ред. Ю.И. Семенова. М.: Старый сад, 1999. 137 с.

Николай II: Венец земной и небесный; **Царственные мученики**: Пророчества, чудеса; даты, события, документы; молитвы, акафист и канон. М.: Лествица, 1999. 704 с.

Носик Б.М. Русские тайны Парижа. СПб.: Золотой век, Диамант, 1998. 592 с.

Нумеров Н. Золотая звезда ГУЛАГа: Автобиограф. Повесть. М.: Журнал "Москва", 1999. 431 с.

Очерки истории российской внешней разведки: В 6 т. Т. 1. От древнейших времен до 1917 года / Гл. ред. Е.М. Примаков. М.: Международные отношения, 1999. 239 с.

Очерки истории российской внешней разведки: В 6 т. Т. 4: 1941–1945 гг. / Гл. ред. В.И. Трубников. М.: Международные отношения, 1999. 696 с.

Панкеев И. Русские праздники и игры. М.: Яуза, ЭКСМО-Пресс, 1999. 416 с.

Партизанская слава: Книга воспоминаний и очерков о партизанах и подпольщиках – уроженцах Мордовии. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1999. 399 с.

Петрушин А.А. "Мы не знаем пощады...": Известные, малоизвестные и неизвестные события из истории Тюмен. края по материалам ВЧК–ГПУ–НКВД–КГБ. Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики. 1999. 303 с.

Писцовые книги Новгородской земли: Т. 1. Новгородские писцовые книги 1490-х гг. и отписные и оброчные книги пригородных пожен Новгородского дворца 1530-х гг. / Сост. К.В. Баранов. М.: Древлехранилище, Археографический центр, 1999. 431 с.

Письменные свидетельства об исторических и духовных корнях казачества: Истории, мифы, предположения / Сост. А.И. Кондратюк. Волгоград: Перемена, 1999. 163 с.

Платонов О.А. Жизнь за царя: Правда о Григории Распутине. М.: Лествица, 1999. 572 с.

Подурец А.М. Саров: памятник истории, культуры, православия. Саров: Саранск: Тип. "Красный Октябрь", 1999. 266 с.

Поцелуев В.А., Петреев И.В. Подольск и окрестности. М.: Терра-Спорт, 1999. 553 с.

Попов Г.П., Давыдов Р.А. Мурман: Очерки истории края XIX – нач. XX в. Екатеринбург: УрО РАН, 1999. 221 с.

Протоколы Центрального Комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии: 1905 – середина 1930-х гг.: В 6 т. Кн. 1. Протоколы заграничных групп конституционно-демократической партии. 1922 г. М.: РОССПЭН, 1999. 503 с.

Пыжиков А.В. Политические преобразования в СССР (50–60-е годы). М.: Квадрат С, 1999. 305 с.

Райский Н.С. Польско-советская война 1919–1920 годов и судьба военнопленных, заложников и беженцев. М.: Институт российской истории РАН, 1999. 91 с.

Реформаторское течение в отечественной аграрно-экономической мысли (1950–1990-е гг.) / Сост. А.В. Петриков, Г.И. Шмелев. М.: Энциклопедия рос. деревень, 1999. 287 с. (История аграрно-экон. мысли России. XVII–XX вв.; Вып. 1).

Россия в средние века и новое время: Сб. ст. к 70-летию чл.-корр. РАН Л.В. Милова / Отв. ред. В.А. Кучкин. М.: РОССПЭН, 1999. 350 с.

Россия на рубеже XIX–XX веков: Материалы науч. чтений памяти проф. В.И. Бовыкина. Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, 20 янв. 1999 г. / Под ред. А.Г. Голикова, А.П. Корелина, М.: РОССПЭН, 1999. 352 с.

Саввина книга: Древнеславянская рукопись XI, XI–XII и конца XIII века. Ч. 1: Рукопись. Текст. Комментарии. Исследование / Изд. подгот. О.А. Князевская, Л.А. Коробенко, Е.П. Дограмаджиева. М.: Индрик, 1999. 703 с.

Седов В.В. Древнерусская народность: Ист.-археол. исслед. М.: Языки рус. культуры, 1999. 317 с. (Studia historica).

Серков А.И. История русского масонства после Второй мировой войны. СПб.: Изд-во им. Н.И. Новикова, 1999. 445 с. (Рус. масонство. Материалы и исслед. Вып. 3).

"Сибирь – мой край...": Проблемы регион. истории и ист. образования: Сб. науч. тр. / Под ред. В.А. Зверева. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 1999. 365 с.

Смирнова М.И. Феномен возникновения российской социал-демократии: Историография. М.: Изд-во МЭИ, 1999. 164 с.

Сталинское десятилетие холодной войны: факты и гипотезы / Отв. ред. А.О. Чубарьян. М.: Наука, 1999. 252 с.

Тагиров И.Р. Очерки истории Татарстана и татарского народа (XX век). Казань: Татар. кн. изд-во, 1999. 468 с.

Терещенко А. Быт русского народа: Ч. 4 и 5. М.: Рус. книга, 1999. 333 с. (Народная мудрость).

Ткаченко Б.И. Россия – Китай: восточная граница в документах и фактах. Владивосток: Уссури, 1999. 376 с.

Трагер Д. Великие женщины: Хроника. События. Факты / Пер. М.: Панорама, 1999. 523 с.

Фаизова И.В. "Манифест о вольности" и служба дворянства в XVIII столетии. М.: Наука, 1999. 222 с.

Цветков С. Александр I: 1777–1825: Беллетризованная биография. М.: Центрополиграф, 1999. 587 с. (Новый взгляд на историю).

Чирсков В. Уроки Щербины: Секретарь обкома, министр Миннефтегазстроя СССР, заместитель Председателя Совета Министров СССР. М.: Изд-во Моск. воен.-ист. о-ва, 1999. 239 с.

Шевкуленко Д.А. Межнациональные отношения в России: Вторая пол. XVI – нач. XX в. Самара: Самар. ун-т, 1999. 191 с.

Шмидт С.О. Россия Ивана Грозного. М.: Наука, 1999. 557 с.

Этюды по истории и культуре адыгов: Вып. 2 / Ред.-сост. А.Н. Соколова, Р.Б. Унарокова, С.Х. Хотко. Майкоп: Меоты, 1999. 208 с.

Яров С.В. Крестьянин как политик: Крестьянство Сев.-Зап. России в 1918–1919 гг.: политическое мышление и массовый протест / Отв. ред. В.А. Шишкин. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. 168 с.

НОВАЯ ЗАРУБЕЖНАЯ ЛИТЕРАТУРА ПО ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

Auf der Suche nach einer neuen Identität: Russland an der Schwelle zum 21. Jahrhundert / Garbriele Gorzka, Peter W. Schulze (Hrsg.). Bremen: Ed. Temmen, 1998. 294 p.

Catherina II et l'Europe / Publié sous la direction d'Anita Davidenkoff. Paris: Institut d'etudes slaves, 1997. 296 p.

Cox D. Retreating from the cold war: Germany, Russia and the withdrawal of the Western Group of Forces. N.Y.: UP, 1996. 185 p.

Donaldson Robert H., Nogee Joseph L. The Foreign policy of Russia: Changing systems, enduring interests. N.Y.: M.E. Sharpe, 1998. 322 p.

Hingloy R. Joseph Slalin: Man and Legend. L.: Hutchinson, 1974. 482 p.

Kenez P. A History of the Soviet Union from the beginning to the end. Cambridge: UP, 1999. 317 p.

Reinterpreting Russia / Edited by G. Hosking & R. Service. London, Sydney, Auckland: Arnold, 1999. 232 p.

Solomon Peter H. Soviet criminal justice under Stalin. Cambridge: UP, 1996. 494 p.

Корляков А. Русская эмиграция в фотографиях: Франция, 1917–1947. Париж: Имка-Пресс, 1999. 148 с.: ил.

Мустонен П. Собственная Его императорского величества канцелярия в механизме властвования института самодержца, 1812–1858: К типологии основ имперского управления. Saarijarvi: Kikimora Publications, 1998. 357 с.

Шведы на берегах Невы: Сб. ст. / Сост. А. Кобак и др. Стокгольм: Шведский институт, 1998. 300 с.

Составлено по материалам Государственной публичной исторической библиотеки России

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ!

Фонд по премиям памяти митрополита Московского и Коломенского Макария (Булгакова), выдающегося русского историка, автора многотомной "Истории Русской Церкви" (учредители: Московский Патриархат, Правительство Москвы, Российская Академия наук), **объявляет конкурс памяти митрополита Макария 2001 г. на лучшие научные труды по истории Православной церкви, истории России и Москвы**

УСЛОВИЯ КОНКУРСА

К Макарьевскому конкурсу допускаются научные труды, опубликованные в течение 1998–2000 гг. или выполненные в машинописном виде (в т.ч. компьютерный набор) по трем номинациям:

1. История Православной Церкви – собственно история Церкви; деятели Церкви; агиография; церковная археология; история церковного искусства, письменности, пения, литургики, церковного права; история межцерковных связей;

2. История Москвы – ее история в связи с историей России; история города; история московских улиц, зданий, памятников; деятели Москвы; история изучения Москвы;

3. История России – история Древней Руси и русских княжеств XII–XIV вв.; история российской государственности; военная и дипломатическая история России; история российского предпринимательства; история русско-славянских связей; история духовной культуры славянских народов России; государственные деятели России.

К соисканию не допускаются коллективные труды. Представляемые на соискание труды должны быть на русском языке, в 2-х идентичных экземплярах, в переплетенном виде. Соискателями могут быть ныне здравствующие российские или зарубежные авторы. Прием сочинений на конкурс осуществляется по рекомендации. Правом выдвижения работ на соискание премий обладают: Ученые и Научные советы институтов РАН, академики и члены-корреспонденты РАН по своей специальности; Ученые советы научно-исследовательских и высших учебных заведений; Правительство Москвы в лице премьера и его заместителей, а также руководителей Департаментов и Комитетов; Ученые советы архивов, музеев и библиотек; Ученые советы высших духовных заведений; Учебный комитет Московской Патриархии; Научно-церковный центр "Православная энциклопедия"; епархии Русской Православной Церкви в лице епархиальных или викарных архиереев, а также главы других Православных Церквей.

Лучшие сочинения по решению Комитета по премиям будут награждены в сентябре 2001 г. дипломами и денежными премиями трех степеней.

Прием работ на конкурс осуществляется с 1 февраля 2000 г. по 1 февраля 2001 г. Сочинения принимаются ответственным секретарем Экспертного совета фонда по адресу: **121170, г. Москва, Кутузовский проспект, 39, офис 318 (метро "Кутузовская"). Телефон/факс 249-87-63.** Приемные дни (кроме светских и церковных праздников): с февраля 2000 г. – понедельник с 12-00 до 15-00; с октября 2000 г. – понедельник с 12-00 до 15-00 и вторник с 10-00 до 12-00.

Директор Фонда доктор исторических наук, профессор
Черепанов В.В.

ФОНД ПО ПРЕМИЯМ ПАМЯТИ МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКОГО И КОЛОМЕНСКОГО МАКАРИЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Наука всегда занимала в жизни общества одно из центральных мест, выступая мощным двигателем прогресса. Широко известна роль нашей страны в развитии общечеловеческой цивилизации, в бурном росте мировой науки и культуры. Особое место в этом смысле занимает XIX в., когда Россия, бурно развиваясь экономически, дала миру заметные результаты в различных областях технических, естественных и гуманитарных знаний. Прогресс отечественной науки и культуры наряду с экономическими и духовными факторами во многом был обусловлен активно развивавшейся системой стимулирования научных исследований. В конце XIX в. по инициативе А.Б. Нобеля (шведского предпринимателя, работавшего в России) в Европе была установлена знаменитая Нобелевская премия и по сей день главнейшая из всех присуждаемых. Россия шла в авангарде этого процесса – в 1831 г. камергер П.Н. Демидов учредил Демидовскую премию. Позже появились Уваровская (1857), Ломоносовская (1867), Пушкинская (1882) премии, вручаемые отечественным ученым и деятелям культуры за высокие достижения в различных областях знаний и искусств. В 1882 г. в России появилась Макариевская премия или премия памяти митрополита Макария.

Митрополит Макарий (Булгаков) родился в 1816 г. в Белгородской губ. С ранних лет пристрастившись к наукам, он в ходе своего обучения в духовной семинарии, а затем в Киевской духовной академии избрал

путь ученого-историка и богослова. В 1841 г. 25-летний бакалавр духовной академии, уже зарекомендовавший себя на научной ниве, дал обет учредить на свои средства, вырученные от издания научных сочинений, ежегодные премии для поощрения отечественных талантов, посвятивших себя делу науки и общеполезных знаний. Результатом его многолетней исследовательской деятельности стал выдающийся труд – многотомная "История Русской Церкви". Это уникальное сочинение принадлежит к числу наиболее полных и капитальных исследований не только по русской церковной истории, но и по истории Отечества в целом. Оно вполне сопоставимо со знаменитыми историческими трудами Н.М. Карамзина, С.М. Соловьева, В.О. Ключевского. Не случайно за эту работу ученый и богослов преосвященный Макарий был удостоен звания действительного члена Российской Императорской Академии Наук. В 1867 г., когда в распоряжении ученого оказалась сумма в 120 тыс. руб., он обратился к Оберпрокурору Святейшего синода графу Д.А. Толстому с просьбой передать эти средства в Государственное казначейство для учреждения после его смерти премий, которые бы вручались талантливым исследователям. Дар был с благодарностью принят. После смерти митрополита Макария (9 июня 1882 г.) Министерство народного просвещения и Святейший синод утвердили Правила о порядке присуждения премий памяти митрополита Макария, которые по четным годам присуждались Святейшим синодом, а по нечетным Академией наук и традиционно вручались 19 сентября (ст. ст.) – в день рождения их основателя. Присуждались две полные премии по 1 тыс. 500 руб. и три неполные – по 1 тыс. По тем временам это были очень большие деньги. Последняя Макариевская премия от имени Академии наук была вручена перед мировой войной в 1913 г., от имени Синода – в 1917 г.

Среди награжденных по гуманитарным наукам известные историки М.С. Корелин, А.А. Кочубинский, Д.Ф. Масловский, Д.М. Петрушевский, А.Н. Савин, Т.Д. Флоринский, Г.В. Форстен, военный историк и теоретик А. Редигер; филологи Н.М. Бубнов, А.Л. Дювернуа, М.И. Михельсон, В.Н. Перетц, А.Л. Петров, В.А. Францев и другие. До революции было присуждено 38 премий.

В советский период Макариевские премии, как, впрочем, и многие другие, прекратили свое существование. Был наложен запрет на переиздание книг историка митрополита Макария. Лишь в конце 1995 г. в новых исторических условиях благодаря усилиям Патриарха Московского и Всея Руси Алексия II и мэра Москвы Ю.М. Лужкова премия памяти митрополита Макария была воссоздана и, таким образом, была восстановлена прекрасная традиция, направленная на поддержку исследовательской деятельности отечественных ученых, работающих в области истории Русской Церкви и истории Москвы как столицы Российского государства.

В ходе современного издания 9-томного сочинения митрополита Макария "История Русской Церкви" на основании Указа Святейшего Патриарха Алексия II и распоряжения мэра Москвы Ю.М. Лужкова был создан фонд по премиям памяти митрополита Макария, главная цель которого – восстановить Макариевскую премию. С 1997 г. организованы регулярные (раз в два года) конкурсы памяти митрополита Макария с целью оказания материально-финансовой поддержки исследователям, работающим в области истории Русской Церкви, России и Москвы. Учредителями Фонда выступили Московский Патриархат, Правительство Москвы и Российская Академия наук. Итоги первого современного конкурса памяти митрополита Макария на лучшие исторические сочинения были подведены Экспертным советом фонда (председатель – член-корреспондент РАН Я.Н. Щапов) и утверждены Комитетом по премиям во главе со Святейшим Патриархом Алексием II, президентом РАН Ю.С. Осиповым и мэром Москвы Ю.М. Лужковым летом 1997 г., а 19 сентября высокими учредителями фонда вручены награды лауреатам. Всего на этом конкурсе было представлено 46 научных работ по двум номинациям: по истории Москвы 22 сочинения и истории Русской Церкви – 24. В каждой номинации были выданы шесть премий: одна премия – 5 тыс. долл. (в рублевом эквиваленте), две вторых по 2,5 тыс. долл. и три третьих по 1 тыс. долл. Кроме того были вручены премии молодым исследователям. Генеральным спонсором премий выступил банк "СБС-АГРО". Каждый лауреат был удостоен также Почетного диплома.

Во втором конкурсе, который проводился в 1999 г., участвовало уже 95 работ, из них 40 по истории России, 34 по истории Церкви и 21 по истории Москвы. Как видим, добавилась одна конкурсная номинация – история России. Заметно повысился научный уровень представленных работ: среди конкурсантов – 35 докторов наук и профессоров, 42 кандидата наук и доцента. Расширилась география конкурса – он стал общероссийским. Среди представленных работ 70 из Москвы, 8 из Санкт-Петербурга и 17 из других городов страны (Ростов-на-Дону, Курган, Екатеринбург, Тверь, Новгород, Волгоград, Иваново, Челябинск, Воронеж и др.). Экспертный совет Фонда (председатель – декан исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова профессор С.П. Карпов), куда вошли видные светские и церковные историки, представляющие Российскую Академию наук, МГУ им. М.В. Ломоносова, Московскую духовную академию, организовав рецензирование работ и их обсуждение специалистами, определили лучших. Комитет по премиям, заседание которого прошло под председательством Святейшего Патриарха Алексия II 1 июля 1999 г., утвердил в ходе персонального обсуждения победителей конкурса этого года. Лауреатами конкурса стали в номинации "История Православной Церкви" Е м ч е н к о Е.Б. (ИРИ РАН) – кандидат исторических наук, за работу "Стоглав: Исследование и текст" (первая премия); К л о с с Б.М. (ИРИ РАН) – доктор исторических наук, за работу "Житие Сергия Радонежского" (вторая премия); протоиерей Владислав Ц ы п и н (Московская

Духовная академия) – доктор церковной истории, за работу "История Русской Церкви. 1917–1997 гг." и Шенникова Л.А. (Государственный музей "Московский Кремль") – кандидат искусствоведения, за работу "Святая Покровительница Государства Российского" (две третьих премии). Молодежная премия присуждена Романенко Е.В. – кандидату исторических наук за работу "Нил Сорский и традиции русского монашества". По "Истории России" решением Экспертного совета первая премия не присуждалась ввиду отсутствия достойного такого уровня труда. Второй премии удостоена Швейковская Е.Н. (ИРИ РАН) – доктор исторических наук, за работу "Государство и крестьяне России. Поморье в XVII веке". Две третьих премии получили Анисимов Е.В. (С.-Петербургский филиал ИРИ РАН) – доктор исторических наук, за работу "Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой половине XVIII века" и Маньков А.Г. (С.-Петербургский филиал ИРИ РАН) – доктор исторических наук, за капитальный труд "Законодательство и право России второй половины XVII века". Молодежная премия вручена Шилову Д.Н. (Европейский университет в С.-Петербурге) за работу "Государственные деятели Российской империи. 1802–1917. Биографический справочник".

По третьей номинации – "История Москвы" – первая премия присуждена Баталову А.Л. (Российская Академия художеств) – доктору искусствоведения, за капитальный труд "Московское каменное зодчество конца XVI века", вторая – Бусевой-Давыдовой И.Л. (Российская Академия художеств) – кандидату искусствоведения, за работу "Храмы Московского Кремля: святыни и древности", две третьих – Борисову Н.С. (МГУ им. М.В. Ломоносова) – кандидату исторических наук, за работу "Политика Московских князей (конец XIII – первая половина XIV в.)" и Самойловой Т.Е. (Государственный музей "Московский Кремль") – кандидату искусствоведения, за работу "Княжеские портреты и роспись Архангельского Собора Московского Кремля XVI века". Молодежная премия не присуждалась. Размеры премий, несмотря на возникшие финансовые трудности, остались прежними.

В качестве главного благотворителя Макариевской премии выступила Банковская группа "СОЮЗ", возглавляемая А.П. Смоленским. Издательский спонсор фонда – Международная Академическая компания "Наука / Интерпериодика" (Генеральный директор – А.Е. Шустович). Большая группа ученых получила за свои научные труды поощрительные грамоты с подписью Алексия II, Ю.С. Осипова и Ю.М. Лужкова.

СОДЕРЖАНИЕ

Историография, источниковедение, методы исторического исследования

Публикации и сообщения

Критика и библиография

Научная жизнь